

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Емельянов С. Н.	
<i>Оперативные подразделения пенитенциарной системы: краткий анализ истории развития</i>	6
Морозов В. М.	
<i>Обеспечение безопасности как одно из направлений деятельности оперативных подразделений</i>	8
Агарков А. В.	
<i>Необходима ли оперативно-разыскная деятельность в местах лишения свободы?</i>	11
Блинов Ю. С.	
<i>Проблема методов в оперативно-разыскной деятельности</i>	14
Казаринова Л. В.	
<i>Некоторые аспекты использования результатов оперативно-разыскных мероприятий для производства неотложных следственных действий в расследовании преступлений, совершенных на территории пенитенциарных учреждений</i>	17
Ковалев С. Д.	
<i>Некоторые аспекты определения понятия «результаты оперативно-разыскной деятельности»</i>	21
Кудрявцев А. В.	
<i>Оперативно-разыскная составляющая уголовной политики</i>	24
Малышев В. Е.	
<i>Некоторые вопросы правового регулирования взаимодействия при выявлении и предупреждении организации незаконной миграции</i>	27
Фатхуллин Р. Р.	
<i>Современные проблемы правового регулирования оперативно-разыскных мероприятий по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях</i>	31

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Еремкин М. П.	
<i>Виктимологический аспект насильственных проявлений в отношении персонала исправительных учреждений</i>	34
Зарипов Р. Р.	
<i>Миссия и цели предприятий уголовно-исполнительной системы</i>	35
Курысева О. К., Лаврентьев С. В., Рычаго М. Е.	
<i>Поиск оптимальных маршрутов патрулирования особо охраняемых объектов</i>	38
Николаев С. М.	
<i>Успешная ресоциализация несовершеннолетних осужденных как основа эффективности деятельности воспитательных колоний</i>	40
Павлинов А. В.	
<i>Некоторые проблемы специального предупреждения экстремизма в местах лишения свободы</i>	43
Смирнов Б. В., Эккельман Н. А.	
<i>Подростковая наркомания и токсикомания в условиях пенитенциарного учреждения</i>	46
Уваров И. А.	
<i>Диалектическая взаимосвязь основных направлений пенитенциарной профилактики</i>	49
Хачатурян С. Д., Ткаченко Е. С.	
<i>Формы проявления социальной дезадаптации у осужденных к пожизненному лишению свободы</i>	52

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Ашин А. А. <i>Проблемы применения штрафа в отношении несовершеннолетних за хищение чужого имущества.....</i>	<i>55</i>
Богатский Д. В. <i>Правовое положение органов дознания в уголовном процессе Российской Федерации.....</i>	<i>58</i>
Веденин В. С. <i>Системность в современном нормативном правопонимании (Особенности уголовной ответственности по ст. 147 УК РФ).....</i>	<i>59</i>
Головинская И. В. <i>Существенные изменения в уголовном судопроизводстве мировых судей.....</i>	<i>63</i>
Горшенин А. А. <i>Особенности контроля за условно-досрочно освобожденными и возложения на них обязанностей.....</i>	<i>66</i>
Грушин Ф. В. <i>Актуальные проблемы в определении источников уголовно-исполнительного права</i>	<i>69</i>
Девятьяров М. В. <i>Некоторые проблемы, возникающие при возбуждении уголовных дел главами дипломатических представительств и консульских учреждений.....</i>	<i>72</i>
Елизаров А. Б., Князев А. В. <i>Проблемные вопросы осуществления контроля уголовно-исполнительными инспекциями</i>	<i>74</i>
Ильягуева А. А. <i>Виды юридических гарантий прав и законных интересов осужденных.....</i>	<i>77</i>
Клименко Т. М. <i>Склонение к незаконному потреблению наркотиков как один из видов наркобизнеса</i>	<i>82</i>
Коконгбанди С. К. <i>Особенности положения иностранных граждан при назначении уголовного наказания.....</i>	<i>84</i>
Коломытцев Н. А. <i>Некоторые проблемы социальной адаптации неоднократно судимых к лишению свободы после освобождения.....</i>	<i>87</i>
Кузьмин С. И. <i>Современное уголовно-исполнительное законодательство: итоги и перспективы</i>	<i>89</i>
Маслова Н. Д. <i>Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в российском уголовном праве.....</i>	<i>92</i>
Меркурьев В. В. <i>Реализация положений Конституции Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования гражданской самозащиты</i>	<i>96</i>
Потапов А. М. <i>Некоторые перспективы развития уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего правовой статус лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.....</i>	<i>99</i>
Пуклич Т. И. <i>Санкции уголовно-правовых норм о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков....</i>	<i>101</i>
Саркисян А. Ж. <i>Проблема бланкетности нормы ст. 172 «Незаконная банковская деятельность» Уголовного кодекса Российской Федерации.....</i>	<i>103</i>
Сатарова Н. А. <i>Некоторые формы соучастия в преступлении.....</i>	<i>106</i>
Смирнов С. Н. <i>Некоторые проблемы уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения</i>	<i>109</i>
Татулян М. А. <i>Некоторые аспекты современной реформы уголовного правосудия в сфере защиты конституционных прав человека и гражданина.....</i>	<i>111</i>
Шигина Н. В. <i>Уголовно-правовое значение понятия «законный интерес» (методологический аспект)</i>	<i>114</i>

**ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВУЗОВ ФСИН РОССИИ**

Виноградов В. В.	
<i>Педагогическая технология формирования профессиональной направленности специалиста по социальной работе для уголовно-исполнительной системы на начальном этапе обучения</i>	<i>121</i>
Гагарин Ю. В.	
<i>Способы и средства повышения эффективности профессиональной подготовки в формировании педагогической готовности начальников отрядов.....</i>	<i>123</i>
Горбунов В. А.	
<i>Инновационные технологии педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы.....</i>	<i>126</i>
Ершов А. А.	
<i>Сущность информационной культуры курсантов и слушателей вузов ФСИН России</i>	<i>131</i>
Зуева И. В.	
<i>Формирование мыслительной культуры как важная составляющая профессиональной подготовки будущего специалиста</i>	<i>135</i>
Назарова М. Г.	
<i>Роль культурологии в подготовке специалистов для уголовно-исполнительной системы.....</i>	<i>137</i>
Худоконенко С. А.	
<i>Гуманистическая направленность в структуре профессиональных ценностей курсантов ВЮИ ФСИН России.....</i>	<i>139</i>

**ПРЕСТУПНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, КРИМИНОЛОГИЯ:
ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ**

Анисимков В. М., Королева Е. В.	
<i>Криминальная субкультура: краткая история вопроса, ее влияние на формирование личности правонарушителя.....</i>	<i>142</i>
Желудков М. А.	
<i>Особенности информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел по противодействию экономической преступности</i>	<i>146</i>
Иринчеев В. В., Никитин Д. Н.	
<i>Особенности прогнозирования состояния и структуры региональной преступности на базе математических моделей с применением статистического анализа данных</i>	<i>150</i>
Коленков В. В.	
<i>Современное состояние этнической организованной преступности в России.....</i>	<i>153</i>
Михайлычева И. В.	
<i>Профилактика и коррекция девиантного поведения младших подростков</i>	<i>158</i>
Морозова О. Е.	
<i>Толерантность в аспекте социальной онтологии.....</i>	<i>162</i>
Семёнов С. А.	
<i>Некоторые проблемы определения субъекта уголовной ответственности</i>	<i>164</i>
Сысоев А. М.	
<i>Особенности изучения личности осужденного за преступления экстремистской направленности</i>	<i>167</i>
Тараканов И. А.	
<i>Необходимая оборона: проблема своевременности оборонительных действий</i>	<i>169</i>
Хохлов А. В.	
<i>Конституция РФ как основа обеспечения безопасности граждан</i>	<i>171</i>

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Бубнова Ю. Г.	
Создание и функционирование промышленной милиции на территории Владимирской губернии в период 1920–1921 гг.	174
Нарышкина Н. И.	
Назначение тюрем в уголовно-исполнительной системе России: эволюция и перспективы развития	177
Остапенко П. И.	
Основы правопорядка в казачьих государственных образованиях на Северном Кавказе (1917 – начало 1920 гг.)	181
Остапенко П. И., Сирица И. В.	
История Екатеринодарской областной тюрьмы (1876–2007)	184
Портной Н. Б.	
Социально-правовая сущность и цели трудовой деятельности осужденных: исторический аспект.....	187
Санташов А. Л.	
Дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних по ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг.	191
Селезнева И. В.	
Эволюция целей и задач воспитательной работы с осужденными в истории отечественного законодательства.....	194
Чучаев А. И., Ашин А. А.	
Келейное заключение: взгляд Н. Д. Сергеевского	197

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Бассам аль-Катэб	
Политическая власть и ее воздействие на формирование политической культуры народов различных цивилизаций современного мира.....	203
Раван Риад	
Политическая роль Сирии в условиях эскалации американо-иракского конфликта	205
Богатова О. В.	
Специфика нормативного правового акта как источника права в зарубежных странах	207
Илиджев А. А.	
Пределы наказания отдельных видов соучастников по зарубежному уголовному законодательству.....	214
Карпов Э. С.	
Организационно-правовые основы государственного финансового контроля в зарубежных странах	216
Пашкова Т. В.	
Россия и Китай: стратегии и перспективы взаимодействия	219

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Амосова О. С.	
Городская реформа 1870 года: ее ход и характерные черты	224
Бачернихина М. В.	
Технико-юридические аспекты употребления термина «обязанность» в конституционном праве	227
Богомазова О. И.	
Правовой статус женщин	229

Вележев С. С.	
<i>Казус как индивидуально-конкретное проявление реальности</i>	<i>234</i>
Воронкова М. А.	
<i>Конституционно-правовое закрепление взаимодействия государства и церкви в России.....</i>	<i>236</i>
Гудков А. И.	
<i>Тенденции развития договора перевозки</i>	<i>238</i>
Долотова Д. В.	
<i>Юридикто-технические средства, используемые в конституционном праве.....</i>	<i>243</i>
Дунаева И. В.	
<i>Понятие «элиты»: проблема определения.....</i>	<i>247</i>
Ермакова А. Р.	
<i>Актуальность определения понятия исключительной государственной собственности.....</i>	<i>250</i>
Ермакова А. Р., Матюшов С. В.	
<i>Некоторые особенности учета вины лиц в причинении вреда источником повышенной опасности при дорожно-транспортном происшествии</i>	<i>251</i>
Жидких С. В.	
<i>Синонимические и иные аспекты формирования правовой терминологии</i>	<i>254</i>
Каковкин М. С.	
<i>Актуальные вопросы сотрудничества субъектов доказывания при работе со свидетелями</i>	<i>256</i>
Кислицын А. Н.	
<i>Приватизация и развитие современного конкурсного права.....</i>	<i>258</i>
Малышева И. В.	
<i>Некоторые аспекты проблемы ответственности законодателей.....</i>	<i>261</i>
Мартынова Т. В.	
<i>Этноконфликтологическая экспертиза как мера предупреждения межнациональных конфликтов.....</i>	<i>264</i>
Невский Н. Н.	
<i>Определение состояния опьянения и нарушение прав граждан.....</i>	<i>266</i>
Ненастьева Н. Л.	
<i>Государство как регулятор российской медиа-системы</i>	<i>270</i>
Тимощук А. С., Тимощук Е. А.	
<i>Этноконфессиональная конкретизация права – да или нет?</i>	<i>273</i>
Юдина Е. В.	
<i>Проблема понимания роли решений Конституционного суда РФ в правоприменительной практике.....</i>	<i>277</i>

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

ОПЕРАТИВНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ

Восьмого мая 2007 г. исполнилось 72 года со дня создания оперативных подразделений в местах лишения свободы. За это время оперативные аппараты убедительно и принципиально доказали свою безусловную значимость, обезвреживая правонарушителей, раскрывая латентные преступления не только в период идеологических потрясений, но и при формировании демократического общества, правового государства.

Процесс становления оперативных подразделений трудно назвать легким. В соответствии с требованиями складывавшейся оперативной обстановки изменялись цели и задачи оперативной работы в местах лишения свободы, постоянно велся поиск наиболее эффективных форм ее организации.

В первые годы существования Республики Советов стало очевидным, что для успешной борьбы с преступностью в местах заключения недостаточно одних лишь мер по надзору за поведением осужденных. В этот период в пенитенциарной системе применялись только отдельные элементы оперативно-розыскной работы, проводимой аппаратами уголовного розыска и органами ВЧК–ГПУ–ОГПУ, что было недостаточно эффективно и привело к росту пенитенциарной преступности, в первую очередь – побегов.

Значительное увеличение количества исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) обусловило необходимость организации их оперативного обслуживания, поэтому в соответствии с приказом ОГПУ «О порядке подчинения исправительно-трудовых лагерей Полномочным Представительствам ОГПУ» от 23 мая 1930 г. были созданы специальные оперативные аппараты – информационно-следственные отделы. Они

являлись чекистскими аппаратами и решали задачи по предотвращению и раскрытию государственных и частично общеуголовных преступлений в ИТЛ, осуществляли розыск преступников, совершивших побег.

Необходимо подчеркнуть, что именно информационно-следственные отделы при ИТЛ стали первыми в истории пенитенциарной системы России специализированными оперативными подразделениями по обслуживанию мест лишения свободы. Они организационно не входили в структуру УИС, однако стали исходным элементом в формировании правоохранительных служб, осуществлявших ее оперативное обслуживание.

Дальнейшее совершенствование системы мест лишения свободы повлекло за собой изменения и в организации их оперативного обслуживания. Информационно-следственные отделы были объединены с аппаратами военизированной охраны лагерей и получили название секретно-оперативных отделов, а впоследствии – третьих отделов ИТЛ. В отличие от информационно-следственных третьи отделы были включены в структуру УИС СССР и обслуживали ее подразделения.

Система третьих отделов охватывала только ИТЛ, однако практика их деятельности показала целесообразность дальнейшего развития оперативных подразделений, обслуживающих места лишения свободы и входящих в структуру УИС. Задача третьих отделов заключалась, прежде всего, в борьбе с контрреволюционными преступлениями. Следует отметить, что организация борьбы с общеуголовными преступлениями и побегами заключенных практически не входила в обязанности ни одного из структурных подразделений третьего отдела.

В 1934 г. по решению ЦИК СССР был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел (НКВД СССР), в состав которого вошло ОГПУ со всеми подведомственными ему учреждениями, включая и ИТЛ, а также места заключения, ранее находившиеся в подчинении Народного комисса-

риата юстиции (НКЮ). В структуре НКВД СССР было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ). Первоначальную организацию оперативного обслуживания единой пенитенциарной системы СССР нельзя назвать рациональной: ИТЛ обслуживали третьи отделы, подчиненные НКВД союзных республик, краев, областей и частично – начальникам ИТЛ, а в принятых от НКЮ мест заключения оперативные функции возлагались на Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД СССР и его местные органы.

С целью изменения сложившейся ситуации приказом наркома внутренних дел СССР Г. Ягоды «О передаче агентурно-оперативного обслуживания тюрем и колоний отделам мест заключения УНКВД» от 8 мая 1935 г. в территориальных управлениях НКВД в составе отделов мест заключения были созданы третьи отделения, а на местах (в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях) введены должности уполномоченных, которые непосредственно осуществляли оперативно-разыскную деятельность в пенитенциарных учреждениях и подчинялись только начальникам третьих отделений. Таким образом, оперативное обслуживание всей пенитенциарной системы Советского Союза было передано самостоятельным оперативным подразделениям, входящим в ее структуру. Общее руководство третьими отделениями было возложено на третий отдел ГУЛАГ.

Именно поэтому 8 мая 1935 г. можно считать днем рождения оперативных подразделений УИС. В этот день завершилось и было нормативно закреплено создание целостной системы оперативных подразделений в УИС СССР, непосредственно входящих в ее структуру и отвечающих за борьбу с пенитенциарной преступностью.

Вместе с тем следует отметить, что до недавнего времени существовало общественное мнение о том, что вся деятельность по исполнению уголовных наказаний в виде лишения свободы, осуществлявшаяся ГУЛАГ НКВД СССР в период 30–40-х гг. XX в., велась лишь в репрессивных целях. Однако наряду с очевидными нарушениями прав человека, превышениями служебных полномочий, иными «перегибами» перед сотрудниками мест лишения свободы стояли весьма серьезные задачи, которые требовали своего решения.

В частности, во время Великой Отечественной войны деятельность сотрудников оперативно-чекистских отделов (так с 1940 г. стали называться оперативные подразделения УИС) была направлена:

- на выявление и пресечение пораженческих настроений, антисоветской и профашистской агитации;
- выявление лиц, готовящих вооруженные выступления в ИТЛ, диверсионные акты, и принятие к ним соответствующих мер;
- выявление подрывной деятельности в среде заключенных-иностранцев и заключенных национальностей воюющих с СССР государств;
- выявление лиц, занимающихся хищениями и растратами имущества ИТЛ;
- борьбу с побегами;
- оперативное обслуживание работников и сотрудников исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) и многие другие.

Подчеркнем, что указанные задачи решались в сложнейших условиях военного времени, когда многие опытные оперативные работники ушли на фронт.

В первые послевоенные годы работа оперативных аппаратов УИС осуществлялась в напряженной оперативной обстановке, характеризовавшейся резким всплеском пенитенциарной преступности, в основном насильственных преступлений.

Необходимо отметить, что руководством страны, министерства внутренних дел и непосредственно пенитенциарной системы был предпринят ряд мер, направленных на совершенствование структуры оперативных подразделений, а также организации оперативной работы в ИТУ. Некоторые положительные результаты в большинстве ИТУ были достигнуты лишь к середине 1950-х гг.: наметилась тенденция к сокращению побегов заключенных, бандитских проявлений, умышленных убийств, тяжкого и особо тяжкого причинения вреда здоровью.

В 60–80-е гг. XX в. оперативная обстановка в местах лишения свободы оставалась относительно стабильной. Наиболее актуальными задачами, стоявшими перед оперативными подразделениями УИС в этот период, были:

- борьба с незаконным оборотом наркотических средств в местах лишения свободы;

- противодействие побеговой активности осужденных;
- недопущение массовых беспорядков, преступлений против личности;
- профилактика хищений социалистической собственности – имущества ИТУ.

Эти задачи, к сожалению, сохранили свою актуальность и в настоящее время.

Следует констатировать, что служба в оперативных подразделениях не считается престижной. Тяжелый режим работы, невысокая заработная плата, профессиональный риск, несовершенство законодательства – вот с чем приходится сталкиваться сотрудникам оперативных аппаратов УИС. Тем большего уважения заслуживают люди, которые в сегодняшних сложных условиях несут свою нелегкую службу.

На современном этапе развития страны перед УИС стоят сложные и ответственные задачи, которые предстоит решать в ближайшее время. Поэтому оперативный работник УИС должен быть юридически грамотным, подготовленным специалистом, умеющим быстро ориентироваться в сложной обстановке. Теоретические знания,

практические навыки и умелое использование исторического опыта оперативной работы в УИС служат гарантией достижения целей оперативно-разыскной деятельности – защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Библиографический список

1. *Зубков, А. И.* Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / А. И. Зубков, Ю. И. Калинин, В. Д. Сысоев ; под. ред. С. В. Степашина и П. В. Крашенинникова. – М., 1998.
2. *Дедюхин, В. В.* Становление и развитие организации борьбы с преступностью в ИТУ : учеб. пособие / В. В. Дедюхин. – М., 1984.
3. *Детков, М. Г.* Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность / М. Г. Детков. – М., 1998.

В. М. Морозов,

*директор факультета внебюджетного образования ВЮИ ФСИН России,
советник ФСИН России
доктор социологических наук, профессор*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Проблема обеспечения безопасности носит многоаспектный характер и имеет важное теоретическое и прикладное значение. В условиях, когда преступность в государстве расширяет сферу своего криминального влияния, когда реальное эффективное воздействие на нее с целью существенного сокращения количества преступных проявлений, снижения их общественной опасности, минимизации последствий проблематично, на первое место выступает проблема обеспечения безопасности личности и общества от преступных

посягательств. И хотя достижение абсолютного состояния безопасности неосуществимо, поскольку невозможно уничтожить преступность, социально приемлемый уровень такого состояния необходимо поддерживать.

Сегодня никто не застрахован от различного рода преступных посягательств. С началом бурных и противоречивых изменений, захлестнувших общественную и политическую жизнь России в последнее десятилетие, появление новых форм преступности, возникновение множества преступных группировок, возросший уровень незаконного оборота оружия и наркотиков, увеличение числа террористических актов стали в России повседневной реальностью, которая ежедневно напоминает о себе страшными, жестокими примерами.

В этой связи организация действенной борьбы с этими опасными явлениями, представляющими серьезную угрозу для России, превратилась в одну из приоритет-

ных задач общества и государственных правоохранительных органов.

Следует отметить, что оперативные сотрудники, помимо кропотливой повседневной работы по предупреждению и раскрытию преступлений, участвуют в проведении контртеррористических операций, осуществляют оперативно-разыскные и разведывательные мероприятия во взаимодействии с органами МВД и ФСБ России на территории Северо-Кавказского региона, используя при этом специальные силы и средства оперативно-разыскной деятельности в целях обеспечения безопасности, поддержания общественного порядка.

В настоящее время особую тревогу вызывает существующая в отдельных регионах интеграция организованной преступности с националистическими и этническими группировками и сообществами, в результате которой возникает реальная опасность смыкания терроризма и уголовной преступности. Расширение спектра террористических проявлений, имеющих негативные последствия для общества, превращают борьбу с этим социальным злом в общегосударственную и общенациональную проблему, решение которой требует дальнейшего укрепления взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков.

Являясь самостоятельными в функционально-структурном отношении элементами, оперативные подразделения криминальной милиции, УИС, других правоохранительных структур вполне способны функционировать изолированно друг от друга. Однако для обеспечения максимальной эффективности проводимых мероприятий необходимо тесное сочетание и комплексное применение оперативно-разыскных, процессуальных и административных методов и средств в предупреждении и раскрытии преступлений, розыске преступников. Это во многом обусловлено возложением на них единой оперативно-разыскной функции, реализация которой

предполагает использование одних и тех же сил, средств и методов как гласного, так и негласного характера.

Такая деятельность характеризуется, во-первых, тем, что ее субъекты являются элементами единой правоохранительной системы. Во-вторых, только они реализуют в полном объеме оперативно-разыскную функцию, направленную на достижение единой цели. Третьей особенностью такого взаимодействия является то, что выявление и раскрытие преступлений, установление лиц, их совершивших, розыск этих лиц, задержание и арест, помещение в исправительные учреждения, их исправление представляют собой целостный неразрывный процесс. Кроме того, эта деятельность осуществляется только на основе законов и подзаконных актов, регламентирующих данную деятельность, ее принципы, формы и методы, способы разрешения возможных противоречий, организационные условия осуществления взаимодействия различных оперативных подразделений в строгом соответствии с их компетенцией и целями при раскрытии преступлений.

Безопасность и внутреннее благополучие государства во многом зависят от нормального функционирования учреждений и органов УИС. Наряду с комплексом мер в области военной, экологической, экономической и других видов национальной безопасности обеспечение безопасности УИС – важнейшая составная часть деятельности государства по обеспечению общей безопасности Российской Федерации. Она направлена на создание и поддержание защищенности сотрудников, осужденных, самих пенитенциарных учреждений от возможных угроз и опасных посягательств.

В обеспечении безопасности УИС выделяют два аспекта:

1) внешний, учитывающий факторы, которые действуют вне УИС. К ним относятся: подготовка и ликвидация последствий стихийных бедствий, эпидемий, предупреждение и устранение диверсий, нападений на исправительное учреждение и его объекты, сотрудников и членов их семей, осужденных за пределами исправительного учреждения;

2) внутренний, связанный с предупреждением и пресечением преступлений, нападений на сотрудников, осужденных, иных граждан внутри исправительного учреждения.

Главными субъектами, обеспечивающими безопасность как самих пенитенциарных учреждений, так и всех лиц, находящихся на обслуживаемой территории (включая персонал, осужденных, родственников, адвокатов, судей и т. д.), являются оперативные аппараты.

Основой организации и осуществления практических действий по обеспечению безопасности исправительного учреждения является оценка характера реальных и потенциальных внутренних и внешних угроз, кризисных ситуаций, прочих неблагоприятных факторов. Реальной угрозой внутренней безопасности пенитенциарных учреждений выступают организованная преступность, противоправная деятельность лидеров и авторитетов уголовной среды в местах лишения свободы; конфликты, групповые эксцессы, насилие в среде осужденных, а также недостаточная профессиональная и физическая подготовка личного состава.

В нестандартных ситуациях, которые нередко в исправительных учреждениях, при исполнении режимных требований часто наблюдаются неправильные или неправомерные действия сотрудников. Они проявляют растерянность, не всегда своевременно предпринимают решительные действия по пресечению нарушений, что порой ведет к перерастанию обычного проступка в совершение опасных преступлений: причинение тяжкого вреда здоровью, убийства, действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения.

Вместе с тем нельзя говорить только о недостатках в работе оперативных аппаратов. Безусловно, есть печальные примеры, когда правоохранительные органы не смогли правильно использовать оперативную информацию, не проявили должной бдительности, что иногда приводило к трагическим последствиям. Однако из каждого такого урока сделаны надлежащие выводы. Так, например, только в 2006 г. органами внутренних дел (по информации учрежде-

ний УИС) раскрыто около 250 тыс. преступлений, выявлено около 400 лиц, находящихся в розыске с учетом прошлых лет¹.

Знание оперативным составом скрытых процессов, происходящих в уголовной среде, настроений основной массы осужденных, проведение квалифицированных оперативно-профилактических мероприятий по нейтрализации негативного влияния является гарантией стабилизации обстановки в местах лишения свободы, залогом успешного выполнения пенитенциарным учреждением своего основного назначения – перевоспитания и исправления осужденных, что в конечном итоге будет служить обеспечению безопасности и правопорядка.

Порядок в Российском государстве во многом зависит также от нормативно-правового регулирования данной деятельности, законодательного закрепления норм и требований, реализующих идеи безопасности. В августе 2000 г. по инициативе В. В. Путина была создана Общероссийская общественная организация «Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка» (далее: Академия), в задачу которой входит научно-исследовательское обеспечение законодательной работы в сфере национальной безопасности. При поддержке Полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах Академия принимает активное участие в научно-исследовательских работах по заказу Аппарата Совета Безопасности РФ.

Академия изучает и обобщает достижения мировой и отечественной науки, содействует развитию научно-технического, социально-экономического прогресса и практическому использованию его достижений в интересах безопасности, обороны и правопорядка России, консолидирует здоровые силы общества в работе по предупреждению детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, наркомании в молодежной среде, борьбе с распространением наркотиков.

С момента своего создания Владимирское региональное отделение Академии активно включилось в разработку различного

¹ По данным оперативного управления ФСИН России за 2006 г.

рода проблем обеспечения безопасности, существующих в Российской Федерации в целом и во Владимирской области, в частности. Владимирским региональным отделением Академии проведены исследования и изданы научные труды, затрагивающие такие вопросы, как организация борьбы с терроризмом, защита прав интеллектуальной собственности, а также проблемы, связанные с необходимой обороной. Проводится мониторинг преступности в экономической сфере деятельности, в том числе в области высоких технологий, использования интеллектуальной собственности, инновационной деятельности и внедрения наукоемких технологий во Владимирской области.

Учитывая большую потребность правоохранительных органов в квалифицированных специалистах по предупреждению и раскрытию различных видов преступлений, в настоящее время Владимирским региональным отделением Академии разрабатывается пакет документов по открытию на факультете внебюджетного образования Владимирского юридического института в рамках специальности «Юриспруденция» новой специализации по подготовке специалистов по защите интеллектуальной собственности на базе высшего технического образования.

В заключение следует заметить, что в условиях нестабильной социально-экономической обстановки в стране, роста наиболее опасных преступлений (террористи-

ческие акты, убийства, бандитизм, незаконный оборот оружия и наркотиков) решить задачу активного противодействия преступности, обеспечения общественной, личной и имущественной безопасности граждан возможно только при условии тесного сотрудничества всех служб и подразделений правоохранительных органов. Именно поэтому вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью будут и в дальнейшем оставаться в числе приоритетных направлений деятельности оперативных аппаратов.

Библиографический список

1. Хромов, И. Л. Оперативно-розыскные основы борьбы с преступностью иностранных граждан. (Теория и практика оперативно-розыскной деятельности): монография / И. Л. Хромов. – М., 2006.

2. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, К. Г. Сенилова, А. Ю. Шумилова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2004.

3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / вступ. ст. В. Д. Зорькина. – М., 2006.

4. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом : сб. док. / сост. В. С. Овчинский. – М., 2003.

А. В. Агарков,

преподаватель кафедры

оперативно-розыскной деятельности

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

НЕОБХОДИМА ЛИ

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ?

Оперативно-розыскная деятельность (далее: ОРД) всегда была весьма специфическим и важным способом борьбы государства с преступностью. Видоизменяясь в зависимости от пенитенциарной политики государства, функции и задачи ОРД в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС)

в целом носят постоянный характер и сохранили свою значимость до настоящего времени. Однако в современных условиях, когда вопросы ОРД стали предметом открытого изучения и даже научных дискуссий ученых различной ведомственной принадлежности, у определенной части правозащитников возникли сомнения в необходимости осуществления ОРД в местах лишения свободы, основанные, видимо, на заимствовании опыта зарубежных государств в области исполнения наказаний¹.

¹ Активную позицию по отмене ОРД в УИС занимают отдельные депутаты Государственной Думы и некоторые правозащитные организации, в состав которых входят, среди прочих, и бывшие осужденные.

Между тем исторический опыт функционирования пенитенциарной системы Российской империи и СССР наглядно показывает, что попытки отказа от оперативной работы или ограничения компетенции оперативных работников в местах лишения свободы немедленно сказываются на состоянии в исправительных учреждениях. Отказ от данного вида правоохранительной деятельности, по нашему мнению, не только нецелесообразен, но и недопустим. Главным аргументом в пользу этого утверждения являются результаты работы оперативных подразделений УИС. Так, в течение 2006 г. оперативными работниками исправительных колоний было предотвращено 118624 преступления (из них: 7963 побега, 93454 преступления против жизни и здоровья), выявлено 1153 запрещенных связи сотрудников с осужденными, развенчано 496 лидеров уголовно-преступной среды. По информации, предоставленной оперативными подразделениями УИС, изъято свыше 1000 единиц огнестрельного оружия, более 150 тыс. единиц боеприпасов, 92 кг взрывчатых веществ. Характеризуя борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, отметим, что оперативными подразделениями УИС изъято 22 кг 110 г наркотических средств, из них 21 кг 558 г – при попытке доставки. Кроме того, проведено 147 проверок финансово-хозяйственной деятельности учреждений и органов УИС, выявлен 1921 факт недостач, хищений товарно-материальных ценностей и денежных средств на общую сумму более 57 млн рублей, возбуждено 81 уголовное дело, к уголовной ответственности привлечены около 60 человек, а к материальной и дисциплинарной – более 3,5 тыс.¹

Из вышеприведенных сведений следует, что отказ от осуществления ОРД в УИС неизбежно повлечет за собой резкий всплеск количества насильственных и имущественных преступлений, потерю контроля над оперативной обстановкой в местах лишения свободы и следовательно, значительное понижение эффективности деятельности всей пенитенциарной системы.

¹ Данные предоставлены оперативным управлением ФСИН России.

Необходимо также отметить, что использование в данном вопросе зарубежного опыта исполнения наказаний в виде лишения свободы возможно только с учетом особенностей пенитенциарной системы России, главным из которых является сама организация функционирования мест лишения свободы. Основное количество учреждений УИС составляют исправительные колонии различных видов режима, в которых осужденные содержатся поотрядно, с возможностью вывода на производственные объекты и передвижения по территории учреждений, а сотрудники всех учреждений УИС (кроме подразделений охраны) несут службу без оружия. Подобный порядок возможен лишь при условии существования действенной системы предупреждения преступлений и правонарушений в лице оперативных подразделений. Доказательством этого является тот факт, что в период «перестройки» (конец 80 – начало 90-х гг. XX в.), когда в силу ряда причин оперативная работа была ослаблена, в местах лишения свободы значительно участились случаи захватов заложников, нападения на сотрудников, групповых побегов.

Отвечая на основной аргумент противников осуществления ОРД, считающих, что она ущемляет права человека, сразу же отметим, что ОРД строится в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства. Действия же тех, кто ее осуществляет, находятся под непосредственным контролем соответствующих руководителей и иных уполномоченных на то лиц, а также под надзором со стороны органов прокуратуры². В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подтверждал соответствие законодательных актов, регламентирующих ОРД, Основному закону³.

Необходимо подчеркнуть, что ОРД в УИС осуществляется не только в целях борьбы с преступностью, но и для обеспе-

² См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Ст. 21, 22 // Рос. газ. 1995. 18 авг.

³ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Вступ. ст. В. Д. Зорькина. М., 2006.

чения установленных требований режима содержания. Поэтому, говоря о соблюдении прав осужденных, следует помнить, что по своему правовому статусу лица, осужденные к отбыванию наказания в виде лишения свободы, приговором суда частично ограничены в своих конституционных правах, а оперативные работники, действуя в пределах своих полномочий, ограничивают эти права не более, чем сотрудники воспитательных и режимных служб. Кроме того, в местах лишения свободы содержится контингент, часть которого, даже находясь в условиях изоляции от общества, склонна продолжать свою противоправную деятельность. Противодействие таким попыткам возможно лишь при комплексном использовании гласных и негласных методов, которые в соответствии со ст. 6, 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» имеют право использовать только оперативные подразделения.

Еще одним доводом в пользу осуществления ОРД в УИС служит следующий факт: в последнее время участились предпринимаемые находящимися на свободе лидерами криминальных структур попытки дестабилизировать обстановку в исправительных учреждениях, ослабить режим отбывания наказаний, создать льготные условия отбывания наказаний для отдельной категории осужденных, осуществляемые путем как организации групповых неповиновений, так и использования различных правозащитных организаций с соответствующим освещением в средствах массовой информации. В то же время, прикрываясь демагогичными заявлениями о необходимости гуманизации отбывания наказаний, лидеры отрицательной части осужденных через подставных лиц выдвигают различные не законные в своей основе требования, направленные на ослабление режима, упразднение самостоятельных организаций, исключение задействования осужденных в благоустройстве территории учреждения, создание среди осужденных системы самоуправления и др.¹ Изощенность средств и

методов, применяемых «авторитетами» криминального мира, обуславливает использование соответствующего им действенного арсенала способов обеспечения законности, основная часть которого приходится на долю оперативно-разыскных мероприятий.

Итак, налицо обусловленная спецификой функционирования учреждений и органов УИС объективная необходимость осуществления ОРД в пенитенциарной системе. Мы считаем, что попытка прекращения ОРД в органах и учреждениях УИС дестабилизирует обстановку в исправительных учреждениях и приведет к крайне негативным последствиям, а попытка передачи оперативного обслуживания мест лишения свободы иным оперативным подразделениям (например, органов внутренних дел) повлечет за собой существенное снижение эффективности оперативной работы. Таким образом, осуществляемая на данный момент ОРД в УИС является необходимой и не требует кардинальных изменений в ее организации.

Библиографический список

1. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / вступ. ст. В. Д. Зорькина. – М., 2006.
2. *Лецев, В. И.* Современное состояние оперативной работы по противодействию лидерам преступных группировок в учреждениях и органах УИС / В. И. Лецев // Вестн. оператив. работника УИС. – 2005. – № 2.
3. *Мамчун, В. В.* Опыт работы Оперативного управления УФСИН России по Владимирской области по противодействию преступным проявлениям со стороны лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды / В. В. Мамчун // Вестн. оператив. работника УИС. – 2005. – № 2.

УИС // Вестн. оперативного работника УИС. 2005. № 2. С. 39–40; *Мамчун В. В.* Опыт работы Оперативного управления УФСИН России по Владимирской области по противодействию преступным проявлениям со стороны лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды // Там же. 51–62.

¹ См., напр.: *Лецев В. И.* Современное состояние оперативной работы по противодействию лидерам преступных группировок в учреждениях и органах

Ю. С. Блинов,
*старший научный сотрудник
научно-исследовательского отделения
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

ПРОБЛЕМА МЕТОДОВ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о методах является наиболее сложным в теории оперативно-разыскной деятельности. Предложенная исследователями система методов может быть представлена в виде трех блоков: общенаучные и специальные методы и методы, разработанные отраслевыми научными дисциплинами.

Вопрос о целесообразности использования того или иного метода должен решаться в зависимости от содержания исследуемой проблемы, степени ее разработанности, а также тех ресурсов, которыми располагает исследователь. Например, логично заключить, что выбор метода может определяться способом действий лиц, подготавливающих или совершающих преступление. Однако многообразие способов их совершения делает крайне проблематичной возможность построения системы, обеспечивающей способ совершения преступления – соответствующий метод.

Впервые систему специальных методов оперативно-разыскной деятельности рассмотрел А. Г. Лекарь. Он включил в нее методы, апробированные многолетней практикой: наружное наблюдение, оперативную установку, личный сыск, разведывательный опрос и агентурный метод¹. В последующем взгляды исследователей в отношении системы, наименования методов, их содержательной стороны менялись.

Так, А. П. Титов на уровне диссертационного исследования рассмотрел систему методов с точки зрения их нормативно-правового регулирования². Данная работа

позволила внести ряд существенных предложений, направленных на нормативно-правовое обеспечение как применения методов практикой, так и использования их результатов.

Анализ программ курса «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» и специальной литературы показал, что в предложенной системе методов имеются недостатки.

Так, ряд авторов предложили включить в систему методов «оперативное распознавание», «оперативный эксперимент» и «специальный метод», а метод «личный сыск» считать формой деятельности³.

Однако позднее А. С. Вандышев ранее признанный им метод «оперативное распознавание» стал трактовать несколько иначе, определив его как самостоятельный комплексный метод⁴. Оперативное распознавание лежит в основе такой формы, как «выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес» или «оперативный поиск»⁵.

Следует отметить существование распространенной точки зрения, согласно которой оперативная комбинация также считалась методом, однако всеобщего одобрения она не получила⁶.

На наш взгляд, аналогичная ситуация складывается в отношении метода «отработка жилого сектора»⁷ в примерной программе курса «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел».

³ См.: Информационное сообщение лаборатории проблем оперативно-розыскной работы. М., 1970. Вып. 1с; Вандышев А. С., Волинский А. Ф., Гребельский Д. В. и др. Личный сыск: Учеб. пособие. М., 1973.

⁴ См.: Вандышев А. С. Методологические и организационно-тактические проблемы оперативного поиска. Киев, 1976. С. 37–38. (Тр. / Киев. ВШ МВД СССР; Вып. 8).

⁵ См.: Блинов Ю. С. К вопросу о подготовке программы курса «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» // Проблемы теории и практики в оперативно-розыскной деятельности в современных условиях: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1991. С. 3–21.

⁶ См.: Программа курса «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» для слушателей высших учебных заведений МВД СССР. М., 1989.

⁷ См.: там же.

¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность органов охраны общественного порядка. Разд. 1: Основы ОРД: Учеб. М., 1966.

² См.: Титов А. П. Правовые основы и проблемы нормативного регулирования методов оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

А. Г. Лекарь, А. Ф. Волынский, Д. В. Гребельский и В. Г. Самойлов классифицировали методы по следующим основаниям:

– оперативно-разыскные методы: оперативная беседа (опрос), оперативное наблюдение, оперативное распознавание, оперативное выведывание (агентурный метод), оперативный эксперимент;

– методы, используемые в других отраслях знаний: криминалистике, педагогике, психологии, социологии, математике, статистике, научных основах управления и организации труда¹.

Данный научный подход к рассмотрению методов, используемых оперативно-разыскной деятельностью, является наиболее оптимальным и находит отражение у других авторов.

Так, А. И. Алексеев и Г. К. Синилов подчеркивают, что теория оперативно-разыскной деятельности, как и каждая система знаний, в арсенале познания наряду с диалектическим методом использует также и другие методы – общенаучные и частные².

По нашему мнению, помимо традиционных методов оперативно-разыскной деятельности необходимо рассмотреть также методы, апробированные практикой: личный и экономико-правовой.

Содержание личностного метода и его роль в оперативно-разыскной деятельности исследовали И. А. Климов и Г. К. Синилов³.

С их точки зрения, данный метод обеспечивает целенаправленное исследование закономерностей, проявляемых в поведении, поступках конкретных личностей при совершении преступлений.

Экономико-правовой метод имеет свою историю использования в практике оперативных подразделений. В числе первых научных обобщений опыта использования экономического анализа в деятельности аппаратов БХСС следует считать работы

С. П. Голубятникова, А. И. Егорова, П. Ф. Перевозника, В. Г. Танасевича, И. Л. Шраги, Я. В. Орлова и др.⁴

Изначально выбранное понятие «экономический анализ» не отвечало его сущности как метода оперативно-разыскной деятельности⁵.

Не согласен с данным термином также Г. К. Синилов. Он предложил использовать понятие «экономико-правовой анализ»⁶ и научно обосновал его целесообразность в системе методов оперативно-разыскной деятельности.

Е. А. Орлова под экономико-правовым анализом понимает «вид познавательной деятельности, основанной на применении специальных познаний, связанной с исследованием экономических явлений и процессов в их взаимосвязи и взаимозависимости, направленной на изучение состояния объектов, представляющих оперативный интерес...»⁷.

По нашему мнению, в содержание данного определения следует включать не только возможности одной научной дисциплины, но и иных экономических теорий. В связи с этим роль указанного метода будет сведена к использованию выработанных экономическими теориями различных приемов исследования финансово-хозяйственных процессов, а результаты такого анализа сопоставлены с нормами права с целью установления признаков преступления.

⁴ См., напр.: *Егоров А. И. и др.* Экономико-математические методы выявления хищений // *Соц. законность*. 1973. № 6. С. 21; *Танасевич В. Г. и др.* Задачи борьбы с хищениями на современном этапе // *Сов. государство и право*. 1974. № 2. С. 74–76.

⁵ См.: *Блинов Ю. С.* Специальные экономические познания и их использование в деятельности аппаратов БХСС (организационно-тактические и правовые основы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 30–34; *он же.* Использование экономико-правового анализа в профилактике // *Предупреждение преступлений аппаратами БХСС: Учеб. пособие*. М., 1986. С. 37.

⁶ См.: *Синилов Г. К.* Правовые и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. С. 350–351 и др.

⁷ *Орлова Е. А.* Экономико-правовой анализ в оперативно-розыскной деятельности аппаратов БЭП (правовые, организационные и методические вопросы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 41.

¹ См.: *Лекарь А. Г. и др.* Методологические проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Киев, 1976. С. 3–27. (Тр. / Киев. ВШ МВД СССР; Вып. 8).

² См.: *Алексеев А. И., Синилов Г. К.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности. М., 1973. С. 175.

³ См., напр.: *Климов И. А., Синилов Г. К.* Предмет, система, методология, история и перспективы развития теории ОРД: Лекция. М., 1995.

Краткий обзор взглядов исследователей проблемы методов оперативно-разыскной деятельности показал, что, несмотря на их совпадение, существует необходимость дальнейшей дискуссии.

В связи с этим, по мнению В. М. Аتماжитова и В. Г. Боброва, актуален вопрос использования категории «методы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел»¹. Ответ, с их точки зрения, которую мы также разделяем, может быть только положительный.

Например, В. П. Илларионов указывал на необходимость расширения числа методов за счет метода ведения переговоров². Его актуальность подтверждается событиями, связанными с захватом заложников.

Вместе с тем проблема методов оперативно-разыскной деятельности не исследована в должном объеме. По нашему мнению, в первую очередь необходимо сформулировать и научно обосновать исходные положения, определяющие сущность методов, и показать их отличие от оперативно-разыскных мероприятий, так как оперативно-разыскные мероприятия часто отождествляются с методами оперативно-разыскной деятельности, рассматриваются как синонимы.

Такой подход, во-первых, неоправданно нарушает традиционную систему (силы, средства и методы), которая всегда лежала в основе подготовки сотрудников оперативных аппаратов и успешно использовалась практикой во всех направлениях борьбы с преступностью. Во-вторых, не дает полного представления о возможностях, предусмотренных законом оперативно-разыскных мероприятий, как в правовом, так и организационно-тактическом аспектах.

Анализ методических материалов учебных заведений системы МВД России пока-

зал, что при изложении содержания и тактики проведения оперативно-разыскного мероприятия, например «наведение справок», фактически излагается материал, касающийся только метода «оперативная установка», что, с нашей точки зрения, совершенно неправильно. Это мероприятие охватывает и иные приемы получения информации. Аналогичное происходит и при рассмотрении мероприятия «наблюдение» и метода «скрытое наблюдение». Обнаруживается взаимопроникновение также в методах «оперативная установка», «разведывательный опрос» и др. При этом метод личного сыска оказался забытым. А. В. Мартынов отмечает, что метод личного сыска используется крайне редко³.

В настоящее время не решена проблема соотношения оперативно-разыскных мероприятий и методов как в теории, так и практике. Требуется сосредоточение научной мысли на поиске и устранении образовавшихся противоречий. В результате это приведет к уточнению прежних понятий, введению новых научных положений и тем самым обогатит содержание теории оперативно-разыскной деятельности и ее практику, поднимет их на более высокий уровень.

Необходимо заметить, что ни один из методов оперативно-разыскной деятельности в «чистом виде» не применяется. Действительно, при детальном их рассмотрении обнаруживается постоянное проникновение одного метода в другой. Наиболее характерен в этом отношении метод личного сыска, представляющий собой комплекс взаимосвязанных между собой методов.

Требуется уточнения и содержание метода «оперативный осмотр». Если провести анализ литературных источников, освещающих данный метод, то обнаруживается, что речь идет, как правило, не о самом осмотре, а о проникновении к объектам осмотра⁴. Следовательно, оперативный осмотр в том виде, в котором он в настоящее время рас-

¹ См.: Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. М., 2001. С. 7–31. (Тр. / Акад. Управления МВД России).

² См.: Илларионов В. П. Правовые, организационные, оперативно-тактические основы ведения переговоров с преступниками в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

³ См.: Мартынов А. В. Криминальная среда как объект оперативно-розыскной деятельности территориальных подразделений уголовного розыска КМ (по материалам органов внутренних дел г. Москвы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 24–25.

⁴ См.: Самойлов В. Г. Оперативный осмотр (материалы к лекции для слушателей и курсантов учебных заведений МВД СССР). М., 1984.

смачивается в учебной литературе, не раскрывает всей сложности проблемы. Поэтому в качестве одного из вариантов устранения указанного противоречия предлагается на базе метода «оперативный осмотр» рассмотреть пять групп самостоятельных приемов:

- обеспечивающие проникновение к объекту осмотра;
- непосредственно осмотр, анализ, исследование, т. е. решение задач определения относимости этих объектов к подготавливаемому, совершаемому, совершенному преступлению или решение иных оперативно-разыскных задач;
- документальное, техническое или иное оформление полученных результатов проделанной работы;
- сохранность объектов, а также результатов их осмотра или исследования;
- использование объектов, а также результатов их осмотра и исследования как судебных доказательств.

Таким образом, отрывать исследование методов от оперативно-разыскных мероприятий не следует.

С другой стороны, смешение специальных методов и оперативно-разыскных мероприятий не может положительно отра-

зиться на теоретическом осмыслении сущности тех и других, что, в конечном счете, приведет к ограниченному толкованию их значимости в сфере практического применения.

На наш взгляд, данные категории оперативно-разыскной деятельности взаимосвязаны.

Оперативно-разыскные мероприятия – это организационно-тактические формы, которые наполняются содержанием в результате применения общих и специальных методов. В таком понимании методы являются инструментом познания той действительности, в которой исполнитель решает конкретные задачи.

Библиографический список

1. *Блинов, Ю. С.* К вопросу о соотношении оперативно-разыскных мероприятий и методов оперативно-разыскной деятельности / Ю. С. Блинов // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел : материалы науч.-практ. конф. – М., 1996.
2. *Титов, А. П.* Правовые основы и проблемы нормативного регулирования методов оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984.

Л. В. Казаринова,
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В настоящее время не теряют своей актуальности теоретико-прикладные исследования тактических и правовых аспектов использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Несмотря на достаточно широкий круг изучаемых аспектов (природа правоотношений, складывающихся в оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, вопросы соблюдения

прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-разыскных мероприятий, использование на различных стадиях судопроизводства данных, полученных в результате оперативно-разыскной деятельности), не исключается значимость вопросов использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве в целом.

В теории уголовного процесса установлено, что результаты оперативно-разыскной деятельности могут служить не только поводом для возбуждения уголовного дела, но и являться доказательствами по уголовному делу. Е. А. Доля обосновывает верное положение о том, что в процессе собирания результатов оперативно-разыскных мероприятий происходит их качественное преобразование уголовно-процессуальными средствами, после чего на их основе формируются доказательства. Мы полностью разделяем его точку зрения. Однако результаты оперативно-разыскной деятельно-

сти могут быть использованы в качестве доказательств только в том случае, если они были получены и проверены в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ и уголовно-процессуальным законодательством и содержат сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Результаты оперативно-розыскной деятельности, не отвечающие требованиям, установленным уголовно-процессуальным законодательством, не приобщаются, а возвращаются в орган, осуществляющий оперативно-розыскные мероприятия. Этот факт фиксируется в соответствующем постановлении. В нем указываются также причины, по которым результаты оперативно-розыскной деятельности не могут быть приобщены к уголовному делу в качестве доказательств. При возникновении необходимости составляется требование об устранении недостатков, не дающих возможность приобщить результаты оперативно-розыскной деятельности.

Следует отметить, что результаты оперативно-розыскной деятельности в силу своей специфики не всегда имеют процессуальное значение и официально используются в уголовном процессе. В процессуальном значении они представляют собой информационный продукт, основанный, как правило, на совокупности данных, полученных из различных источников и проверенных оперативным путем¹.

При расследовании преступлений, в частности, совершенных на территории пенитенциарных учреждений, особое значение имеют сведения, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Вместе с тем не все результаты оперативно-розыскной деятельности признаются достоверными, поскольку для этого необходимо произвести проверку с помощью других данных и только в их совокупности. В этом случае можно с уверенностью утверждать, что полученные данные являются достоверными сведениями.

¹ См.: Вагин О. А., Гаврилов Б. Я., Горяинов К. К. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 2006. С. 230.

При совершении любого преступления необходимо безотлагательно проводить оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия. Уголовно-процессуальным законом определен перечень субъектов, осуществляющих в своей компетенции собирание, проверку сведений до возбуждения уголовного дела, имеющих возможность выявлять и фиксировать следы преступления на начальном этапе уголовного преследования. Таким образом, одной из задач производства неотложных следственных действий является немедленное закрепление, фиксация и изъятие следов преступления. Однако неясно утверждение о том, что следователь немедленно не может возбудить подследственное ему уголовное дело и приступить к производству предварительного расследования (мы говорим о неотложности). В ч. 4 ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) приведены отдельные следственные действия, направленные на закрепление следов преступления, и которые органы предварительного расследования вправе производить в момент проверки сообщений и заявлений о преступлении. Однако не отмечено, что эти действия в соответствии с законом являются неотложными². Не урегулированы также форма, сроки производства следственных действий и полномочия органов расследования по их осуществлению. Следовательно, деятельность по производству данных следственных действий не относится ни к следствию, ни к дознанию, т. е. на момент производства не установлена их подследственность.

В уголовно-процессуальном законе определены составы преступлений, по которым органы расследования производят неотложные следственные действия только в своей подследственности. Возникает вопрос о сроках производства неотложных следственных действий, имеющий практическое значение. В п. 19 ст. 5 УПК РФ не отмечены сроки производства неотложных следственных действий. Единственное упоминание о 10-суточном сроке содержится в ч. 3 ст. 157 УПК РФ: «После производства неотложных следственных дей-

² См.: Борисов А. Б. Комментарий к уголовно-процессуальному закону. М., 2006. С. 254.

ствий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет дело прокурору...». Иными словами, в статье, регламентирующей общие правила производства неотложных следственных действий, исчисление срока их производства связано с моментом возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего передает уголовное дело прокурору. Как видно из диспозиции рассматриваемой статьи, в ней не говорится о сроках производства неотложных следственных действий. Законодатель предписывает учитывать требования ч. 3 ст. 157 УПК РФ. В подобной ситуации нам необходимо ориентироваться на производство неотложных следственных действий в 10-суточный срок. В практической деятельности часто возникают ситуации, в которых обнаружение признаков, указывающих на то, что уголовное дело не подследственно следователю или дознавателю, может возникнуть и после истечения 10 суток с момента возбуждения уголовного дела. Основываясь на данном утверждении, предлагаем включить в ст. 157 УПК РФ требования о необходимости завершения производства неотложных следственных действий не позднее 3 суток с момента возбуждения уголовного дела, а также определить понятие производства неотложных следственных действий. На наш взгляд, это поможет раскрыть основные признаки неотложных следственных действий (неотложность и безотлагательность), а также разграничит категории «неотложные следственные действия» и «первоначальные следственные действия».

Следует отметить, что в криминалистической теории неотложные следственные действия определены как действия, которые необходимо проводить безотлагательно. Это те следственные действия, которые ориентируют следователя в обстановке и содержании расследуемого события, а также на получение данных о его механизме и последствиях¹. После этого необходимо

приступать к производству последующих следственных действий, используя также результаты, полученные при производстве неотложных следственных действий. Последующие действия осуществляются на втором этапе расследования, они непосредственно направлены на анализ, оценку, проверку версий, доказывание элементов состава преступления, а также выяснение причин и обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступления². На наш взгляд, иная последовательность может отрицательно отразиться на качестве предварительного расследования. Категории «первоначальные следственные действия» и «неотложные следственные действия» часто используются как тождественные, многие первоначальные следственные действия являются в то же время неотложными (например осмотр места происшествия). Характеризуя рассматриваемые категории с этих позиций, мы подразумеваем приоритет криминалистического аспекта в понимании неотложных следственных действий. С позиций уголовного процесса сравнение данных категорий не представляется возможным, так как в уголовно-процессуальном законе не раскрывается понятие первоначальных следственных действий.

Учитывая вышеизложенное, под производством неотложных следственных действий следует понимать особую форму процессуальной деятельности, осуществляемую органом дознания с момента получения сообщения о преступлении и до момента передачи его прокурору, направленную на обнаружение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия исследования.

Результаты оперативно-разыскной деятельности в процессуальном их значении представляют собой информационный продукт, основанный, как правило, на совокупности данных, полученных из различных источников и проверенных оперативным путем³. Необходимо отметить, что использовать результаты оперативно-разыскных мероприятий в качестве достаточ-

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика. М., 2006. С. 472.

² См.: там же.

³ См.: Вагин О. А., Гаврилов Б. Я., Горяинов К. К. и др. Указ. соч.

ного основания для производства неотложных следственных действий можно при соблюдении следующих условий: неотложные следственные действия должны быть направлены непосредственно на обнаружение, изъятие и фиксацию доказательств; результаты мероприятий оперативно-разыскной деятельности должны быть достоверными.

Фактическими основаниями производства следственных действий в целом могут выступать не только уголовно-процессуальные доказательства либо материалы оперативно-разыскных мероприятий, представленные следователю, дознавателю, но и иные данные, полученные процессуальным путем, но не имеющие юридической силы доказательств. Это данные, которые могут быть получены в результате розыскных действий следователя, а также из различных документов, предметов, представленных самими участниками уголовного судопроизводства.

Результаты оперативно-разыскной деятельности, которые могут послужить основаниями для производства неотложных следственных действий, должны быть истребованы от органов, осуществляющих данную деятельность, или представлены ими инициативно в порядке и в случаях, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а также Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

Правовой основой представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, органу дознания, прокурору или в суд являются Конституция РФ, уголовно-процессуальное законодательство, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», а также иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности¹.

На основании постановления о представлении результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, органу доз-

нания, следователю, прокурору или в суд, утвержденного руководителем органа, осуществляющего данную деятельность или его заместителем, происходит процесс представления результатов оперативно-разыскных мероприятий с целью осуществления проверки и принятия процессуальных решений по уголовному делу. Указанное постановление составляется в двух экземплярах. Первый экземпляр направляется дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, второй приобщается к материалам дела оперативного учета. В случае его отсутствия он приобщается к материалам специального номенклатурного дела.

Необходимо отметить, что непосредственное использование результатов оперативно-разыскной деятельности для подготовки и осуществления следственных действий, в том числе и неотложных, является основным направлением реализации оперативной информации в расследовании преступлений, выдвижении версий, планировании расследования и т. д.

Результаты оперативно-разыскной деятельности, которые представляются в орган расследования для подготовки осуществления следственных действий, в том числе неотложных, должны содержать сведения о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда, а также о фактах и обстоятельствах, позволяющих выбрать наиболее эффективное направление расследования по конкретному уголовному делу.

Кроме того, проведенные с нарушением норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-разыскные мероприятия не являются легитимными. Впоследствии они не будут рассматриваться в уголовном процессе как результаты оперативно-разыскной деятельности, однако могут использоваться самими субъектами этой деятельности в качестве вспомогательных для подготовки и производства следственных действий, в частности, неотложных.

Следует также отметить огромную значимость института использования результатов оперативно-разыскной деятельности в подготовке и производстве неотложных следственных действий, следственных действий в целом, а также в процессе всего

¹ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд от 17 апр. 2007 г. // Рос. газ. 2007. 16 мая.

расследования преступлений. Результаты, полученные в законном порядке, после проведения оперативно-разыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве могут рассматриваться как система проверенных и оцененных оперативных данных либо сведений о фактах, обстоятельствах, необходимых для расследования уголовного дела.

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Криминалистика / Р. С. Белкин. – М., 2006.

С. Д. Ковалев,
*старший преподаватель кафедры
специальной техники
и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ¹ оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) отнесены к субъектам, обладающим правом на территории Российской Федерации осуществлять оперативно-разыскную деятельность (далее: ОРД). Компетенция и полномочия в этих вопросах регулируются УИК РФ² и Положением о Федеральной службе исполнения наказаний³. В соответствии с данным Положением основными задачами ФСИН России, требующими оперативно-разыскного обеспечения, являются:

– исполнение в соответствии с законодательством РФ уголовных наказаний, содержание под стражей подсудимых и лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений;

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. М., 1997.

³ Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: [утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 окт. 2004 г. № 1314] // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

2. *Борисов, А. Б.* Комментарий к уголовно-процессуальному закону / А. Б. Борисов. – М., 2006.

3. *Вагин, О. А.* Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / О. А. Вагин [и др.]. – М., 2006.

4. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд от 17 апреля 2007 г. // Рос. газ. – 16 мая.

– контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания;

– обеспечение правопорядка и законности в управлениях федеральной службы исполнения наказаний и следственных изоляторах (далее: СИЗО), безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), должностных лиц и граждан, находящихся на территории этих учреждений и СИЗО.

Большинство ученых считают, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» «...ОРД осуществляется с помощью комплекса различных оперативно-розыскных мероприятий»⁴.

Таким образом, ОРД в целом представляет собой совокупность указанных мероприятий. Проведение оперативно-разыскных мероприятий (далее: ОРМ) с использованием различных сил и средств ориентировано прежде всего на получение и реализацию оперативно значимой информации. Необходимо отметить, что разрешение вопроса об использовании результатов ОРД зависит от основанного на законе понимания ряда положений уголовного судопроизводства и ОРД, правовой сущности результатов и порядка их представления. Этот, казалось бы, сугубо теоретический вопрос порождает в практической деятельности правоохранительных органов немало проблем, требующих специального рассмотрения и решения.

⁴ *Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В.* Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Комментар. М., 1997. С. 11.

ОРД и уголовное судопроизводство представляют собой единство процессуального и непроцессуального¹. Кроме того, это единство должно заключаться не только в проведении следственных действий или ОРД (объединение процедурных вопросов), но и наряду с получением информации предполагать ее использование. Это обуславливает необходимость единого толкования понятия «результаты ОРД».

Согласно п. 36.1 ст. 5 УПК РФ результаты ОРД определяются как сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 13 мая 1998 г. (далее: Инструкция) определяет результаты ОРД следующим образом: фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушение, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и безвести пропавших, а также о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, экономической или экологической безопасности РФ².

Следует отметить, что в юридической литературе отсутствует единство мнений относительно данного понятия. Одни авторы под результатами ОРД понимают «фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном Федеральным законом порядке...»³. Это оп-

ределение в основном повторяет дефиницию, данную в Инструкции.

Другие полагают, что «результаты ОРД – это оперативно-розыскная информация, добываемая с помощью ОРМ в сфере и инфраструктуре преступности»⁴.

Третьи определяют результаты ОРД как разновидность социальной информации, специфичной по цели (борьба с преступностью) и методам получения, а также режиму использования, обеспечивающему конспирацию, надежную зашифровку источников, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованными работниками⁵.

Таким образом, говоря о фактических данных, необходимо отметить, что они должны соответствовать объективной действительности и не могут вызывать сомнения в их достоверности. Объективность и достоверность результатов ОРД устанавливается в результате проверки, проведенной при помощи других данных. Вместе с тем информация, полученная в результате осуществления ОРД, может быть неконкретной, неполной, ориентирующей, предположительной, а иногда даже непроверяемой, а также может содержать определенную долю субъективизма, исходящего от предоставившего ее источника⁶. Однако неподтвержденная, недостоверная информация как результат ОРД может носить и позитивный характер. Неподтверждение информации позволяет, например, сократить круг версий, определить новые направления работы и др. Поэтому первичная информация и ее дальнейшее опровержение в равной мере могут являться результатами ОРД.

По нашему мнению, результаты ОРД производны от результатов ОРМ и определяются совокупностью информации, фактических данных, полученных при их проведении. Результаты отдельных ОРМ, помимо фактических данных, могут содержать и иную информацию, например, о

¹ См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Крат. учеб. курс / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 73.

² См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов / Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 123.

³ Там же.

⁴ См.: Горяинов К. К., Кваща Ю. Ф., Сурков К. В. Указ. соч. С. 381.

⁵ См.: Оперативно-розыскная деятельность: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. 2-е изд. М., 2004. С. 654.

⁶ См.: Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: Учеб.-практ. пособие. М., 2006. С. 81.

психологическом состоянии проверяемых (разрабатываемых) или иных лиц, которая может быть использована при выдвижении версий или при проведении других ОРМ. Так, при проведении опроса можно получить и невербальную информацию, выражающуюся в поведении и эмоциях опрашиваемого, что может свидетельствовать о том, насколько правдиво он ответил на поставленные вопросы, а также предположить о его причастности к преступлению или осведомленности о лицах, совершивших преступления, выявить признаки, свидетельствующие о готовности лица дать правдивые показания¹. Такая оперативная информация не отражает фактических обстоятельств, однако является результатом ОРД.

Теория и практика уголовного процесса исходят из того, что результаты полиграфной проверки, проводимой в учреждениях УИС, не имеют доказательственного значения, так как они предполагают вероятностный характер (применяемые модели компьютерных полиграфов выявляют неправдивые ответы с вероятностью 92–96 %²). Таким образом, в результатах данного ОРМ допускается небольшой процент ошибки, т. е. они не являются абсолютно верными. Однако данные результаты используются в процессе раскрытия преступлений. На их основе следователь ищет объективные доказательства и способы процессуального закрепления имеющейся информации или, убедившись в непричастности подозреваемого к событиям расследуемого преступления, изменяет направление следственной и оперативно-разыскной работы. Из вышеизложенного следует, что результаты полиграфной проверки, являясь оперативной информацией, не отражают фактических обстоятельств, однако мы признаем их результатами ОРД.

Согласно ч. 1 ст. 49, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и определению Конституционного суда РФ результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках фактов, которые были получены с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», могут стать дока-

зательствами только после их закрепления надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона. Следовательно, в процессуальном смысле можно говорить лишь о сведениях и фактах, которые предстоит установить, а не о результатах ОРД как о фактических данных.

Решение такой задачи ОРД, как добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ, предполагает прежде всего сбор (а не использование) первичной информации, ее проверку в дальнейшем и проведение на ее основе различных оперативно-разыскных мероприятий. Данная задача характеризует в первую очередь сам процесс сбора информации (сведений о фактах) и лишь в дальнейшем использование его результатов (фактических данных).

Необходимо отметить, что в УПК РФ указывается важное свойство, которым должны обладать результаты ОРД. Речь идет о наличии в полученных сведениях признаков преступления. Это свойство соответствует следующей задаче ОРД, приведенной в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности»: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Однако получаемые оперативными подразделениями сведения могут не содержать признаков преступления. Согласно определению понятия результатов ОРД, приведенному в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, такие сведения результатами ОРД не являются. По нашему мнению, можно говорить о результатах ОРД и в тех случаях, когда речь идет об ориентирующей информации: временном проживании, знакомстве с другими людьми, увлечениях и т. п.

Учитывая вышеизложенное, под результатами ОРД следует понимать:

- оперативно-разыскную информацию, содержащуюся в справках (рапортах) оперативного сотрудника, проводившего оперативно-разыскные мероприятия;
- информацию в сообщениях конфиденциальных источников, а также в заключениях, справках различных предприятий,

¹ См.: Чечетин А. Е., Луговкин В. Ф. Психологические особенности опроса подозреваемых в совершении преступлений: Лекция. Барнаул, 2003. С. 8.

² См.: Холодный Ю. И. Полиграфы (детекторы лжи) и безопасность. М., 1998. С. 7.

учреждений, организаций и должностных лиц;

– материалы фото-, звуко- и видеозаписей, произведенных в процессе оперативно-разыскных мероприятий;

– различные материальные предметы, полученные гласно и негласно при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий оперативными подразделениями государственных органов.

Таким образом, результаты ОРД – это документы, материальные предметы, информация (зафиксированная на материальном носителе), собранные сотрудниками оперативных подразделений в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» и используемые в целях решения задач ОРД и (или) уголовного судопроизводства.

А. В. Кудрявцев,

*старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время ситуация в сфере борьбы с преступностью подвергается всестороннему анализу и освещению как средствами массовой информации, так и всякого рода контролирующими субъектами и общественными объединениями. Это, безусловно, является положительной тенденцией, хотя и здесь имеются определенные перегибы. Все субъекты указанного контроля, анализируя различные стороны деятельности правоохранительной системы, сходятся в одном: работа правоохранительных органов в настоящее время может быть признана удовлетворительной лишь с натяжкой. И это подтверждают данные статистики, а также освещаемые средствами массовой информации факты преступной деятельности, имеющие, как правило, широкий общественный резонанс. Уголовно-исполнительная система, относясь к правоохранительной системе, также не стала исключением: в последнее время отмечается рост количества преступлений, в том числе

По нашему мнению, в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» должно быть определено понятие «результаты ОРД», так как это имеет теоретическое и практическое значение, в том числе для исследования проблем использования результатов ОРД в уголовном процессе, а также для выработки научных рекомендаций оперативным работникам, следователям, прокурорам и судьям¹.

Библиографический список

1. Вагин, О. А. Оперативно-разыскные мероприятия и использование их результатов : учеб.-практ. пособие / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, Г. Х. Шабанов. – М., 2006.
2. Оперативно-разыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова [и др.]. – 2-е изд. – М., 2004.

так называемых особо учитываемых². Причиной данного положения можно назвать такие, как: увеличение в исправительных учреждениях количества лиц, отбывающих наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также осужденных с повышенной агрессивностью и возбудимостью, психическими отклонениями, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду и др.

Указанные причины являются следствием как социально-экономической политики государства, так и другой составляющей общей политики государства – уголовной, или политики борьбы с преступностью. В этой связи мы солидарны с мнением Г. А. Аванесова, который отмечает, что деятельность входящих в механизм государствен-

¹ См.: Дидоренко Э. А., Розовский Б. Г. О необходимости процессуальной регламентации оперативно-разыскной деятельности // Наука и практика: Сб. науч. тр. Орел, 2004. Вып. 4. С. 12.

² За последний год уровень особо учитываемых преступлений увеличился на 9 %, число убийств возросло с 14 до 23, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – с 28 до 40, дезорганизации деятельности учреждений – с 6 до 8 случаев, побегов – с 213 до 231. Количество зарегистрированных преступлений в 2006 г. в исправительных колониях составило 1233, в воспитательных колониях – 27, тюрьмах – 9, СИЗО – 92 и колониях-поселениях – 497 случаев.

ной власти государственных органов, ведущих борьбу с преступностью, всегда имеет политический и социальный характер¹.

Всякая область общественной практики основывается на определенной сумме знаний, составляющих в единстве предмет соответствующей теории. В этом смысле теория той области общественной практики, которую принято именовать «уголовно-правовая борьба с преступностью», образуется совокупностью наук уголовно-правового блока: собственно уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминалистика, *теория оперативно-разыскной деятельности* (выделено нами — А. К.) и некоторые иные, смежные с ними по содержанию в канве ряда частных вспомогательных вопросов².

А. И. Коробеев в рамках единой уголовной политики выделяет уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую, уголовно-исполнительную и т. п.³

Вообще исследование сущности уголовной политики (политики борьбы с преступностью) имеет давнюю историю. К плеяде первопроходцев в этой области относятся выдающиеся ученые-юристы (А. Л. Герцензон, М. Д. Шаргородский, А. С. Шляпников), усилиями которых еще в тоталитарный период было положено начало разработкам проблем уголовной политики. В дальнейшем они были продолжены и развиты в трудах таких известных правоведов, как: Г. А. Аванесов, Н. А. Беляев, М. М. Бабаев, С. С. Босхолов, В. А. Владимиров, С. Е. Вицин, И. М. Гальперин, Л. Д. Гаухман, П. Ф. Гришанин, Н. И. Загородников, П. С. Дагель, А. И. Долгова, И. А. Исмаилов, А. Э. Жалинский, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Н. В. Кузнецова, В. В. Лунеев, Ю. И. Ляпунов, С. В. Максимов, Г. М. Миньковский, А. В. Наумов, П. Н. Панченко, Э. Ф. Побегайло, В. П. Ревин,

А. Б. Сахаров, Н. А. Стручков, А. Я. Сухарев, А. М. Яковлев и др.

Учитывая высокую степень разработанности теории уголовной политики государства, считаем целесообразным в данной работе сконцентрировать внимание лишь на некоторых современных тенденциях указанного феномена, а также ее оперативно-разыскной составляющей. При этом следует сказать, что высказанные в юридической литературе критические замечания о чрезмерном «обилии политик», безусловно, не лишены смысла⁴. Как нам кажется, наиболее оправдано выделение только наиболее важных составляющих (элементов) различных политик, в том числе и уголовной.

Следует отметить, что общие тенденции уголовной политики России на современном этапе характерны и для ее оперативно-разыскной составляющей. При этом проанализировать и дать оценку направлениям уголовной политики весьма затруднительно. С. С. Босхолов писал, что описание современных тенденций в уголовной политике в России чрезвычайно затруднительно. Во-первых, потому, что происходящие изменения носят исторический характер, и подлинный смысл происходящего станет ясен много позже. Во-вторых, теория уголовной политики нуждается не только в каких-то определенных коррективах и усовершенствованиях, но и в пересмотре ряда концептуальных положений, осуществляющихся в этой специфической сфере политико-правовой реформы. В-третьих, сама государственная политика в борьбе с преступностью и другими правонарушениями еще не обрела своей собственной формы и смысла, она, по сути дела, находится еще в стадии формирования⁵. С. С. Босхолов также выделил ряд тенденций уголовной политики, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время: постепенный отказ от возможности разрешения любых социальных проблем методом принуждения, ориентация на международные стандарты и международный опыт борьбы

¹ См.: Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью: Учеб. пособие. М., 1972. С. 19.

² См.: Бажанов С. В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право: Моногр. / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2003. С. 1920.

³ См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: Проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 46.

⁴ См.: Бажанов С. В. Указ. соч. С. 32.

⁵ См.: Босхолов С. С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

с преступностью, ориентация уголовной политики на пересмотр законодательства в борьбе с преступностью под углом зрения его соответствия Конституции Российской Федерации¹. Однако указанные тенденции вызвали ряд принципиальных возражений.

Так, например, исследования, проведенные С. В. Бажановым среди сотрудников правоохранительных судебных органов, демонстрируют следующее: лишь 21,7 % респондентов ответили, что полностью согласны с установками уголовной политики; 38,6 % выразили свое несогласие с ней; 39,7 % пояснили, что проводимая уголовная политика в целом приемлема, но страдает излишней либеральностью, которая проявляется, в частности, в обилии пробелов в законодательной регламентации, имеющих место «двойных стандартах», моратории на смертную казнь, мягкости санкций УК РФ, «трепетном отношении к элите»².

Что касается пробелов в законодательной регламентации, то оперативно-разыскная деятельность не является исключением и некоторые публикации последнего времени являются тому наглядным подтверждением³. Следует отметить, что, несмотря на свою относительную молодость, оперативно-разыскное право является весьма динамично развивающейся отраслью. И подробная регламентация этой деятельности, которая может вторгаться в частную жизнь человека, безусловно, необходима.

Именно негласность мероприятий, проводимых оперативными подразделениями различных ведомств, вызывает недовольство противников оперативно-разыскной деятельности. Они полагают, что узаконенный арсенал средств негласного контроля за человеком оперативные работники используют часто для иных целей, нежели для борьбы с преступностью, а большое количество субъектов, наделенных правом осуществления оперативно-разыскной деятель-

ности, может установить за человеком тотальный контроль. Данные обстоятельства, безусловно, вызывают осуждение со стороны общественности.

Однако, как представляется, однобокость суждений в условиях сегодняшних реалий нашей жизни просто недопустима. Следует отметить, что неоднозначные представления о месте и роли силовых ведомств небызвестны истории. Так, английская общественность длительное время в любом виде полицейского надзора усматривала угрозу провозглашенным гражданским свободам. Продолжалось это до тех пор, пока Лондон в 30-е гг. XIX в. буквально не поглотила «трясина преступлений, насилия и беззакония». Как пишет Ю. Тюрвальд, озлобленность и тревога лондонской общественности были вполне естественными, но это возмущение ей следовало бы обернуть против самой себя⁴.

Развивая данную мысль, вполне уместно привести мнение о том, что лишь при наличии взаимодействия и тесного переплетения двух начал: развития и творения нового, с одной стороны, и сохранения преемственности с прошлым, с другой, можно говорить об общественно-историческом процессе⁵. Речь идет об односторонней, по нашему мнению, трактовке принципов уголовной политики. В качестве примера можно привести уголовно-исполнительную составляющую политики борьбы с преступностью. Провозглашенные принципы гуманизации назначения и исполнения уголовных наказаний, бесспорно, не лишены положительных моментов. Однако чрезмерная увлеченность претворением в жизнь указанных принципов может дать обратный эффект. Ведь улучшение условий отбывания наказаний в виде лишения свободы практически не сопровождается улучшением правового положения сотрудников уголовно-исполнительной системы. Достаточно отметить, что до сих пор отсутствует документ, регламентирующий в полном объеме порядок и условия прохождения службы в данном ведомстве.

¹ См.: Босхолов С. С. Указ. соч.

² См.: Бажанов С. В. Указ. соч. С. 22–23.

³ См., напр.: Билоус Е. Н., Васильев Н. Н., Харченко С. В. Вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: проблемы и противоречия // Государство и право. 2006. № 11. С. 21–31.

⁴ См.: Тюрвальд Ю. Век криминалистики: Пер. с нем. М., 1991. С. 56.

⁵ См.: Гаджиев К. С. Политическая наука. М., 1996. С. 247.

Таким образом, избежать злоупотребления при использовании негласных сил и средств оперативно-разыскной деятельности возможно лишь путем дальнейшего совершенствования оперативно-разыскного законодательства, а также создания (усовершенствования) механизмов контроля за ней. Поскольку законы, как считал Ч. Беккариа, являются условиями, на которых люди, до того независимые и живущие в одиночку, объединились в общество, утомляясь от постоянной войны и свободы, бесполезной, потому что не обеспеченной¹. Однако контроль этот должен иметь целью не только и не столько создание препятствий в деятельности оперативных подразделений, а анализ возникающих трудностей, выявление пробелов правового характера и

В. Е. Малышев,
*преподаватель Института
переподготовки и повышения
квалификации сотрудников
ФСБ России*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В настоящее время незаконная миграция оказывает негативное влияние на развитие нашего общества и создает предпосылки к социальной напряженности. Другими словами, незаконная миграция способствует усилению национализма, этносепаратизма, росту этнической преступности, стимулирует рост теневой экономики, ухудшает благосостояние коренного населения, создает условия для возникновения конфликтов, реальную угрозу изменения сложившейся демографической ситуации не только в отдельных регионах РФ, но и России в целом². При этом для эффективной борьбы с миграционной преступностью внешняя

решение иных сложностей, с которыми приходится сталкиваться в повседневной практике правоохранительным органам.

Библиографический список

1. *Бажанов, С. В.* Уголовно-процессуальная политика, экономика и право: монография / С. В. Бажанов ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2003.
2. *Босхолов, С. С.* Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.
3. *Билоус, Е. Н.* Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: проблемы и противоречия / Е. Н. Билоус, Н. Н. Васильев, С. В. Харченко // Государство и право. – 2006. – № 11.

политика России должна быть направлена на усиление сотрудничества государств в борьбе с этим злом, а также на эффективное осуществление действующих международных норм и заключение соответствующих соглашений на двусторонней, региональной и многосторонней основе³.

Таким образом, сложившаяся в России и мире миграционная обстановка показывает, что борьба с незаконной миграцией не может быть прерогативой какого-либо одного федерального органа исполнительной власти. В силу объективных причин такой орган не сможет охватить весь круг разноплановых проблем данной сферы. В таких условиях особое значение приобретает формирование системы государственных органов власти, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в которой каждый орган в рамках своей компетенции в тесном взаимодействии с другими органами осуществляет свою деятельность в данной области.

Среди федеральных органов исполнительной власти, участвующих в борьбе с незаконной миграцией, можно выделить основные министерства и ведомства, напрямую связанные с решением вопросов миграционного контроля в России. Прежде всего к ним можно отнести Министерство

¹ См.: *Беккариа Ч.* О преступлении и наказании // О свободе. Антология западноевропейской либеральной мысли. М., 1995. С. 112.

² См.: О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

³ См.: *Харламов О. С.* Иммиграционный контроль в системе функций органов внутренних дел России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 134.

внутренних дел России и входящую в его состав Федеральную миграционную службу как головной орган исполнительной власти в названной области, исходя из главной его задачи, состоящей в обеспечении личной безопасности граждан и общественной безопасности, охраны собственности и общественного порядка. К системе федеральных органов исполнительной власти России, участвующих в этом процессе, в соответствии с нормативными правовыми актами можно также отнести Федеральную службу безопасности с входящей в ее состав пограничной службой и службу внешней разведки. Кроме того, от таких государственных органов, как Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Министерство здравоохранения и социального развития и других в процессе их деятельности требуется участие в обеспечении тех или иных аспектов миграционной политики государства. Каждый орган исполнительной власти вносит свой существенный вклад в борьбу с незаконной миграцией. Однако у каждого ведомства, заинтересованного в пресечении незаконной миграции, имеются свои функции и круг специальных задач, и без налаженных контактов и тесного взаимодействия их полноценно решить невозможно.

Наиболее эффективную деятельность в выявлении и предупреждении организации незаконной миграции на территории субъектов РФ могут осуществлять во взаимодействии оперативные подразделения Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Федеральной службы исполнения наказаний. Это подтверждается необходимостью решения данными структурами общей задачи – борьбы с организованной преступностью в области незаконной миграции, а также наличием у них возможностей работать с иностранными гражданами. В настоящее время между указанными структурами не существует межведомственных нормативных актов, регулирующих их совместную работу по борьбе с незаконной миграцией, имеются лишь нормативные акты, регулирующие общие вопросы взаимодействия.

Сущность взаимодействия можно рассматривать в двух аспектах. В широком смысле это слаженная работа оперативных подразделений различных ведомств, в узком – отношения оперативных сотрудников

различных ведомств, возникающие в связи с конкретными оперативными проверками на разных стадиях оперативно-разыскной деятельности¹. Взаимодействие указанных органов в данной сфере должно осуществляться в определенных организационно-правовых формах. Оперативная практика сотрудничества дает исключительное многообразие этих форм, но наиболее распространенными в сфере борьбы с незаконной миграцией являются следующие:

1. Совместная разработка и издание нормативных правовых актов.

В целях решения задач по борьбе с организацией незаконной миграции указанным органам необходимо осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность, в которой значительное место будет занимать совместная разработка и издание нормативных правовых актов.

Совместная нормотворческая деятельность указанных органов может осуществляться по трем направлениям:

- участие в разработке проектов законодательных нормативных правовых актов органов государственной власти, касающихся совершенствования системы государственных мер по борьбе с организацией незаконной миграции²;

- согласование отдельных нормативных правовых актов, издаваемых иными федеральными органами исполнительной власти, участвующими в борьбе с незаконной миграцией;

- издание совместных межведомственных нормативных правовых актов по вопросам противодействия организации незаконной миграции.

2. Обмен информацией.

Постоянный и своевременный обмен информацией между федеральными органами исполнительной власти, участвующими в борьбе с организацией незаконной

¹ См.: Оперативно-разыскная деятельность: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шутилова. М., 2002. С. 211.

² См., напр.: Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11 авг. 2003 г. № 960. Согласно данному Указу ФСБ России участвует в подготовке проектов нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам, отнесенным к компетенции органов безопасности, в том числе в области борьбы с незаконной миграцией.

миграции, является неременным условием их успешной работы. Организация взаимодействия в вопросах планирования и осуществления совместных мероприятий во многом зависит от того, как налажен обмен информацией. Оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, могли бы самостоятельно информировать друг друга о выявленных фактах организации незаконной миграции и лицах, причастных к совершению этого преступления по следующим направлениям:

- о выявленных фактах незаконного въезда на территорию России, незаконном пребывании на ее территории и незаконном транзитном проезде через ее территорию;

- лицах и организациях, изготавливающих на территории России поддельные документы, дающие возможность иностранным гражданам незаконно въезжать на территорию России, пребывать на ее территории либо осуществлять транзитный проезд через ее территорию при отсутствии признаков, указывающих на их связь с иностранными спецслужбами и организациями;

- иных фактах и в отношении лиц, осужденных за организацию незаконной миграции, в действиях которых содержатся преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ);

- иностранных граждан, осужденных за совершение иных преступлений, сопутствующих организации незаконной миграции и направленных в исправительные учреждения России, в отношении которых имеется оперативная информация об их участии в организации незаконной миграции;

- лицах, осужденных за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 322.1 УК РФ и отбывающих наказание в учреждениях ФСИН России, в отношении которых имеется оперативная информация об их намерении совершить иное преступление на территории России;

- лицах, отбывающих наказание за совершение иных преступлений в исправительных учреждениях, проходящих по оперативной информации как связи участников организации незаконной миграции и т. д.;

- иностранных граждан, в чьих действиях выявлены признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 322.1 УК РФ, в случае получения дополнитель-

ной информации об их связях с иностранными спецслужбами;

- лицах и организациях, изготавливающих за пределами территории России поддельные документы, дающие возможность иностранным гражданам незаконно въезжать на территорию России, пребывать на ее территории либо осуществлять транзитный проезд через ее территорию;

- лицах, организующих незаконный въезд на территорию России вне пунктов пропуска через Государственную границу и т. д.

3. Совместное планирование и проведение мероприятий.

В современных условиях актуален вопрос взаимодействия в форме совместного планирования и проведения мероприятий оперативными подразделениями, участвующими в борьбе с организацией незаконной миграции, однако недостаточно эффективно используется в практической деятельности. Следовательно, для совместной подготовки и проведения оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ) необходимо действовать по следующему алгоритму.

Провести рабочее совещание, на котором должны присутствовать представители всех оперативных подразделений, участвующих в проведении ОРМ; проанализировать и оценить:

- имеющуюся оперативную информацию о предстоящем событии или действии и ожидаемый результат ОРМ;

- имеющиеся силы и средства у противоборствующей стороны, в том числе характеризующие данные на преступников;

- источники полученной информации, условия ее получения и достоверность, возможность получения дополнительной информации об ожидаемом событии или действии;

- возможности оперативных подразделений-участников, эффективность избранных места и времени проведения ОРМ, а также методов реализации ОРМ.

Для организации работы в этой форме на системной и плановой основе необходимо урегулировать вопрос планирования и проведения совместных мероприятий в сфере борьбы с организацией незаконной миграции не только на межведомственном уровне, но и между оперативными подразделениями местных органов исполнительной власти.

4. Взаимное использование своих сил и средств.

В сфере борьбы с незаконной миграцией возможности взаимного использования федеральными органами исполнительной власти своих сил и средств можно условно разделить на три группы.

1. Использование учетов, ведущихся в федеральных органах исполнительной власти, участвующих в борьбе с организацией незаконной миграции.

2. Использование оперативных возможностей федеральных органов исполнительной власти, участвующих в борьбе с организацией незаконной миграции.

3. Осуществление деятельности от имени других федеральных органов исполнительной власти, участвующих в борьбе с организацией незаконной миграции (например, изготовление документов прикрытия с целью не расшифровки принадлежности к тому или иному оперативному подразделению органа исполнительной власти).

5. Анализ и оценка результатов совместной работы и ее координация.

Анализ и оценку результатов совместной работы необходимо проводить с определенной периодичностью в форме подведения итогов работы. Так, на уровне руководителей взаимодействующих органов такой анализ и оценку совместной работы предлагается проводить ежегодно или один раз в два года. Начальникам оперативных подразделений, участвующих в проведении совместных ОРМ, целесообразно обсуждать возникающие проблемы после совместного проведения нескольких мероприятий с периодичностью один раз в полугодие или квартал. Оперативным сотрудникам и их непосредственным начальникам следует подводить итоги посредством анализа и оценки проведенных мероприятий сразу после их завершения. При этом в зависимости от уровня руководства, осуществляющего анализ и оценку результатов работы, будет зависеть то, какие проблемные вопросы необходимо обсуждать в процессе подведения итогов: организационно-управленческие, организационно-тактические или оперативно-тактические. Процесс анализа и оценки оперативными сотрудниками и их непосредственными начальниками результатов проведения совместного

ОРМ, как правило, состоит из обсуждения следующих вопросов:

- насколько полно достигнута цель совместного ОРМ;

- эффективность выбранной тактики проведения мероприятия и действий его участников;

- насколько была устойчива и непрерывна связь между руководителями и участниками мероприятия;

- насколько профессионально действовали участники мероприятия;

- не произошло ли расшифровки конфиденентов, задействованных в его проведении и др.

На основе анализа и оценки результатов проведенного совместно мероприятия в последующие действия могут быть внесены коррективы, выработаны определенные предложения, а также осуществлен маневр силами и средствами для достижения поставленной цели. Наиболее часто используемыми в оперативной практике формами подведения итогов и обмена опытом работы являются проведение рабочих встреч, совещаний с участием руководителей заинтересованных оперативных подразделений, семинаров и т. п.

Таким образом, наиболее эффективную работу по выявлению и предупреждению организации незаконной миграции смогут осуществить оперативные подразделения органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности и ФСИН России. По нашему мнению, с целью повышения уровня координации и взаимодействия перечисленных структур в работе по выявлению и предупреждению данного вида преступлений существует необходимость подготовки специального межведомственного нормативного правового акта, регламентирующего организацию и тактику осуществления совместных ОРМ. На наш взгляд, в таком документе должны найти отражение следующие вопросы: осуществление совместной нормотворческой деятельности; определение конкретных оперативных подразделений этих структур, которые будут осуществлять оперативно-разыскную деятельность по рассматриваемым направлениям; объекты заинтересованности, о которых указанные органы должны информировать друг друга в области борьбы с организацией незаконной миграции; порядок

проведения совместных ОРМ, координация их проведения; порядок взаимного использования сил и средств на этом направлении; порядок обмена информацией и работы органов исполнительной власти с учетом альтернативной подследственности квалифицирующего состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322.1 УК РФ.

Р. Р. Фатхуллин,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

Происходившие в России в начале 90-х гг. прошлого века экономические, социальные и политические реформы вызвали стремительные изменения в обществе, создав благоприятную среду для роста преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее: наркотики). В результате страну захлестнула волна наркомании, а ее масштабы и темпы роста сегодня ставят под угрозу национальную безопасность страны в целом, физическое здоровье и, более того, жизнь молодых людей. Распространению наркомании способствуют криминализация российского общества, профессионализация и консолидация наркопреступности.

В России общее число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составило: в 2001 г. – 241,6 тыс., 2002 г. – 189,6 тыс., 2003 г. – 181,7 тыс., 2004 г. – 181,8 тыс., 2005 г. – 175,2 тыс.¹

При этом следует отметить, что данная категория преступлений относится к числу наиболее высоклатентных, что затрудняет установление их истинного количества.

¹ См.: Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Статистический аспект 2005 г. / ФСИН России. М., 2006. С. 4.

Библиографический список

1. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2002.

2. Харламов, О. С. Иммиграционный контроль в системе функций органов внутренних дел России : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

Лица, привлекаемые к уголовной ответственности за деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в основном являются их распространителями. Организаторов же подобных преступных групп практически невозможно уличить в совершении преступлений без использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Кроме того, проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) при сборе материалов о незаконном обороте наркотиков позволяет существенно снизить латентную составляющую данного вида преступных проявлений.

С одной стороны, структура, состояние и динамика незаконного оборота наркотиков отражают криминогенную ситуацию по России в целом и в исправительных учреждениях (ИУ), в частности. С другой стороны, изменения в данной сфере влияют на оперативную обстановку в ИУ, несмотря на их «закрытость». Как показывают исследования, часть осужденных-наркоманов (почти до 25 %), содержащихся в колониях строгого режима, впервые попробовали наркотики именно при отбывании наказания².

Успешное решение проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в ИУ зависит от эффективности работы оперативно-розыскных подразделений, а значит, одним из приоритетных направлений ОРД в данных учреждениях должно стать совершенствование правового регулирования проведения ОРМ, перечисленных в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ³.

² См.: Родичева Т. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

³ См.: Рос. газ. 2005. 6 дек.

В целом вопросы правового регулирования проведения ОРМ приобретают в последнее время фундаментальный характер, в силу чего изучаются многими учеными. В частности, в целом ряде работ затрагиваются правовые стороны проведения ОРМ, формулируются научно обоснованные рекомендации по различным аспектам, направленные на повышение эффективности их правового регулирования¹.

Однако данные вопросы нуждаются в дальнейшем изучении, поскольку есть все основания полагать, что современная нормативно-правовая база, регулирующая проведение ОРМ при решении задач ОРД по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, недостаточно эффективна. Совершенствовать ее необходимо в различных направлениях. Остановимся на самых, по нашему мнению, актуальных из них.

Одной из наиболее значимых представляется проблема четкого законодательного определения сущности ОРМ, которые могут использоваться в деятельности оперативных подразделений ИУ. В. М. Аتماжитов и В. Г. Бобров справедливо замечают по данному поводу: «Закон перечисляет оперативно-розыскные мероприятия, однако не определяет их сути. Фактически установление правового содержания таких мероприятий, детальная регламентация их организации и порядка проведения «отданы на откуп» заинтересованным министерствам и ведомствам. Но в их нормативных правовых актах эти вопросы могут трактоваться (и толкуются) неоднозначно... Вместе с тем каждое мероприятие независимо от того, каким органом оно выполняется, обладает определенными свойствами, носящими общий

характер. Их правовое регулирование – это дело законодательного уровня»².

Подчеркивая необходимость закрепления в законодательстве общего определения ОРМ, а также основных содержательных характеристик конкретных ОРМ, следует отметить, что ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» допускает возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положением УПК РФ. Однако в последнее время следователи и судьи все чаще стали обращать внимание на законность деятельности оперативных подразделений при выявлении и фиксации фактических данных, которые могут использоваться в доказывании. В свою очередь, как показывает анализ практики, указанные субъекты уголовного судопроизводства испытывают определенные трудности в оценке правомерности проведения отдельных ОРМ в связи с отсутствием в законе, в том числе в УПК РФ, указаний на их содержание³. Действительно, не имея достаточно четкого представления о том или ином ОРМ, сложно судить, какие его результаты могут иметь доказательственное значение в рамках уголовного дела.

Важную роль в борьбе с незаконным оборотом наркотиков в ИУ играет своевременное использование специальной техники. В настоящее время положительным моментом является предоставление оперативными подразделениями по результатам проведения ОРМ фотоснимков, аудио- и видеозаписей, которые приобщаются к уголовному делу. Дальнейший порядок их использования определяется положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств (ст. 85, 86 УПК РФ). На подобные носители информации как на доказательства обвинения всегда ссылаются в своей практике Верховный суд РФ⁴. В связи с этим у оперативных подразделений ИУ появится заинтересован-

¹ См.: Бобров В. Г. Проблемные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью. Калининград, 1997. С. 45–50; Чечетин А. Е. Проблемные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий // Состояние, проблемы применения и совершенствования законодательства о борьбе с организованной преступностью и коррупцией. М., 2001. Вып. 1. С. 332–340; Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения. СПб., 2004. С. 59–143; Петров В. В. Правовое регулирование осуществления оперативно-розыскных мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков: Моногр. М., 2005. С. 131.

² Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности. М., 2003. С. 13.

³ В ст. 89 УПК РФ указывается лишь о запрещении использования результатов ОРД, не отвечающих требованиям, предъявляемым к доказательствам.

⁴ См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 29 дек. 1993 г. и 17 нояб. 1994 г. // Бюл. Верхов. суда РФ. 1997. № 11; 1995. № 5.

ность в использовании при проведении ОРМ всех своих оперативных возможностей.

Следует отметить, что в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ, входящем в систему правового регулирования ОРД, имеются нормы, которые фиксируют содержание отдельных ОРМ. Так, ст. 49 данного Закона определяет понятие контролируемой поставки и проверочной закупки наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов и оборудования. Вместе с тем ее содержание отчасти противоречит ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которая рассматривает все ОРМ как «универсальные» и не ограничивает их проведение только в отношении наркотических средств и психотропных веществ, а также инструментов или оборудования. Практика свидетельствует, что предметом каждого из ОРМ, перечисленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», могут быть и оружие, и взрывчатые вещества, и сильнодействующие и ядовитые вещества.

Законодательством некоторых зарубежных государств определяются правовые основы ОРМ. Так, например, в ст. 2 «Основные понятия, применяемые в настоящем Законе» Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 9 июля 1999 г. даются определения всех ОРМ, перечисленных в указанном законе.

Такие ОРМ, как контрольная поставка и проверочная закупка, в ИУ применяются редко, поскольку практика их использования в борьбе с незаконным оборотом наркотиков отработана недостаточно. Следовательно, сотрудникам оперативных подразделений необходимо уделить этому направлению серьезное внимание. Проведение данных мероприятий возможно не только обособленно сотрудниками оперативных подразделений ИУ, но и во взаимодействии с другими субъектами ОРД.

Кроме того, осуществляя борьбу с незаконным оборотом наркотиков, оперативные подразделения ИУ для задержания лица или лиц, перебрасывающих наркотики осужденным, организуют засаду. По нашему мнению, данные действия относятся к ОРМ. На практике же засаду оформляют как наблюдение. Действительно, оперативные сотрудники, находясь в засаде, наблю-

дают за обстановкой. Однако между засадой с целью поимки преступника и наблюдением за ним с целью выявления его преступных связей имеются различия. Отсюда следует признать, что количество ОРМ значительно шире официально предусмотренных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности».

Рассматривая вопрос совершенствования правового регулирования ОРМ по исследуемой проблеме, следует согласиться с точкой зрения многих ученых о том, что деятельность оперативных подразделений различного предназначения (а соответственно и все ее виды) должна осуществляться в едином правовом поле. Это требует применения максимально унифицированного, может быть, даже специфичного для них, категориально-понятийного аппарата.

Таким образом, очевидно, что назрела острая необходимость внесения изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, в ст. 6 этого Закона следует дать определение ОРМ, а также расширительно-толковательные дефиниции всех существующих ОРМ. Это позволит избежать произвольного ведомственного их трактования и расширить возможности использования результатов ОРД в качестве доказательств.

Мы затронули только небольшую часть проблем, связанных с правовым регулированием ОРМ, от решения которых зависит эффективность борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в ИУ.

Библиографический список

1. *Захарцев, С. И.* Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения / С. И. Захарцев. – СПб., 2004.
2. *Родичева, Т. П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
3. *Чечетин, А. Е.* Проблемные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий / А. Е. Чечетин // Состояние, проблемы применения и совершенствования законодательства о борьбе с организованной преступностью и коррупцией. – М., 2001. – Вып. 1. – С. 332–340.

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

М. П. Еремкин,

*доцент кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
Академии права и управления ФСИН России
кандидат юридических наук*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ПЕРСОНАЛА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Одним из обстоятельств, способствующих сдерживанию криминальных проявлений в исправительных колониях, является деятельность персонала этих учреждений по пресечению преступлений и применению уголовного закона. Осуществляя возложенные законом служебные обязанности, сотрудники исправительных колоний нередко подвергаются различного рода насильственным посягательствам со стороны осужденных, что определяет повышенное внимание к состоянию их защищенности со стороны государства. Для обозначения наиболее значимых приоритетов в создании действенных антистимулов к совершению насильственных преступлений против персонала исправительных колоний используется, кроме прочих средств, и уголовный закон.

Ситуации, приводящие к оказанию насильственного сопротивления сотруднику исправительной колонии, а также ситуации посягательств на его жизнь и здоровье (за исключением заранее подготовленных и внезапно осуществленных посягательств, не связанных с предыдущими контактами между субъектами) относятся к конфликтным. Данная ситуация является в равной степени следствием ролевого поведения как правонарушителя, так и сотрудника исправительной колонии. При этом противоправные действия правонарушителя выступают обязательным условием правомерного включения сотрудника исправительной колонии в ситуацию, а правомерные действия сотрудника по пресечению противо-

правных действий осужденного обуславливают противодействие. Вместе с тем личность и поведение потерпевшего сотрудника могут играть существенную роль в мотивации преступного поведения и ситуации, в которой оно осуществляется, например, необоснованное применение мер дисциплинарного характера к осужденному, применение специальных средств, оскорбление, унижение и т. п.

Факты, связанные со спецификой деятельности сотрудников учреждений, исполняющих наказания, позволяют выделить виктимологические аспекты в рассматриваемой категории преступлений и провести анализ профессиональной виктимности сотрудников исправительных колоний.

Профессиональная виктимность является одной из подструктур групповой и ролевой виктимности, однако подструктурой весьма специфической. Специфика объясняется все тем же признаком профессиональной виктимности – присутствием безличного функционального свойства жертвы (профессии), выделяющего ее среди представителей других групп и носителей других социальных ролей. При детальном рассмотрении особенностей виктимности отдельных профессий это безличное свойство нередко играет определенную роль.

Профессия сотрудника правоохранительных органов чаще выделяется исследователями в ряду других виктимных профессий. Наиболее подвержены насильственным посягательствам со стороны осужденных те представители персонала исправительной колонии, которые непосредственно по своим служебным обязанностям контактируют с ними (сотрудники службы безопасности, младший контролерский состав, начальники отрядов, оперативный состав, медицинский персонал, вольнонаемные сотрудники производственной базы).

Основной причиной является предписанное служебными обязанностями сотрудникам активное взаимодействие с осу-

жденными (среди которых немало агрессивно настроенных в отношении них) в целях исполнения уголовного наказания, предотвращения совершения новых преступлений, а также ситуаций, способствующих агрессии осужденных (в любой другой группе подобное стремление можно было бы объяснить только склонностью к мазохизму). Таким образом, необходимо обратиться к анализу конфликтной ситуации «правонарушитель (осужденный) – сотрудник исправительной колонии», поскольку преступник, жертва и криминальная ситуация тесно связаны между собой, образуя своеобразную систему, существующую только при наличии всех компонентов.

Теоретически виктимологическая профилактика насильственных преступлений, совершаемых в ситуации конфликта, сводится либо к выработке у жертвы навыков распознавания таких ситуаций и избежания их (последнее противоречит обязанностям сотрудников исправительной колонии), либо к требованию придерживаться непровоцирующих форм поведения. В связи с этим возникает проблема трактовки действий сотрудника исправительной колонии в ситуации, предшествующей посягательству на него.

Как правило, под «виной жертвы» понимается ее отрицательное поведение, противоречащее нравственным принципам и нарушающее любые социальные нормы, за исключением в ряде случаев норм юридических, когда виктимологический аспект поведения субъекта отступает на второй план и превалирует правовой аспект.

Введение профессионального аспекта в содержание понятия «вина жертвы» по-

зволяет решить еще одну теоретическую коллизию, возникшую в результате утверждения, что активная роль в генезисе преступного поведения может принадлежать жертве только при ее провоцирующем поведении, т. е. при наличии «вины». Активность позиции сотрудника исправительной колонии при взаимодействии с преступником (осужденным), продиктованная его профессиональными обязанностями, положительная с точки зрения этики и права, в сочетании с профессиональными действиями может провоцировать посягательство. Активность, подкрепленная профессионализмом, в большинстве случаев не дает перерасти виктимности из потенциальной в реальную. Резонно предположить, что наиболее уязвимыми для посягательств должны быть сотрудники исправительной колонии с небольшим стажем.

Библиографический список

1. *Богачевская, Е. А.* Криминальное насилие лиц, лишенных свободы / Е. А. Богачевская // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 2.
2. *Вольяно, Д. Б.* Предупреждение преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
3. *Тулегенов, В. В.* Криминологические особенности насилия в местах лишения свободы / В. В. Тулегенов // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия) / под ред. А. И. Долговой. – М., 2004.

Р. Р. Зарипов,

*преподаватель кафедры экономических и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

МИССИЯ И ЦЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В настоящее время перед руководством предприятий уголовно-исполнительной системы (УИС) возникает ряд проблем:

– низкие качественные характеристики трудовых ресурсов осужденных;

– отсутствие действенных стимулов для предприятий и организаций различных организационно-правовых форм, создающих рабочие места для обеспечения занятости осужденных;

– устойчивое негативное отношение в обществе к УИС;

– неукомплектованность производственных служб УИС профессионально подготовленными кадрами;

– случается, что руководство предприятий УИС удовлетворено даже в том случае, когда удается разработать план, кото-

рый если не обеспечивает максимально возможной прибыльности, то позволяет выйти на ее удовлетворительный уровень, т. е. получить приемлемую прибыль. Такая тенденция наблюдается также на многих предприятиях мира. Г. Симон называл это явление ограниченной рациональностью¹. Поскольку люди располагают ограниченными возможностями для понимания происходящего и за определенный промежуток времени могут обрабатывать только ограниченный объем информации, то часто после принятия первого решения поиск других вариантов действий, более рациональных, прекращается².

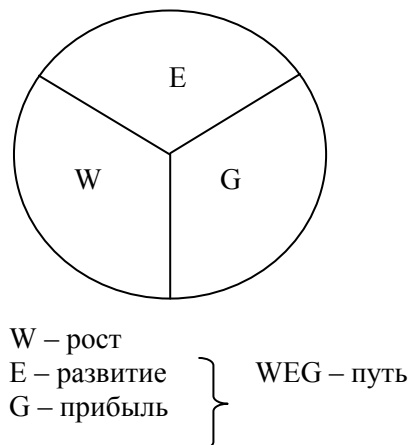
Однако, по нашему мнению, главной проблемой в деятельности предприятий УИС является отсутствие четко сформулированной и выраженной цели деятельности предприятия. Достижению положительного результата способствуют грамотный менеджмент предприятия и успешная деятельность его сотрудников.

Исследователи в области экономической теории обычно исходят из того, что главной целью предприятия является получение максимальной прибыли. Многие ученые, анализирующие трудовую деятельность осужденных, могут возразить данной точке зрения, поскольку уголовно-исполнительное законодательство имеет основной своей целью исправление осужденных³, а интересы исправления осужденных не должны подчиняться цели получения прибыли от их труда⁴.

Вместе с тем практические работники УИС часто путают миссию и цели организации или не находят отличия между ними.

Немецкий экономист А. Дайле разработал следующую модель определения целе-

вой картины и постановки цели для их практического достижения⁵.

В данной модели цель W означает рост, т. е. увеличение производства и продажи изделий или предоставляемых услуг, которые уже определены в программе предприятия. Таким образом, необходимо увеличение объема выпуска продукции и завоевание дополнительных рынков сбыта. Мы согласны с утверждением А. Дайле, что рост является обязанностью предприятия.

Цель E – развитие, под которым понимается постоянное освоение новых продуктов, имиджей и процедур управления. Следует отметить, что данные процедуры не должны выполняться тогда, когда станет очевидным спад в развитии продукта, который был основным.

Цель G – прибыль предприятия. Прибыль необходима для осуществления финансирования роста и развития предприятия.

Таким образом, миссия выражает философию и смысл существования организации, отражающие общественно значимые намерения, а также дает представление о ключевых целях и принципах работы.

По нашему мнению, наиболее полно требования к формулировке миссии определила доктор экономических наук, профессор З. П. Румянцева:

⁵ См.: Дайле А. Практика контроллинга / Под ред. и с предисл. М. Л. Лукашевича, Е. Н. Тихоненковой. М., 2005. С. 17.

¹ См.: Simon H. A. Theories of decision making in economics and behavioral science // The American Economic Review. 1959 June. P. 83.

² См.: Друри К. Управленческий и производственный учет. Вводный курс: Учеб. для студентов вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 7.

³ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁴ См.: Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

– миссия формулируется вне временных рамок, что позволяет считать ее «бесвременной»;

– миссия не должна зависеть от текущего состояния организации, форм и методов ее работы, так как она устремлена в будущее и показывает, на что будут направляться усилия и какие ценности для организации наиболее важны;

– в миссии не принято указывать в качестве цели получение прибыли, несмотря на то, что прибыльная работа является важнейшим фактором жизнедеятельности любой коммерческой организации. Однако фокусирование на прибыль может существенно ограничить спектр рассматриваемых организацией путей и направлений развития, что в конечном счете может иметь негативные последствия;

– между миссией организации и более общей системой, частью которой она является, не должно быть противоречий¹.

Таким образом, по нашему мнению, миссией предприятий УИС являются исправление осужденных и адаптация их к жизни на свободе.

Однако достижение миссии невозможно, если не будут поставлены и достигнуты цели организации.

1. Социальная цель. Согласно п. 3 и 5 ст. 13 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» исправительные учреждения обязаны привлекать осужденных к труду, осуществлять их общее и профессиональное образование и обучение, а также осуществлять деятельность по развитию своей материально-технической базы и социальной сферы.

2. Экономическая цель – получение прибыли.

Указанные цели взаимосвязаны, и невозможно выполнить миссию предприятия, если не достигнута хотя бы одна из них.

Если предприятия УИС будут нести убытки, то от сотрудничества с ними откажутся все поставщики и покупатели, и как следствие, произойдет остановка производства. В данной ситуации предприятие не сможет обеспечить осужденных рабочими местами, осуществить их образование, а также развивать материально-техническую базу и, как следствие, перевоспитать и адаптировать осужденных к жизни на свободе. Следовательно, миссия предприятия не выполнена.

Таким образом, для развития производственного сектора УИС необходимо получение прибыли.

Максимизируя прибыль, предприятие улучшает свое собственное положение, что приводит к улучшению экономического благосостояния работников данного предприятия (сотрудников и осужденных) и УИС в целом. Таким образом, стабильная прибыль предприятий УИС позволяет обеспечить постоянную занятость осужденных. Кроме того, они получают стабильную заработную плату, что позволяет им помогать родным и близким, а при освобождении они будут иметь первоначальный капитал.

Вместе с тем, если предприятия УИС будут получать прибыль, однако при этом интересы исправления осужденных отойдут на второй план, то соответственно по окончании срока окажется, что человек абсолютно не готов к жизни на свободе и не хочет вставать на праведный путь. В данной ситуации миссия предприятия не будет выполнена.

Библиографический список

1. Дайле, А. Практика контроллинга / А. Дайле ; под ред. и с предисл. М. Л. Лукашевича, Е. Н. Тихоненковой. – М., 2005.

2. Друри, К. Управленческий и производственный учет. Вводный курс : учеб. для студентов вузов / К. Друри. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.

3. Управление организацией : учебник / под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Соломатиной. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.

¹ См.: Управление организацией: Учеб. / Под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Соломатиной. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 85.

О. К. Курысева,
курсант ВЮИ ФСИН России
С. В. Лаврентьев,
курсант ВЮИ ФСИН России
М. Е. Рычаго,
доцент кафедры специальной техники
и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России
кандидат физико-математических наук,
доцент

ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ МАРШРУТОВ ПАТРУЛИРОВАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ОБЪЕКТОВ

Задачи осуществления патрулирования особо охраняемых объектов специальными подразделениями органов внутренних дел (ОВД) и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) возникают в связи с различными потребностями и могут решаться как в профилактическом режиме, так и в оперативном. В любом случае речь идет об организации эффективного патрулирования системы объектов по следующим параметрам: количество посещений каждого пункта в сутки, общее время патрулирования и т. п.

В качестве примера одной из таких задач можно привести патрулирование подразделениями вневедомственной охраны объектов, находящихся на охране, с целью профилактики правонарушений и преступлений на закрепленной территории. При этом желательно использовать маршруты движения, которые обеспечивали бы посещение каждого пункта (без пропусков и повторений) и требовали минимума времени на весь цикл. Соответствие этим и некоторым другим параметрам способствует не только повышению эффективности профилактической работы, но и немалой экономии временных, материальных и людских ресурсов. Однако маршруты патрулирования, реализуемые на практике, как правило, не удовлетворяют указанным требованиям. В связи с этим является актуальной разработка оптимальных маршрутов патрулирования особо охраняемых объектов специальными подразделениями.

Тщательный анализ возможных формальных постановок рассматриваемых за-

дач вызывает необходимость решения так называемой задачи коммивояжера, относящейся к типовым задачам дискретной оптимизации.

Наиболее ярким и характерным примером является оптимизация операций на конвейере. В 1984 г. по завершении исследования последовательности и временных затрат каждой конвейерной операции на заводах компании «General Motors» и принятии соответствующих мер удалось увеличить общую производительность почти на 13 % при неизменном числе рабочих и том же оборудовании. Примечательно, что все расчеты осуществлялись на компьютерах IBM 360gr, которые в то время являлись одними из самых производительных систем в мире. Пересчет и оптимизация 200 основных и 87 вспомогательных операций заняли около 230 ч. Считается, что это было первое коммерческое применение компьютерных технологий в области управления производством в целом¹.

В настоящее время решение данной задачи необходимо во многих областях, связанных с замкнутыми и при этом жестко ограниченными по времени системами, такими как конвейерное производство, многооперационные обрабатывающие комплексы, судовые и железнодорожные погрузочные системы, перевозки грузов по замкнутому маршруту, расчет авиационных линий и др.

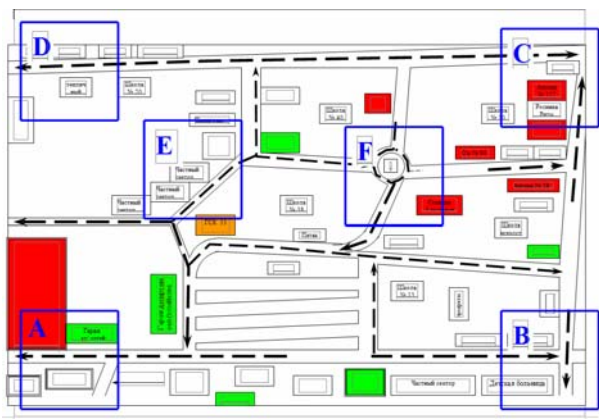
Задача коммивояжера является одной из знаменитых математических задач, заключающейся в следующем: «Коммивояжер (бродячий торговец) должен выйти из первого города, посетить по разу в неизвестном порядке города 2, 3, ..., n и вернуться в первый город. Расстояния между городами известны. В каком порядке следует обходить города, чтобы замкнутый путь (тур) коммивояжера был кратчайшим»².

Аналогично данной задаче вместо бродячего торговца следует использовать патрульную машину, а вместо городов – объекты охраны. Таким образом, получается стандартная задача отдела вневедомственной охраны.

¹ См.: Шапошников А. Д., Яров Е. И. Решение задачи о коммивояжере // www.ref.by/refs/.../1.html.

² Там же.

На кафедре специальной техники и информационных технологий ВЮИ ФСИН России такая задача была поставлена и успешно решена по заказу организационно-аналитического отдела Штаба УВД Владимирской области. За основу были взяты данные реальных карточек типовых маршрутов групп задержания, предоставленные отделениями вневедомственной охраны (ОВО) при ОВД Фрунзенского района г. Владимира. Указанная карточка имеет следующий вид:

В качестве «городов» выбраны пункты А, В, С, D, E, F, связанные с крупными перекрестками. Расстояния между пунктами в километрах вычислены достаточно точно с помощью электронной карты соответствующего городского района и помещены в следующую матрицу-таблицу:

	A	B	C	D	E	F
A		1,9	3,5	2,6	1,4	1,7
B	1,9		1,6	2,8	1,8	1,5
C	3,5	1,6		1,1	1,7	1
D	2,6	2,8	1,1		1,2	1,4
E	1,4	1,8	1,7	1,2		0,7
F	1,7	1,5	1	1,4	0,7	

Данная матрица условий содержит затраты (это могут быть не только километры, но и часы) на переход из одного пункта в другой. Целью решения является нахождение маршрута, удовлетворяющего всем вышеперечисленным условиям и при этом имеющего минимальную сумму затрат.

В настоящее время в комбинаторике существует ряд методов, применяемых для

решения задач коммивояжера: полного перебора, «жадный», деревянный, метод ветвей и границ, а также алгоритм Дейкстры и некоторые другие. Наиболее известными и употребительными среди них являются метод ветвей и границ и алгоритм полного лексикографического перебора. Причем теоретически первый метод выступает частным случаем второго. Это тоже перебор, но не полный. В этом заключается его основное достоинство: отсеять часть вариантов, заведомо далеких от оптимальных. Общее количество вариантов объезда всех n городов составляет $(n-1)! = 1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot \dots \cdot (n-1)$, что уже для 6 объектов превращается в 120 возможных замкнутых маршрутов. Поэтому метод полного перебора (или «brute-force enumeration» – «перебор животной силой», как его называют в англоязычной литературе) трудно реализуем на практике при больших n .

Общую идею ветвления можно представить следующим образом: нужно разделить огромное число перебираемых вариантов на классы и получить оценки для этих классов, чтобы иметь возможность отбрасывать варианты не по одному, а целыми классами¹. Трудность состоит в том, чтобы найти такое разделение на классы (ветви) и такие оценки (границы), чтобы процедура была эффективной.

С помощью данного метода были рассчитаны оптимальные маршруты групп задержания, рекомендованные ОВО при ОВД Фрунзенского района г. Владимира для осуществления ими профилактического патрулирования на закрепленной территории. В вышеприведенном примере оптимальный маршрут А–В–С–D–F–E–А имеет длину 8,1 км, которая является минимальной из всех 120 возможных вариантов.

Следует отметить, что точный расчет одной карточки занимает несколько дней работы квалифицированного математика. Поэтому возникает вопрос о создании автоматизированной системы поиска оптимальных маршрутов патрулирования, не требующей больших технических ресурсов

¹ Более подробно см.: Фомин Г. П. Математические методы и модели в коммерческой деятельности. М., 2001.

и обладающей определенной гибкостью по отношению к исходным данным.

При разработке данного направления прежде всего пришлось отказаться от идеи автоматизации вычислительного процесса средствами популярного в настоящее время офисного приложения MS Excel, плохо приспособленного к обработке массивов данных, объем которых постоянно меняется. В связи с этим было принято решение использовать язык программирования Паскаль. Принимая во внимание не очень большое число пунктов искомого маршрута в изучаемых нами моделях (как правило, $n \leq 10$), применялся алгоритм полного перебора вариантов. В результате была создана компьютерная программа, позволяющая за доли секунды обработать такой объем данных, на который ранее требовалось значительное количество времени¹.

Во всемирной компьютерной сети можно найти немало сведений о том, что задача коммивояжера кем-то уже решена и реализована на компьютере. Встречаются даже сообщения о якобы найденных новых вычис-

лительных схемах и алгоритмах. Однако большинство авторов текстов своих программ не приводят. А те программы, которые нам удалось найти, оказались с ошибками (скорее всего умышленными) и не работали².

Таким образом, полученные нами разработки являются весьма эффективными, а задача создания комплексной автоматизированной системы поиска оптимальных маршрутов патрулирования для нужд ОВО, а также других специальных подразделений ОВД и ФСИН России представляется весьма перспективной.

Библиографический список

1. Анищенко, А. С. Задача коммивояжера // www.ref.ewereka.ru.
2. Кузнецов, О. П. Дискретная математика для инженера / О. П. Кузнецов, Г. М. Андельсон-Вельский. – М., 1988.
3. Фомин, Г. П. Математические методы и модели в коммерческой деятельности / Г. П. Фомин. – М., 2001.
4. Шапошников, А. Д. Решение задачи о коммивояжере // www.ref.by/refs/.../1.html.

С. М. Николаев,
*преподаватель кафедры
уголовного, уголовно-исполнительного
права и криминологии
Псковского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний*

УСПЕШНАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ

Высокий рецидив у несовершеннолетних, отбывших наказания, требует всестороннего анализа результатов педагогического процесса в воспитательных колониях, поиска путей его совершенствования. При этом эффективность педагогического воздействия на несовершеннолетних преступников в воспитательных колониях возможна лишь на основе научного подхода, применения в практической деятельности но-

вейших теоретических разработок и открытий из разных областей знания, включая общую и пенитенциарную педагогику и психологию.

Оставаясь закрытыми учреждениями, воспитательные колонии во многом сохраняют отпечаток карательной практики недавнего прошлого. Следует отметить, что репрессивный подход в исправлении преступников имеет право на существование и в ряде случаев оказывается весьма эффективным. Однако в отношении значительной части несовершеннолетних преобладающими должны быть гуманистические начала, восходящие к традициям российской педагогической науки, опирающиеся на всестороннюю социально-педагогическую и психологическую помощь личности и ее социальную защищенность. Особое внимание в настоящее время следует обратить на произошедшие за последние годы разрушение старых стереотипов мышления людей и переосмысление нравственных ориентиров,

¹ С текстом программы и ее возможностями можно познакомиться на кафедре специальной техники и информационных технологий ВЮИ ФСИН России.

² См., напр.: прил. к ст. Анищенко А. С. Задача коммивояжера // www.ref.ewereka.ru.

изменение ценностных ориентаций, активизировавшееся проявление нетерпимости, агрессивности, жестокости и других негативных качеств. Вместе с тем законопослушное поведение – это обязанность каждого человека, основа гражданственности и нормального функционирования общества.

В настоящее время тенденция к гуманизации деятельности пенитенциарной системы становится наиболее приоритетным направлением уголовно-исполнительной политики, а проблема целей и задач деятельности воспитательных колоний приобретает все большую актуальность. «Современная пенитенциарная система все более склонна ориентироваться на достижение цели ресоциализации осужденных в период отбывания наказания, связанного с лишением свободы, что вполне созвучно с мировой пенитенциарной теорией и практикой и не противоречит закреплённой в законодательстве цели исправления осужденных»¹. В первую очередь это относится к несовершеннолетним осужденным, так как многие из них были лишены нормальных условий воспитания. Деформированная система ценностей явилась результатом различных негативных отклонений в процессе социализации и стала одной из причин совершения преступления.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также тем, что за время нахождения несовершеннолетнего осужденного в местах лишения свободы достижение цели «исправления» как цели исполнения наказания вызывает много вопросов, поскольку не всегда удается достичь позитивных изменений в личности воспитанника. В связи с этим важным является рассмотрение ресоциализации с позиции функционирования воспитательной системы, основанной на принципах психологии, педагогики, а также способности личности к саморазвитию и самовоспитанию.

Воспитание в широком смысле относится к функции общества, обеспечивающей ее развитие посредством передачи новым поколениям людей социально-исторического опыта. Воспитание в социально-педагогическом

смысле представляет собой сознательно организуемый процесс формирования сознания, поведения и всестороннего развития личности. Он является двусторонним: 1) педагогический коллектив сотрудников воспитательной колонии, конечный результат деятельности которых направлен на изменение негативных личностных качеств воспитываемых, их поведения; 2) воспитываемые, их деятельность по усвоению определенного комплекса знаний, умений и навыков, необходимых для нормальной жизни в обществе. По мнению А. А. Крылова, воспитание является одной из форм социализации личности, а именно управляемым и целенаправленным процессом социализации².

В. Н. Савардунова под социализацией понимает процесс становления социальной сущности человека, включение его в систему общественных отношений, формирование его в качестве субъекта общественной жизни, усвоение индивидом социального опыта³.

Человек является социальным существом и во многом продуктом микросреды, в которой он живет; от нее будет зависеть содержание усваиваемого опыта. Нарушения в процессе социализации на уровне различных ее институтов во многом связаны с отрицательной микросредой, что приводит к усвоению человеком антиобщественных норм и ценностей. Из-за несформированности личностных идеалов и ценностей несовершеннолетние в наибольшей степени подвержены риску отрицательного влияния социального окружения. Основная задача государства заключается в «социальном восстановлении личности», т. е. в ее ресоциализации.

Данной проблеме уделялось много внимания в работах ученых-пенитенциаристов. Так, М. И. Еникеев под ресоциализацией понимал восстановление в сознании дезсоциализированной личности общественно значимых норм, формирование навыков поведения⁴. З. А. Астемиров отождествлял

² См.: Крылов А. А. Психология. М., 1998. С. 241.

³ См.: Савардунова В. Н. Влияние воспитательной системы на ресоциализацию несовершеннолетних осужденных женского пола в период отбывания наказания в виде лишения свободы: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. С. 18.

⁴ См.: Еникеев М. И. Структура и система категорий юридической психологии: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996.

¹ Стурова М. П. О социально-педагогическом назначении пенитенциарной системы // Правовые и организационные основы функционирования органов, исполняющих наказания. М., 1995. С. 28.

содержание понятия «ресоциализация» с процессом исправления и перевоспитания осужденных в исправительно-трудовом учреждении¹. В. И. Дробышев, А. В. Чернышева указывали на то, что ресоциализация не ограничена рамками исправительного учреждения, поскольку нацелена на «включение осужденного в обычные условия жизни общества»². В. Н. Савардунова рассматривала ресоциализацию как процесс усвоения осужденными общественно одобряемых норм, ценностей, образцов поведения, восстановление утраченных либо несформированных навыков и привычек поведения. При этом отмечалось, что осужденные сами являются активными участниками данного процесса. Однако в местах лишения свободы необходимо сделать его управляемым, поэтому персонал исправительного учреждения должен выступать организатором жизнедеятельности осужденных в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы³.

Педагогический аспект процесса ресоциализации осужденных заключается в создании воспитывающей среды исправительного учреждения, обеспечивающей осужденному возможность для усвоения положительного социального опыта и изменения поведения в период отбывания наказания. Это положение позволяет рассматривать ресоциализацию с позиции функционирования воспитательной системы исправительного учреждения, что дает возможность изучить данный процесс в совокупности влияющих на него факторов.

Исправительные учреждения для несовершеннолетних являются местами лишения свободы, однако носят более выраженный воспитательный характер. При этом воспитательную систему следует рассматривать как особое состояние, когда элементы, ее составляющие, их связи и отношения образуют целостность, имеющую воспитательно-педагогическую направленность. В условиях воспитательной колонии должен осуществляться

ся процесс восстановления личности, усвоения позитивного, идущего параллельно с ликвидацией негативных, асоциальных установок, стереотипов поведения.

Реализация наказания как кары за совершенное преступление постепенно отходит на второй план. Обращение с осужденным не как с пассивным субъектом воздействия, признание в нем личности, способной изменить себя не только под воздействием внешней среды, но и осознанно, целеустремленно, обусловили отказ от авторитарного стиля взаимоотношений и обращение к принципам педагогики сотрудничества. Эти позиции должны реализовываться через взаимоотношения с осужденными во всех сферах их жизнедеятельности: учебной, досуговой, бытовой, производственной и межличностной. Строгая правовая регламентация условий жизнедеятельности осужденных в исправительном учреждении, необходимость следования установленным правилам внутреннего распорядка в определенной степени сужают количество возможных вариантов решения данной проблемы.

Одной из основных закономерностей, влияющих на функционирование воспитательной среды, является формирование личности осужденных в деятельности. Корректировка отрицательных качеств личности должна осуществляться не путем постоянных нравучений, а посредством стимулирования различных видов деятельности и положительных проявлений личности воспитанника.

Исследования в данной области показали, что формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду (что является основными показателями исправления осужденных) часто вступает в конфликт с реальной действительностью. Любые формы и методы педагогического воздействия сталкиваются с негативным жизненным опытом воспитанника, что требует от сотрудников воспитательных колоний особого мастерства и профессиональной подготовки. Вместе с тем качественный и количественный состав сотрудников воспитательных колоний не соответствует установленным нормам.

Таким образом, для успешной ресоциализации несовершеннолетних осужденных необходимо учитывать следующие положения:

1. Несовершеннолетние осужденные попадают в места лишения свободы в период

¹ См.: Астемиров З. А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы // Тр. РВИШ МВД СССР. Рязань, 1973.

² Дробышев В. И., Чернышева А. В. Теоретическая характеристика основных положений ресоциализации осужденных в ИТУ // Правовые и организационные основы функционирования органов, исполняющих наказания: Тр. Акад. МВД РФ. М., 1995. С. 96.

³ См.: Савардунова В. Н. Указ. соч. С. 31.

становления их личности. В это время происходит освоение социальных ролей, которые подростку предстоит выполнять в обществе, формируются нравственные позиции, т. е. совершается прерывание нормальной социализации личности. Следовательно, складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, основной причиной преступного поведения подростка является социальная незрелость, незавершенность процесса социализации, а с другой – применяемое наказание препятствует процессу социализации и еще более усугубляет социальную незрелость.

2. Под ресоциализацией необходимо понимать, во-первых, противодействие асоциальной деградации личности воспитанника, во-вторых, «возобновление или повторность действия»¹. Вслед за приостановлением деградации личности общество должно попытаться вернуть несовершеннолетнего осужденного в число своих нормальных членов путем повторного включения индивида в число социализированных членов через осуществление комплексного педагогического воздействия. В-третьих, ресоциализация должна рассматриваться как восстановление индивида в качестве полноправного социализированного члена общества. Совокупность такого рода действий понимается как ресоциализация.

А. В. Павлинов,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Современная ситуация, сложившаяся в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, отражает процессы, происходящие в российском обществе, и определяется как криминогенно сложная, поскольку сегодня наблюдаются тенденции усиления организованности и

3. Ресоциализацию следует рассматривать как этап социализации личности несовершеннолетнего преступника, у которой в силу определенных причин нарушился процесс развития и включения в нормальную жизнь общества.

Таким образом, ресоциализация несовершеннолетних осужденных является одним из приоритетных направлений исполнения наказаний, а ее успешная организация – основным показателем эффективности деятельности воспитательных колоний.

Библиографический список

1. *Дробышев, В. И.* Теоретическая характеристика основных положений ресоциализации осужденных в ИТУ / В. И. Дробышев, А. В. Чернышева // Правовые и организационные основы функционирования органов, исполняющих наказания : тр. Акад. МВД РФ. – М., 1995.

2. *Савардунова, В. Н.* Влияние воспитательной системы на ресоциализацию несовершеннолетних осужденных женского пола в период отбывания наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000.

3. *Стурова, М. П.* О социально-педагогическом назначении пенитенциарной системы / М. П. Стурова // Правовые и организационные основы функционирования органов, исполняющих наказания. – М., 1995.

улучшения вооруженности преступников, роста числа наиболее опасных насильственных проявлений экстремизма.

В настоящее время увеличивается количество лиц, занимающихся террористической деятельностью: в 2004 г. было выявлено 43 человека, совершивших террористические акты, 15 – захват заложника, 158 являлись участниками и организаторами незаконных вооруженных формирований, 652 – участниками банд; в 2005 г. соответственно – 68 террористов, 16 – совершивших захват заложника, 272 члена и организатора незаконных вооруженных формирований, 545 бандитов. Многие из них уже находятся в местах лишения свободы. Так, по состоянию на 2005 г., в следственных изоляторах страны содержится 285 обвиняемых по ст. 205 и 208 УК РФ, в колониях и тюрьмах более 450 осужденных от-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 598.

бывают наказания за преступления террористического характера и сопутствующие им, всего же количество таких лиц в исправительных учреждениях достигло 1763 чел. В учреждениях уголовно-исполнительной системы Владимирской области за проявления террористической деятельности содержатся 12 осужденных, в их числе племянник Д. Дудаева – участник захвата «Норд-Оста» и взрыва у «Макдональдса» в г. Москве, который находится в колонии г. Покрова.

За время содержания лиц, причастных к совершению преступлений террористического характера, сотрудниками оперативных подразделений было получено более 2000 сообщений о складах оружия и оставшихся на свободе боевиках. Эти оперативные данные позволили раскрыть более 250 преступлений¹.

Уголовно-исполнительные учреждения должны использовать возможность предупреждения тяжких, особо тяжких преступлений против общественной безопасности, пенитенциарных рецидивов этих преступлений путем своевременного выявления и пресечения деяний, стимулирующих захваты заложников, теракты или создающих благоприятные условия для их совершения. Уголовно-правовыми средствами такой профилактической деятельности являются уголовно-правовые запреты с двойной превенцией (относительно, например, призывов к активному неподчинению законным требованиям представителей власти (ч. 3 ст. 212 УК РФ), незаконного изготовления оружия (ст. 223 УК РФ) и др.); уголовно-правовая норма о наказуемости приготовления к тяжким преступлениям (ст. 30 УК РФ).

Фактическая пролонгация приостановления юридически существующего института смертной казни существенным образом затруднит решение проблемы противодействия посягательствам террористического характера в уголовно-исполнительной системе². Это обусловлено тем,

что концентрация организаторов терактов, лидеров организованных групп в колониях для пожизненно осужденных может вызвать давление на руководителей и сотрудников данных исправительных учреждений со стороны оставшихся на свободе членов банд и вооруженных формирований. Кроме того, возможны штурмы колоний их боевыми структурами. Так, в октябре 2005 г. в г. Нальчике Кабардино-Балкарской Республики было совершено нападение на СИЗО с целью освобождения содержащихся в нем ваххабитов. В результате отражения этой вылазки боевиков 5 сотрудников уголовно-исполнительной системы были убиты. Зарубежной практике (Франция) также известны примеры подобного рода.

Важное значение имеет личность виновных в уголовно наказуемых проявлениях насильственного экстремизма. Поскольку каждый осужденный является представителем конкретной социальной группы, он придерживается присущих ей моральных установок. Поэтому он принимает наказание как справедливое, если оно соответствует представлениям его социальной группы. Индивидуально-предупредительное воздействие наказания в данном случае усиливается.

Нетипичен в этом отношении следующий пример. Согласно материалам уголовного дела № 5-002-45 гражданка Романова, 1974 г. рождения, уроженка г. Москвы, осуждена по п. «а» ч. 2 ст. 205, ч. 2 ст. 222, ч. 3 ст. 69 УК РФ к 5,6 годам лишения свободы за взрыв приемной ФСБ в г. Москве и отбывает наказание в учреждении ОД-1/1 УФСИН России по Владимирской области (пос. Головино). Она является членом анархо-коммунистической организации «Новая революционная инициатива». В 1998–1999 гг. Романова привлекалась к уголовной ответственности за участие во взрыве памятника Николаю II в г. Подольске. Данная гражданка успешно окончила физико-математическую школу, получила высшее образование по специальности экономист в академии имени Г. В. Плеханова, работала в сбербанке. У нее двое детей (4 и 7 лет). На формирование ее мировоззрения сильное влияние оказал учитель

¹ См.: Актуальные проблемы борьбы с терроризмом: Материалы Всерос. межвуз. науч.-практ. конф., 13 апр. 2006 г.: В 2 т. / Владим. юрид. ин-т. Владимир, 2006.

² См.: О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: Федер. закон от 27 дек. 2006 г. № 241-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 33.

истории в средней школе, особенно при проведении занятий по современной истории (последнего периода XX в.). Именно он привил ей идеи анархизма. До осуждения Романова высказывала намерения поддерживать политических заключенных и организовала «Проект поддержки политически репрессированных».

В настоящее время она поддерживает постоянный контакт с адвокатом, вину не признает и утверждает, что участия в теракте не принимала. Кроме того, Романова обжаловала решение суда в Европейском Суде по правам человека. Однако согласно приговору суда данная гражданка принимала активное участие в террористическом акте, более того, выступала в качестве его организатора. В ходе предварительного следствия, находясь под стражей в учреждении ИЗ-77/6, она получила 10 взысканий, 8 выговоров и дважды помещалась в карцер на 15 суток, поскольку постоянно создавала конфликтные ситуации, добивалась перевода в другие камеры путем объявления «мокрых» голодовок.

В личном деле Романовой содержатся распечатки ее писем, направленных в газету «Мысль» и опубликованных на сайте в Интернете. В них содержится обращение к осужденным и гражданам, составленное с употреблением неформального языка пенитенциарной субкультуры («фени») и описывающее неправомерные действия и нарушения закона со стороны сотрудников учреждений ОД-1/1 (Владимирская область) и ИЗ-77/6 (г. Москва). В личном деле также имеются многочисленные обращения политических деятелей к руководству учреждений, в которых содержалась Романова, а также в суд в ее поддержку.

Согласно социально-демографической характеристике организаторов незаконных вооруженных формирований, принимавших участие в противоправных действиях на территории Северного Кавказа, все они – лица мужского пола, их средний возраст – 39 лет, около 90 % из них имеют высшее образование, более 95 % состояли или состоят в браке. Более 50 % из них проходили службу в органах внутренних дел, 25 % – профессиональные военные, около 8 % –

представители других профессий, 17 % – нигде не работали¹.

Следует отметить, что лица, имеющие высшее образование и относительно высокий социальный статус, которые осуждены за проявления насильственного экстремизма, более чувствительны к лишениям по сравнению с другими осужденными, поскольку, чем выше развитие личности, тем сильнее нравственные страдания от лишений.

В профилактической работе с такими осужденными следует учитывать влияние, которое оказывает на них реакционное религиозно-политическое течение в мировом исламе суннитского толка – ваххабизм. Незаконным вооруженным формированиям, террористическим организациям, бандам, другим организованным группам, действующим в условиях межнациональных, религиозных конфликтов на территории Кавказского региона, и, в частности, Чеченской Республики, всегда была присуща организационная структурность в силу разделения населения на тейпы (кланы, общины) по территориальному и иным признакам. Такое деление является достаточно прочным и может сохраняться даже в местах лишения свободы, что требует обязательного учета в оперативной работе сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, воздействие на молодежь через правоэкстремистскую, профашистскую идеологию может происходить не только в условиях гражданского общества, но и продолжаться в местах заключения, поскольку ее берут под свою опеку такие партии и организации, как Русский национальный Союз (РНС), Русское национальное единство (РНЕ), Национал-большевистская партия Э. Лимонова. Поддерживать ультраправых националистов начинают и региональные представители власти, и частный капитал.

По статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹) и деятельности экстремистской организации (ст. 282²),

¹ См.: Павлинов А. В. Борьба с незаконными вооруженными формированиями: уголовно-правовые, социальные и уголовно-политические аспекты. Владимир, 2000. С. 25–26.

в 2004 г. выявлено 2 чел., за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282) – 26 лиц; в 2005 г. соответственно 25 чел. по ст. 282¹ и 282², 42 чел. – по ст. 282.

Судебной практике также известны случаи привлечения представителей сословия казаков к уголовной ответственности за такие преступления против общественной безопасности, как террористический акт, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм¹.

Таким образом, следует дифференцированно подходить к проблеме формирования отношений осужденных с обществом. С одной стороны, необходимо поддерживать их положительные связи и устремления, а с

Б. В. Смирнов,

доцент кафедры пенитенциарной педагогики, психологии и социальной работы

ВЮИ ФСИН России

кандидат медицинских наук

Н. А. Эккельман,

курсант ВЮИ ФСИН России

ПОДРОСТКОВАЯ НАРКОМАНИЯ И ТОКСИКОМАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В условиях воспитательного учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) в работе с подростками, страдающими психическими отклонениями, алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, наблюдаются значительные трудности.

Согласно ст. 23 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности. Таким лицам в соответствии со ст. 99 УК РФ судом наряду с наказанием могут быть назначены принудительные меры медицинского характера (например амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра).

Диспансерное наблюдение и лечение данной категории лиц осуществляются пси-

другой, усиливать изоляцию, если того требует ситуация, разрывать связи на тейповой или религиозной, идеологической или сословной основе, если они носят криминальный характер.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом : материалы Всерос. межвуз. науч.-практ. конф., 13 апр. 2006 г. : в 2 т. / Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2006.

2. О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : федер. закон от 27 дек. 2006 г. № 241-ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 1. – Ст. 33.

хиатрами-наркологами. В детских воспитательных колониях функции специалиста данного профиля выполняет врач-психиатр, имеющий специализацию по наркологии. При отсутствии психиатра эту работу проводит врач-ординатор общего профиля под контролем специалистов других пенитенциарных учреждений.

В Судогодской воспитательной колонии в настоящее время содержатся 184 подростка в возрасте от 14 до 18 лет. На диспансерном учете у психиатра состоят 93 человека. У 62 осужденных были обнаружены невротические, психопатические расстройства, умственная отсталость. Кроме того, отмечено употребление наркотиков, токсических веществ, а также злоупотребление алкоголем. Из них психотические заболевания (эпилепсия, шизофрения и др.) были диагностированы у 27 человек.

На диспансерном учете также состоят 2 подростка, злоупотребляющих алкоголем. Кроме того, у большинства несовершеннолетних осужденных прослеживается тенденция к заболеванию алкоголизмом. Наркомания была диагностирована у одного подростка. При этом следует отметить, что однократное употребление наркотических веществ не давало основания для постановки соответствующего диагноза. Токсикомания (характеризующаяся влечением к приему определенных веществ, вызывающих опьянение, кратковременную эйфорию) была выявлена у 44 человек.

¹ См.: Павлинов А. В. Указ. соч. С. 40–41.

Подростки данной группы вдыхали пары летучих органических растворителей с целью достижения состояния эйфории. Необходимо отметить, что в условиях воспитательной колонии доступ к этим веществам ограничен. Однако в ней налажено производство мебели, поэтому некоторые подростки-токсикоманы нарушают запреты.

Персонал данного учреждения обращает внимание на отклонения в поведении воспитанника, принявшего психоактивные вещества (ПАВ) или иные одурманивающие средства. Они проявляются в изменении настроения, дезориентации, беспричинном смехе, плаче, зрительных галлюцинациях. В этом состоянии подростки могут совершать опасные для себя и окружающих действия: перерезать провод, находящийся под напряжением, приняв его за змею, упасть под фрезу или сверло работающего станка, выпрыгнуть в окно под влиянием устрашающих видений и т. д.

У подростков-токсикоманов были выявлены последствия употребления химических веществ: снижение интеллекта и органическое поражение головного мозга. Токсикомания часто наблюдалась у подростков с диагнозом «психопатия», а также было выявлено сочетание двух патологий.

Органическое поражение головного мозга, энцефалопатии являлись следствием частых и тяжелых черепно-мозговых травм, нередко наблюдалась посттравматическая эпилепсия с характерными изменениями личности, проявляющимися в замкнутости, жестокости, бескомпромиссности. Кроме того, данные состояния усугублялись на фоне употребления токсических веществ.

Необходимо отметить, что при диагностике психической патологии у несовершеннолетних осужденных возникает ряд проблем. Правильной постановке диагноза препятствуют скрытность и некоммуникабельность пациентов. Иногда требуются длительное наблюдение, тщательное изучение истории жизни подростка, а также специальные лабораторные исследования. Так, в отличие от применения наркотиков употребление токсических веществ осужденными подростками не скрывается, так как оно не влечет уголовного наказания.

При наличии внешних признаков токсического или наркотического опьянения несовершеннолетний осужденный направляется для освидетельствования к психиатру, который дает оценку его психопатологического, неврологического и соматического статуса. Однако в установлении факта токсического опьянения существует ряд сложностей. Если при алкогольном опьянении имеются объективные тесты: использование индикаторных трубок Мохова и Шинкаренко, реакция Раппопорта¹ и т. п., то наркотик или ПАВ определить в крови сложно. Хроматография, радиоиммунный и ферментный анализы проводятся на сложной дорогостоящей аппаратуре, которая в медицинских частях воспитательных колоний отсутствует. Поэтому администрация колонии, как правило, не имеет законных оснований для наказания виновного.

Дополнительными (косвенными) доказательствами употребления несовершеннолетним осужденным ПАВ могут служить находящиеся в их жилых помещениях шприцы, инъекционные иглы, подозрительные порошки, таблетки, растворы и др.²

Проблема наркомании и токсикомании в исправительных учреждениях тесно связана с проблемой содержания ВИЧ-инфицированных осужденных³.

Следует отметить, что для УИС приоритетной является задача профилактики и борьбы с ВИЧ-инфекцией. Ее решение требует совместных усилий медицинских работников пенитенциарного учреждения и всех служб и отделов, в первую очередь — оперативно-режимных. Основная сложность заключается в содержании ВИЧ-инфицированных осужденных и подследственных в местах лишения свободы.

¹ См.: Жариков Н. М., Морозов Г. В., Хритинин Д. Ф. Судебная психиатрия: Учеб. для вузов. М., 2001. С. 230–231.

² См.: Смирнов Б. В., Кисляков А. В. Работа с лицами, страдающими психическими отклонениями, алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, и ВИЧ-инфицированными подследственными и осужденными: Учеб.-метод. пособие. Владимир, 2005. С. 21–22.

³ См.: ВИЧ в тюрьмах: Практ. пособие для пенитенциар. учреждений новых независимых государств. Женева, 2001. С. 216.

Личный состав, медицинский персонал, подследственные и осужденные резко отрицательно относятся к данной категории лиц. Это обусловило желание создать для них условия, исключаяющие возможность распространения ВИЧ-инфекции, и предотвратить угрозу здоровью больных со стороны здоровых осужденных – изолировать от основной массы спецконтингента. Вместе с тем это влечет нарушение врачебной тайны. Например, если общеизвестным станет тот факт, что отряд № 7 состоит только из ВИЧ-инфицированных лиц, то этот отряд подвергается жесткому прессингу со стороны других осужденных несовершеннолетних. Распределение ВИЧ-инфицированных по отрядам обеспечит соблюдение прав человека и сохранение врачебной тайны, однако увеличит опасность неконтролируемого распространения инфекции.

Идеальной формой содержания данных лиц является создание особых зон, позволяющих сосредоточить там только ВИЧ-инфицированных. Вместе с тем это повлечет огромные материальные и организационные трудности, в основном в воспитательных колониях с малочисленной наполняемостью и высокой осведомленностью спецконтингента в отношении ВИЧ-инфицированных.

Следует отметить, что особая роль в проведении воспитательной работы с подростками в воспитательной колонии принадлежит психологам. В настоящее время необходимо создание и внедрение в практику новых диагностических и коррекционных технологий, особенно противосуицидальных программ, призванных облегчить состояние несовершеннолетних осужденных наркоманов и токсикоманов, а также ВИЧ-инфицированных, имеющих выраженные психические аномалии.

Актуальной также является проблема трудоустройства данных лиц, правильное решение которой способствует их успешной социальной адаптации¹. Главной задачей является их ресоциализация – возвращение подростка в общество в качестве полноценного его члена. При подготовке

его к жизни на свободе должны решаться следующие задачи: изменение негативных моделей поведения, мышления, эмоционального опыта, склоняющих его к употреблению алкоголя, наркотиков, ПАВ.

В г. Владимире принята и проводится в жизнь программа «Прорыв». Ее социальной задачей является развитие у подростка ответственного и здорового образа жизни. Данная работа направлена на несовершеннолетних нарушителей, осужденных и условно осужденных подростков, освободившихся из мест лишения свободы, семьи несовершеннолетних делинквентного и аддиктивного поведения.

Реабилитация начинается со знакомства социального работника с подростком, его семьей и окружением. Следующим этапом является индивидуальная работа с психологом (первичная консультация, социально-психологическое консультирование, коррекция). Психологи и психиатры воспитательной колонии должны проходить ювенальную подготовку, чтобы знать особенности возрастной психической нормы и патологии.

Целью обследования и консультаций являются оценка личности подростка, снятие агрессивности, налаживание социальных связей после освобождения из мест лишения свободы, развитие имеющихся у него способностей, учеба и трудоустройство.

Таким образом, дальнейшая работа с несовершеннолетними правонарушителями, злоупотребляющими наркотиками и ПАВ, предполагает внедрение современных технологий ювенальной юстиции, которое возможно при поддержке и помощи администрации, прокуратуры, судов, а также взаимодействии всех ведомств и служб.

Библиографический список

1. *Жариков, Н. М.* Судебная психиатрия : учеб. для вузов / Н. М. Жариков, Г. В. Морозов, Д. Ф. Хритинин. – М., 2001.
2. *Смирнов, Б. В.* Работа с лицами, страдающими психическими отклонениями, алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, и ВИЧ-инфицированными подследственными и осужденными : учеб.-метод. пособие / Б. В. Смирнов, А. В. Кисляков. – Владимир, 2005.

¹ См.: Прорыв: Метод. рекомендации по применению ювенальных технологий в работе с подростками группы риска. Владимир, 2006. С. 11.

И. А. Уваров,
*докторант Академии права
и управления ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Задача пенитенциарной профилактики в целом и любого ее направления заключается в том, чтобы сформировать у осужденных позитивные убеждения в реализации собственных жизненных установок посредством приобщения данной категории лиц к признанным в обществе ценностям.

Процесс формирования позитивных убеждений у лиц, лишенных свободы, сложен и многогранен. Он осуществляется через преодоление искаженных представлений о базовых социальных ценностях человека. Такого рода отрицательные жизненные установки порождают у осужденных внутреннее сопротивление в отношении организуемых воспитательно-профилактических мероприятий.

Показателем успешного формирования позитивных убеждений у осужденных являются степень их общественной активности, которая проявляется в трудовой, учебной, культурно-творческой деятельности, а также участие в работе самодеятельных организаций.

Нравственное воспитание осужденных занимает центральное место в системе пенитенциарной профилактики, поскольку с позиции педагогики преступник – это аморальная личность. Как правило, такие лица ориентированы на «воровские законы» и «тюремные традиции», которые по своей сущности являются глубоко безнравственными. Именно они способствуют формированию негативных жизненных установок у осужденных. Любой человек, совершая преступление, нарушает не только законы государства, но и нормы общечеловеческой морали. Поэтому возвращение осужденных к нормальному образу жизни связано, прежде всего, с нравственной перестройкой его личности. Исходя из этого нравственное воспитание личности осужденного должно

осуществляться по следующим направлениям:

1) *формирование позитивных представлений об общечеловеческих ценностях* – это важнейшее звено нравственного воспитания, превращения индивида из объекта в субъект воспитания, для которого требования морали из внешней силы, побуждающей человека действовать должным образом, становятся внутренним стимулом поведения;

2) *создание условий, при которых позитивные представления становились бы убеждениями самого осужденного*. Нельзя основывать процесс воспитательно-профилактического воздействия только на разъяснении осужденным запретительных норм морали. Запреты станут действенными тогда, когда они будут идти от убеждения осужденного в их позитивном восприятии;

3) *предоставление реальных возможностей для практической реализации этих убеждений, чтобы они стали носить устойчивый характер*. Знание содержания нравственных норм, убеждение в необходимости следовать им не порождает автоматически нравственного поведения. По справедливому замечанию А. С. Макаренко, «воспитание привычек – гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания»¹.

Вместе с тем ограничиваться только нравственным воспитанием в процессе организации пенитенциарной профилактики нельзя. Чаще всего осужденные нарушают моральные нормы вовсе не потому, что они не знают их, просто они воспринимают данные нормы через призму уже сложившихся отрицательных нравственных установок.

Тем не менее нравственное воспитание в исправительных учреждениях должно пронизывать все направления пенитенциарной профилактики: с одной стороны, как собственно нравственное воспитание, имеющее целью формирование позитивных свойств и качеств личности, и, с другой, как составная часть всех средств исправления, применяемых к осужденным.

¹ Макаренко А. С. Сочинения: В 7 т. М., 1958. Т. 4. С. 117.

По мнению ряда специалистов, помимо нравственного воспитания осужденных пенитенциарная профилактика должна включать правовое воспитание¹. Так, для осужденных отдельные нравственные требования носят характер правовых, но не по своей сущности, а по тем последствиям, к которым приводит их нарушение. Это и понятно, поскольку к осужденным в связи с деформацией их сознания, отклоняющимся поведением чаще и более жестко применяются принудительные меры воздействия. Конечная цель правового воспитания, направленного на привитие уважения к законам, формирование убеждения в необходимости следования им, заключается в развитии сознательной личности, т. е. сближении ее индивидуального правосознания с общественным².

К сожалению, значительная часть осужденных в связи с малоэффективной организацией массовых и индивидуальных воспитательных мероприятий воспринимают нормы закона только как ограничительные предписания, не видят в них этических требований, которые заложены в правах и обязанностях осужденных как обычных граждан.

По нашему мнению, причина здесь кроется в том, что в процессе организации и проведения указанных мероприятий, мы отрываем нравственное воспитание от правового. Так называемая правовая пропаганда, получив формальное закрепление в ведомственных документах, приобретает соответствующий характер ее осуществления. Согласно отчетам о воспитательной работе, для осужденных организуется большое количество лекций и выступлений на правовые темы. В отдельных исправительных учреждениях в рамках передового опыта создаются своеобразные центры правового воспитания осужденных. Однако в этой связи мы забываем о том, что моральные нормы так же, как и правовые, должны носить объективный характер –

существовать независимо от того, говорят о них или нет.

Осужденный на всем протяжении срока отбывания наказания должен сознавать, что в исправительном учреждении главенствует только закон. Тогда и необходимость формального подхода к правовому воспитанию осужденных отпадет сама собой. Представители администрации могут бесконечно разъяснять положения действующего законодательства, но, если они нарушат отдельные нормы уголовно-исполнительного законодательства, это приведет только к обратному эффекту. По этому поводу Я. И. Пелинский справедливо заметил: «Правонарушитель, как правило, старается акцентировать внимание не на своих *действиях* (или личности), а на *действиях* (или личности) осуждающих его людей (курсив наш. – И. У.): те, кто меня осуждает, – сами плохие и несправедливые люди (судья – взяточник, милиционеры – садисты). Когда правонарушитель видит явную (или мнимую) аморальность других людей, ему легче преуменьшить неблагоприятность собственного поведения»³.

Проиллюстрируем это на примере того, какие ассоциации вызывает у осужденных слово «закон»⁴.

По мере того как пенитенциарный опыт лица увеличивается, усиливается его негативное отношение легальному закону. По мнению осужденных, закон не может ассоциироваться со справедливостью или добровольным обязательством граждан. Испытав действие закона на личном опыте, осужденные, особенно отбывающие наказания неоднократно, больше склонны ассоциировать его с инструментом в чьих-то руках – 45,2 %. Полагаем, что, высказывая свое мнение, они вовсе не вспоминали о тех средствах и методах правового воспитания, которые к ним применялись. Более того, по сравнению с лицами, впервые отбывающими

³ Гилинский Я. И. Криминология: Курс лекций. СПб., 2002. С. 321.

⁴ Мы не случайно в качестве индикатора выбрали именно слово «закон». Дело в том, что осужденные очень часто употребляют его для определения неформальных норм поведения, существующих в их среде, – «тюремный закон». Поэтому интересно узнать, как они воспринимают его в общепринятом значении.

¹ См., напр.: Артемьев Н. С. Профилактика рецидивной преступности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 24.

² См.: Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985. С. 31.

ми наказания (у 31,1 % впервые осужденных подобные ассоциации), мы видим даже обратный эффект.

Представляется, что отсутствие взаимосвязи между реально существующими отношениями в исправительных учреждениях и применяемыми воспитательно-профилактическими мерами предопределяет их несоответствие. Поэтому предусмотренные действующим уголовно-исполнительным законодательством средства исправления осужденных не могут быть эффективными.

Наиболее наглядно, по нашему мнению, это можно проследить на примере применения труда как одного из средств исправления. Основная цель трудового воспитания – не просто трудоустроить осужденных, а сформировать в процессе труда нравственные качества личности: честное отношение к труду, превращение его в жизненно важную привычку, а затем и насущную потребность личности¹. Эта цель достигается путем выполнения ряда частных задач: воспитания в процессе общественно значимого коллективного труда таких качеств личности, как трудолюбие, инициативность, коллективизм, дисциплинированность, ответственность и др.; формирования психологической готовности к труду, стремления выполнять общественно полезную работу не по принуждению².

Однако мы вынуждены констатировать, что сегодня трудовое воспитание осужденных ограничивается только включением их в различного рода производственные процессы. Мотивируя это отсутствием работы, администрация исправительных учреждений использует любые возможности для трудоустройства осужденных. Отсюда возникает вопрос: для чего надо было создавать в системе Федеральной службы исполнения наказаний структуру по трудовой реабилитации осужденных, если актуальным является только их трудовое использование? Следовательно, осужденным демонстрируется несоответствие закрепленных в законодательстве положе-

ний и их практической реализации. Данная ситуация не позволяет говорить о возможности эффективного применения труда как одного из основных средств исправления. В свою очередь, это позволяет лидерам криминальной среды использовать такое «трудовое воспитание» в собственных целях.

Исправить сложившееся положение можно посредством применения в качестве средств пенитенциарной профилактики эстетического и религиозного воспитания осужденных. В содержание первого из указанных видов должно входить развитие способностей правильно воспринимать прекрасное в природе, труде, отношениях между людьми.

К организации религиозного воспитания следует подходить дифференцированно, учитывать особенности различных групп и категорий верующих. Сложность в данном случае заключается в том, что большинство сотрудников исправительных учреждений не владеют знаниями о существующих религиозных течениях, в связи с чем они не могут эффективно использовать религию в качестве одного из средств пенитенциарной профилактики.

Перечисленные направления пенитенциарной профилактики находятся в диалектической связи и взаимозависимости. Каждое из них в процессе исправления осужденных занимает свое особое место. В то же время их реализация на практике должна осуществляться в комплексе, единстве, что будет способствовать максимально возможному в условиях исполнения уголовных наказаний исправлению осужденных.

Библиографический список

1. *Артемов, Н. С.* Профилактика рецидивной преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998.
2. *Хохряков, Г. Ф.* Формирование правосознания у осужденных / Г. Ф. Хохряков. – М., 1985.
3. *Гилинский, Я. И.* Криминология : курс лекций / Я. И. Гилинский. – СПб., 2002.
4. *Шамсунов, С. Х.* Труд и социализация личности осужденных к лишению свободы в России / С. Х. Шамсунов. – Самара, 2005.
5. *Литвишков, В. М.* Пенитенциарная педагогика / В. М. Литвишков. – М., 2004.

¹ См.: *Шамсунов С. Х.* Труд и социализация личности осужденных к лишению свободы в России. Самара, 2005. С. 67.

² См.: *Литвишков В.М.* Пенитенциарная педагогика. М., 2004. С. 37.

С. Д. Хачатурян,
*начальник кафедры пенитенциарной
педагогике, психологии и социальной работы
ВЮИ ФСИН России*
кандидат психологических наук

Е. С. Ткаченко,
*старший преподаватель кафедры
пенитенциарной педагогике,
психологии и социальной работы
ВЮИ ФСИН России*
кандидат психологических наук

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ У ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Психологическое изучение личности осужденных к пожизненному лишению свободы осуществляется с целью оказания им квалифицированной помощи в процессе адаптации, сохранения их психического здоровья и предупреждения возможной деградации личности.

В соответствии с уголовным законодательством (ч. 1 ст. 56 УК РФ) пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь граждан, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности и отличается от иных видов наказаний тем, что оно не ограничивается конкретным предельным сроком. Однако осужденный к пожизненному лишению свободы сохраняет право на следующие виды досрочного освобождения: условно-досрочное освобождение, если судом будет признано, что лицо не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее 25 лет лишения свободы; освобождение от наказания в связи с болезнью; помилование.

Кроме назначения пожизненного лишения свободы судом данный вид наказания может быть применен при замене смертной казни в порядке помилования.

УИК РФ предусматривает, что лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее 25 лет лишения свободы.

При этом, с нашей точки зрения, ни критерии, ни показатели к условно-досрочному освобождению в настоящее время не разработаны. Общепринятым является, что условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы может применяться только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. По нашему мнению, этого совершенно недостаточно для определения готовности осужденного к освобождению.

В России функционирует несколько учреждений, в которых содержатся лица, отбывающие пожизненное лишение свободы. К ним относятся учреждения ФГУ «ИК-5 УФСИН России по Вологодской области», ФГУ «ИК-1 УФСИН России по Республике Мордовии», ФГУ «ИК-2 ГУФСИН России по Пермскому краю».

Психолого-педагогическая сущность процесса исполнения уголовного наказания заключается в процессе исправления личности правонарушителя и ее нравственно-правовой ресоциализации. Как свидетельствуют многочисленные исследования пенитенциарных психологов и криминологов (Ю. М. Антоняна, М. Н. Гернета, В. И. Лебедева, В. И. Кузнецова, Э. Крепелина, Г. Ф. Хохрякова, В. Ф. Чижа и др.), наказание в виде длительного лишения свободы может приводить к нарушениям психических процессов личности осужденных, проявляющимся в виде эмоционально-психических расстройств депрессивного характера, по причине постоянной изоляции, жесткой регламентации жизнедеятельности и распорядка дня.

Осужденные, отбывающие наказания в виде пожизненного лишения свободы, особо подвержены чувству одиночества и отчуждения по отношению к обществу. Среди самых серьезных проблем выделяются потеря связей с близкими и друзьями, сомнения в возможности освобождения. Сама бессрочность приговора делает затруднительным их представление о будущем.

Наиболее остро осужденные воспринимают изолированность от общества и ограниченность круга общения, поскольку ли-

шение свободы существенно ограничивает сферу их социальных связей. Стремление к общению этой категории осужденных из-за удаленности от родственников компенсируется в большей степени за счет ближайшего окружения (сокамерника), которое, как известно, в местах лишения свободы представляет собой педагогически неблагоприятную среду. Здесь особенно проявляются искаженные ценностные ориентации. Антиобщественный характер окружающей среды приводит к усугублению «дефицита общения», что, в свою очередь, усиливает ограничение возможности положительно направленного общения.

Изучение психологических особенностей личности осужденных к пожизненному лишению свободы является важной предпосылкой успешного функционирования органов, исполняющих наказания. Анализ социально-демографических и криминологических характеристик личности данной категории осужденных позволяет сделать следующие выводы: средний возраст таких лиц составляет около 40 лет, они имеют, как правило, неполное среднее образование, чаще всего у них отсутствует семья (холостые или разведенные), ранее осуждались за различные виды преступлений.

На основании эмпирических материалов, предоставленных психологическими службами учреждений ФГУ «ИК-5 УФСИН России по Вологодской области», ФГУ «ИК-1 УФСИН России по Республике Мордовии», ФГУ «ИК-2 ГУФСИН России по Пермскому краю», можно выделить ряд характеристик, являющихся наиболее типичными для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в условиях длительной изоляции.

Коммуникативная сфера личности таких осужденных характеризуется замкнутостью, погруженностью в себя, яркой выраженностью индивидуальной составляющей внутреннего мира и переживаний, острой потребностью в контактах.

Эмоциональной сфере осужденных присущи повышенный пессимизм, чувствительность, мнительность, раздражительность, склонность к аффективным реакциям. Преобладает пониженный, часто подавленный фон настроения. Проявляются

робость, неуверенность в себе, заниженная самооценка в сочетании с переоценкой личных страданий со стремлением избежать ответственности.

Волевая сфера личности осужденных к пожизненному лишению свободы характеризуется значительным снижением уровня волевого самоконтроля, они стремятся приспособиться к строгим условиям лишения свободы.

Особенностью адаптации к пенитенциарному учреждению является ориентация осужденных на то, чтобы, живя настоящим, надеяться на будущее. Именно «наличие будущего» является важной составляющей психики, основным стабилизирующим фактором при адаптации. Вместе с тем осужденным к пожизненному лишению свободы часто свойственна своеобразная «потеря будущего», которая, будучи сама по себе суицидоопасным явлением, может приводить к «постепенному умиранию» личности.

Кроме того, характерной особенностью осужденных к пожизненному лишению свободы является непризнание ими своей вины, несмотря на очевидность доказательств. Причем если на других видах режима подобные факты можно списать на неумение и нежелание критически смотреть на себя, на свои поступки, то для пожизненно осужденных проблема имеет гораздо более серьезные корни. Можно предположить, что такое упорное отрицание очевидной виновности в совершении тяжких преступлений с особой жестокостью (за исключением тех немногочисленных случаев, когда действительно может иметь место следственная ошибка) является не чем иным, как способом психологической защиты. Заключение, говоря о своей непричастности к совершенному преступлению, заявляет это так убедительно, подкрепляя рядом подробностей, фактов, закономерностей, что и сам начинает верить в эту легенду.

Таким образом, осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, испытывают трудности в адаптации, обусловленные средовым воздействием (главным образом, со стороны обслуживающего персонала), неудовлетворенность своим соци-

альным положением, а точнее, «выключенностью» из социума. Для них характерны состояние стресса, вызванное разочарованием, потребность в признании окружающими, что провоцирует повышенную тревожность и беспокойство.

В связи с частой сменой персонала в течение указанного минимального срока отбывания наказания осужденными изучение динамики их личностных особенностей затруднено. Тем не менее необходимо отслеживать изменения криминогенных факторов, уровня развития социальных умений и навыков и их соответствия современной социально-экономической обстановке, а также адекватности представлений осужденных о социальной ситуации за пределами учреждения. Это позволит администрации данных учреждений объективно оценить готовность осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, к условно-досрочному освобождению.

В связи с последним обстоятельством следует отметить, что, согласно полученным нами эмпирическим данным, уровень социальной адаптации осужденных к пожизненному лишению свободы в процессе отбывания наказания постоянно снижается, а следовательно, затрудняется постановка вопроса об условно-досрочном освобождении данной категории осужденных.

Библиографический список

1. *Мухина, В. С.* Пожизненно заключенные: мотивация к жизни / В. С. Мухина // Развитие личности. – 2003. – № 1.
2. *Попов, В. В.* Пожизненное лишение свободы: реальность и перспектива / В. В. Попов // Человек: преступление и наказание : вестн. Ряз. ин-та права и экономики МВД России. – 1998. – № 1.
3. Проблемы острова помилованных убийц / под ред. Ю. М. Антоняна. – Вологда, 1996.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

А. А. Ашин,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ШТРАФА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Статья 88 УК РФ устанавливает следующие виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, арест и лишение свободы на определенный срок.

Таким образом, уголовное законодательство предусматривает 6 из 12 видов наказаний, указанных в ст. 44 УК РФ, применяемых в отношении несовершеннолетних.

По нашему мнению, такая система наказаний для несовершеннолетних построена по «остаточному» принципу, поскольку в нее вошли отдельные общеуголовные наказания, не отражающие социально-правовой специфики несовершеннолетних как субъектов уголовно-правовых отношений.

Отметим, что многочисленные условия, оговорки, исключения в применении перечисленных в данной статье наказаний не только не восполняют пробела в отношениях между государством и личностью несовершеннолетнего, но и не способствуют эффективности реализации уголовного закона по делам о преступлениях несовершеннолетних (в том числе о преступлениях против собственности).

При таком состоянии уголовного законодательства, как показывает практика, едва ли не единственным наказанием, применяемым к несовершеннолетним за хищение чужого имущества (как и за другое преступление), является лишение свободы. Таким образом, можно говорить о неоправданной интенсивности пенализации в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста,

осуществляемой вопреки социальной справедливости.

В сложившейся ситуации законодательное ограничение назначения лишения свободы лицам в возрасте до 16 лет, осужденным за совершение преступления небольшой или средней тяжести, ведет не к гуманизации наказания, а фактически к безнаказанности несовершеннолетних преступников. Единственной возможностью суда принять правовое решение в таких обстоятельствах является либо освобождение лица от уголовной ответственности, либо освобождение от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Понятно, что при назначении принудительных мер воспитательного воздействия как вынужденной меры не может идти речи о реальном учете судом как обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 60 УК РФ, так и тех, которые перечислены в ч. 1 ст. 89 УК РФ.

Совершенно справедливо в юридической литературе отмечается, что настало время, когда вопросам борьбы с безнадзорностью, правонарушениями несовершеннолетних, воспитания подростков государством должно уделяться особое внимание. Прерогативу в этом важном деле необходимо отдать альтернативным мерам и опираясь на которые, направить усилия и материальные возможности на развитие у подрастающего поколения нравственных начал¹.

Активное включение в жизнь альтернативных мер («заменяющих наказаний») — это требование времени, продиктованное интересами общества и его гуманистическими, педагогическими и даже прагматическими устремлениями. Ежегодно растет число несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы, что во многом обусловлено не только отсутствием юридической возможности выбора иных мер, пре-

¹ См.: *Зарипов З. С.* Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы. М., 2002. С. 17–180.

дусмотренных уголовным законом, но и недостаточно активной практикой применения того достаточно ограниченного круга уголовно-правовых средств воздействия, которые не влекут лишения свободы подростка.

Однако приходится констатировать, что сегодня при назначении наказания лицам, совершившим хищение чужого имущества в несовершеннолетнем возрасте, нет другой альтернативы как лишение свободы на определенный срок и условное осуждение к нему. Поэтому существует острая необходимость внесения изменений в систему наказаний, назначаемых несовершеннолетним.

Так как одной из целей уголовного наказания является восстановление социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ), то такое наказание, как штраф, имеющее «компенсационный» характер в отношении причиненного вреда, вполне уместно назначать несовершеннолетним, совершившим хищения чужого имущества.

Штраф назначается независимо от наличия у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание в размере от одной до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев. По решению суда штраф может взыскиваться с его родителей или его законных представителей, но только с их согласия. Однако, по нашему мнению, целесообразно закрепить в УК РФ положение, согласно которому исполнение штрафа не будет зависеть от желания родителей и законных представителей, сформулировав его следующим образом: «Суд может по своему усмотрению обязать уплатить штраф, назначенный несовершеннолетнему, родителей или законных представителей несовершеннолетнего».

Применение данного вида наказания представляет собой денежное взыскание и оказывает влияние непосредственно на ту сферу сознания несовершеннолетнего, с которой связаны побудительные мотивы совершенного корыстного преступления.

М. А. Ибрагимова считает, что при назначении наказания в виде штрафа виновный ущемляется в материальных правах, он убеждается в «невыгодности» совершения корыстного преступления. К тому же осу-

жденный при этом должен еще возместить причиненный вред по гражданскому иску. Именно в штрафе, когда последний назначается за преступления имущественного характера, сущность наказания проявляется в чистом виде, следовательно, можно сказать, что штраф способствует достижению целей уголовного наказания¹.

В экономической обстановке, которая сложилась в настоящее время в стране, когда частный бизнес занимает лидирующие позиции, значительная часть несовершеннолетних подрабатывают тем или иным возможным способом. Следовательно, лица, не достигшие 18-летнего возраста, могут обладать имуществом, на которое можно обратиться взыскание. Необходимо также отметить, что определенная часть несовершеннолетних, совершивших хищение, – представители обеспеченных семей. По данным нашего исследования², они составляют около 13 %. Для такой категории лиц назначение и реализация рассматриваемого вида наказания являются не только целесообразной, но и необходимой мерой. Тем не менее суды очень часто при назначении уголовного наказания несовершеннолетним оставляют эти факты без достаточного внимания.

Штраф может применяться в качестве основного и дополнительного наказания. Как основное наказание он может быть назначен, если предусмотрен в санкции статьи Особенной части УК РФ, а также при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление (ст. 64 УК РФ). Как дополнительный вид наказания штраф может быть назначен только в случаях, когда он предусмотрен санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Штраф в качестве основного наказания содержится в шести санкциях статей за хищения. Часть 1 ст. 158 УК РФ предусматривает штраф в размере до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев. Часть 2

¹ См.: Ибрагимова М. А. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним (по материалам Республики Дагестан): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 80.

² Автором были изучены материалы 572 уголовных дел, рассмотренных судами Владимирской области в 1997–2006 гг. (ст. 158, 161 и 162 УК РФ).

этой же статьи определяет штраф в размере до 200 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев. Третья часть ст. 158 УК РФ устанавливает штраф в размере от 100 тыс. до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 до 3 лет.

По нашему мнению, совершенно справедливо законодатель установил данный вид наказания в ч. 1–3 ст. 158 УК РФ. Проведенные исследования и изучение уголовных дел о хищениях, которые совершили несовершеннолетние, показали, что от 3 до 7 % осужденных по ч. 1 ст. 158 УК РФ способны были выплачивать штраф либо из заработной платы, либо из своего имущества. Это в основном касается лиц, которые совершили преступления в первый раз, или тех подростков, которые совершили преступления совместно со взрослыми и под их влиянием.

Между тем практика свидетельствует, что суды во многих случаях безосновательно отдают предпочтение иным видам наказания. Например, Ленинским районным судом г. Владимира несовершеннолетний В. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Установлено, что он похитил спортивный костюм из ангара, расположенного на рынке. Суд назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года с применением ст. 73 УК РФ¹. По нашему мнению, по данному делу имелись все основания для назначения штрафа, поскольку несовершеннолетний В. по выходным дням работал на автомойке, зарабатывая за смену 200 рублей. Кроме того, преступление им было совершено впервые, вину в содеянном он признал и полностью раскаялся.

На наш взгляд, такая практика свидетельствует не столько о невозможности подростка, совершившего хищение, заплатить штраф, т. е. исполнить наказание, а сколько указывает на стереотипы в выборе видов наказания. При этом не берутся во внимание и положения ст. 27 ГК РФ, в соответствии с которой лица, не достигшие совершеннолетия, могут быть объявлены полностью дееспособными в связи с эмансипацией.

Подростки уже с 15 лет могут заниматься трудовой, а с 16 лет – предпринимательской

деятельностью. Это в значительной степени увеличивает возможности применения, а значит, и реализации в отношении несовершеннолетних, совершивших хищение чужого имущества, такого вида наказания, как штраф, который в действующем законодательстве является едва ли не единственной альтернативой лишению свободы при назначении наказания несовершеннолетним.

Штраф в качестве дополнительного наказания чаще всего применяется в совокупности с реальным лишением свободы. По 33 % изученных нами уголовных дел в отношении несовершеннолетних, совершивших хищения, данный вид наказания применялся дополнительно. На наш взгляд, целесообразным было бы назначение несовершеннолетним штрафа в качестве дополнительного наказания также при назначении лишения свободы условно. То обстоятельство, что в данном случае лишение свободы реально не применяется, «отнюдь не исключает необходимости индивидуализации ответственности в части использования дополнительных наказаний»². С нашей точки зрения, при таком подходе повысилась бы и эффективность самого условного осуждения.

По мнению В. С. Устинова, «поскольку наказуемо преступление, а наказывается конкретный человек, постольку законодатель осуществляет не только «набор» соответствующих видов наказаний, но и отводит одним из них главную, а другим вспомогательную роль в борьбе с конкретным видом преступления либо признает целесообразным вести борьбу с этим преступлением лишь с помощью одного вида наказания»³.

Если основываться на данном выводе, то при любых обстоятельствах, которые имеют непосредственное отношение к уголовному делу с участием несовершеннолетнего, совершившего хищение чужого имущества, суд должен назначить реальное лишение свободы или применить условное осуждение.

По нашему мнению, за некоторые хищения, которые совершают несовершеннолетние, возможно вынесение обвинительного приговора без назначения наказания,

² Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б. Дополнительные наказания. М., 1981. С. 98.

³ Устинов В. С. Наказание за преступления в сфере экономической деятельности // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1999. С. 69.

¹ См.: Уголовное дело № 1-523/06 // Архив Ленинского районного суда г. Владимира за 2006 г.

например, в связи с деятельным раскаянием совсем не обязательно, что непереносимое наказание каждого подростка, совершившего кражу, грабеж или разбой, повлияет на замедление и тем более прекращение роста корыстной преступности среди несовершеннолетних. Объясняется это тем, что существует множество различных факторов, влияющих на рост преступности и в конечном счете на действенность наказания. Эти обстоятельства образуют условия эффективности наказания.

В соответствии со ст. 31 УИК РФ осужденный к штрафу обязан уплатить его в течение 30 дней со дня вступления приговора в законную силу. В случае, если осужденный не имеет возможности сделать это одновременно, суд по его ходатайству и заключению судебного пристава-исполнителя может рассрочить уплату штрафа на срок до 3 лет.

В этом случае осужденный обязан уплатить первую часть штрафа в течение 30 дней со дня вступления приговора или решения суда в законную силу, а оставшиеся части – ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца.

Контроль за реализацией назначенного несовершеннолетнему наказания в виде штрафа осуществляют судебные приставы. В случае, если несовершеннолетний злостно уклоняется от его уплаты, судебный пристав-исполнитель не ранее 10-го, но не позднее 30-го дня с момента истечения предельного срока уплаты направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания.

Проведенным нами исследованием установлено, что в 98 % случаев злостного уклонения от уплаты штрафа несовершенно-

летними, совершившими хищения чужого имущества, суд по представлению судебного пристава заменил это наказание реальным лишением свободы. Такое положение вполне объяснимо, так как в действующем уголовном законе другой реальной альтернативы штрафу в отношении несовершеннолетних нет, поскольку согласно закону исправительные работы не могут применяться при уклонении от уплаты штрафа. Да и вряд ли это было бы целесообразно по отношению к несовершеннолетним.

Подводя итог вышесказанному, следует заметить, что среди форм реализации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних ведущее место должны занимать уголовно-правовые меры, не связанные с изоляцией от общества, которые позволяют исправлять оступившихся подростков в условиях семьи, образовательного учреждения и не накладывают на них отпечатка криминогенной среды.

Библиографический список

1. *Зарипов, З. С.* Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы / З. С. Зарипов. – М., 2002.
2. *Ибрагимова, М. А.* Проблемы назначения наказания несовершеннолетним (по материалам Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
3. *Устинов, В. С.* Наказание за преступления в сфере экономической деятельности / В. С. Устинов // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. – Ярославль, 1999.

Д. В. Богатский,
соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовое положение органов дознания в уголовном процессе Российской Федерации регламентировано в ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Фе-

дерации (УПК РФ), которая к их числу относит: органы внутренних дел Российской Федерации, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности; Главного судебного пристава Российской Федерации, главного военного судебного пристава, главного судебного пристава субъекта Российской Федерации, их заместителей, старшего судебного пристава, старшего военного судебного пристава, а также старших судебных приставов

Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации; командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений или гарнизонов; органов Государственной противопожарной службы.

Следует отметить, что толковый словарь русского языка термин «орган» определяет как «государственное или общественное учреждение, организация»¹.

По мнению профессора С. В. Бажанова, включение органов внутренних дел в число органов дознания с точки зрения законодательной техники следует считать грубой методологической ошибкой², так как подобная интерпретация не отвечает внутренней архитектонике Министерства внутренних дел как системы.

Рассматриваемая проблема влечет ряд сложностей. Во-первых, предлагаемая ст. 40 УПК РФ регламентация правового положения органов дознания смешивает полномочия организаций (тех же органов внутренних дел) с полномочиями их структурных подразделений (например специализированных подразделений дознания); во-вторых, под дознанием правопримени-

телю по-прежнему предлагается понимать самостоятельную форму расследования и оперативно-разыскную деятельность как вспомогательную функцию указанных органов; в-третьих, неясными остаются коллизии между такими составляющими рассматриваемого правового института, как «орган дознания», «начальник органа дознания» и «дознатель» («лицо, производящее дознание»).

По нашему мнению, оптимизация норм УПК РФ, как идея, предполагает постоянный поиск такого необходимого и достаточного, экономически оправданного правового потенциала отраслевого законодательства, который был бы в состоянии существенно повысить эффективность уголовно-процессуальной деятельности структурных подразделений правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2005.

2. Бажанов, С. В. Правовое положение подразделений следствия и дознания в уголовном процессе Российской Федерации / С. В. Бажанов // Рос. следователь. – 2007. – № 1.

В. С. Веденин,

соискатель кафедры

государственно-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

СИСТЕМНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ НОРМАТИВНОМ ПРАВОПОНИМАНИИ (ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 147 УК РФ)

Вопрос правопонимания – один из наиболее сложных и важных в теории права и юридической практике. Многочисленные научные работы, посвященные проблемам его изучения, подтверждают, что право – уникальный и общественно необходимый

феномен. В частности, М. И. Байтин по данному поводу заметил: «Вопрос о понятии права – исходный, ключевой (своего рода *sancta sanctorum, punktum saliens*) в теории права. Только на основе правильного, четкого представления о том, что есть право, можно определить перспективы развития и пути повышения эффективности не только юридической науки, но и практики нормотворчества, применения и толкования права, обеспечения законности и правопорядка, создания цивилизованного гражданского общества и правового государства.

В современной науке выделяются две основные концепции правопонимания – нормативное и широкое, включающее в понятие права помимо норм иные правовые явления, такие как правоотношения, правосознание, правопорядок, правовые принципы и т. д.

Довольно прочные позиции в современной юридической науке занимает нормативный подход, под которым его сторонники понимают «систему общеобязательных,

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Ок. 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 16-е, испр. и доп. М., 1984. С. 392.

² См.: Бажанов С. В. Правовое положение подразделений следствия и дознания в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. следователь. 2007. № 1. С. 6–7.

формально определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения, являются официально-властным регулятором общественных отношений»¹.

Однако термин «нормативный» не отражает в достаточной степени всей сути рассматриваемого подхода в его современном состоянии. Нормативным правом стало именоваться ввиду того, что его основоположники при определении права за исходную категорию, позволяющую в полной мере раскрыть сущность и природу данного феномена, принимали норму, первоначальную клеточку права, в которой сосредоточены многие признаки, присущие праву в целом², иными словами, норма представляет собой минимизированную модель самого права как многогранного социального явления.

В настоящее время сторонники нормативного подхода признают нормативности при характеристике правового феномена также считают важным, но не основным, так как свойством нормативности помимо права обладает и ряд других социальных регуляторов, таких как мораль, обычаи, традиция и т. д. Особенность современного нормативного правового понимания состоит в том, что признак нормативности дополняется еще одним, не менее важным, признаком, характеризующим единство правовых норм, – системностью. По нашему мнению, только комплексное сочетание вышеуказанных признаков позволяет отразить специфику современного нормативного подхода к пониманию права. Полагаем, что во избежание путаницы данный подход следует называть системно-нормативным.

Вместе с тем не все сторонники нормативного подхода уделяли системности достаточно внимания, предпочитая сосредоточить его на изучении сущности норм и внутреннего строения права, которое правильнее назвать структурой системы. Это послужило основанием для критики со стороны приверженцев иных взглядов на проблему правового понимания.

В философии под системой (от греч. *systema* – составленное из частей, соединенное) понимается «категория, обозначающая объект, организованный в качестве целостности, где энергия связей между элементами системы превышает энергию их связей с элементами других систем, и задающая онтологическое ядро системного подхода»³. Характеризуя систему в общем, обычно говорят о единстве, целостности взаимосвязанных между собой элементов. Ключевыми в данном случае являются термины «связь», «единство», «целое».

Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих его механизмов, выявление многообразных типов связей и сведение их в единую теоретическую картину. Иными словами, в системном исследовании анализируемый объект рассматривается как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства данного множества.

Таким образом, право как система норм помимо структуры обладает таким важным свойством, как объединяющая, сдерживающая сила, которая делает его единым и неделимым «живым организмом», т. е. право самоорганизуется, существует, взаимодействует, развивается как живой организм. Поэтому изучение права как системы юридических норм предполагает в первую очередь исследование целого комплекса связующих эти нормы правовых элементов и явлений. В их число входят: правовые начала, дефиниции, правовые принципы, задачи и общие нормы права, которые рядом ученых относятся к одной из разновидностей юридических норм.

В данном случае нельзя согласиться со сторонниками широкого подхода к пониманию права, а именно социологической концепции о том, что нормативное правовое понимание представляет собой «застывшую совокупность норм», не имеющую элементов системной связи. По нашему убеждению, как мы отметили, вышеперечисленные правовые явления, наряду с некоторыми другими, выполняют важную системообразующую функцию, не давая системе права превратиться в некую сумму правовых норм.

¹ Байтин М. И. Сущность права. М., 2005. С. 80.

² См.: Братусь С. Н., Самощенко И. С. Общая теория права. М., 1966. С. 169.

³ Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 619.

Принципиальный момент системно-нормативного правопонимания заключается в переосмыслении сущности отправных начал, правовых принципов, юридических дефиниций и иных «нестандартных норм права», с учетом их функциональной роли в формировании и действии системы права. На наш взгляд, их целесообразно считать правовыми явлениями иного уровня, чем нормы права, а именно системными связующими элементами норм права, т. е. такими элементами, без которых невозможны образование и функционирование права как системы, по образному выражению А. В. Аверина, «как фундамент, цемент, вода, песок, существующие в каменной постройке для связи кирпича и для существования самой постройки. Если система состоит из кирпичиков, то нельзя отождествлять с ними связующие эти кирпичики элементы, а также фундамент, на котором возведена кирпичная стена»¹. Разграничение правовых начал, правовых принципов, правовых дефиниций и правовых норм позволяет более четко сформировать определение и раскрыть сущность последних, а также выделить те правовые явления, которые способствуют образованию системы.

На основании вышеизложенного целесообразно разделить правовые нормы по функциональному признаку на исходные (правовые начала, правовые принципы, правовые дефиниции) и нормы-правила поведения (изданные или санкционированные, охраняющиеся государством общеобязательные, формально-определенные предписания, регулирующие общественные отношения). Такая классификация позволяет исходным нормам осуществлять связующую функцию в общественных отношениях, превращает совокупность норм в самоорганизованную, внутренне взаимосвязанную систему.

Системный подход к праву является критерием определения соответствия конкретной нормы либо ряда норм самой системе права. «В отличие от идеи индивидуально-субъективного восприятия права с позиций понимания свободы, равенства, справедливости (либертарная концепция) или коллективно-субъективного воспри-

ятия права с позиций социальной легитимации (коммуникативная концепция) современное нормативное правопонимание позволяет подходить к оценке конкретной нормы права, опираясь на вполне определенные научные принципы, критерии и правила, а не абстрактно-философски и эклектически-субъективно»².

Неверное понимание системы права, смешение правовой системы с системой законодательства могут иметь негативные последствия как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Так, в отечественной практике встречаются случаи, когда законодательные и судебные акты основываются на внутреннем понимании справедливости, свободы, равенства, а не на Основном законе страны – Конституции РФ. Законодатель или правоприменитель, издавая или санкционируя ту или иную норму, нередко игнорирует проверку соответствия ее места в системе права.

Например, как известно, за нарушение Патентного закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 3517-I наступает гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность в соответствии с законодательством РФ (ст. 32)³. Частная норма ст. 147 УК РФ конкретизирует общую норму ст. 32 Патентного закона РФ, предусматривая уголовную ответственность за незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца. Согласно ст. 29 Патентного закона РФ патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец в течение всего срока его действия может быть признан недействительным полностью или частично. Признание патента недействительным означает, что он считается несуществующим с момента его выдачи, равно как и все права, которые он давал обладателю патента.

Рассмотрим жизненную ситуацию, которая могла произойти в нашей стране. Одно юридическое лицо, условно назовем его ООО «А», организовало, используя опубликованный патент, принадлежащий ЗАО «В» с 1999 г., производство объемной пластиковой геотехнической решетки, применяемой для укрепления слабых оснований дорожных одежд. Руководство ООО «А»

¹ Аверин А. В. Системность права. Владимир, 2005. С. 3.

² Там же. С. 5.

³ См.: Рос. газ. 2006. 8 февр.

осознано перспективность такого решения, поскольку оно позволяло с меньшими временными и финансовыми затратами осуществлять строительство дорог. Спустя некоторое время производство решетки увеличилось в десятки и сотни раз, начав постепенно вытеснять иные методы дорожного строительства. ЗАО «В» обратилось к ООО «А» с предложением заключить лицензионный договор на производство объемной решетки, но получило отказ. После этого директор ЗАО «В» написал заявление в прокуратуру о привлечении руководства ООО «А» к уголовной ответственности по ст. 147 УК РФ. Следователь прокуратуры, которому было поручено рассмотрение данного заявления, собрал все необходимые доказательства объективной и субъективной сторон преступления и абсолютно правильно квалифицировал содеянное. По данному факту было возбуждено уголовное дело, при последующем рассмотрении которого в суде директор ООО «А» получил наказание в виде 5 лет лишения свободы. ЗАО «В» заключило лицензионный договор с одним из заводов по производству геотехнической решетки и стало получать положенное ему как патентообладателю вознаграждение. Казалось бы, справедливость восторжествовала.

Однако через некоторое время стало известно, что одна иностранная фирма «У» еще в 1993 г., т. е. задолго до подачи заявки на получение патента ЗАО «В», осуществляла в России укрепление слабых оснований дорожных одежд при помощи такой же объемной решетки собственного производства в небольших количествах. Данная фирма также участвовала в нескольких выставках местного масштаба, где демонстрировала образцы своей продукции, о чем у нее сохранились фотоотчеты, подробные описания с указанием всех технических характеристик. Эти материалы были опубликованы в выставочном каталоге, вышедшем небольшим тиражом. Руководитель вышеуказанной иностранной фирмы случайно прочел в газете статью о суде над директором ООО «А». Он обратился к своему патентному специалисту, который нашел описание изобретения ЗАО «В» и установил его тождественность решению «У». После этого руководитель иностранной фирмы обратился в Палату по патентным

спорам Роспатента с возражением против выдачи патента ЗАО «В». По результатам рассмотрения данного возражения коллегия Палаты вынесла правильное решение о признании патента ЗАО «В» недействительным. Как уже отмечалось выше, это означает, что данного патента и прав, которые он предоставлял, не существовало вообще. Возникает резонный вопрос: что же делать с директором ООО «А», который уже отбыл или заканчивает отбывать свое пятилетнее уголовное наказание?

По нашему мнению, гипотетическая возможность данной ситуации объясняется тем, что при создании ст. 147 УК РФ законодатель не учел такой важнейший критерий права, как системность. Для обоснования данного утверждения целесообразно подробно рассмотреть, что представляет собой патентно-правовая охрана промышленной собственности.

Охранным документом, подтверждающим право на результаты интеллектуальной деятельности, согласно ст. 3 Патентного закона РФ является патент. Выдачу патента можно рассматривать как своего рода договор между его обладателем и государством, направленный на развитие технического прогресса. Суть данного договора составляет общественное отношение, заключающееся в том, что автор раскрывает обществу новое, неочевидное и полезное техническое решение, уплачивает определенную денежную сумму (пошлину), а государство обязуется охранять исключительное право автора или лица, им указанного, на результаты, полученные при помощи такого решения, как собственность. Требования новизны, неочевидности, промышленной применимости к раскрываемому решению представляют собой условия патентоспособности, при которых государство готово пойти на данную сделку. Если патентообладатель перестает уплачивать пошлину, то действие договора прекращается. При этом государство, понимая, что невозможно сразу со стопроцентной уверенностью проверить соответствие технического решения условиям патентоспособности, оставляет за собой право аннулировать в одностороннем порядке данный договор. Охраняемое решение является собственностью его владельца только до тех пор, пока кто-нибудь его удачно не оспо-

рит, т. е. с определенной долей условности. Если же это произойдет, то считается, что патент никогда не существовал и все права по нему ничтожны, соответственно все полученное патентообладателем аннулированного патента за время его действия становится незаконным обогащением. Таким образом, существование патента в течение всего его срока действия является событием, носящим вероятностный характер.

В ст. 6 УК РФ закреплён принцип справедливости, состоящий в том, что уголовно-правовые меры должны соответствовать характеру общественной опасности содеянного.

УПК РФ в ст. 14 предусматривает принцип презумпции невиновности, заключающийся в том, что обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана, а все сомнения в виновности, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу обвиняемого.

В силу того, что действительность выданного патента носит вероятностный характер, сомнения в виновности, которые должны трактоваться в пользу обвиняемого, существуют в течение всего срока действия патента. Ввиду этого применение уголовной ответственности по ст. 147 УК РФ в части незаконного использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов представляется противоречащим основам законодательства.

И. В. Головинская,

консультант отдела обеспечения деятельности мировых судей департамента административных органов и общественной безопасности администрации Владимирской области кандидат юридических наук

СУЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ МИРОВЫХ СУДЕЙ

В рамках Концепции судебной реформы 31 декабря 1996 г. был принят Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» № 1-ФКЗ¹,

Рассмотренный нами пример наглядно демонстрирует, что игнорирование принципа системности правовых норм в законодательной практике может привести к необратимым последствиям. В данном случае всего две нормы, выступающие как связующие элементы системы права, могли бы сыграть решающую роль в судьбе человека, которому общество уже никогда не сможет вернуть годы жизни, проведенные в местах лишения свободы ввиду ошибки в уголовном законе. Осужденному директору ООО «А» не полагается даже компенсация как незаконно репрессированному, поскольку «репрессирован» он был законно, а недействительность патента, выявленная после вступления приговора в законную силу, – это не вновь открывшееся обстоятельство, институт которого предусмотрен в уголовном законодательстве, а существенное упущение самого закона.

Таким образом, пониманию права как нормативной системы (системы норм) обязаны строго следовать как правоприменительные, так и правотворческие органы.

Библиографический список

1. *Аверин, А. В.* Системность права / А. В. Аверин. – Владимир, 2005.
2. *Байтин, М. И.* Сущность права / М. И. Байтин. – М., 2005.
3. *Братусь, С. Н.* Общая теория / С. Н. Братусь, И. С. Самощенко. – М., 1966.

содержащий ряд новых для законодательства о судостроительстве положений, предусматривающих установление некоторых организационных механизмов, ликвидирующих пробелы ранее действовавшего законодательства, новых институтов, существенно изменяющих структуру судебной системы.

Наиболее значимым из нововведений стало включение в судебную систему Российской Федерации мировых судей.

На базе вышеназванного Федерального конституционного закона были приняты федеральные законы «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ² и «Об общем числе ми-

¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

² См.: Рос. газ. 1998. 22 дек.

ровых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ¹. С введением мировых судей претерпели изменения процессуальные нормы, регламентирующие гражданское, административное и уголовное судопроизводство.

Вместе с тем практика применения уголовно-процессуального законодательства мировыми судьями выявила значительное количество пробелов и коллизий, которые не только не позволяли единообразно использовать правовые нормы, но и становились камнем преткновения в отношениях между гражданами, волею судьбы вовлеченными в орбиту уголовного процесса, судьями и правоохранительными органами.

Наибольшее число противоречий возникло в стадии возбуждения и принятия к производству мировым судьей уголовного дела частного обвинения. До принятия Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ² уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и 130 УК РФ, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ считались уголовными делами частного обвинения, возбуждались не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежали прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Принимались также заявления к производству только мировым судьей. Органы внутренних дел были не правомочны принять подобные заявления. Согласно ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ прокурор возбуждал уголовные дела частного обвинения только в случае, если преступление было совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами, после чего направлял дело для производства предварительного расследования. Уголовные дела публичного и частно-публичного обвинения возбуждались в порядке ст. 146 и 147 УПК РФ. Следовательно, правом возбудить уголовное дело частного обвинения по заявле-

нию потерпевшего или его законного представителя на основании ст. 318 УПК РФ обладал только мировой судья. Такая ситуация приводила к ущемлению прав граждан в тех случаях, когда потерпевший не мог указать в заявлении необходимые сведения о лице, совершившем в отношении него противоправное деяние. Пострадавшие от преступления лица в силу установленной правовой регламентации оказывались не способными реализовать свое конституционное право на судебную защиту.

Положение существенно изменилось в связи с принятием Федерального закона от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ, в соответствии с которым были внесены дополнения в ст. 20, 21, 144, 147, 246, 318, 319, 321 УПК РФ.

В частности, законодатель изменил структуру видов уголовного преследования. Теперь к делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) отнесены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ.

Часть 4 ст. 20 УПК РФ наделяет правом прокурора, следователя или дознавателя с согласия прокурора возбуждать уголовное дело о любом преступлении даже при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. При этом к иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, о котором отсутствуют какие-либо сведения.

Изложенные в ч. 4 ст. 20 УПК РФ положения нашли отражение и в ст. 147 УПК РФ (ее новое название – «Возбуждение уголовного дела частного и частно-публичного обвинения»). Она, в частности, предоставляет мировому судье право отказать в принятии к своему производству заявления частного обвинения в отношении лица, данные о котором потерпевшему не известны, с направлением указанного заявления прокурору для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Мировой судья обязан уведомить об этом лицо, подавшее заявление.

Кроме того, определен порядок производства по уголовным делам в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ (катего-

¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² См.: Рос. газ. 2007. 17 апр.

рия лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам): со дня вступления Федерального закона от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ возбуждение таких уголовных дел осуществляется в порядке ст. 448 УПК РФ.

Новый закон в ч. 2 ст. 246 УПК РФ установил императивное требование к обязательному участию государственного обвинителя в судебном разбирательстве уголовных дел частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено прокурором или следователем либо дознавателем с согласия прокурора.

Претерпела значительные изменения ст. 318 УПК РФ «Возбуждение уголовного дела частного обвинения». В ней конкретно указано, что заявление частного обвинения подается в суд. Исключения составляют случаи, предусмотренные п. 2 ч. 1 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ. Ранее такое указание отсутствовало.

В новой редакции изложена ч. 3 ст. 318 УПК РФ. В частности, рассматриваемый Закон предписывает прокурору в случае возбуждения уголовного дела частного обвинения в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ направить такое уголовное дело для производства предварительного расследования.

Действовавшая до принятия Федерального закона от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ ч. 5 ст. 318 УПК РФ обязывала указывать в заявлении частного обвинения следующие сведения:

- 1) наименование суда, в который оно подается;
- 2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения;
- 3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству;
- 4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- 5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;
- 6) подпись лица, его подавшего.

Норма данной статьи дополнена п. 3.1, в соответствии с которым заявитель обязан указать данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность.

Кроме того, действовавшая регламентация порядка возбуждения уголовного дела

мировым судьей не определяла порядка предупреждения об ответственности за заведомо ложный донос. Возможность примирения разъяснялась сторонам при направлении копии заявления частного обвинения подсудимому (ч. 4 ст. 319 УПК РФ). Однако продублированная фраза о возможности примирения в ч. 5 указанной статьи не разъясняла, в какой момент производства по уголовному делу мировой судья мог разъяснить сторонам такую возможность. Сейчас ситуация изменилась. Часть 6 ст. 318 УПК РФ дополнена предложениями следующего содержания: «Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Одновременно мировой судья разъясняет заявителю его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление».

При принятии заявления от частного обвинителя или его представителя ранее возникал вопрос о том, следует ли выносить постановление. Законодатель его урегулировал: с момента принятия судом заявления частного обвинения к своему производству выносится постановление. Вместе с тем в ч. 7 ст. 318 УПК РФ остался неразрешенным вопрос, когда следует составлять протокол о разъяснении заявителю его прав и обязанностей. Данный вопрос вдвойне актуален в случае поступления заявления в канцелярию судебных участков по почте.

В дополнительной ч. 8 ст. 318 УПК РФ нашла отражение регламентация производства по уголовному делу в тех случаях, когда после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы: теперь мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора.

Статья 319 УПК РФ, определяющая полномочия мирового судьи по уголовному делу, дополнена ч. 1.1 и 1.2, в соответствии с которыми мировой судья направляет поданное заявление прокурору для

решения вопроса о возбуждении уголовного дела, если заявление не соответствует установленным законом требованиям, а также если оно подано в отношении лица, состоящего в категории лиц, к которым применяется особый порядок производства по уголовным делам.

УПК РФ в ч. 5 ст. 319 предписывал мировому судье вынести постановление о прекращении производства по уголовному делу в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, если стороны примирились и подали об этом заявление. Исключением из данной нормы новый Закон назвал случаи возбуждения производства по уголовному делу прокурором, следователем или дознавателем с согласия прокурора в соответствии с ч. 4 ст. 147 УПК РФ. Такие уголовные дела могут быть прекращены в связи с примирением сторон в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ.

Статья 321 УПК РФ, регламентирующая порядок рассмотрения уголовного дела в судебном заседании, дополнена новой ч. 6, в соответствии с которой если в ходе судебного разбирательства в действиях лица, в отношении которого подано заявление, будут установлены признаки преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ, то мировой судья должен вынести постановление о прекращении уголовного пре-

следования по делу и направить материалы прокурору для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения, а также уведомить об этом потерпевшего или его законного представителя.

Таким образом, очевидно, что законодатель стремится восполнить пробелы в существующем порядке судопроизводства у мирового судьи. Изменения и дополнения в УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ, в значительной мере сняли острые проблемы правоприменения в производстве по уголовным делам частного обвинения. Вместе с тем, на наш взгляд, уголовно-процессуальное законодательство о мировых судьях требует дальнейшего совершенствования.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.]. – М., 2006.
2. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 12 апр. 2007 г. № 47-ФЗ // Рос. газ. – 2007. – 17 апр.

А. А. Горшенин,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Ульяновского государственного университета
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ ЗА УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫМИ И ВОЗЛОЖЕНИЯ НА НИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

В отношении несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам или лишению свободы, после фактического отбывания определенного срока наказания и после того, как суд признает, что для своего исправления они не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания, они могут быть освобождены условно-досрочно. Контроль за поведением ус-

ловно-досрочно освобожденных на постпентенциарной стадии¹ осуществляет специализированный государственный орган, которым является уголовно-исполнительная инспекция.

Вместе с тем в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации и некоторых подзаконных нормативных актах вопросы контроля за условно-досрочно освобожденными не упорядочены. Так, в Положении об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативе их штатной численности контроль за поведением условно-досрочно освобожденных в числе прочих

¹ Постпентенциарная стадия при условно-досрочном освобождении охватывает период с момента досрочного освобождения осужденного под условием до момента истечения неотбытой части наказания. (Примеч. авт.)

задач уголовно-исполнительных инспекций не значится¹. Кроме того, наблюдается его отсутствие также в Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества².

В связи с этим необходимо дополнить их нормами, регулирующими контроль за условно-досрочно освобожденными.

В настоящее время условно-досрочно освобожденные обязаны не реже одного раза в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию для отчета о своем поведении, исполнении возложенных на них судом обязанностей. Уголовно-исполнительные инспекции правомочны вызывать их для проведения, например, профилактических бесед, дачи разъяснений по различным вопросам.

По мнению Т. Ф. Миняевой, в целях повышения эффективности контроля за условно-досрочно освобожденными необходимо использовать положительный опыт ряда зарубежных государств (Англии, Бельгии, Франции), в частности, внедрить в практику работы уголовно-исполнительных инспекций электронные браслеты. Данные устройства позволяют определять местонахождение лица в любое время суток. Кроме того, программа, обеспечивающая их системное функционирование, содержит допустимые маршруты передвижения условно-досрочно освобожденного (на работу, в магазин или школу). Отклонение лица от заданных маршрутов и попытка избавления от браслета фиксируются на пульте дежурного³.

По нашему мнению, использование данного изобретения в процессе осуществления над ним контроля не способно в пол-

ной мере выявить действительное поведение условно-досрочно освобожденного, так как его изначально моделирует правомерное поведение лица. У осужденного с электронным браслетом, по существу, нет возможности сделать выбор на основании нескольких альтернатив поведения, а следовательно, с его стороны будет отсутствовать и такой показатель поступка, как борьба мотивов.

Таким образом, окончательное исправление условно-досрочно освобожденных будет верным лишь при условии наличия у них свободы выбора в поведении. Обеспечение же повышения качества контроля возможно, например, путем сбора информации о поведении лица (на работе, в школе, по месту жительства) представителями уголовно-исполнительной инспекции.

В соответствии с действующим уголовным законодательством суд, применяя условно-досрочное освобождение, не может устанавливать какой-либо испытательный срок. При условно-досрочном освобождении исправление осужденного проверяется в период неотбытой части наказания.

Необходимо отметить, что некоторые специалисты указывают на сходство неотбытой части наказания и испытательного срока⁴. В течение испытательного срока и неотбытой части наказания подтверждается целесообразность применения институтов условного осуждения и условно-досрочного освобождения; осуществляются цели общей и частной превенции, восстановления социальной справедливости; существует угроза возврата к исполнению наказания в случае неисполнения осужденным определенных требований⁵.

Вместе с тем между неотбытой частью наказания и испытательным сроком существуют различия. Во-первых, испытательный срок назначается лицу, не отбывавше-

¹ См.: Положение об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативе их штатной численности: [утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г.] // СЗ РФ. 1997. № 25. Ст. 2947; 1999. № 10. Ст. 1228.

² См.: Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12 апр. 2005 г. № 38 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Миняева Т. Ф. Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М., 2001. С. 76–77.

⁴ См.: Сабанин С. Н. Проблемы повышения эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 14; Ткачевский Ю. М. Условно-досрочное освобождение от наказания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1997. № 2. С. 23–26.

⁵ См.: Иногамова Л. В. Условно-досрочное освобождение от наказания. Тюмень, 1992. С. 54.

му наказание. В отношении же условно-досрочно освобожденного субъекта подразумевается оставшаяся неотбытой часть от существующего наказания. Во-вторых, в течение испытательного срока условно осужденный своим поведением доказывает свое исправление. На протяжении же неотбытой части наказания осужденный продолжает закреплять результаты начавшегося процесса исправления, достигнутые при исполнении или отбывании наказания. В-третьих, при условном осуждении продолжительность испытательного срока устанавливается в зависимости от длительности срока лишения свободы (ч. 3 ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ). Неотбытая часть наказания – часть срока наказания, от которой осужденный был освобожден условно-досрочно.

Согласно уголовному и уголовно-исполнительному законодательству неотбытая часть наказания исчисляется с момента вступления определения суда об условно-досрочном освобождении в законную силу.

Некоторые ученые считают необходимым введение в законодательство нормы, наделяющей суд правом определять продолжительность неотбытой части наказания, достаточной для проверки и закрепления результатов исправления, установив при этом минимальный и максимальный пределы. Подобная практика позволит в наибольшей степени учесть данные, характеризующие личность осужденного, его поведение в процессе отбывания наказания, отношение к труду и обучению¹.

Мы не согласны с указанной точкой зрения, так как возможность продления испытательного срока при условном осуждении является лишь одним из проявлений принципа индивидуализации наказания. Кроме того, первоначально назначенное наказание не зависит от продления испытательного срока. Выше было указано, что неотбытой частью наказания является та часть наказания, от которой осужденный освобожден условно-досрочно. Введение в практику

правила, позволяющего суду устанавливать продолжительность неотбытой части наказания, будет означать внесение коррективов в приговор суда и грубое нарушение принципа законности.

При применении условно-досрочного освобождения суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ, которые должны им исполняться в течение оставшейся неотбытой части наказания. Суд также имеет право возложить на осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению, например, не посещать определенные места, находиться в ночное время дома, особенно, если преступление было совершено ночью².

Возложенные на условно-досрочно освобожденного обязанности должны быть конкретными и исполняемыми. Поэтому нельзя, например, обязать лицо повысить свой культурный уровень, так как неопределенность и неисполнимость данной обязанности очевидны³. Мы не согласны также с П. М. Малиным, считающим необходимым условно-досрочно освобожденным пройти курс лечения от ВИЧ-инфекции⁴. Учитывая высокую стоимость курсов лечения и материальное положение условно-досрочно освобожденных, реализация указанной обязанности невозможна. Автор также предлагает закрепить исследуемые обязанности в нормах об условно-досрочном освобождении⁵. При этом, с одной стороны, отвергается целесообразность существования отсылочных норм права, с другой – происходит дублирование нормативного материала, поскольку целью условного осуждения и условно-досрочного освобождения является исправление лиц, совершивших преступления.

В настоящее время в юридической литературе не решен вопрос о способах закреп-

² См.: *Вырастайкин В.* Условно-досрочное освобождение – только для достойных // Рос. юстиция. 2003. № 8. С. 45.

³ См.: *Ткачевский Ю. М.* Указ. соч. С. 25.

⁴ См.: *Малин П. М.* Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 137.

⁵ См.: там же.

¹ См.: *Ткачевский Ю. М.* Указ. соч. С. 23–24; *Барсукова С. Г.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2000. С. 125.

ления в уголовном законодательстве обязанностей, возлагаемых на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. Так, В. Ф. Щепельков считает, что отсутствие исчерпывающего перечня обязанностей в ч. 5 ст. 73 УК РФ противоречит принципу законности¹, следовательно, это влечет ущемление правового статуса условно-досрочно освобожденных в течение неотбытой части наказания.

В связи с тем, что преступная деятельность лица может приобретать различные формы, невозможно предусмотреть в рамках законодательства полный перечень обязанностей, содействующих закреплению результатов исправления, достигнутых в процессе отбывания наказания в отношении отдельно взятого осужденного.

Таким образом, последовательной видится позиция А. А. Ашина, в соответствии с которой решением вопроса о возложении обязанностей на условно-досрочно освобожденных должен заниматься правоохрани-

тельный орган – уголовно-исполнительная инспекция, а в уголовном законодательстве необходимо закрепить общую для всех осужденных обязанность – подчиняться порядку осуществления контроля. Уголовно-исполнительной инспекции в отношении каждого конкретного осужденного следует самостоятельно определять круг обязанностей, необходимых для закрепления результатов его исправления. Изменение, дополнение и конкретизация этих правоограничений (обязанностей) не должны иметь уголовно-правового значения².

Библиографический список

1. *Малин, П. М.* Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2000.

2. *Миняева, Т. Ф.* Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации / Т. Ф. Миняева. – М., 2001.

Ф. В. Грушин,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
Академии права и управления ФСИИ России
кандидат юридических наук*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В юридической науке понятие «источник права» применяется уже довольно давно. Каждая правовая система в своей истории имела соответствующие источники права. С развитием государственности они изменялись и трансформировались по форме и содержанию, пройдя длинный путь от их первоначального вида – обычая – до широкой системы самых разнообразных нормативных актов. На протяжении всего времени существования данного понятия правоведы пытались выработать наиболее приемлемое его определение. Однако до сих

пор этот вопрос не закрыт и является одним из самых спорных вопросов теории права.

У любой отрасли права есть своя система источников. Однако у уголовно-исполнительного права существует только один источник права – нормативные правовые акты.

Известно несколько оснований их классификации. Мы остановимся на таком критерии, как *принадлежность к той или иной отрасли права*, поскольку ее установление является чрезвычайно важным для уяснения содержания системы источников права. В соответствии с данным критерием все нормативные правовые акты можно распределить по отраслям права: конституционному, гражданскому, уголовному, уголовно-исполнительному и т. д.

Нормативные правовые акты, относящиеся к определенной отрасли права, в совокупности представляют собой единую систему, называемую системой законода-

¹ См.: Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 363.

² См.: Ашин А. А. Наказание несовершеннолетних за хищение чужого имущества (закон, теория и практика). Владимир, 2004. С. 134.

тельства данной отрасли. Структура такой отрасли характеризуется иерархичностью, субординацией и взаимодействием составляющих ее элементов. В отличие от нее система права состоит из норм, институтов и т. д. Отсюда система законодательства выступает как внешнее выражение системы права.

Чтобы определить, к какой отрасли относится конкретный нормативный акт, необходимо установить ее предмет. Согласно ст. 2 УИК РФ предмет уголовно-исполнительного права составляют:

- общие положения и принципы исполнения наказаний, применение иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ;
- порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применение средств исправления осужденных;
- порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания;
- порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядок освобождения от наказания;
- порядок оказания помощи освобождаемым лицам.

Таким образом, в систему уголовно-исполнительного законодательства входят только те нормативные правовые акты, которые изданы исключительно с целью правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе и по поводу исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Поэтому, на наш взгляд, неправильно относить к источникам уголовно-исполнительного права и включать в систему уголовно-исполнительного законодательства те нормативные правовые акты, которые хотя и содержат отдельные нормы, регламентирующие те или иные особенности правового положения лиц, отбывающих уголовные наказания, но предназначены для регулирования общественных отношений, складывающихся в иной сфере. В частности, трудно согласиться с позицией, согласно которой к источникам

уголовно-исполнительного права относят нормативные правовые акты, являющиеся источниками (в ряде случаев – единственными) других отраслей права¹.

Так, например, ст. 79 УК РФ устанавливает возможность условно-досрочного освобождения осужденных от наказания, т. е. направлена на регулирование одного из оснований освобождения. Это является исключительной прерогативой уголовного законодательства. Следовательно, указанная норма, как и УК РФ в целом, относится к отрасли уголовного права и, значит, не может выступать источником уголовно-исполнительного права.

По аналогичной причине не могут относиться к источникам уголовно-исполнительного права и такие законы, как, например, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 397, 398, 399), Основы законодательства РФ «Об охране здоровья граждан» (ст. 29), Закон РФ «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 23, 34, 48, 51), Закон РФ «Об образовании» (ст. 19, 50) и другие нормативные правовые акты. Указанные нормы этих законов хотя и закрепляют те или иные особенности правового положения осужденных, но направлены на регулирование общественных отношений в других сферах и, следовательно, относятся к иным отраслям права².

В то же время необходимо отметить, что без подобных нормативных правовых актов система правового регулирования уголовно-исполнительных правоотношений была бы неполной, а соответственно остались бы не урегулированными некоторые правоотношения. Поэтому, на наш взгляд, более верной является точка зрения, согласно которой позитивный статус осужденного может устанавливаться нормами других отраслей права³, но это вовсе не означает, что

¹ См., напр.: Исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) право. Рязань, 1993. С. 38.

² См.: Уголовно-исполнительное право. Общая часть / Под ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2001. С. 73–274.

³ См.: Селиверстов В. И., Филимонов О. В. Правовое положение осужденных. М., 1997. С. 11; Уголовно-исполнительное право. Общая часть. С. 464.

их следует относить к источникам уголовного-исполнительного права.

Вместе с тем в системе российского законодательства существуют такие нормативные правовые акты, которые нельзя однозначно отнести к той или иной отрасли права. Типичным примером является Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ. По нашему мнению, этот и другие подобные законы следует относить к *межотраслевым* источникам права.

Особое место среди источников уголовного-исполнительного права занимают международно-правовые акты, которые, образуя в совокупности самостоятельную правовую систему, воздействуют на любую национальную правовую систему, причем как прямо, так и опосредованно. Косвенное влияние они оказывают, главным образом, на общественное правосознание, а впоследствии получают свое развитие и прямое закрепление в конкретно-юридической форме посредством имплементации их норм соответствующими отраслями национального законодательства. Причем такой механизм является более надежным, а значит, более предпочтительным, чем простая ратификация тех или иных международных соглашений.

В последние годы в правовой политике государства наблюдается тенденция усиления роли и значимости международно-правовых актов и стандартов, приведения в соответствие с ними национального законодательства. В этом же направлении развивается и уголовно-исполнительное законодательство. Тенденции роста международного сотрудничества по вопросам предупреждения преступности обусловлены расширением экономических, гуманитарных, культурных связей различных государств, объединением их усилий в борьбе за приоритет общечеловеческих ценностей, утверждением принципов уважения прав человека, международно-правовых стан-

дартов и направлены на эффективное достижение целей уголовного наказания¹.

В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. УИК РФ в ст. 3 конкретизирует данную норму и устанавливает, что международные договоры РФ, относящиеся к исполнению наказаний, *учитываются* (курсив наш. – Ф. Г.) уголовно-исполнительным законодательством в соответствии с экономическими и социальными возможностями. Международно-правовые акты в сфере исполнения наказаний принято разделять на две большие группы: акты, содержащие нормы-принципы (обязательные), и акты, содержащие нормы-рекомендации². Обязательные акты, носящие договорно-правовой, или конвенционный, характер, в национальной системе не допускают каких-либо отклонений, они, как правило, закрепляются в отечественном законодательстве и исполняются неукоснительно³. Международные же стандарты, т. е. акты, содержащие нормы-рекомендации, учитываются при совершенствовании действующих или разработке новых нормативных актов.

Библиографический список

1. Селиверстов, В. И. Правовое положение осужденных / В. И. Селиверстов, О. В. Филимонов. – М., 1997.
2. Сизый, А. Ф. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и проблемы их реализации / А. Ф. Сизый. – Рязань, 1996.
3. Уголовно-исполнительное право. Общая часть / под ред. Ю. И. Калинина. – Рязань, 2001.

¹ См.: Зубов И. Н. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. М., 1993. С. 7.

² Данная классификация международных нормативных правовых актов является основной, но далеко не единственной. См., напр.: Сизый А. Ф. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и проблемы их реализации. Рязань, 1996. С. 3–19; Пономарев П. Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации. Рязань, 1994. С. 5–7.

³ См.: Сизый А. Ф. Указ. соч. С. 12.

М. В. Девятьяров,
соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ГЛАВАМИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ
И КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Порядок возбуждения уголовного дела регламентирован гл. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 146 УПК РФ при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, орган дознания, дознаватель или следователь с согласия прокурора, а также прокурор в пределах компетенции, установленной УПК РФ, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление.

Вместе с тем согласно п. 3 ч. 3 ст. 40 УПК РФ возбуждение уголовного дела и выполнение неотложных следственных действий возлагаются, кроме органов дознания, также на глав дипломатических представительств и консульских учреждений РФ по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений. Таким образом, законодатель фактически наделяет глав дипломатических представительств и консульских учреждений РФ полномочиями возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным в указанных представительствах.

Следуя логике законодателя, в расположении дипломатических представительств и консульств также могут совершаться преступления. Следовательно, должен быть и государственный орган, наделенный специальными полномочиями для производства предварительного расследования данных преступлений. Таким образом, необходимо рассмотреть консульство как орган международных отношений и определить функции, которые оно осуществляет.

Консульство (консульское учреждение) – постоянный государственный орган внешних сношений, находящийся на территории иностранного государства в силу соответствующего международного согла-

шения и выполняющий консульские функции по защите интересов своего государства, его граждан и организаций.

В настоящее время в консульской практике представлены два вида консульских учреждений: отделы дипломатических представительств и самостоятельные (отдельные) учреждения.

Российские консульские учреждения осуществляют свою деятельность под общим политическим руководством главы дипломатического представительства в государстве пребывания.

В соответствии с общим характером деятельности консульства формируется его структура. В составе консульских учреждений всегда существуют отделы или сотрудники, занимающиеся паспортно-визовыми операциями, вопросами экономических и культурных связей и т. д.

Согласно п. 1 «д» ст. 1 Венской конвенции 1963 г. под консульским должностным лицом понимается лицо, включая главу консульского учреждения, которому поручено в этом качестве выполнение консульских функций: генеральный консул, консул, вице-консул, консульский агент, секретарь консульского учреждения, а также лицо, прикомандированное к консульскому учреждению для подготовки к будущей службе (стажер). В международно-правовой доктрине чаще употребляется обобщающий термин «консул».

В соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ при возбуждении уголовного дела главами дипломатических представительств или консульских учреждений прокурор незамедлительно уведомляется указанными лицами о начатом расследовании, при этом постановление о возбуждении уголовного дела и материалы передаются прокурору незамедлительно при появлении для этого реальной возможности. Таким образом, актуальным является вопрос о действиях глав дипломатических представительств и консульских учреждений в том случае, если уголовное дело еще не возбуждено, но установлено лицо, совершившее преступление, и есть основания для его задержания в порядке ст. 91 УПК РФ. Для передачи материалов возбужденного уголовного дела прокурору (для согласования постановления) нужно время, поскольку ему необхо-

димо изучить представленные материалы и принять объективное решение, после чего они должны быть возвращены по месту проведения неотложных и первоначальных следственных действий. В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ содержать лицо более трех часов (если его задержание никак не оформлено), даже если оно подозревается в совершении преступления, недопустимо. Поэтому вероятна такая ситуация, при которой по истечении указанного времени во избежание нарушения конституционных прав преступник должен быть отпущен на свободу.

В связи с этим возникает вопрос о способах реализации права на защиту лица, подозреваемого в совершении преступления, а также наличии среди штатных сотрудников консульских учреждений и дипломатических представительств адвокатов. Ответ на данный вопрос скорее всего будет отрицательным. Следует отметить, что существует возможность вызывать адвокатов для участия в следственных действиях из учреждений, расположенных на территории стран пребывания, однако это повлечет другие сложности (необходимость участия переводчика).

В ч. 4 ст. 146 УПК РФ приведен перечень отдельных следственных действий, которые могут быть выполнены до возбуждения уголовного дела: осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы. Возникает вопрос о способах грамотного и правильного выполнения данных следственных действий главой дипломатического представительства и консульского учреждения, не имеющим специальных познаний в области уголовного процесса и криминалистики. Например, для назначения экспертизы необходимо изъять с места происшествия следы и орудия преступления, что в большинстве случаев требует применения специальных технических средств и специальных знаний в этой области. По нашему мнению, в данной ситуации глава дипломатического представительства и консульского учреждения может наделять указанными полномочиями более квалифицированных в уголовно-процессуальной сфере сотрудников.

Актуальными, на наш взгляд, являются вопросы, касающиеся проведения предва-

рительного расследования после выполнения неотложных следственных действий в расположении дипломатических представительств или консульских учреждений (в УПК РФ это не отмечено); принятия решения при избрании меры пресечения подозреваемому; места и условий содержания лица, подозреваемого в совершении преступления; этапирования указанного лица на территорию РФ (как и с кем это согласовывается); способов уведомления прокурора о начале расследования (по каким каналам связи), задержании лица в порядке ст. 91 УПК РФ (в какие сроки).

В настоящее время для разрешения данных вопросов во избежание двойственного толкования УПК РФ необходимо более четкое определение полномочий глав дипломатических представительств и консульских учреждений в п. 3 ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Следует внести соответствующие уточнения также в ст. 150 и 151 УПК РФ в части определения подследственности и проведения дознания по делам о преступлениях, совершенных на территории дипломатических представительств и консульских учреждений.

Объективно, по нашему мнению, указанными полномочиями могут быть наделены следователи Генеральной прокуратуры РФ либо органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации, так как именно они призваны обеспечить защиту интересов государства.

Таким образом, в связи с тем, что большинство из поставленных в настоящей статье вопросов не урегулированы в УПК РФ и не могут быть разрешены в рамках одной научной статьи, данная проблематика, по нашему мнению, нуждается в более детальном научном исследовании с целью совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Библиографический список

1. Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тичков. – М., 1999.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.

А. Б. Елизаров,
*начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин и гражданского права
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

А. В. Князев,
*начальник отдела по руководству
уголовно-исполнительными инспекциями
УФСИН России по Ивановской области*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ИНСПЕКЦИЯМИ

Деятельность по осуществлению контрольных функций уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России основывается на комплексе законов и подзаконных нормативных правовых актов РФ (УК РФ, УИК РФ, приказ Минюста России «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»¹ от 12 апреля 2005 г. № 38 и др.)

Статья 44 УК РФ закрепляет следующие основные виды наказаний, не связанных с изоляцией от общества (введенных в действие в настоящее время): штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы.

Мерами уголовно-правового характера, несмотря на отсутствие их прямого нормативного закрепления, принято считать условное осуждение (ст. 73 УК РФ) и отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК РФ).

Мы поставили своей целью – подробно рассмотреть только те виды наказаний и мер уголовно-правового характера, которые исполняются и контролируются уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ).

В соответствии с нормами УИК РФ УИИ осуществляют контроль за следующими категориями осужденных: к обязательным работам (ч. 3 ст. 25), лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 33),

исправительным работам (ч. 3 ст. 40) – и лицами, к которым применены меры уголовно-правового характера: беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, с отсрочкой отбывания наказания (ч. 7 ст. 177) и условно-осужденные (ч. 1 ст. 187).

Рассматривая проблемы осуществления контроля за лицами, осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, необходимо отметить следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 36 УИК РФ «в срок указанного наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью».

На практике часто встречаются случаи, когда осуществлять контроль за исполнением данного вида наказаний довольно проблематично. Например, очень сложно выявить факт нахождения человека в сети Интернет, если это ему запрещено приговором суда. А следовательно, выяснить, сколько конкретно времени осужденный находился в сети и насколько ему увеличивать продолжительность срока наказания практически невозможно. Также проблемным является осуществление контроля за лицами, которым решением суда запрещено управлять транспортными средствами. Например, инспектор УИИ видит, что осужденный каждый день управляет транспортным средством, однако остановить автомашину и документально зафиксировать этот факт может только инспектор ГИБДД. В результате, даже если один раз будет зафиксирован факт нахождения за рулем такого осужденного, срок наказания можно продлить только на один день, хотя осужденный управлял автомашиной весь срок, на который судом был установлен запрет управления транспортным средством.

При осуществлении контроля за лицами, осужденными к обязательным и исправительным работам, возникают следующие проблемы.

На основании положений УИК РФ предусмотрена возможность объявления в розыск лиц, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде обязательных работ, местонахождение которых неизвестно (ч. 2 ст. 30), и лиц, отбывающих исправи-

¹ См.: Рос. газ. 2005. 11 мая.

тельные работы, скрывшихся с места жительства, местонахождение которых неизвестно (ч. 4 ст. 46). Следует подчеркнуть, что закон закрепляет именно *возможность* объявления в розыск, а сама процедура объявления в розыск и механизм розыска таких категорий осужденных законодательно не закреплены.

В ведомственных приказах, регламентирующих основания и процедуру осуществления розыска различных категорий лиц, одним из оснований проведения розыскных мероприятий является постановление о розыске, вынесенное органом дознания, следователем прокуратуры или судом.

Вместе с тем гл. 47 УПК РФ, регламентирующая порядок процессуального производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, не закрепляет за судом объявление в розыск осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ.

Кроме того, сотрудники УИИ не имеют статуса органа дознания (ст. 40 УПК РФ) и соответственно вынести такое постановление не могут.

К компетенции прокурора и следователя решение вопросов исполнения приговора в соответствии с УПК РФ также не относится и, следовательно, выносить постановление о розыске указанных категорий осужденных они не могут.

Проанализировав законы, регламентирующие деятельность оперативных подразделений ОВД, мы пришли к следующим выводам.

В соответствии с положениями Закона РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1, предусматривающими основные задачи криминальной милиции (ст. 8), обязанности (ст. 10) и права милиции (ст. 11), органы криминальной милиции организуют и осуществляют розыск лиц, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания (ст. 8), имеют право задерживать и содержать в милиции на основаниях и в порядке, предусмотренных законодательством, лиц, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, для последующей передачи их соответствующим органам и учреждениям (ст. 11).

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-

ФЗ основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о лицах, уклоняющихся от уголовного наказания (п. 3 ч. 2 ст. 7).

Следовательно, в отношении лиц, уклоняющихся от отбывания наказаний, поводом и основанием проведения оперативно-розыскных мероприятий будет являться информация, направленная начальником УИИ об осужденном, скрывшемся с места жительства. Учитывая, что сотрудники оперативных подразделений ОВД являются также органом дознания (ст. 40 УПК РФ), постановление об объявлении данной категории осужденных в розыск является их компетенцией. Пока, к сожалению, начальники территориальных подразделений ОВД при решении данного вопроса не идут на встречу сотрудникам УИИ.

Сегодня в Ивановской области указанная проблема решается с той позиции, что суд, идя навстречу УИИ, выносит постановление о розыске лиц, уклоняющихся от отбывания наказаний, и на основании данного постановления уже оперативные подразделения ОВД осуществляют розыск таких лиц. Также руководством УФСИН России по Ивановской области совместно с прокуратурой Ивановской области прорабатывается вопрос о реализации вышеуказанного механизма объявления и осуществления розыска рассматриваемой категории скрывшихся осужденных силами оперативных подразделений ОВД.

Кроме того, что осужденные к уголовным наказаниям в виде обязательных и исправительных работ, скрывшиеся с места жительства, местонахождение которых неизвестно, объявляются в розыск, они еще могут быть задержаны на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 46 УИК РФ).

Однако места содержания задержанных осужденных данной категории ни в ст. 90–91 УПК РФ, ни в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ не определены.

При осуществлении контроля за лицами, осужденными к исправительным работам, в предусмотренных законом случаях УИИ в соответствии с нормами УИК РФ «прини-

мают решение о приводе осужденных, не являющихся по вызову или на регистрацию без уважительных причин» (ч. 3 ст. 39 УИК РФ).

В соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях УИИ имеют право выносить в установленном порядке постановления о приводе осужденных, состоящих на учете в инспекции и не являющихся по вызову в инспекцию без уважительных причин¹.

Однако в нормах УИК РФ не дается понятие привода как меры государственного принуждения в отношении лиц, нарушающих условия и порядок исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, а также законодательно не урегулированы: форма решения, порядок осуществления привода и непосредственный его исполнитель.

Анализируя смежное законодательство России, содержащее понятие «привод», выявляем следующее.

На основании ст. 113 УПК РФ в случае неявки по вызову приводу могут быть подвергнуты только подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель. Причем привод состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю, прокурору или в суд на основании постановления или определения о принудительном приводе. Данные постановления или определения исполняются органами дознания или судебными приставами.

В соответствии со ст. 27.15 КоАП РФ ОВД осуществляют приводы только тех граждан, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. Милиция осуществляет приводы на основании определения судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении.

Таким образом, понятие «привод» должно предусматривать, кого, на каком основании, куда (к кому), в какие сроки принудительно доставляют.

На основании вышеизложенного, считаем целесообразным в УИК РФ раскрыть содержание понятия привода, порядок, лиц, полномочных оформлять указанную меру

принуждения, и лиц, ее исполняющих. Например, следует закрепить право вынесения постановления о приводе за УИИ, исполнение которого осуществлять совместно (при содействии) с милицией общественной безопасности, действующей в соответствии с п. 18 ст. 10 Закона РФ «О милиции» («...участвовать в предусмотренных законом случаях в контроле за поведением осужденных, которым назначены виды наказания, не связанные с лишением свободы, либо наказание назначено условно»).

При неявке без уважительных причин условно осужденный также может быть подвергнут приводу (ч. 4 ст. 188 УИК РФ), следовательно, возникают описанные выше проблемы с приводом данной категории осужденных.

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 74 УК РФ и ч. 4 ст. 190 УИК РФ по факту сокрытия условно осужденного от контроля предусмотрена возможность на основании судебного решения отмены условного осуждения и исполнения наказания, назначенного приговором суда.

С принятием 11 января 2007 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» № 2 при рассмотрении вопросов в отношении осужденных, скрывшихся с места жительства с целью уклонения от исполнения наказаний и контроля за условно осужденными, возникают проблемы рассмотрения представлений УИИ об отмене условного осуждения. Так, п. 46 указанного Постановления предусматривает возможность отмены условного осуждения судьями и принятия ими окончательного решения *только в присутствии осужденного*. Таким образом, для того, чтобы отменить условное осуждение скрывшемуся условно осужденному от контроля, необходимо сначала найти этого осужденного. А в отношении условно осужденных, скрывающихся от контроля УИИ, ни уголовным, ни уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации объявление в розыск не предусмотрено.

Представляется возможным осуществлять розыск данной категории лиц, используя описанную выше схему, основанную на нормах Закона РФ «О милиции» и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку такие осуж-

¹ См.: Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729.

денные хоть и условно, но уже исполняют наказание.

В соответствии с ч. 3, 4 ст. 178 УИК РФ, если женщина, имеющая малолетних детей, которой при отбывании наказания в виде лишения свободы судом было отсрочено исполнение данного вида наказания, скрылась, то УИИ выносит в суд представление об отмене такой отсрочки и о направлении осужденной для отбывания наказания, назначенного судом. Однако из содержания п. 46 вышеупомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ следует, что до того, пока женщина не будет найдена, решить вопрос с отменой отсрочки будет невозможно. А значит, необходим ее розыск, о котором не говорится ни в УК РФ, ни в УИК РФ.

Объявление в розыск (после безрезультатного осуществления первоначальных розыскных мероприятий УИИ) предусмотрено и в отношении беременной женщины и женщины, имеющей малолетних детей, которой при отбывании наказания в виде лишения свободы судом было отсрочено исполнение данного вида наказания в случае ее неприбытия в двухнедельный срок со дня освобождения в УИИ (ч. 1 ст. 178 УИК РФ).

Вместе с тем применить вышеуказанные нормы Закона РФ «О милиции» и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для розыска данной категории лиц не представляется возможным. Проблема заключается в том, что сотруд-

ники ОВД в соответствии с указанными законами осуществляют розыск лиц, уклоняющихся от отбывания наказания. А в случае отсрочки речь идет об освобождении от наказания (ст. 82 гл. 12 УК РФ). Следовательно, сегодня нормативного обоснования механизма осуществления розыска женщин, к которым была применена отсрочка отбывания наказания, не существует.

Таким образом, исходя из сложившейся ситуации, целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в ведомственные приказы, утверждающие инструкции по проведению розыскных мероприятий, и привести их в соответствие с действующим законодательством, либо дополнить перечень органов дознания в ст. 40 УПК РФ сотрудниками УИИ, наделив их правами данных органов.

Библиографический список

1. О милиции : закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 // Рос. газ. – 2006. – 14 июня.
2. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 21 апр.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. – 2005. – 6 дек.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: [федер. закон : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.]. – М., 2006.

А. А. Ильягуева,
*старший преподаватель кафедры
государственного и международного права
Московского государственного университета
приборостроения и информатики*

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ

В реальных условиях отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы права, законные интересы осужденных находятся в прямой зависимости от степени их гарантированности. Практика деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, свидетельствует о том, что еще отмечаются случаи нарушения прав и свобод лиц, содержащихся в

местах лишения свободы. Не будучи реально обеспеченным, правовой статус осужденных может оказаться исключительно формальным явлением, не способным быть реализованным в действительности. В связи с этим юридическим гарантиям их правового статуса отводится особая роль, поскольку они являются своего рода фактором, определяющим специфику реализации субъективных прав и законных интересов. Именно поэтому наличие юридических гарантий позволяет в большинстве случаев субъектам правоотношений воспользоваться имеющейся у них правовой возможностью, реализовав то или иное предоставленное полномочие. Целью юридических гарантий является обеспечение правового статуса личности в рас-

смаатриваемой сфере, т. е. в реализации прав, их охраны, защиты.

В юридической литературе в качестве гарантий прав и законных интересов выделяют общие (экономические, социальные, политические) и специальные (юридические), которые в своей совокупности обеспечивают фактическую реализацию прав и законных интересов.

Особая роль в реализации прав и законных интересов лиц, лишенных свободы, принадлежит специальным (юридическим) гарантиям. Юридические гарантии, на наш взгляд, включают не только разного рода средства охраны, защиты и реализации, но и правовые нормы, а также деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС) и других управомоченных органов. Вместе с тем для обеспечения правового статуса личности и его разновидности – правового статуса осужденных – огромное значение имеют также условия политической, экономической, общественной жизни страны, закрепленные в законодательстве. Однако они выступают по отношению к правам и свободам только в качестве благоприятной среды для их реализации, поэтому сами по себе они не могут обеспечить реализацию и защиту субъективных прав и юридических обязанностей.

Между тем общие черты различных видов гарантий правового статуса обуславливают их взаимодействие. С одной стороны, юридические гарантии могут функционировать только на основе необходимых экономических, социальных, политических, организационных предпосылок, поскольку реализация правового статуса осужденных находится в зависимости от состояния экономики, социальных и политических условий в обществе. С другой стороны, юридические гарантии не только закрепляют, но и выражают в правовой форме экономические, политические и иные гарантии и таким образом как бы характеризуют их. В этом выражается их диалектическое взаимодействие.

Вместе с тем при определенных обстоятельствах можно говорить о некоторых противоречиях и несогласованности общих и специальных гарантий. В частности, законные интересы, появление которых обусловлено факторами экономического порядка материально менее обеспечены, чем

субъективные права. Государство не в состоянии возвести все дозволения в субъективные права, обеспечиваемые юридическими обязанностями, так как экономические возможности государства не беспредельны. Указанное противоречие проявляется в том случае, когда экономическое, политическое или социальное развитие общества опережает правовое регулирование соответствующих отношений или, напротив, законодательство устанавливает такие гарантии, которые не подкрепляются реальными экономическими, социальными и политическими условиями.

Специфика юридических гарантий правового статуса осужденных проявляется в реализации различных элементов механизма юридического гарантирования, среди которых важное место занимает прежде всего законодательное урегулирование правового положения осужденных к лишению свободы, содержащегося в ст. 10 УИК РФ. В норме приведенной статьи гарантируются права и свободы осужденных как граждан РФ, которые в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы не могут кем-либо ограничиваться.

Правовой статус осужденного, являющийся производным от правового статуса гражданина, тесно связан с общим законодательством страны, в силу чего права, законные интересы и обязанности осужденных регулируются не только уголовным, уголовно-исполнительным правом, но и другими отраслями права. Реализуя положения ст. 10 УИК РФ, ряд норм прямо указывает, что те или иные обязанности и права осужденных предусматриваются общими для всех граждан законами. Например, в ст. 101 УИК РФ отмечается, что порядок оказания осужденным медицинской помощи, организации и проведения санитарного надзора, использования лечебно-профилактических и санитарно-профилактических учреждений органов здравоохранения и привлечения для этих целей их медицинского персонала устанавливается законодательством РФ, нормативными правовыми актами Министерства юстиции Российской Федерации и Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Закрепленное в законе правовое положение осужденного обязывает админист-

рацию исправительного учреждения (ИУ) неукоснительно его соблюдать. Вследствие этого осужденному не могут предоставляться права и на него не вправе возлагаться обязанности, которые законом не предусмотрены. Вместе с тем администрация ИУ также не вправе ограничивать осужденного в правах в большей степени, чем это предусмотрено нормами УИК РФ.

Процессуальные формы реализации прав и законных интересов лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, также выступают в качестве еще одного вида юридических гарантий. Это позволяет осужденному самому определять порядок использования своих прав и законных интересов и заниматься их реализацией. Например, норма ст. 13 УИК РФ предусматривает порядок реализации осужденными к лишению свободы своих прав на личную безопасность. В указанной норме раскрыта процедура реализации: порядок действий самого осужденного, администрации ИУ, а также содержание этих действий. Такой порядок можно определить как процессуально-процедурный.

Правоприменительная деятельность обеспечивает не только реализацию законных интересов осужденных, но и выполнение функции государственного и общественного контроля за правильностью и точностью их реализации. Именно в процессе правоприменительной деятельности дается оценка совокупности юридических фактов (отбывание осужденным определенного срока, его поведение и др.), и только после этого может быть вынесено решение в форме акта применения (например, постановление о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания), которое означает изменение индивидуального статуса осужденного.

Нельзя обойти вниманием следующий факт: в части гарантированности реализации некоторых законных интересов, имеющих для осужденных немаловажное значение, в УИК РФ сделан шаг назад по сравнению с ИТК РСФСР. В последнем правоприменительная деятельность, включавшая оценку совокупности юридических фактов, осуществлялась не только администрацией ИТК, но и прокуратурой, судом и наблюдательной комиссией. Это касалось законных интересов осужденных на краткосрочный выезд за пределы мест лишения

свободы, передвижение без конвоя, условно-досрочное освобождение. В настоящем УИК РФ право передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ИУ, разрешение на выезд за пределы ИУ составляет прерогативу начальника учреждения. То есть налицо понижение уровня гарантированности этих прав.

Важное значение имеет защита правового статуса осужденных, которую следует рассматривать как совокупность мер, применяющихся в случае нарушения, непризнания или оспаривания элементов данного статуса, а также возникновения угрозы нарушения. На наш взгляд, защита правового статуса может применяться до нарушения его элементов. При этом защита правового статуса осужденных может осуществляться как самими осужденными, так и уполномоченными на то органами государственной власти, общественными объединениями, должностными лицами.

Для лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, важнейшими юридическими гарантиями их прав выступают нормы Конституции РФ, признающие человека, его права и свободы высшей ценностью. Эти нормы возлагают на органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединения обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы, допускают ограничения прав и свобод человека и гражданина только законом, а также устанавливают обязанности государственных органов в сфере обеспечения прав и свобод человека. Исходя из норм и принципов Конституции РФ, федеральные законы не только определяют специфические черты правового статуса личности в период исполнения уголовного наказания, но и регулируют порядок осуществления гарантии ее прав, обязанностей и законных интересов. Это достигается путем регламентации режима содержания, закрепления основных прав и обязанностей личности, установления детального порядка реализации основных прав и свобод, фиксации пределов правоограничений с целью недопущения причинения физических и нравственных страданий.

В качестве основных форм защиты правового статуса выступают судебная, административная формы и самозащита. При этом судебная форма защиты имеет приори-

тет над иными. Это связано с тем, что в судебном порядке может быть отменено или изменено решение, вынесенное в административном порядке. Кроме того, данный приоритет объясняется наличием ряда преимуществ данной формы (общеобязательность судебных решений, наличие механизма принудительного исполнения судебных решений, четкая процедура). Однако по сравнению с другими формами защиты судебная является более сложной и формализованной, что делает ее менее доступной для осужденных. Вместе с тем в зависимости от конкретной ситуации более эффективными могут оказаться другие формы защиты. При определенных обстоятельствах не исключено также применение нескольких форм защиты одновременно.

Среди юридических гарантий прав и законных интересов лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, особое место занимает право осужденных на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами в государственные органы, общественные организации и к должностным лицам. Жалобы и заявления осужденных дают представление о состоянии законности в ИУ.

Право на обращение с жалобой или заявлением реализуется по инициативе самого осужденного и, как правило, связано со стремлением восстановить нарушенные администрацией ИУ права или ущемленные интересы. Право осужденных на обращение выступает не только в качестве гарантии реализации прав и законных интересов, но и само является субъективным правом, что подтверждает его двойственную юридическую природу.

В УИК РФ содержится норма, в соответствии с которой право осужденных на обращение с заявлениями и жалобами может быть реализовано в двух формах: устной и письменной. Осужденные в основном пользуются письменной формой, так как в силу объективных причин ограничена возможность обращения в устной форме. В связи с этим в юридической литературе существует точка зрения, в соответствии с которой устно (лично) осужденные могут обратиться только к представителям администрации ИУ. По мнению Г. Л. Минакова, право на устное обращение у осужденных к лишению свободы по сравнению со всеми гражданами объективно ограничено в части

личного обращения в соответствующие органы и организации¹. Реализовать его осужденные могут только посредством переписки. Нами данная точка зрения не разделяется, так как работники суда, прокуратуры, органов внутренних дел, представители средств массовой информации и общественности и другие должностные лица не только постоянно посещают ИУ, но и выступают перед осужденными, проводят прием по личным вопросам и т. д. Конечно, частота личных контактов с должностными лицами и представителями общественности у осужденных, по сравнению со всеми остальными гражданами, ограничена, но это не означает, что они лишены такого права.

В Правилах внутреннего распорядка ИУ закреплена процедура реализации прав и законных интересов осужденных. Перечень данных прав и интересов содержится в гл. 13 УИК РФ и уточнен в гл. 16 и 17 УИК РФ применительно к конкретному виду ИУ.

В качестве важнейших видов гарантии охраны прав и законных интересов осужденных выступают надзор и контроль. Именно они обеспечивают каждому из них право обратиться к государственным органам и общественным организациям, найти там защиту. Данная функция реализуется органами государственной власти, судом, ведомством, прокуратурой, общественными объединениями, участвующими в работе учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Применительно к сфере исполнения наказаний задачи и полномочия прокурора по осуществлению надзора конкретизированы в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ст. 32–34), а также УИК РФ (ст. 22), согласно которым прокурорский надзор за соблюдением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, осуществляется Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами. Для осуществления своих функций прокурор вправе посещать в любое время органы и учреждения, исполняющие наказания; проводить личный опрос осужденных; проверять соответствие

¹ См.: Минаков Г. Л. Права и законные интересы лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, и гарантии их реализации. М., 1993. С. 61.

законодательству РФ приказов, распоряжений, постановлений администрации ИУ; немедленно реагировать на случаи нарушения прав и законных интересов осужденных путем приостановления незаконных приказов и распоряжений администрации; своим постановлением немедленно освобождать осужденных из штрафного изолятора, помещения камерного типа, карцера, одиночной камеры, дисциплинарного изолятора.

Формами реакции прокурора на выявленные нарушения законности являются: получение объяснений от должностных лиц, опротестование в установленном порядке незаконных актов и действий администрации ИУ, внесение представлений об устранении нарушений законности в вышестоящие органы, возбуждение уголовного дела или дисциплинарного преследования в отношении лиц, виновных в нарушении законности; представление отчетов в органы государственной власти и местного самоуправления по результатам проверки состояния законности в органах и учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Охрану субъективных прав и законных интересов осужденных законодатель возложил также на судебные органы. Только они вправе изменить правовое положение осужденных к лишению свободы в зависимости от их поведения путем изменения как вида ИУ, так и посредством условно-досрочного освобождения или замены лишения свободы более мягким видом наказания.

Согласно ч. 2 ст. 46 Конституции РФ граждане обладают правом на обжалование действий должностных лиц, обращаясь в государственные органы, в том числе и суд. Если в прежнем законодательстве этот вопрос не был урегулирован, то в действующем УИК РФ (ч. 2 ст. 20) содержится указание на то, что суд рассматривает жалобы не только осужденных, но и иных лиц на действия администрации ИУ в соответствии с законодательством РФ. Вследствие этого наряду с прокурорским надзором появилась дополнительная гарантия защиты прав лиц, изолированных от общества в местах лишения свободы.

Кроме того, в ИУ традиционно практикуется приглашение судей для чтения лекций, участия в вечерах вопросов и ответов, в работе юридических консультаций на общественных началах. В процессе такого

общения с осужденными судьи получают информацию, которая позволяет им составить представление о том, в какой степени соблюдаются права и законные интересы осужденных.

Особо следует сказать об общественном контроле за деятельностью УИС. Нормы, его регламентирующие, вкраплены в различные нормативные правовые акты: ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1, федеральные законы «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ, «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ, Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1, указы Президента РФ: «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» от 28 декабря 2001 г. № 1500; «Об утверждении Положения об управлении Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан» от 22 мая 2004 г. № 662 и др.

Однако его объем, пределы и порядок реализации на законодательном уровне не урегулированы. Не случайно в связи с этим выдвигается идея о принятии федерального закона «Об общественном контроле за деятельностью правоохранительных органов»¹, составной частью которых являются учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания.

Библиографический список

1. Минаков, Г. М. Права и законные интересы лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, и гарантии их реализации / Г. М. Минаков. – М., 1993.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.
3. Федоров, В. В. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.

¹ См.: Федоров В. В. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

Т. М. Клименко,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Саратовского
юридического института МВД России
кандидат юридических наук

СКЛОНЕНИЕ К НЕЗАКОННОМУ ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИКОВ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ НАРКОБИЗНЕСА

К концу XX в. незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ (наркомания) в мире достигло такого уровня, что возникла серьезная угроза в ближайшем будущем существованию цивилизации, поскольку разрушаются жизнь и здоровье не только лиц, потребляющих наркотики, но и опосредованно их потомства, кроме того, причиняется серьезный ущерб экономике страны¹.

Наркомания – это заболевание, обусловленное патологической зависимостью от наркотических средств или психотропных веществ, которые способны вызывать состояние опьянения, сопровождающееся ощущением полного физического и психического комфорта и благополучия.

Люди, столкнувшиеся с жизненными трудностями, не всегда могут справиться с ними продуктивным путем. По мнению тех, кто не обладает эффективными способами психологической защиты, для решения проблем есть только один выход – наркотики.

В ст. 40 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ закреплено, что на территории Российской Федерации их потребление без назначения врача запрещено². Нарушение требований законодательства влечет и административную ответственность за потребление наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях (ст. 6.9 КоАП РФ), и уголовную – за ряд незаконных действий с наркотиками, совершаемых без цели сбыта (ст. 228 УК РФ).

Кроме того, опасность наркомании заключается в том, что она тесно связана с преступностью, поскольку спрос рождает

предложение, а для приобретения наркотиков средства, как правило, добываются преступным путем. Наркобизнес всегда был одним из самых прибыльных видов преступной деятельности. Чем больше потребителей, тем больше доходов.

Изучение динамики преступного оборота наркотиков свидетельствует о консолидации организованных преступных сообществ (организаций) на территориальном, межрегиональном и международных уровнях при одновременном разделе и переделе территории страны и отраслей преступного наркобизнеса на сферы влияния. Конкуренция между преступными сообществами, учитывая высокие доходы на каждый вложенный рубль, неизменно ведет к расширению сети потребителей. Нельзя не принимать в расчет, что лидеры организованных преступных сообществ (организаций) уделяют самое серьезное внимание разнообразию способов вовлечения граждан в незаконное потребление наркотиков, особенно молодежи и несовершеннолетних, что представляет повышенную общественную опасность. Кроме того, активно подобной деятельностью занимаются лица, сами незаконно потребляющие наркотики³.

Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ является уголовно наказуемым деянием, ответственность за которое регламентируется ст. 230 УК РФ.

Объективная сторона данного деяния выражается в любых действиях (как ненасильственных (уговоры, предложения, обещания, дача совета и т. п.), так и с применением насилия), направленных на возбуждение желания у другого лица их принять⁴. Рассмотрим только ненасильственные способы склонения, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 230 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими

¹ См.: Основные направления противодействия транснациональному организованному криминальному наркобизнесу / Под общ. ред. Е. П. Ищенко. М., 2003. С. 125.

² См.: СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

³ См.: Клименко Т. М. Уголовно-правовые проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (особенности юридического анализа и квалификации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 8.

⁴ См.: Голиб Р. Н. О некоторых аспектах влияния наркотизма и социального паразитизма на наследственную преступность // Состояние и тенденции насильственной преступности в РФ. М., 1993. С. 77–84.

средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14¹, в основу понятия «склонение» положено определение, данное Толковым словарем русского языка, а именно: «убеждение в необходимости совершения какого-либо поступка, решения»². Следовательно, склониться означает подчиниться кому-либо, утратить волю к сопротивлению, поддаться чьему-либо влиянию. Термин «склонение» является синонимом понятий «вовлечение» и «подстрекательство».

Подстрекательство подразумевает побуждение или призыв к вредным, опасным своими последствиями преступным действиям, а вовлечение – побуждение, привлечение к участию в чем-нибудь³. Таким образом, вовлечение лица в незаконное потребление наркотиков означает возбуждение у него желания принять участие в совершении противозаконного деяния.

Вовлечение предполагает наличие лица, осуществляющего действия, направленные на склонение к потреблению наркотиков. Этим лицом (или лицами) является подстрекатель. Согласно уголовному законодательству Российской Федерации подстрекателем признается лицо, склонившее к совершению преступления другое лицо путем уговора, подкупа, угрозы или любым другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ).

Возбуждение у склоняемого лица желания потребить наркотики предложением, советом, уговором, просьбой, рекламированием его свойств, ощущений, возникающих после приема, т. е. любым ненасильственным способом, считается преступлением, оконченным с момента совершения деяния.

Обман, т. е. сознательное введение в заблуждение склоняемого лица, имеющее целью вынудить последнего потребить наркотик, также является ненасильственным способом склонения.

Необходимо учитывать, что подростки, у которых еще нет жизненного опыта, подвержены модным течениям и влиянию со стороны взрослых. Если они видят перед собой примеры «безопасного потребления наркотиков», т. е. скрытую или открытую

рекламу наркотиков, то считают, что разовые потребления не могут привести к зависимости. В данном случае реклама является одним из видов ненасильственного вовлечения в потребление наркотиков.

С целью выявления причин возрастающей наркотизации населения неоднократно проводились социологические исследования. Так, в апреле–мае 2003 г. Объединением российских социологических центров «группа 7/89» было изучено общественное мнение населения различных российских регионов относительно лиц, потребляющих наркотики в немедицинских целях. В опросе приняли участие 5454 человека в возрасте от 18 лет и старше в 10 регионах России. По мнению 57 % респондентов, среди возможных причин приобщения к наркотикам первое место занимает «дурное влияние среды». Более 40 % опрошенных респондентов высказали суждение, что «наркотики – это влияние моды»⁴.

Причем для молодежи такой стимул приобщения к наркотикам, как мода, представляется более вероятным (до 44 % опрошенных), чем для людей старшего поколения (35 % опрошенных). Следует отметить, что «дурное влияние среды» – это то же самое «влияние моды», но имеющее более негативный оттенок и относящееся к более узкой социальной группе.

Как было указано выше, склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ считается оконченным с момента совершения виновным действий, названных в диспозиции, независимо от возникновения у склоняемого лица желания их принять, объективированно выраженного в каких-либо действиях (непосредственное потребление, приобретение наркотиков для потребления и т. д.)⁵. Аналогичной точки зрения на момент окончания преступления придерживаются многие ученые, кроме того, она содержится в предложенных рекомендациях постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по де-

⁴ См.: Романович Н. А., Звоновский В. Б. Общественное мнение о наркотизме: опыт региональных исследований // СОЦИС. 2004. № 6. С. 54.

⁵ См.: Российское уголовное право: В 2 т. / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комисарова, А. И. Рарога. М., 2003. Т. 2: Особенная часть. С. 470; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учеб. / Под ред. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1999. С. 289 и др.

¹ См.: Рос. газ. 2006. 28 июня.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 623.

³ См.: там же. С. 438, 36.

лам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» от 15 июня 2006 г. № 14.

Если же лицо, склонявшее к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, совершало и иные незаконные действия с указанными препаратами (например, сбывало, похищало, изготавливало их и т. д.), то его действия надлежит квалифицировать по совокупности соответствующих преступлений¹.

Как показывает судебная практика, вовлечение в незаконное потребление наркотиков, совершенное ненасильственным способом, сложно доказать, если вовлекаемое в потребление лицо не показало свою готовность употребить наркотики или приобрести их для дальнейшего потребления². По нашему мнению, моментом окончания преступления следует считать время, когда лицо либо потребило наркотик, либо совершило какие-то действия, демонстрирующие его готовность их употребить.

По результатам многочисленных исследований, организованными преступными формированиями уделяется серьезное внимание данному виду наркобизнеса, в связи с чем необходимо включить в сферу уголовно-правовых отношений рекламу наркотических средств и психотропных веществ как один из видов склонения к потреблению наркотиков.

Известно, что наркотические средства могут быть природного или искусственного

происхождения. В первом случае речь идет о выращенных запрещенных к возделыванию растениях. Их посев, доведение до стадии созревания, культивирование признаются преступлением, однако согласно ст. 231 УК РФ не регламентируется ответственность за деяния, совершенные без цели сбыта либо в целях сбыта указанных растений. Следует отметить, что данные деяния также могут являться одним из способов ненасильственного вовлечения в незаконное потребление наркотиков.

Проблемы наркомании и наркотизма не могут быть преодолены усилиями только одной какой-то страны или группы стран, необходимо согласовывать и принимать решения по борьбе с данными негативными социальными явлениями в масштабах всего мирового сообщества.

Библиографический список

1. Голиб, Р. Н. О некоторых аспектах влияния наркотизма и социального паразитизма на наследственную преступность / Р. Н. Голиб // Состояние и тенденции насильственной преступности в РФ. – М., 1993.
2. Основные направления противодействия транснациональному организованному криминальному наркобизнесу / под общ. ред. Е. П. Ищенко. – М., 2003.
3. Романович, Н. А. Общественное мнение о наркотизме: опыт региональных исследований / Н. А. Романович, В. Б. Звоновский // СОЦИС. – 2004. – № 6.

С. К. Коконгбанди,
аспирант кафедры ИЗИ
Владимирского государственного
университета

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Основным законом страны – Конституцией РФ – устанавливается равенство всех перед законом. Государство гарантирует ра-

венство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, происхождения, места жительства и главное – гражданства. Кроме того, ч. 1 ст. 19 Конституции РФ устанавливает равенство всех перед законом и судом, в частности, это касается и уголовных наказаний, и избрания мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

Одним из основных принципов российского уголовного права является принцип справедливости и гуманизма при назначении уголовного наказания. Однако на практике этот принцип очень часто не выполняется: иностранным гражданам, как правило, назначается более строгое уголовное наказание, чем россиянам, за совершение одного и того же преступления.

¹ См.: Клименко Т. М. Особенности квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Саратов, 2002. С. 139.

² См.: там же. С. 143.

Любые правоотношения, как частноправовые, так и публично-правовые, осложненные «иностранным элементом», требуют специфического регулирования. Однако, в отличие от специального регулирования трудовой деятельности иностранных граждан, в российской правовой системе не существует не только правовых актов, но и каких-либо положений, содержащих нормы, закрепляющие права и обязанности иностранных граждан в уголовно-правовых или уголовно-процессуальных правоотношениях.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу особенностей положения иностранных граждан при назначении им уголовного наказания, целесообразно остановиться на вопросе закрепления в международных документах равных возможностей каждого человека (и граждан своей страны, и иностранных граждан, и лиц без гражданства, и лиц, имеющих двойное гражданство) на судебную защиту. Это продиктовано значимостью международных норм и их приоритетом перед национальными, что нашло отражение в ряде статей Конституции РФ. В ч. 1 ст. 17 Конституции РФ установлено, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в соответствии с действующей Конституцией РФ.

В настоящее время особая актуальность проблемы защиты прав человека в сфере уголовной юстиции связана с вступлением России в Совет Европы. Присоединение Российской Федерации к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и дополняющему ее Протоколу делает приоритетным вопрос о приведении российского законодательства в соответствие с международными стандартами.

При сопоставлении статей Конституции РФ о правах и свободах человека с важнейшими международно-правовыми документами в принципе прослеживается не только сходство исходных идей, но и в некоторых случаях тождество конкретных правовых норм. Вместе с тем отдельные неточности или несовпадения между национальными и международными нормами влекут за собой серьезные нарушения прав человека, которые в большей степени касаются иностранцев, чем российских граждан,

поскольку, как правило, совершение преступления иностранными гражданами карается более жестоко.

Правовое положение иностранных граждан на территории Российской Федерации определяется российским законодательством и международными договорами. Им может быть определен следующий вид режима: национальный, наибольшего благоприятствования или специальный (преференциальный). При национальном режиме иностранцы в определенной мере приравниваются к гражданам страны пребывания. Режим наибольшего благоприятствования означает, что иностранцы пользуются на территории Российской Федерации всеми теми наиболее благоприятными условиями, которые предоставлены гражданам любого третьего государства. Специальный режим отличается предоставлением определенных привилегий и преимуществ обычно в отношениях с соседними странами, например, в области приграничной торговли, общения населения, упрощенного порядка посещения родственников в сопредельных странах и др.

Сегодня судебная защита является наиболее универсальным и эффективным способом защиты прав человека в любых сферах деятельности. Качество проверки судом обоснованности и законности заключения человека под стражу является более высоким по сравнению с аналогичной деятельностью прокурора или начальника следственного отдела.

В большинстве российских законов сформулированы нормы, подчеркивающие принцип приоритета международных правил перед аналогичными национальными. Например, согласно ст. 4 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ содержание под стражей осуществляется в соответствии с принципами и нормами международного права, а также международными договорами РФ¹.

В рамках уголовного процесса презумпцией невиновности обладают как граждане РФ, так и иностранные граждане. Однако для того, чтобы из теоретически закрепленного принципа эта норма стала практически действующей, необходимо, чтобы

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

правосознание судей не было отягощено «иностранным элементом». Как, по замечанию В. Савицкого, «политизированная юстиция является даром данайцев и представляет собой троянского коня в концепции правового государства»¹.

В случае, когда субъектами правоотношений в сфере уголовной юстиции выступают иностранные граждане, принцип справедливости и гуманизма при назначении уголовного наказания практически всегда нарушается. При рассмотрении судами уголовных дел в отношении иностранцев, совершивших преступление на территории Российской Федерации, возникают сложности в обеспечении равенства граждан перед законом при решении вопроса о выборе вида уголовного наказания.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает основные и дополнительные виды наказаний, включая возможность назначения условного осуждения, применяемого к таким видам наказания, как лишение свободы и исправительные работы. В УК РФ нет каких-либо исключений или установления запретов на применение условного осуждения в отношении иностранцев. Это связано с тем, что у таких лиц нет постоянного места жительства на территории России, а есть лишь временная регистрация, что позволяет им уклоняться от отбывания наказания и продолжать заниматься преступной деятельностью. Однако законодатель не считал нужным отразить проблемы, стоящие перед российскими судьями при назначении уголовного наказания иностранцам, закрепив перечень видов наказания, применяемых к последним. Выход из этой ситуации приходится искать самим судьям, руководствуясь при этом собственным правосознанием.

В соответствии со ст. 22 Конституции РФ ограничение свободы может осуществляться только по судебному решению. Другими словами, любые содержание под стражей и заключение под стражу требуют судебного решения. Это значит, что дознаватель, следователь или прокурор еще на стадии предварительного расследования должны обратиться в суд с ходатайством о заключении

обвиняемого под стражу. Как известно, до настоящего времени такой порядок не соблюдается и данная норма не действует.

Как же должна быть решена существующая коллизия между законом и практикой с соблюдением при этом принципов равенства, справедливости и гуманизма, которые должны действовать и в отношении российских, и иностранных граждан?

Санкции статей УК РФ за совершение преступлений небольшой, средней тяжести и тяжких преступлений предусматривают альтернативное наказание. В случае, если суд приходит к выводу о том, что отбывание наказания иностранными гражданами возможно без изоляции их от общества, то с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенных преступлений суд может назначить наказание в виде штрафа, заменив наказание в виде исправительных работ или лишения свободы на штраф как более мягкий вид наказания. Штраф в данном случае является более реальным видом наказания для иностранцев, чем применение ст. 73 УК РФ и назначение условного осуждения.

Вопрос о назначении уголовного наказания иностранным гражданам далеко не единственный, который порождает коллизии между законодательным решением и действительностью в России. Мы акцентировали внимание на нем в силу того, что назначение более жесткого наказания иностранцам, нежели российским гражданам, за совершение ими преступлений, например назначение наказания в виде лишения свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, является острой проблемой, со всей очевидностью свидетельствующей о нарушении прав иностранных граждан в сфере уголовной юстиции, которая должна получить легитимное решение.

Библиографический список

1. Боярс, Ю. Р. Вопросы гражданства в международном праве. – М., 1986.
2. Савицкий, В. М. Прошу у суда защиты / В. М. Савицкий // Защита прав человека. – М., 1993.
3. Современное международное право : сб. док. – М., 1964.
4. Сравнительное конституционное право / под ред. В. Е. Чиркина. – М., 1996.

¹ Савицкий В. М. Прошу у суда защиты // Защита прав человека. М., 1993.

Н. А. Коломытцев,
*начальник кафедры уголовно-
исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ НЕОДНОКРАТНО СУДИМЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ**

Противоречивые явления в жизнедеятельности государства и общества наряду с положительными изменениями оказали отрицательное воздействие на динамику развития криминальной ситуации и высокий уровень рецидивной преступности. По данным МВД РФ, ежегодно общее количество зарегистрированных преступлений в России возрастает на 7,2 % и составляет около 4 млн.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что ежегодно более 400 тыс. человек, ранее неоднократно судимых, совершают новые преступления. Увеличивается число тяжких уголовно наказуемых деяний, 50 % из которых носят особо дерзкий характер. Кроме того, более заметен противоправный профессионализм, что подтверждает довольно низкая (до 48 %) раскрываемость преступлений.

Одним из основных направлений совершенствования борьбы с рецидивом преступлений является оказание помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, в социальной адаптации.

Наличие рецидива преступлений свидетельствует об определенных недостатках в подготовке данных лиц к освобождению. Поэтому решение указанной проблемы следует рассматривать как помощь ранее неоднократно судимым в социальной адаптации, а также препятствовать возможному совершению других преступлений.

Улучшению работы в данном направлении способствует комплекс воспитательных, правовых и предупредительных мероприятий, осуществляемых с учетом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, личностных особенностей осужденных, мотивации их поведения в колониях особого и строгого видов режима и тюрьмах.

Достижению поставленных целей на завершающей стадии отбывания наказания необходима организация усиленной воспитательной работы по подготовке к освобождению осужденных. Особого внимания требуют вопросы, связанные с социально-правовыми последствиями лишения свободы, уяснением ими основ законодательства о труде, браке и семье, гражданского и жилищного законодательства, требований рыночных отношений во всех сферах общества, психологической подготовки осужденных к честной жизни после освобождения из учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС).

По нашему мнению, деятельность исправительных учреждений (ИУ) должна обеспечивать предупреждение новых преступлений со стороны субъектов рецидива после окончания срока наказания. Однако возникает необходимость в условиях, способствующих этому, определяющих перспективное направление защиты прав и законных интересов освобожденных.

Необходимость преемственности и взаимодействия персонала учреждений УИС с отделами органов внутренних дел, центрами занятости, органами местного самоуправления в трудовом и бытовом устройстве неоднократно судимых лиц продиктована достижением лучших результатов в противодействии рецидиву преступлений в России.

Большинство освобожденных (83 %), как правило, возвращаются в семью. К этому стремятся даже те субъекты особо опасного рецидива, которые существенно осложнили семейные и родственные отношения. Восстановление социально полезных связей значительно облегчает принимаемые в ИУ усилия, направленные на достижение договоренности о трудовом и бытовом устройстве в период, предшествующий освобождению.

Порядок проведения социальной адаптации обеспечивают персонал УИС, а также деятельность других правоохранительных органов по трудовому и бытовому устройству освобождаемых. Вместе с тем указанный порядок не всегда соблюдается.

Антиобщественному образу жизни ранее судимых лиц способствует непринятие от делами органов внутренних дел своевре-

менных мер по их трудовому и бытовому устройству после освобождения из мест лишения свободы. Подобное негативное отношение сложилось во многих регионах страны. По нашим данным, остается невыполненным каждый второй запрос в отношении самых опасных преступников, освобожденных из колоний особого вида режима. Кроме того, не всегда отвечают на запросы персонала ИУ органы местного самоуправления, делегируя свои обязанности территориальным отделам органов внутренних дел. В связи с этим целесообразно совершенствовать нормы, содержащиеся в ст. 182 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). По нашему мнению, в сложных социально-экономических условиях данный вопрос необходимо решить на законодательном уровне.

На практике оформление на работу обследованных категорий лиц после освобождения из колоний и тюрем нередко приостанавливается или не производится, что, в свою очередь, часто ведет к тяжким преступлениям со стороны освобожденных.

Решению некоторых существующих проблем, по нашему мнению, будет способствовать введение в штат колоний и тюрем института социального работника. Его деятельность распространяется на более широкий круг вопросов, связанных с подготовкой осужденных к жизни в условиях свободы, включая оказание разнообразной помощи после освобождения из мест лишения свободы.

Деятельность социального работника должна проводиться не только в соответствии с еженедельным графиком, но и по индивидуальным планам подготовки осужденных к освобождению. Такие планы целесообразно составлять совместно с начальниками отрядов с учетом особенностей, потребностей, интересов лиц, подготавливаемых к освобождению.

При составлении данных планов необходимо подвести итоги воспитательной работы с осужденным, а также определить степень его исправления, имеющиеся отрицательные свойства и качества личности, меры по их устранению; перечень социально значимых факторов, оказавших на ранее судимого максимальное воспитательное воздействие, возможность их использова-

ния в практической работе после освобождения от наказания и др.¹

В связи с этим, по нашему мнению, подготовка специалистов института социального работника будет способствовать успешному достижению целей социальной адаптации ранее неоднократно судимых лиц, решению различных проблем их социально значимой жизни после освобождения.

На наш взгляд, вопросы, направленные на социальную адаптацию ранее судимых лиц, должны разрабатываться и осуществляться органами местного самоуправления, их комиссиями, предприятиями и организациями. В данной работе необходимо участие общественных, религиозных формирований, благотворительных фондов и отдельных граждан.

Необходимо также на законодательном уровне утвердить принципиальные положения, обеспечивающие трудовое и бытовое устройство лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы (бронирование рабочих мест, создание специальных фондов материальной помощи, предоставление жилья нуждающимся освобожденным и т. п.).

Особое внимание следует уделять адаптации осужденных, отбывших наказание в исправительных колониях особого, строгого видов режима и тюрьмах. Кроме того, необходимо введение специальной нормы, предусматривающей создание органов постпенитенциарной опеки при службе занятости, которые могли бы заниматься трудовым и бытовым устройством освобожденных лиц из учреждений УИС.

Таким образом, данный подход к конструированию такой нормы в законодательстве даст возможность совершенствовать социальный контроль за неоднократно судимыми лицами, а также повысить уровень борьбы с рецидивом преступлений.

В связи с этим автор предлагает создать Федеральный закон, регулирующий процесс социальной адаптации освобожденных на федеральном, ведомственном, муниципальном уровнях, что будет положительно влиять на снижение рецидивной преступности.

¹ Подробнее см.: *Коломытцев Н. А.* Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним: Моногр. Н. Новгород, 2005. С. 335–338.

Учитывая наличие тенденций повышения полномочий субъектов Российской Федерации, следует осуществлять уголовно-правовую борьбу с рецидивной преступностью, так как она является не только делом правоохранительных структур, но и государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественности.

Практическая значимость комплексного подхода к социальной адаптации наиболее опасных категорий лиц заключается в том,

С. И. Кузьмин,

*профессор кафедры юридических дисциплин факультета внебюджетного образования ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Общеизвестно, что каждый новый общественно-политический и государственный строй стремится отграничиться от предшествовавшей политики во всех сферах, считая свою более прогрессивной. Данная оценка присутствует в заявлениях государственных и политических деятелей, средствах массовой информации и находит отражение в законодательных и нормативных актах в виде не всегда обоснованных новаций.

До 1992 г. в исправительно-трудовой системе России существовал такой уголовно-правовой институт, как специальные комендатуры для лиц, осужденных к лишению свободы, и условное освобождение осужденного с обязательным привлечением его к общественно полезному труду. Функционирование системы спецкомендатур обосновывалось существованием в России плановой экономики народного хозяйства, рассчитанной на привлечение многих тысяч неквалифицированных рабочих. Ошибочным оказалось суждение о том, что в условиях рыночной экономики спецкомендатуры, ориентированные на использование трудовых ресурсов в сфере строительства, утратили свое значение. Строительный бум, охвативший Россию, – лучшее тому подтверждение. В настоящее время предприниматели и государство заинтере-

что он ориентирован на взаимную связь и преемственность всех этапов исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Библиографический список

1. *Коломытцев, Н. А.* Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним : монография / Н. А. Коломытцев. – Н. Новгород, 2005.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.

сованы в привлечении иностранной рабочей силы в данную сферу хозяйственной деятельности.

По нашему мнению, законодатели осознали свою ошибку, связанную с ликвидацией спецкомендатур, и в качестве нового вида наказания, ранее не известного уголовному и уголовно-исполнительному праву России, был введен институт ограничения свободы. Сравнительный анализ условий отбывания наказаний в спецкомендатурах и исправительных центрах показал, что правовая регламентация их функционирования фактически одинакова. Таким образом, становится вполне очевидным существенный просчет в карательной политике. Уничтожение института исполнения уголовных наказаний в спецкомендатурах и растрачивание материальной базы данных учреждений привели к тому, что новый институт в виде исправительных центров потребовал огромных финансовых вливаний. Осознав, что исправительные центры оказались «мертворожденным» институтом, их стали преподносить в качестве места заключения, только с более мягким режимом, а не как учреждение, ограничивающее свободу лица, отбывающего уголовное наказание. В связи с этим возникла необходимость в ликвидации данного института в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, заменив иными мерами, связанными с ограничением свободы.

Кроме того, был введен такой вид наказания, как арест, широко применявшийся в дореволюционной России и Советском государстве вплоть до 1923 г. Наказание в виде ареста по закону предусмотрено за совершение уголовного проступка. Многие ученые и практические работники выска-

зывались против реализации этой идеи, базирующейся на ее использовании в качестве шоковой терапии в отношении впервые осужденных за преступления небольшой тяжести. В 2005 г. средства массовой информации данную меру наказания называли самой жесткой разновидностью заключения, слишком дорогой и неэффективной, способной подпитывать криминал новыми кадрами, «тюремным университетом» для новичков и т. п. Отсюда возникла идея заменить данную меру наказания домашним арестом – своего рода альтернативой ограничению свободы. По мнению А. И. Зубкова, для начала следовало построить 140 арестных домов и выделить почти 14 тыс. персонала, на что из бюджета пришлось бы израсходовать около 10 млрд рублей¹.

Первая попытка убедить комитет по законодательству и судебной-правовой реформе Государственной Думы отказаться от отложенных наказаний в виде обязательных работ, ограничения свободы и ареста не увенчалась успехом в силу того, что было бы политически неверно. Таким образом, политика встала на путь целесообразности. Вместе с тем любая реформа чревата своей непредсказуемостью, так как выявляет не только положительное, но и отрицательное, поэтому от последнего необходимо освобождаться.

Недоумение вызывает ничем не оправданное обеднение сущности наказания в виде исправительных работ. Общеизвестно, что в качестве наказания исправительные работы закреплены в законодательных актах Советского государства с 1921 г., и в последующем менялось только их название (принудительные, исправительно-трудовые, исправительные работы), однако их сущность оставалась неизменной: осужденный проживал дома, работал, как правило, на прежнем месте работы. Из его заработной платы удерживалась установленная судом часть заработка. Допускалось направление на работу в иное место органами, исполняющими данный вид наказания, однако по месту жительства осужденного с учетом его трудоспособности и, по возможности, специальности. С принятием

Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ этот вид наказания превратился в фикцию, так как суд теперь не вправе назначить лицам, имеющим работу, данный вид наказания. Теперь в доход государства от 5 до 20 % брать фактически не с кого. По старой норме закона платить было положено как лицам, получавшим на работе минимальную заработную плату, так и российским миллиардерам. Кроме того, невозможно добровольно побудить работодателей взять на работу лиц, осужденных к исправительным работам. Фактически своим решением законодатель исключил альтернативу наказанию в виде лишения свободы.

В 1930-х гг. широко использовались понятия «социально вредный» и «социально опасный элемент», распространявшиеся на лиц, ведущих антиобщественный, преступный образ жизни. В отношении данных категорий применялись ссылка в качестве основного, дополнительного и замена лишения свободы более мягкой мерой наказания и высылка. По нашему мнению, отмена указанных мер наказания не оправдана. Оперативные аппараты правоохранительных органов ведут учет лидеров организованных преступных группировок, воровских авторитетов, руководящих организованным преступным миром в России. Привлечь их к ответственности по уголовному законодательству за так называемую управленческую деятельность практически невозможно. Если бороться с организованной преступностью как на свободе, так и в местах лишения свободы, то необходимо использовать в комплексе все известные практике меры.

Следует отметить, что новое Российское государство поспешно избавилось от лечебно-трудовых профилакториев, ничего не предложив взамен. В результате в обществе возникла новая проблема в виде деградировавших граждан, многие из которых освободились из мест лишения свободы. Лица без определенного места жительства, страдающие алкоголизмом, являются разносчиками инфекционных и венерических заболеваний, туберкулеза и многих других. Как правило, это лица среднего возраста и вполне трудоспособные. Насту-

¹ См.: Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 49.

пивший в России строительный бум нуждается не только в квалифицированной, но и неквалифицированной рабочей силе. В связи с этим привлекается зарубежная рабочая сила главным образом из бывших союзных республик вместо того, чтобы привести в нормальное состояние общество и дать возможность указанным лицам возвратиться к нормальному образу жизни.

Говоря о современной карательной политике государства, необходимо отметить, что ее реализация привела к отказу от такого уголовно-правового института, как колонии-поселения для лиц, впервые совершивших умышленные преступления и срок наказания которым назначен не более пяти лет, ссылки и высылки, к обесцениванию исправительных работ и фактически отказу от исполнения наказания в виде смертной казни.

Привнесенные из-за рубежа новации в виде исправительных центров, арестных домов в силу тех или иных причин оказались невостребованными. В связи с этим, по нашему мнению, следует исключить гл. 8 и 10 из УИК РФ. В настоящее время обязательные работы не получили достаточно широкого распространения. Кроме того, необходимо пересмотреть порядок привлечения осужденных к труду с таким расчетом, чтобы они выполняли общественные работы в выходные дни, как это практикуется в западных странах.

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо рассмотреть ряд следующих проблем. Новый УИК РФ предоставил осужденным большие права в части приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости, получения посылок, передач и бандеролей, предоставления телефонных переговоров, приобретения литературы и письменных принадлежностей, выездов за пределы исправительных учреждений и др. В полном объеме этими правами пользуются те, кто имеет материальные средства или обеспеченных родственников. Однако в местах лишения свободы немало тех, кто воспитывался в детских домах и интернатах, кто утратил социальные связи или чьи родственники относятся к числу малоимущих. Осужденные, не имеющие самостоятельного заработка или не получающие материальной помощи, не могут удовлетворить свои минимальные запросы в продук-

тах питания и предметах первой необходимости, не говоря уже о реализации других прав и законных интересов. Данная категория осужденных вынуждена обращаться к тюремным авторитетам, прибегать к вымогательству, грабежу, воровству и др. Конечным результатом этого является изоляция больших групп осужденных от основной массы в качестве меры обеспечения их личной безопасности.

Опыт исполнения наказаний в соответствии с нормами УИК РФ позволяет вычлени ряд существенных проблем, реализация которых связана с преодолением существенных трудностей как организационного, так и экономического характера.

Во-первых, банкротство 600 унитарных федеральных государственных предприятий и создание в местах лишения свободы центров трудовой адаптации осужденных, учебно-производственных и лечебно-производственных мастерских повлекут за собой отмену трудовых отпусков, за исключением занятых по хозяйственному обслуживанию мест лишения свободы, и не решат проблемы подготовки квалифицированных специалистов ввиду отсутствия у них практических навыков. Такая рабочая сила вряд ли будет востребована на современном рынке труда. Вместе с тем 40 % осужденных составляют лица, не достигшие 25 лет, не имеющие специальности или совсем не работавшие. При отбывании наказания большинство из них не могут заработать средства на текущие нужды, не говоря уже о начальном капитале ко времени освобождения из мест лишения свободы. По нашему мнению, для нейтрализации противоправной деятельности таких лиц в период отбывания наказаний государство должно выделять ежемесячно определенную сумму на приобретение ими предметов первой необходимости.

Во-вторых, впервые администрация мест лишения свободы столкнулась с таким явлением, как нежелание несовершеннолетних и взрослых осужденных освобождаться условно-досрочно. Согласно ст. 104 Исправительно-трудового кодекса РСФСР обеспечение работой лиц, освобожденных от отбывания наказаний, возлагалось на исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся не позднее 15-днев-

ного срока со дня обращения за содействием в трудоустройстве. В необходимых случаях им предоставлялась жилая площадь. Предписание исполнительных комитетов местных Советов депутатов о трудоустройстве лиц, освобожденных от отбывания наказаний, было обязательным для руководителей предприятий, учреждений и организаций. В ст. 182 УИК РФ закреплено право на трудовое и бытовое устройство освобожденных от наказания, однако ответственность за это ни на кого не возлагается. Следствием этого стала небывало высокая повторная преступность в стране.

В-третьих, создание на территории исправительных учреждений участков для содержания осужденных других видов режима с учетом раздельного содержания в обычных, облегченных и строгих условиях при наличии штрафного изолятора и по-

мещений камерного типа свидетельствует о том, что фактически исправительные учреждения постепенно начинают преобразовываться в учреждения с покамерным размещением осужденных, поэтому, по нашему мнению, следует развивать учреждения нового типа. В дальнейшем это позволит администрации избавиться от самостоятельных формирований осужденных, общеобразовательных школ, профессиональных технических училищ и воспитательной работы в современном ее понимании.

Библиографический список

1. *Зубков, А. И.* Карательная политика России на рубеже тысячелетий / А. И. Зубков. – М., 2000.
2. *Кузьмин, С. И.* ИТУ и современность / С. И. Кузьмин // Человек: преступление и наказание. – 1996. – № 3–4.

Н. Д. Маслова,
*советник департамента управления
организации и контроля
Минюста России*

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Совершая преступление, лицо переступает грань допустимого, нарушает правовой запрет, в связи с чем у государства (а также у граждан) возникает право на пресечение его преступной деятельности и создание условий для привлечения к уголовной ответственности.

Согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Однако существуют и такие деяния, которые, хотя внешне и имеют все признаки состава преступления, в действительности являются общественно полезными (например, задержание лица, совершившего преступление и причинение ему при этом вреда разной степени тяжести, вплоть до смерти).

В соответствии с ч. 1 ст. 38 УК РФ не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам вла-

сти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. С одной стороны, данная норма создает определенные гарантии от неосновательного привлечения к ответственности за такой вред, с другой – обеспечивает защиту преступника от возможного самосуда и расправы.

Однако прежде всего необходимо определить содержание понятия «задержание», поскольку ученые не пришли к единому мнению в толковании данного понятия.

Так, ряд авторов считает, что задержание лица, совершившего преступление, представляет собой кратковременное лишение задерживаемого свободы; другие рассматривают задержание отдельно от понятия «доставление лица в правоохранительные органы или должностному лицу, имеющему право осуществлять уголовно-процессуальное задержание»¹. Некоторые выделяют в задержании ряд этапов, включающих (при задержании без заранее вынесенного постановления) фактическое за-

¹ *Шумилин С. Ф.* Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Следователь. 1998. № 6. С. 46.

держание (захват), доставление, проверку оснований задержания, составление протокола и т. д.¹ Существует также мнение, что уголовно-правовое задержание – это доставление лица (преступника) соответствующему органу, если оно не заканчивается его уголовно-процессуальным задержанием².

Таким образом, уголовно-процессуальное задержание представляет собой краткосрочное лишение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы (свыше двух лет), применяемое органами дознания или следователем при наличии оснований, определенных УК РФ.

Уголовно-процессуальное задержание должно обязательно иметь поводом возбуждение уголовного дела о совершенном преступлении и исчисляться со времени составления протокола о задержании. В соответствии с УПК РФ задержание может длиться не более 48 часов, в течение которых необходимо решить вопрос о заключении задержанного под стражу или его освобождении.

Уголовно-правовое задержание тесно связано с уголовно-процессуальным, несмотря на ряд отличий. В частности, целью уголовно-правового задержания является пресечение преступления, а также лишение возможности лица, его совершившего, избежать уголовной ответственности и скрыться от органов следствия и правосудия, а уголовно-процессуальное задержание имеет своей главной целью зафиксировать правоотношение, в котором его субъекты: органы дознания или следствия, с одной стороны, и задержанный, с другой, – наделяются соответствующими правами и обязанностями, необходимыми первым для проведения дознания или расследования, вторым – для защиты своих законных интересов.

Уголовно-правовое задержание может произойти как одновременно с уголовно-процессуальным, так и до составления протокола или вынесения постановления об уголовно-процессуальном задержании.

Уголовно-правовое задержание лица, совершившего преступление, в отличие от уголовно-процессуального осуществляется не только сотрудниками органов правопорядка, но и гражданами, пресекавшими преступление или оказавшимися его очевидцами. Только после доставления задержанного орган дознания или следователь производит проверку наличия в его действиях признаков состава преступления и решает вопрос о его уголовно-процессуальном задержании. Так, возможен вариант уголовно-правового задержания, когда произошел побег осужденного из места лишения свободы. В этом случае задержание нередко происходит до возбуждения уголовного дела и поэтому не является одновременно уголовно-процессуальным задержанием, однако может предшествовать возбуждению уголовного дела по ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи».

Следует отметить, что уголовно-правовое задержание, в отличие от уголовно-процессуального, возможно и тогда, когда еще нет достаточных данных, позволяющих предполагать, что задержанный будет привлечен к уголовной ответственности за преступление, за которое законом установлена санкция – наказание свыше двух лет лишения свободы.

Акт задержания лица, совершившего преступление, по своей юридической природе является осуществлением субъективного права и в ряде случаев – выполнением моральной обязанности гражданина по пресечению противоправных действий и доставлению лиц, их совершающих, органам власти. Для некоторых лиц, в частности, сотрудников правоохранительных органов, задержание преступника – правовая, служебная обязанность.

Вынужденное причинение вреда лицу, совершившему криминальное посягательство, является самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния. Поэтому нет никакой необходимости приравнивать его к акту необходимой обороны. Коллизии могут возникать в связи с тем, что задержание лица на месте совершения им преступления в ряде случаев нередко совпадает с пресечением посягательства с его стороны и поэтому не выходит

¹ См.: Петрухин И. Л. Человек и власть. М., 1999. С. 281.

² См.: Бушуев Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании. Горький, 1976. С. 31.

за рамки необходимой обороны. А если задерживаемый оказывает сопротивление законным действиям представителей власти или граждан, и оно перерастает в общественно опасное посягательство, то возникает право на необходимую оборону. Причиненный посягающему вред в таких случаях оправдан состоянием необходимой обороны.

Самостоятельное решение рассматриваемого вопроса требуется только в тех случаях, когда состояние необходимой обороны отсутствует. В данной ситуации задерживаемый уже не является активной, нападающей, стороной, а пытается уклониться от задержания. При этом уголовно-правовое значение имеют лишь такие меры по задержанию, которые связаны с причинением лицу, совершившему преступление, определенного физического вреда. Внешне эти действия содержат признаки деяний, предусмотренных соответствующими нормами Особенной части УК РФ, однако не являются преступными; они общественно полезны и необходимы для задержания преступника.

Причинение вреда лицу, совершившему преступление, с целью его задержания следует признать обстоятельством, исключающим преступность деяния, только при наличии права задержания и соблюдении следующих условий правомерности данного акта.

1. Задерживается лицо, совершившее именно преступление, а не иное правонарушение (административный или дисциплинарный проступок, гражданско-правовой деликт, малозначительное деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 14 УК РФ). Объективные признаки преступления при этом должны быть очевидны и бесспорны.

Однако соблюдение данного условия сопряжено с определенными сложностями. Во-первых, задерживающий, по мнению законодателя, должен сразу же дать уголовно-правовую оценку совершенного деяния, что часто не просто сделать даже квалифицированному юристу; во-вторых, возникает проблема определения виновности задерживаемого, которую нельзя решить без медицинского освидетельствования лица. Кроме того, определить, находилось ли лицо в момент совершения преступления в состоянии невменяемости, может только суд¹.

¹ См.: Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство. СПб., 2000. С. 131–132.

И хотя нахождение в состоянии невменяемости освобождает лицо от уголовной ответственности, задержать его все же необходимо для предотвращения возможности совершения таким лицом других общественно опасных посягательств.

2. Насилие применяется только при наличии твердой уверенности в том, что именно данное лицо совершило преступление.

В практике существуют случаи причинения при задержании вреда лицам, ошибочно принятым за преступников, мнимым преступникам. В такой ситуации уголовно-правовое задержание невиновного гражданина должно рассматриваться по правилам фактической ошибки и не влечь для него уголовной ответственности. Следует заметить, что существует большая вероятность ошибки при уголовно-правовом задержании, если вопрос о задержании возникает по прошествии определенного времени после события преступления. С. В. Познышев отмечал: «Правомерно захвачено (частным лицом. – С. П.) может быть только лицо, застигнутое во время совершения преступления на месте преступления или тотчас по совершении преступления. Основания этого ограничения следующие. Необходимо предотвратить злоупотребление этим правом и ошибки, которые могут сильно стеснять свободу граждан. Память людей неточна. Если разрешить заарестовывать силой и таких лиц, которых субъект не видал на месте преступления и не во время или тотчас по совершении преступления, то получится масса ошибок, и легко возможны будут злоупотребления этим правом. Только когда задержание производится на месте преступления, или, во всяком случае, непосредственно после преступления, можно рассчитывать, что ошибки и злоупотребления будут редки, и основанием для задержания не будут служить черты улавливаемого будто бы сходства и ненадежные воспоминания, искренность которых трудно, а иногда и невозможно проверить. Интересы гражданской свободы и уголовного правосудия должны быть согласованы»².

Однако С. Ф. Милуков не согласен с этим и настаивает на необходимости за-

² Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 172.

держания гражданами лиц, совершивших преступление, во все время давности уголовного преследования: «С. В. Познышев... ограничивал допустимость насильственного задержания местом преступления либо другим местом, но непосредственно после преступления»¹. По мнению С. Ф. Милюкова, данные ограничения неосновательны, поскольку общественная опасность скрывшегося преступника не уменьшается, а наоборот, усиливается, в связи с чем нельзя сужать временные рамки задержания.

3. Вред задерживаемому может быть причинен только при наличии реальной опасности его уклонения от уголовной ответственности. О стремлении уклониться от задержания и доставления в соответствующие органы власти свидетельствуют, например, такие действия (бездействие), как невыполнение требований следовать в милицию, попытки скрыться, оказание сопротивления и т. п.

4. Вред лицу, совершившему преступление, может быть причинен только с целью его задержания и доставления соответствующим органам власти. В данном случае необходимо лишить задерживаемого возможности уклониться от уголовной ответственности, а причиняемый вред является средством достижения данной цели². Если же указанные действия совершаются для других целей (например, самосуда), они теряют правомерный характер и лица, их совершившие, привлекаются к уголовной ответственности на общих основаниях.

5. Принимаемые для задержания лица, совершившего преступление, меры должны быть необходимыми, т. е. оправданными обстоятельствами дела. Является ли причинение того или иного вреда необходимым для задержания преступника, должно решаться в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств дела. Насилие должно быть вынужденной, крайней мерой, когда иными средствами задержание провести невозможно.

6. Принимаемые меры по задержанию рассматриваемой категории лиц должны соответствовать характеру и опасности совершенных ими преступлений, а также особенностям их личности. Например, ли-

шение жизни задерживаемого, пытающегося скрыться, может быть признано правомерным только в случаях совершения им убийства, бандитизма и другого тяжкого преступления преимущественно насильственной направленности.

Вместе с тем необходимо учитывать что лицо, задерживающее преступника, не всегда в состоянии избрать абсолютно соразмерные характеру и опасности совершенного преступления средства задержания. Поэтому нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые ограничивают меры по задержанию преступников условиями, относящимися к крайней необходимости³, и требуют, чтобы причиненный задерживаемому вред был менее значительным по сравнению с характером и опасностью совершенного преступления. Такое требование ущемляет право на задержание преступника. Вред, причиняемый задерживаемому, может быть и более значительным по сравнению с тем, который нанес он сам.

7. Меры, принимаемые к задержанию преступника, должны соответствовать обстановке его задержания, характеризующейся такими признаками, как степень интенсивности и способ оказываемого преступником сопротивления, количество задерживаемых и задерживающих, наличие оружия, место и время задержания (день или ночь), возможность применения других, более мягких и безопасных способов и средств задержания. Если лицо, преследующее задерживаемого, видит, что на помощь спешат сотрудники или граждане, и тем не менее калечит или убивает его, такие действия не могут быть признаны правомерными.

8. Причиняемый вред не должен превышать пределов необходимости.

Превышение мер, необходимых для задержания, имеет место в тех случаях, когда задерживаемому без необходимости причинен явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред, указанный в ч. 2 ст. 108 или в ч. 2 ст. 114 УК РФ (смерть, тяжкий или средней тяжести вред здоровью).

Следует отметить, что превышение мер, необходимых для задержания преступника, например, причинение вреда преступнику

¹ Милюков С. Ф. Указ. соч. С. 134.

² См.: Бушуев Г. В. Указ. соч. С. 24.

³ См., напр.: Слуцкий И. И. Обстоятельства, включающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 61.

без цели его задержания, должно рассматриваться не как превышение данных мер, а как обычное преступление против личности.

Если причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании не отвечает вышеуказанным требованиям, то оно является неправомерным, поскольку допущено при превышении допустимых средств задержания. Следовательно, согласно ч. 2 ст. 38 УК РФ превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред.

Превышение мер, необходимых для задержания лица, влечет уголовную ответственность только при умышленном причинении вреда, а поэтому в случае неосторожности ответственность исключается. Однако

в соответствии с п. «ж» ст. 61 УК РФ превышение мер задержания признается обстоятельством, смягчающим наказание. Вместе с тем в Особенной части УК РФ специально предусмотрена ответственность за убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ), и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 114 УК РФ).

Библиографический список

1. Бушуев, Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании / Г. В. Бушуев. – Горький, 1976.
2. Милюков, С. Ф. Российское уголовное законодательство / С. Ф. Милюков. – СПб., 2000.
3. Шумилин, С. Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление / С. Ф. Шумилин // Следователь. – 1998. – № 6.

В. В. Меркурьев,

заместитель начальника

ВЮИ ФСИН России

по заочной форме обучения

кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ САМОЗАЩИТЫ

Конституция РФ, оказывая детерминирующее воздействие на нормы уголовного права, обуславливает их направленность на охрану интересов личности, общества и государства и тем самым определяет социальное содержание всего российского уголовного законодательства. Данное концептуальное положение было еще раз убедительно обосновано на I Всероссийском конгрессе по уголовному праву «Конституционные основы уголовного права», посвященном 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)¹.

Гражданская самозащита, основанная на инстинкте самосохранения, в последнее десятилетие вновь приобрела особую актуальность, поскольку конституционные требования являются составной моделью справедливого поведения людей как непосредственного социального основания норм уголовного права.

Отдельный человек независимо ни от кого может воздействовать на преступность: защитить от преступлений себя и своих близких; задержать преступника; помочь другим людям защититься от преступлений; организовать людей (помочь им самоорганизоваться) для защиты от преступности и иных угроз безопасной жизнедеятельности человека и общества. Еще Л. Н. Толстой по этому поводу писал: «Вся моя мысль в том, что если люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое»².

Результатом научных дискуссий явилось положение о признании права на самозащиту естественным и неотъемлемым правом каждого человека, что предполагает его норма-

¹ См.: Конституционные основы уголовного права: Материалы I Всерос. конгресса по уголовному праву, посвящ. 10-летию УК РФ. М., 2006. С. 599–612.

² Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1981. Т. 7. Война и мир. С. 307.

тивно-правовую регламентацию в одном ряду с фундаментальными правами и свободами личности, закрепленными во всех международных документах о правах человека.

По нашему мнению, под гражданской самозащитой следует понимать основанную на положениях и требованиях Конституции РФ совокупность не запрещенных федеральным законодательством, самостоятельных (без обращения к какому-либо государственному органу, должностному лицу либо общественной организации), юридически значимых деяний граждан по защите личных или чужих прав, свобод и законных интересов, обеспечивающих условия нормальной жизнедеятельности всех сфер гражданского общества и правового государства.

Таким образом, участие конституционных требований в формировании социальной справедливости правил осуществления самозащиты граждан позволяет придать нормам отраслевого права и уголовного права, в частности, такое содержание, которое способно превратить их в эффективное средство разрешения социальных противоречий. Важное значение для определения содержания норм уголовного права имеет требование, согласно которому предписания уголовного закона не должны противоречить требованиям Конституции РФ.

В условиях роста криминальной угрозы особую важность приобретает исследование теоретических и методологических проблем правомерной деятельности граждан по самозащите права на жизнь и безопасную жизнедеятельность. В связи с этим была исследована правовая природа института гражданской самозащиты как комплексного института действующей системы российского права в целом и уголовного права, в частности. В центре внимания проведенного исследования находилась концепция гражданской самозащиты как системы социальных представлений, нормативно закрепленных в различных отраслях российского права и не закрепленных в правовых нормах, о формах, способах и средствах гражданского противодействия преступлениям, деликтам и иным неправомерным деяниям физических лиц, другим угрозам, исходящим от различных источников опасности как природного, так и техногенного характера.

Правомерная деятельность граждан по защите права человека на жизнь и его безопасную жизнедеятельность должна быть самостоятельным предметом исследования в силу особой значимости и исключительности защищаемых благ.

Таким образом, необходимо рассмотреть методологические вопросы теории гражданской самозащиты: ее место в теории уголовного права, взаимосвязь с другими отраслевыми юридическими науками и общей теорией права, классификацию групп юридических норм действующей системы права и законодательства, образующих правовой институт гражданской самозащиты.

Концептуальной идеей является введение в научный оборот категории «гражданская самозащита» как правомерной деятельности граждан по самостоятельной защите жизни, здоровья, свободы и безопасной жизнедеятельности человека от различного рода угроз.

В настоящее время гражданская самозащита – это наиболее обоснованная характеристика содержания и формы рассматриваемого явления правовой действительности, когда наряду с обязанностью государства обеспечивать защиту прав и свобод граждан существует право человека на защиту собственных прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

Социальная сущность исследуемой правовой категории характеризуется активной ролью самих граждан в осуществлении личной неприкосновенности, без которых социально-юридический механизм обеспечения прав, свобод и законных интересов человека невыразителен. Следовательно, согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и ст. 2 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1 право на гражданскую самозащиту является одним из реальных гарантов безопасного существования человека и гражданина и наиболее важных предпосылок жизнедеятельности члена общества.

Право на гражданскую самозащиту, являясь одним из реальных гарантов безопасного существования граждан, выполняет роль своеобразного индикатора гражданской инициативности, который в системе правоотношений выступает в качестве формы негосударственной (неюрисдикци-

онной) защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина – конкретного эффективного механизма, совокупности способов и средств, закрепленных (не закрепленных) действующим законодательством, однако используемых гражданами фактически в целях обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека либо их восстановления.

Анализ существующих научных представлений на исследуемый правовой феномен привел к концептуальному выводу о признании гражданской самозащиты межотраслевым правовым явлением.

Юридическую основу самостоятельного межотраслевого института российского законодательства, целью которого являются организация и осуществление реализации, восстановления и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, составляют нормы о необходимой обороне; крайней необходимости; причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление; самозащите гражданских прав; трудовых прав; о праве на забастовку.

По нашему мнению, нормативно-правовое закрепление статуса личности в Конституции РФ является серьезной предпосылкой для реализации этого статуса в многообразных общественных отношениях. Для этого необходимы действенные правовые гарантии, обеспеченные государственно-властной природой отраслевого и уголовного законодательства.

Гражданскую самозащиту как самостоятельную форму реализации права человека на защиту можно условно подразделить на легальную и нелегальную. Легальные способы гражданской самозащиты представляют собой действия (бездействие), урегулированные нормами права. Нелегальными способами самозащиты являются действия (бездействие), хотя и совершенные с целью самозащиты (мнимой или действительной), однако прямо запрещенные действующим законодательством. К группе противоречащих закону способов самозащиты (нелегальных способов самозащиты), по нашему мнению, относятся криминальные виды саморасправы, самоуправства и самосуда, блокирование транспортных коммуникаций, превышение пределов гражданской самозащиты (ст. 108, 114 УК РФ) и др.

Понятия «гражданская самозащита», «необходимая оборона», «крайняя необходимость», «задержание преступника» не являются тождественными, а соотносятся как целое и часть. Другими словами, самостоятельные действия граждан, совершенные ими в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, для защиты жизни и безопасного существования человека, являются способами гражданской самозащиты – границей самозащиты как правомерного поведения, крайней ее степенью. При ее превышении самостоятельная деятельность по защите своих прав, свобод и законных интересов становится противоправной и влечет ответственность, в том числе уголовную.

В силу вторичности роли уголовно-правового режима регулирования общественных отношений, в частности, в разрешении социальных конфликтов, стремление установить происхождение того или иного деяния, преступность которого исключается, а тем самым выяснить полноценное содержание его нормативно-правовой основы неизбежно будет выводить на иные отрасли законодательства, что однако не затрагивает вывода о приоритете в уголовном праве уголовно-правового начала в понятии гражданской самозащиты.

Гражданская самозащита является межотраслевой правовой категорией, которая в отраслевом законодательстве преимущественно представлена триадой уголовно-правовых способов (необходимой обороной, крайней необходимостью и причинением вреда лицу, совершившему преступление), выполняющих роль уголовно-правового обеспечения конституционного права человека и гражданина на самозащиту.

Именно в уголовном законе деяния, совершенные гражданами при данных обстоятельствах, получают свой полноценный статус вида (способа) гражданской самозащиты и приобретают качество правомерного поведения граждан, несмотря на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны.

Таким образом, гражданская самозащита – это детерминированная конституционной нормой (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) система предусмотренных УК РФ самостоятельных правомерных деяний граждан, направленных на защиту личности, прав, свобод и законных

интересов управомоченного лица или других лиц, вынужденно совершаемых в состоянии необходимой обороны причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, или крайней необходимости и состоящих в причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Гражданская самозащита в ее уголовно-правовом аспекте представляет собой:

1) составной, неотъемлемый элемент правового статуса личности, который исходит из естественного стремления человека защитить себя, других лиц от различного рода опасностей и угроз, а также находит свое правовое закрепление в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ;

2) активные вынужденные действия человека, его сознательный и волевой поступок, совершаемый при наличии определенных внешних условий, вызванных общественно опасным посягательством или опасностью иного происхождения;

3) самостоятельное деяние, не зависящее от деятельности органов власти, а также возможности уклониться от опасности иным образом, не причиняя вреда объекту уголовно-правовой охраны;

4) правомерная защита личности, прав, свобод и законных интересов управомоченного лица или других лиц путем причинения вреда, в том числе жизни и здоровью человека;

А. М. Потапов,

преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права

*Вологодского института права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний*

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Анализ действия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) показал, что данный нормативный правовой акт неоднократно изменялся. Однако отдельные нормы с момента вступления в силу указанного закона остались прежними, в частности, положения, закрепляющие правовой статус лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Во многом это обуслов-

5) уголовно-правовой институт, регламентирующий конституционное право граждан на защиту наиболее важных социально значимых интересов, в числе которых жизнь, здоровье и свобода человека представляют собой исключительную общественную ценность;

6) деяние, противоправность которого исключается в силу прямого указания норм уголовного права (ст. 37–39 УК РФ) и поэтому не обладает комплексом необходимых признаков преступления.

Таким образом, конституционными основаниями межотраслевого института гражданской самозащиты следует считать конституционную норму, закрепляющую право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Библиографический список

1. Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. конгресса по уголов. праву, посвящ. 10-летию Уголов. кодекса Рос. Федерации. – М., 2006.

2. Меркуров, В. В. Категория «гражданская самозащита» в криминологии и уголовно-правовой юриспруденции: от теоретической концепции к правовой парадигме // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2007. – № 2(3).

ленно новизной данного института, впервые закрепленного в ст. 179 УИК РФ. По нашему мнению, законодатель расширил предмет уголовно-исполнительных правоотношений, что носит далеко не однозначный характер.

Так, в юридической литературе традиционным является подход, определяющий предмет уголовно-исполнительного права исключительно как процесс исполнения уголовных наказаний, назначенных приговором суда¹.

Вместе с тем ряд авторов указывали на межотраслевой характер уголовно-исполнительного права и соответственно считали, что данная черта присуща также уголовно-исполнительным правоотношениям².

¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб.: В 2 т. / Под общ. ред. Ю. И. Калинина. 2-е изд., испр. и доп. М.; Рязань, 2006. Т. 1: Общая часть. С. 281–284.

² См.: там же.

По нашему мнению, аналогичной точки зрения придерживался также законодатель, включая правовой статус лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в содержание уголовно-исполнительного права. Другими словами, он пошел по пути расширения предмета уголовно-исполнительных правоотношений.

Однако сравнительный анализ действующего УИК РФ и ранее действовавшего Исправительно-трудового кодекса РСФСР свидетельствует о том, что в последнем был закреплён ряд норм, устанавливающих конкретный порядок и сроки трудоустройства лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, а также основания осуществления контроля за ними с указанием конкретных форм данной деятельности. В действующем УИК РФ такие статьи либо отсутствуют, либо представляют собой бланкетные нормы, отсылающие к иным нормативным актам, не конкретизируя их. Таким образом, законодатель вывел данную сферу из предмета уголовно-исполнительных правоотношений.

Таким образом, очевидным становится противоречие подходов, используемых законодателем в конструировании отдельных положений уголовно-исполнительного законодательства.

Вместе с тем продолжается совершенствование указанной отрасли законодательства. Вполне очевидно, что изменения могут затронуть институты, связанные с правовым статусом лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Об этом свидетельствуют разрабатываемые в настоящее время законопроекты¹. По нашему мнению, в случае принятия данных нормативных правовых актов изменения данной отрасли законодательства могут повлиять на уголовно-исполнительные правоотношения. Таким образом, законодатель начинает отходить от традиционного подхода в определении рамок уголовно-исполнительных правоотно-

шений, что предопределяется потребностями правоприменительной практики.

В настоящее время очевидны проблемы, связанные с реализацией правового статуса лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы: трудности ресоциализации данной категории граждан после освобождения, отсутствие эффективной системы контроля за ними, наличие существенных ограничений прав и законных интересов освобожденных в результате действия института судимости. Безусловно, их решение потребует соответствующих законодательных инициатив, которые в определенной степени будут определять тенденции развития уголовно-исполнительного законодательства.

Данному процессу способствует также принятие соответствующих международных документов, затрагивающих процесс отбывания наказаний. В частности, новые Европейские пенитенциарные правила уделяют большое внимание постпенитенциарному периоду, что должно быть воспринято отечественным законодательством.

Предпосылками являются следующие. Так, ст. 182, 183 УИК РФ указывают на необходимость принятия целого блока нормативных правовых актов, способных повысить эффективность правового статуса лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Таким образом, десятилетие действия УИК РФ показало сильные стороны данного нормативного акта и его определенные недостатки. Несмотря на постоянно вносимые изменения в его содержание, отдельные положения по-прежнему нуждаются в совершенствовании. По нашему мнению, это во многом определяет тенденции развития данной отрасли законодательства. В определенной степени они будут затрагивать также правовой статус лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, эффективность реализации которого предопределяется существующей нормативной базой.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.
2. Уголовно-исполнительное право : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; Рязань, 2006.

¹ См.: О социальной помощи лицам, отбывшим наказание, и контроле за их поведением: Проект федерального закона // СПС «ГАРАНТ»; Об административном контроле за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Проект федерального закона № 151943-4 // Там же; Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности: Проект федерального закона № 11807-3 // Там же.

Т. И. Пуклич,
*старший преподаватель
кафедры уголовного права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат юридических наук*

**САНКЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

По смыслу уголовного закона к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, посягающим на здоровье населения, относятся общественно опасные деяния, запрещенные в диспозициях ст. 228–233 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Контрабанда наркотических средств или психотропных веществ отнесена к преступлениям в сфере экономической деятельности. Следовательно, предметом данного преступления являются лекарственные наркотические средства, перемещаемые через таможенную границу контрабандным путем. Вместе с тем это не в полной мере соответствует действительности, поэтому часто квалификация контрабанды осуществляется по совокупности ст. 188 УК РФ и соответствующей статьи гл. 25 УК РФ. В связи с этим наказание за контрабанду и диспозиция ст. 188 УК РФ нуждаются в самостоятельном исследовании.

Системность содержания уголовно-правовых норм является признаком, который должен характеризовать не только диспозиции уголовно-правовых норм, но и их санкции.

За совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, в содержании уголовно-правовых норм законодатель предусмотрел различные виды, сроки и размеры наказаний. В одной санкции статьи Особенной части УК РФ встречается различное сочетание наказаний, связанных с лишением или ограничением свободы, денежным взысканием и т. д. (например, ч. 1 ст. 228², 233 УК РФ).

В зависимости от категории преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в санкциях статей предусмотрен различный набор наказаний, назначаются которые в качестве основных и дополнитель-

ных. Так, к преступлениям небольшой тяжести относится, например, деяние, предусмотренное ст. 233 УК РФ, за совершение которого применяются различные по строгости и содержанию наказания: штраф, обязательные и исправительные работы, лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Часть 1 ст. 228² УК РФ за преступление небольшой тяжести предусматривает наказание, не связанное с лишением свободы (штраф с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Альтернативу наказанию в виде штрафа и лишения свободы на определенный срок закрепляет санкция ч. 1 ст. 231 УК РФ. Подобное же положение характеризует и другие по характеру и степени общественной опасности категории преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Данная ситуация обуславливается неединообразным подходом законодателя к установлению в санкциях статей, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотиков, различных видов наказаний. Спорным является закрепление в статьях, запрещающих сходные по степени и характеру общественной опасности деяния, различного перечня основных наказаний. Вместе с тем в сходных по категории преступлениях виды наказаний должны соответствовать друг другу.

Приведенные примеры уголовной ответственности за незаконный оборот, осуществляемый лицами, обязанными соблюдать определенные правила (нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, незаконная выдача рецептов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ), свидетельствуют о закономерности назначения обязательных работ и целесообразности назначения исправительных работ лицам, осуществляющим незаконный оборот наркотиков (незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества), не наделенным специальным статусом.

Подобное обстоятельство требует закрепления в санкциях статей Особенной части, предусматривающих ответственность за совершение указанных преступ-

лений. В данном случае при назначении наказания не только будет учитываться общественная опасность преступления, но и личность лица, совершившего преступление. Кроме того, установление альтернативы наказанию в виде штрафа или выполнения работ (обязательных или исправительных) предоставит возможность учитывать материальное положение осужденного и его семьи при определении вида назначаемого наказания.

Законодательно не вполне согласованно закреплены виды и пределы наказаний, назначаемых за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и сходные по объективным и субъективным признакам, однако различные по степени общественной опасности составы преступлений.

Данное положение относится к составам незаконных приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ), хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ), незаконного культивирования запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 231 УК РФ), сходных по направленности незаконному обороту наркотиков. Умысел виновных в рассматриваемых случаях направлен на получение наркотиков. Он реализуется различными квалифицированными способами: незаконные пользование, владение или распоряжение. Необходимо отметить, что в санкциях указанных уголовно-правовых норм при установлении основного наказания нет единого мнения в решении вопроса о возможности назначения наказания в виде штрафа.

Представляется, что за совершение хищения или вымогательства наркотиков необходимо предусмотреть возможность назначения штрафа в виде основного наказания. Совершение подобных корыстных деяний, более чем при совершении незаконного приобретения, изготовления или переработки наркотических средств или психотропных веществ, дает основание применить к виновному именно денежное взыскание, которое предусмотрено ст. 229 УК РФ только в качестве необязательного дополнительного вида наказания.

Спорной является позиция законодателя, выраженная в санкциях ст. 228 и 228¹ УК РФ, при установлении наказаний за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, смежные по объективной и различные по субъективной стороне составы преступлений.

Неустановление в санкциях ст. 228¹ УК РФ обязательного дополнительного наказания в виде штрафа вызывает некоторые возражения. Незаконное производство и сбыт наркотических средств или психотропных веществ являются незаконными формами серийного изготовления, переработки, а также продажи (или распределения) наркотиков. Даже неглубокий системный анализ ответственности за осуществление данной преступной деятельности в экономической сфере показывает, что штраф – это обязательный признак, установленный в санкции статьи, который характеризует общественно опасное деяние как связанное с извлечением незаконной прибыли.

Ситуация, когда при осуществлении незаконного оборота наркотиков без цели сбыта назначается или может быть назначен штраф, а за возмездный сбыт штраф назначен быть не может (ч. 1 ст. 228¹ УК РФ) или может не назначаться (ч. 2–3 ст. 228¹ УК РФ), не в полной мере соответствует принципу справедливости в уголовном праве. Таким образом, необходимо предусмотреть в санкциях ст. 228¹ УК РФ наказание в виде штрафа как обязательный дополнительный вид наказания.

Исследование установленных в санкциях ст. 228–233 УК РФ пределов и интервалов наказаний показало, что для различных по степени общественной опасности преступлений в ряде случаев предусмотрены одинаковые размеры основных или дополнительных видов наказаний, что не отвечает принципу дифференциации уголовной ответственности. Так, например, пределы наказаний от 3 до 7 лет лишения свободы характерны для таких различных по степени общественной опасности деяний, как хищения или вымогательства наркотических средств или психотропных веществ в небольшом размере (ч. 1 ст. 229 УК РФ) и организация или содержание притонов для потребления наркотических средств или

психотропных веществ, совершенные группой лиц (ч. 2 ст. 232 УК РФ), что представляется не вполне справедливым. Аналогичным примером является использование законодателем при конструировании уголовно-правовых санкций такого дополнительного наказания, как штраф. Так, за хранение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в особо крупном размере (ч. 2 ст. 228 УК РФ), сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов группой лиц в крупном размере (ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), хищение наркотических средств или психотропных веществ группой лиц в небольшом размере (ч. 2 ст. 229 УК РФ) или организованной группой в крупном размере (ч. 3 ст. 229 УК РФ) размер штрафа установлен в пределах 500 тыс. рублей, что, конечно, не может соответствовать равной степени общественной опасности названных общественно опасных деяний.

Таким образом, следует отметить необходимость не только изменения редакций диспозиций и структуры уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотиков, но и формирования иного законодательного подхода к формулированию санкций статей Особенной части УК РФ.

Складывающаяся криминологическая ситуация в сфере распространения наркотизма, характеризующаяся снижением общего количества регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и увеличением уровня преступлений рассматриваемой категории, со-

вершенных организованной группой, а также в отношении наркотиков, изъятых в особо крупных количествах, обуславливает острую потребность в особенно согласованном подходе к установлению санкций уголовно-правовых норм. В этом случае наказание будет состоять не просто в ограничении или лишении осужденного определенных прав и свобод. Его применение обеспечит восстановление социальной справедливости, профилактику преступлений, а также будет способствовать исправлению осужденного.

Система уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, должна характеризоваться не только совокупностью запрещенных уголовным законом деяний, но и согласованными (в зависимости от категории преступлений, объективных и субъективных признаков состава преступления, признаков, характеризующих смежные составы преступлений) видами, сроками или размерами, а также интервалами наказаний.

Библиографический список

1. Кригер, Г. А. Построение санкций в новом уголовном законодательстве / Г. А. Кригер // Актуальные проблемы уголовного права. – М., 1998.
2. Михаль, О. Принципы классификации наказаний по характеру и степени их строгости / О. Михаль // Уголовное право. – 2001. – № 1.
3. Хропонюк, В. Н. Теория государства и права : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / В. Н. Хропонюк. – М., 2000.

А. Ж. Саркисян,
*аспирант кафедры ИЧБиП
Ростовского юридического института
МВД России*

ПРОБЛЕМА БЛАНКЕТНОСТИ НОРМЫ СТ. 172 «НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализ практики применения уголовного закона показал, что правоприменитель

нередко испытывает значительные трудности при реализации уголовно-правовых норм, формулирующих составы преступления, относящихся к посягательствам в сфере экономической деятельности. Это часто связано с применением бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм, неточностью формулировок, неясностью терминов, используемых при определении отдельных нормативных положений, и другими погрешностями, которые допускает законодатель при конструировании

нии рассматриваемых уголовно-правовых норм¹. Кроме того, в практическом применении ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) возникают проблемы с определением ряда признаков, в том числе объективных признаков состава преступления. Так как большинство законов и подзаконных актов содержат указание на административную, гражданскую и уголовную ответственность, в некоторых случаях по признаку указанной в диспозиции статьи невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности, поскольку размыты границы между гражданско-правовыми отношениями, особенно если это сделано искусственно².

С одной стороны, закон существует, однако отсутствуют механизм его реализации и официальное толкование признаков объективной стороны исследуемого деяния, что, в свою очередь, является одной из существенных причин ошибок при квалификации незаконной банковской деятельности, которые допускаются в судебной практике.

С другой стороны, низкая эффективность норм Особенной части УК РФ объясняется не только наличием в самом его тексте пробелов и противоречий принципиального характера, но и отсутствием опыта применения законодательных новелл³. Данные обстоятельства при отсутствии официальных разъяснений уголовного законодательства со стороны уполномоченных на то органов способствовали тому, что в ряде регионов усилилась тенденция рассогласованности в деятельности органов предварительного следствия и суда⁴.

Это проявляется прежде всего при толковании бланкетной нормы диспозиции ст. 172 УК РФ. Известно, что бланкетный

характер диспозиции вызывает определенные трудности при квалификации преступлений, и данная статья не является исключением, так как добросовестная банковская деятельность регулируется нормами не уголовного права, а иными отраслями права.

Повышенная бланкетность диспозиции норм уголовного закона вызывает необходимость изучения большого законодательного и иного общенормативного материала. Предполагается обращение к нормам иных отраслей законодательства, регулирующих отношения по кредитованию. В настоящее время последние регламентируются различными отраслями права: нормами гражданского, а также институтами государственного (общим устройством денежной и банковской систем), административного и финансового права (межбанковскими отношениями, порядком осуществления банковских операций, ответственностью за несоблюдение валютного и финансового законодательства)⁵. В частности, диспозиция ст. 172 УК РФ отсылает к федеральным законам «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1, «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ и другим, а также к ведомственным нормативным актам Центрального банка РФ, регулирующим порядок регистрации и лицензирования банковской деятельности. Кроме того, возможны ситуации, когда незаконная банковская деятельность связана с операциями по банковскому вкладу (депозиту), квалификация которой требует применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) (гл. 44. «Банковские вклады»). В уголовном законодательстве используется специальная терминология, однако грамматическое толкование этих понятий часто во многом не соответствует смыслу, в котором они используются⁶ в гражданском, банковском, налоговом законодательстве и т. д.

¹ См.: *Комиссаров В. С.* Конституционные основы уголовного права. М., 2006. С. 79–80.

² Подробно см.: *Пинкевич Т. В.* Ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности // Сб. науч. тр. / Краснодар. ин-т МВД РФ. Краснодар, 1998.

³ См.: *Шевцов А. А.* Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства. Ставрополь, 2001. С. 88.

⁴ См.: *Звечаровский И.* Новый УК: проблемы применения // Законность. 1999. № 1. С. 10.

⁵ См.: *Смирнов В. Т.* Кредитные и расчетные обязательства // Гражданское право: Учеб.: В 2 ч. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1997. Ч. 2. С. 423.

⁶ Подробно см.: *Яни П.* Бланкетные «экономические» статьи уголовного закона // Рос. юстиция. 1995. № 11. С. 46.

Специалистами в области гражданского и банковского права отмечается наличие огромного массива нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу отношений, которые не всегда публикуются и согласуются между собой, что существенно усложняет правоприменительную практику¹. Задача законодательных органов заключается в быстром и эффективном реагировании не только на имеющиеся коллизии между уголовным и иными отраслями права (гражданским, финансовым, банковским и др.), но и изменения криминогенной обстановки, повышение общественной опасности противоправных посягательств, поскольку своевременное введение уголовной ответственности имеет общепреventивное значение.

По нашему мнению, интересными являются мнения некоторых авторов относительно бланкетности норм. Например, А. В. Наумов отмечал, что существование бланкетности норм «не противоречит самостоятельности и исключительности уголовно-правового запрета»².

Н. Ф. Кузнецова и Т. В. Пинкевич предлагали для отграничения преступлений и правонарушений при бланкетности привести точное наименование нарушаемых правил и криминообразующих признаков в диспозициях уголовно-правовых норм и присоединить их к УК РФ в качестве приложения³, что при четкой формулировке в диспозициях норм УК РФ облегчило бы квалификацию преступлений, составы которых содержат не «уголовно-правовую» терминологию. Однако при этом необходимо помнить о довольно широком круге и постоянном изменении нормативных актов, на которые делают ссылку диспозиции уголовного закона, иначе частные изменения в УК РФ могут привести к утрате стабильности уголовного закона.

¹ См.: Олейник О. М. Основы банковского права: Курс лекций. М., 1997.

² Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. М., 1996.

³ См.: Кузнецова Н. Ф. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1996. № 5. С. 20; Пинкевич Т. В. Указ. соч.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах применения судами РФ уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов»⁴ частично решены вопросы квалификации преступлений в соответствии с правилом, согласно которому при использовании в норме УК РФ специальных терминов следует обращаться к «не уголовному» законодательству. Другими словами, если определение термина дается в гражданском, банковском, валютном и другом законодательстве, то его надо использовать только в значении, установленном этим законодательством, исключая случаи, когда УК РФ специально указывает на иное значение по сравнению с «не уголовным».

Однако неясно, как поступать в том случае, когда понятия терминов, используемых в нормах УК РФ, отсутствуют в иных законодательствах Российской Федерации. Например, как в уголовном, так и в иных законодательствах Российской Федерации (гражданском, банковском, валютном и др.) нет единого определения термина «банковская деятельность».

Данное обстоятельство вызывает сложности при квалификации преступления по ст. 172 УК РФ. По нашему мнению, следует ввести отдельную главу в уголовное законодательство для расшифровки некоторых терминов, не раскрываемых в самих диспозициях норм уголовного права.

Библиографический список

1. Комиссаров, В. С. Конституционные основы уголовного права / В. С. Комиссаров. – М., 2006.
2. Кузнецова, Н. Ф. Основные черты Особенной части УК РФ / Н. Ф. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1996. – № 5.
3. Яни, П. Бланкетные «экономические» статьи уголовного закона / П. Яни // Рос. юстиция. – 1995. – № 11.

⁴ См.: О некоторых вопросах применения судами РФ уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 мая 1997 г. // Бюл. Верхов. суда РФ. 1997. № 9. С. 3.

Н. А. Сатарова,
*соискатель кафедры государственно-
правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

В настоящее время в правоприменительной практике возникла необходимость в нормативных дефинициях некоторых терминов, используемых в законодательстве. Изучение Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) показало, что в нем содержатся девять формулировок, относящихся к групповой деятельности: группа лиц без предварительного сговора; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; преступное сообщество (преступная организация); незаконное вооруженное формирование; банда; организация объединения, посягающего на личность и права граждан; вооруженный мятеж; организация массовых беспорядков и участие в массовых беспорядках. Однако сформулировать критерии их отграничения исходя только из текста УК РФ затруднительно. В ст. 35 УК РФ представлены нормативные дефиниции группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества (преступной организации). Однако признаки, отличающие один вид от другого, в значительной степени носят оценочный характер (устойчивость, сплоченность), и это требует дополнительного ведомственного толкования.

Участие в той или иной форме в групповой деятельности учитывается как квалифицирующий признак во многих статьях Особенной части УК РФ. По нашему мнению, целесообразно нормативные дефиниции этих и ряда других терминов изложить в самом тексте закона, чтобы обеспечить их единообразное применение.

Учитывая изменившиеся социальные, общественно-политические реалии жизни, необходимо обратиться к понятию и уголовно-правовой типологизации преступных групп, основное внимание уделив определению и разграничению различных форм соучастия. Нормативное закрепление критериев разграничения различных форм со-

участия относится к числу проблемных. Н. Г. Иванов отмечал: «Современные исследователи, создавая разновидности соучастия и пытаясь разработать критерии, позволяющие отграничить одно групповое образование от другого, упускают возможности, предоставляемые историей, и повторяют уже пройденное»¹. В этой связи может быть использован исторический опыт отечественной юридической науки.

В начале XX в. Н. С. Таганцев рассматривал трехчленную систему форм соучастия, обозначив их как скоп (соучастие без предварительного сговора), сговор (соучастие по предварительному сговору) и шайка (предполагает соглашение на несколько преступных деяний, причем сговор не периодически повторяющийся, а общий на постоянную преступную деятельность)².

С. В. Познышев аналогично предлагал трехчленную систему форм соучастия: скоп, сообщество для совершения преступлений и шайку. Под скопом он понимал внезапное соединение нескольких лиц непосредственно перед совершением преступления без предварительной длительной связи между ними. Сообщество для совершения преступления – это группа, между участниками которой существует предварительный сговор по поводу совместного совершения преступления. Шайка, по его мнению, отличается от второй формы соучастия наличием сговора на совместное совершение нескольких или неопределенное число однородных и разнородных преступлений³.

А. Н. Трайнин разработал четырехчленную систему форм соучастия: простое; квалифицированное предварительным соглашением участников; особого рода, т. е. соучастие в преступном объединении; организованная группа⁴. Он подразделял их по характеру и степени субъективной связи соучастников.

¹ Иванов Н. Г. Организованная преступность и совершенствование уголовного законодательства о соучастии // Сов. государство и право. 1990. № 7. С. 69.

² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции: В 3 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 749–751.

³ См.: Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. С. 157.

⁴ См.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 79.

По мнению Н. Д. Дурманова, соучастие возможно в формах совиновничества, сложного соучастия, преступного сообщества. Под сложным соучастием понимается совместное умышленное участие в совершении преступления нескольких лиц, связанных единством умысла, из которых один непосредственно совершает преступление, а другие содействуют его совершению, склоняя к нему исполнителей или помогая им. Преступное сообщество – объединение лиц для совершения одного или нескольких преступлений¹.

П. И. Гришаев и Г. А. Кригер в качестве форм соучастия рассматривали соучастие без предварительного сговора, с предварительным сговором, организованную группу и преступную организацию².

А. А. Пионтковский различал две формы соучастия: с предварительным соглашением и без него³. Он рассматривал группу и организацию как разновидности одной формы, а другие авторы – в качестве различных форм соучастия.

П. Ф. Тельнов, взяв за основу способ взаимодействия между соучастниками, предлагал четыре формы соучастия: соисполнительство, соучастие с исполнением различных ролей, преступная группа и преступная организация⁴.

Таким образом, указанные ученые солидарны в том, что под простым соучастием следует понимать соучастие без предварительного сговора, которому присуще соисполнительство.

Однако П. Ф. Тельнов утверждал, что соисполнительство не всегда сопровождается соучастием без сговора. В связи с этим Н. Г. Иванов замечал, что «соучастием без предварительного соглашения чаще всего присуще соисполнительство, так как и соисполнительству в большей мере присуще соучастие без предварительного сговора. По существу, эти разновидности перекрещиваются, и каждая из них может быть в

равной мере представлена в другой»⁵. При данной форме соучастия преступление совершается в составе группы. Умысел на совершение определенных действий возникает одновременно у нескольких лиц без предварительного соглашения (сговора). Рассматриваемая форма соучастия наиболее характерна для таких видов преступления, как хулиганство, участие в совершении преступлений при массовых беспорядках.

Большинство авторов также солидарны в определении такой формы соучастия, как группа по предварительному сговору. Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. С. В. Познышев, Н. Ткачев и М. Миненок, а также Н. С. Таганцев определяют данную форму соучастия в соответствии с УК РФ⁶. Важное значение имеет возможность совершения группой по предварительному сговору нескольких преступлений при условии, что сговор на совершение каждого конкретного преступления повторяется. Данную позицию поддерживает также Н. С. Таганцев⁷.

В теории уголовного права выделяются и иные формы соучастия: организованная преступная группа, преступная организация, преступное сообщество, преступное объединение и др.

Согласно п. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданным в тех же целях.

Для таких форм соучастия, как организованная преступная группа и преступная организация, характерны следующие специфические признаки: наличие не менее двух лиц; устойчивость; распределение ролей; длительность преступных связей; иерархичность; специальная цель объединения.

¹ См.: Настольная книга следователя. М., 1949. С. 31.

² См.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 63.

³ См.: Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 563.

⁴ См.: Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1978. С. 39.

⁵ См.: Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 67.

⁶ См.: Познышев С. В. Указ. соч. С. 157; Ткачев Н., Миненок М. Объединения преступников: Формы и специфические признаки // Соц. законность. 1991. № 12. С. 10.

⁷ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 750.

Вместе с тем в настоящее время не существует четких критериев разграничения данных форм соучастия.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» от 25 апреля 1995 г. № 5¹ раскрывается признак устойчивости: высокий уровень организованности, планирование и тщательная подготовка преступления, распределение ролей.

Г. А. Кригер и П. И. Гришаев указывали, что признак устойчивости предполагает «постоянно действующее преступное сообщество с устойчивыми организационными формами и четко определенными методами преступной деятельности»².

Н. П. Кузнецов под устойчивостью понимал «более или менее постоянный, стабильный состав группы: в нее не так просто попасть и не менее сложно выйти»³.

Следует отметить, что УК РФ не рассматривает понятие «устойчивость». Словарь русского языка определяет данное понятие, рассматривая качественные признаки: «не подверженный колебаниям, стойкий, твердый»⁴.

В социальной психологии под устойчивостью принято понимать долговременность существования группового образования. Однако ученые, занимающиеся вопросами социальной психологии, не могут разработать четких критериев, позволяющих разграничить долговременное образование от недолговременного. Аналогично решается вопрос и с такими понятиями, как «длительность подготовки» и «сплоченность». Все они присущи любому групповому образованию и могут иметь лишь степени, выражающиеся в словах «более» или «менее».

¹ См.: О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности: Постановление Пленума Верхов. суда РФ от 25 апр. 1995 г. № 5 // Рос. газ. 1995. 31 мая.

² Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 84.

³ Кузнецов Н. П. Особенности предмета доказывания по делам о групповых преступлениях // Борьба с групповой преступностью: Уголовно-правовой, криминалистический и криминологический аспекты. Воронеж, 1990. С. 55.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 838.

Таким образом, отсутствие четкого определения термина «устойчивость» (и ее степеней) затрудняет его использование в качестве специфического признака организованной преступной группы, преступной организации и т. д.

Отсутствует единообразие также в определении признака иерархичной организации. Н. С. Таганцев отмечал, что «со стороны объективной шайка предполагает соглашение нескольких лиц, хотя бы двух. Этой возможной малочисленностью шайки разрешается и другой вопрос, бывший некогда спорным, об ее иерархической организации... И теперь можно встретить шайки организованные, дисциплинированные, построенные на принципе безусловного подчинения выборным руководителям; но рядом с ними встречаются шайки и в более простейшей форме, без всякой иерархической организации, в которых отношения членов сводятся к общему понятию о виновниках, сообщниках или даже пособниках. Чем обширнее по своему объему шайка, чем строже она организована, тем большую опасность представляет она для общества; но даже и при меньших размерах шайка является наиболее опасным видом преступного соучастия: продолжительная преступная деятельность, опытность, знание лиц и мест, удобных для сбыта плодов, добытых преступлениями, с одной стороны, облегчают совершение преступных деяний, а с другой – дают наибольшую возможность скрыть следы преступной деятельности и скрыться самим»⁵.

Данную точку зрения разделяет также С. В. Познышев: «Отсутствие иерархичности наиболее характерно для сравнительно неразвитых преступных формирований, в которых практически все функции обеспечения деятельности группы выполняются теми же, кто непосредственно сам совершает преступления»⁶.

Таким образом, проведенный анализ показал отсутствие научно обоснованных критериев разграничения таких форм соучастия, как организованная преступная группа, преступная организация, преступное объединение, преступное сообщество и т. д.

⁵ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 751.

⁶ Познышев С. В. Указ. соч. С. 157.

По нашему мнению, данные формы соучастия входят в понятие «организованная преступная группа». Говоря о научных классификациях, необходимо отметить, что они недостаточно разработаны для включения в нормы закона.

На наш взгляд, все известные формы соучастия следует классифицировать: на группу лиц, образованную без предварительного сговора; группу лиц по предварительному сговору; организованную группу.

Основное отличие группы по предварительному сговору от организованной заключается в системе связей между преступлениями и преступниками. Организованная группа предполагает предварительное соглашение на несколько преступных деяний, причем соглашение не периодически повторяющееся, а общее на систематическую преступную деятельность, т. е. предварительное объединение с целью неоднократного совершения преступлений. По мнению В. В. Векленко, преступление признается «совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися с целью неоднократного совершения однородных преступлений»¹. На наш взгляд, умысел предусматривается лишь на совершение однородных преступлений. Кроме того, открытым остается вопрос о наличии сговора на совершение ряда разнородных преступлений.

С. Н. Смирнов,

*заместитель начальника кафедры
уголовно-исполнительного права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Несмотря на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства, повышение эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы, в насто-

В настоящее время можно говорить о разработке только двух качественных признаков соучастия: по предварительному сговору или без него. В связи с этим представляет интерес позиция Н. Г. Иванова, предлагающего закрепить в Общей части УК РФ лишь эти две разновидности соучастия².

Если же придерживаться трехчленной структуры форм соучастия, предлагаемый нами критерий различия между группой по предварительному сговору и организованной группой, несмотря на его недостатки, наиболее приемлем, так как он не связан с оценочными критериями. Четкое же различие форм соучастия и определение конкретных параметров значительно облегчат практическое оперирование формами, регулирующими групповую преступную деятельность при квалификации преступлений.

Библиографический список

1. *Иванов, Н. Г.* Организованная преступность и совершенствование уголовного законодательства о соучастии / Н. Г. Иванов // Сов. государство и право. – 1990. – № 7.
2. *Векленко, В. В.* Соучастие в преступлении / В. В. Векленко // Концепция уголовного законодательства России. – Омск, 1992.
3. *Тельнов, П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М., 1978.

ящее время нерешенными остаются многие проблемы, связанные с реализацией Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). По нашему мнению, следует рассмотреть некоторые из них.

В соответствии со ст. 105 УИК РФ из заработной платы осужденных и иных доходов производятся различные удержания. Перечень производимых удержаний представлен в приказе ГУИН Минюста России «Об утверждении Инструкции об условиях оплаты труда лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Минюста России, порядке удержаний, а также расчетах за

¹ Векленко В. В. Соучастие в преступлении // Концепция уголовного законодательства России. Омск, 1992. С. 18.

² См.: Иванов Н. Г. Групповая преступность: Содержание и вопросы законодательного регулирования М., 1997. С. 75–76.

произведенные междугородные и международные телефонные переговоры» от 26 декабря 2001 г. № 261.

Детальный анализ данного подзаконного нормативного правового акта и УИК РФ позволяет выделить значительную проблему. В частности, отчисления по требованиям граждан по возмещению ущерба, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, в связи со смертью кормильца, причиненного их имуществу преступлением или административным правонарушением, производятся после удержания подоходного налога, алиментов и расходов по содержанию (стоимости питания, одежды и обуви, коммунально-бытовых услуг), т. е. после погашения «долгов» перед государством. В данном случае наблюдается нарушение положений Конституции РФ, где в качестве приоритетного объекта правоохранительной (правозащитной) деятельности значится человек. Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Следовательно, в первую очередь после подоходного налога, алиментов, отчислений в Пенсионный фонд РФ удержания из заработной платы осужденного должны производиться: по исковым обязательствам в пользу граждан по возмещению ущерба, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также в связи со смертью кормильца; требованиям граждан по возмещению ущерба, причиненного их имуществу преступлением или административным правонарушением; требованиям по возмещению ущерба, причиненного преступлением или административным правонарушением государственным или негосударственным предприятиям, учреждениям, организациям и их объединениям, а также общественным организациям, что и должно получить соответствующее отражение в указанном Приказе.

В связи с этим возникает возможность исключения из ч. 2 ст. 107 УИК РФ текста следующего содержания: «Удержания по исполнительным листам или другим исполнительным документам производятся из оставшейся суммы в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации». По нашему

мнению, формулировка данной статьи должна выглядеть следующим образом: «Возмещение осужденными расходов по их содержанию производится после удержания алиментов, подоходного налога, отчислений в Пенсионный фонд Российской Федерации и иных обязательных отчислений».

Кроме того, наблюдается некоторое несогласование данного Приказа с УИК РФ. В частности, в п. 8.9 данного Приказа отсутствует упоминание об отчислениях в Пенсионный фонд РФ, а последовательность удержаний подоходного налога и алиментов в УИК РФ обратная.

В практике имеются трудности при реализации положений ст. 116 УИК РФ «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания». Часть 1 данной статьи содержит перечень злостных нарушений, в соответствии с которым осужденного признают злостным нарушителем. Однако согласно ч. 3 ст. 116 УИК РФ осужденный, совершивший указанные в ч. 1 и 2 настоящей статьи нарушения, признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания при условии назначения ему взыскания, предусмотренного п. «в», «г», «д» и «е» ч. 1 ст. 115 и п. «б» ст. 136 УИК РФ. В перечень указанных мер не входит наложение дисциплинарного штрафа, который на основании ч. 3 ст. 117 УИК РФ применяется только за нарушения, указанные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ (выговор, как правило, за злостные нарушения не применяется). По нашему мнению, данный подход возможен в отношении ранее положительно характеризовавшихся осужденных, однако в силу определенных причин допустивших злостное нарушение, и их нецелесообразно признавать злостными нарушителями и в обязательном порядке¹ переводить в строгие условия отбывания наказания.

В УИК РФ закреплена возможность перевода в исправительных колониях из строгих условий отбывания наказания в обычные при отсутствии взысканий за нарушение условий отбывания наказания и при отбытии определенной его части (ч. 5 ст. 120, ч. 6 ст. 122, ч. 6. ст. 124 УИК РФ). При этом установление формального основания (отбытие части срока) в зависи-

¹ См., напр.: ч. 3 ст. 120, ч. 3 ст. 122, ч. 3 ст. 124 УИК РФ.

мости от наличия взысканий практики иногда трактуют не всегда однообразно. В отдельных регионах администрация исправительных учреждений склонна считать, что перевести в обычные условия осужденного возможно только в случае отсутствия у него вообще всех взысканий, как полученных до перевода в эти условия, так и при нахождении в таковых. По нашему мнению, указанный подход к пониманию содержания вышеперечисленных норм является не совсем верным. В таком случае осужденный может, если не вообще лишиться возможности быть переведенным в обычные условия, находиться в них неоправданно продолжительное время. Так, например, если в колонии общего вида режима он был переведен в строгие условия и имел 5 взысканий, а затем на основании ст. 116 УИК РФ был признан злостным нарушителем и отправлен в строгие условия отбывания наказания, то реальная возможность быть возвращенным в обычные у него появится намного позже, чем по истечении 6 месяцев, установленных как минимальный промежуток времени для реализации средств исправления в строгих условиях, так как полученные им взыскания на основании ч. 3 ст. 114 УИК РФ даже в порядке меры поощрения будут сниматься гораздо позднее истечения данного срока.

М. А. Татулян,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
и гражданского права
Краснодарского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕФОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Конституция Российской Федерации 1993 г. в качестве основополагающего принципа провозгласила приоритет интересов личности. В соответствии с Конституцией РФ и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в России гарантируются права и свободы человека и гражданина. Они неотчуждаемы

В связи с этим, по нашему мнению, в данном случае практики должны учитывать лишь те из них, которые были получены в период содержания в строгих условиях отбывания наказания. Таким образом, целесообразно для упорядочения правоприменительной практики нормы, определяющие порядок перевода в обычные условия, изложить в следующей редакции: «Перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные производится не ранее чем через ... месяцев при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания в период нахождения в строгих условиях». При этом сроки остаются теми же, какие были определены для различных видов исправительных колоний.

Библиографический список

1. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : федер. закон от 21 июля 1993 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 52. – Ст. 5132.
2. *Смирнов, С. Н.* Реализация принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения при исполнении наказания в виде лишения свободы : монография / С. Н. Смирнов. – Рязань, 2005.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.

от личности, их носителя и принадлежат каждому от рождения; их осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц.

Равенство всех перед законом и судом является одним из самых важных естественно-правовых принципов. Это положение исключает какую-либо дискриминацию по полу, национальности, возрасту и многим другим признакам. Среди конституционных прав и свобод следует выделить те, которые являются гарантиями, более детально закрепленными в УПК РФ. Данные нормы защищают права и свободы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего при производстве уголовного дела. Закон закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, разъяснять участвующим в деле лицам их права и обеспечивать возможность их осуществления.

Так, например, запрет на использование пыток, применение насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания пресекает такие методы, как принуждение к даче показаний, а в перспективе предохраняет само общество от привлечения к уголовной ответственности невиновных людей или вынесения наказания совсем не за то деяние, которое совершил осужденный. Запрет на применение ареста, заключение и содержание под стражей, если только он не применен на основании судебного решения, также направлен на защиту от произвола. Такие строгие меры пресечения должны применяться только на основании закона, а решение по их применению должно быть обосновано и аргументировано.

Семнадцатого декабря 1979 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был принят Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. В преамбуле данного Кодекса отмечено, что должностные лица должны добросовестно и с достоинством осуществлять деятельность по поддержанию правопорядка в соответствии с принципами прав человека.

Действующее российское законодательство предусматривает порядок обжалования действий правоприменительного органа, возмещение гражданину ущерба, причиненного в результате незаконного осуждения, привлечения к уголовной ответственности и применения в качестве мер пресечения. Однако, как показывает практика, гражданин, пострадавший от неправомерных действий, не может оградить себя от них в будущем и восстановить законные собственные права и свободы. В этом смысле восстановлению и защите нарушенных прав и свобод препятствует четкая регламентация видов вреда, подлежащего возмещению. В 1985 г. была принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (далее: Декларация). Целью принятия данного международного акта было оказание содействия правительствам и международному сообществу в их усилиях, направленных на предоставление помощи жертвам преступлений и злоупотреблений властью. В Декларации сформу-

лировано положение, согласно которому в тех случаях, когда компенсацию невозможно получить от правонарушителя, государства должны принимать меры к предоставлению потерпевшему финансовой компенсации. Вместе с тем в Декларации указана необходимость оказания жертвам преступлений материальной, медицинской, психологической и социальной помощи. Несмотря на позитивные изменения, осуществляемые в сфере уголовной юрисдикции, ни государство, ни российское общество пока не готовы реализовать основные положения Декларации.

Следует отметить, что любое преступление наносит вред охраняемым общественным интересам, последствия которого различны. Преступления причиняют вред жизни, здоровью граждан, их имуществу, а также влекут за собой моральные страдания и т. д. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также юридическому лицу, должен быть возмещен в полном объеме. Однако изучение следственной и судебной практики свидетельствует, что правоприменитель не готов в полном объеме реализовывать цели современной уголовной политики в досудебном уголовном судопроизводстве. Это негативно сказывается на защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Кроме того, существует ряд законодательных проблем. В УПК РФ, вступившем в силу 1 июля 2002 г., во многом не удалось реализовать идеи Конституции РФ, особенно в части защиты и гарантированности прав и свобод человека. Огромное количество частных процессуальных ситуаций, действий, стадий и производств: например, конституционный принцип обеспечения права каждому гражданину на получение квалифицированной юридической помощи, принцип состязательности сторон, предварительное расследование в форме дознания, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, стадия возбуждения уголовного дела и т. д. — не получили должного решения.

С принятыми в начале июля 2003 г. поправками в УПК РФ ситуация несколько улучшилась, однако не все проблемы и коллизии были устранены. Так, показательным примером является институт присяжных заседателей. При введении законодателем новых институтов в российском праве за основу, как правило, берется зарубежный или отечественный опыт. При изучении истории становления современного российского суда присяжных выяснилось, что из Судебных уставов 1864 г. был заимствован прежде всего сложный порядок постановки вопросов присяжным заседателям, который не имеет аналогов за рубежом. Если в уголовном процессе Англии, США от участвующих в рассмотрении дела присяжных заседателей требуется однозначный ответ на вопрос о виновности подсудимого, то в российском суде присяжных существует сложный порядок формирования вопросного листа, который затрудняет восприятие его содержания присяжными заседателями.

Введенный в действие с 1 июля 1997 г. УИК РФ, несмотря на разработку с учетом международно-правовых актов, касающихся обращения с осужденными, также имеет ряд недостатков в части защиты, гарантий, обеспечения прав и свобод осужденных. В настоящее время в УИК РФ отсутствует (или просто не исполняется) ряд норм, наличие которых, по нашему мнению, необходимо в уголовно-исполнительном законе правового государства.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Согласно действующему законодательству данное положение распространяется на свободных граждан и лиц, отбывающих наказания. Однако данная обязанность государства осуществляется на практике по-разному. Непосредственное влияние на уголовно-исполнительную политику оказывает экономическое состояние общества. Экономически сильное государство может ставить более высокие цели, оно способно создать материальную базу для успешного выполнения стоящих перед ней целей, что совершенно невозможно в условиях экономического кризиса. В Минимальных стандартных правилах обращения с заключен-

ными указано: «... принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических... условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно»¹. Поэтому при формировании стратегии уголовно-исполнительной политики необходимо базироваться на экономически обоснованных средствах ее реализации.

Следует отметить, что на формирование и развитие уголовно-исполнительной политики оказывает влияние такой фактор, как состояние преступности. При стабильном уровне преступности или ее снижении политика, как правило, более гуманна. Однако рост преступлений вообще, тяжких и насильственных, в частности, негативно влияет на нравственные и правовые представления в обществе, стимулирует более жесткие политические и правовые решения.

Корректировка и гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики должна осуществляться в соответствии с Конституцией РФ. Без формирования понимания механизма защиты прав и свобод личности, системного подхода к решению данной проблемы (где на первое место должны быть выдвинуты вопросы социально-экономического, политического и общественного свойства, а принуждение, кара должны выступать лишь как необходимые элементы этой системы) строить политику защиты прав и интересов личности, законности и правопорядка на должном уровне невозможно.

Базовый характер имеет разработка и прогноз конституционных основ уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной и уголовной политики, реализация которых обеспечит построение демократической системы правовых и нравственных ценностей. При этом необходимо избежать противопоставления охраны личности, общества и государства. В этой связи правильной представляется трактовка защиты личности, общества и государства как внутренне взаимосвязанных аспектов правоохранительной деятельности.

Таким образом, дальнейшее совершенствование уголовной, уголовно-ис-

¹ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М., 1990.

полнительной и уголовно-процессуальной политики России в рамках Конституции РФ и общепризнанных принципов и норм международного права послужит развитием и создаст условия реализации естественных неотчуждаемых прав и свобод человека, являющихся высшей ценностью.

Н. В. Шигина,

*старший преподаватель кафедры
криминологии, психологии и уголовно-
исполнительного права
Московской государственной
юридической академии
кандидат юридических наук*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС» (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Понятие «законный интерес» используется в УК РФ наряду с понятием «права» и соотносится только с такими субъектами, как «граждане» и «организации». Применительно же к интересам общества и государства как субъектов права оно не употребляется. Возможно, отмеченные терминологические различия являются случайными. Однако не исключается и то, что они имеют под собой основания.

А. В. Малько и В. В. Субочев отмечают, что формулировка «права и законные интересы граждан» достаточно часто встречается в нормативных актах и стала привычной. Вместе с тем если наличие прав у конкретных участников правоотношений вытекает непосредственно из текста той или иной статьи нормативного правового акта, то «законные интересы» являются завуалированным правовым феноменом, упоминание о котором не дает четкого представления об их сути. Нередко законодатель употребляет понятие «законный интерес» произвольно, не вкладывая в него определенного правового смысла, а кроме того, иногда в нормативных актах о законных интересах вообще не говорится, хотя очевидно, что речь идет именно о них¹.

¹ См.: Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 39–40.

Библиографический список

1. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. – М., 2004.
2. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. акад. РАН О. Е. Куцафина. – М., 2003.

Следует отметить, что в настоящее время отсутствует четкое понимание содержания и технико-юридической функции понятия «законный интерес».

По мнению И. В. Першиной, его выделение является результатом дифференциации социального значения интересов участников общественных отношений: интересы людей, социальных общностей, государства могут иметь различную направленность, быть конструктивными и деструктивными. В соответствии с этим они заслуживают государственно-правового одобрения или осуждения. В данном случае высшим судьей, экспертом выступает законодатель².

В самом общем виде «законный интерес» можно представить как конструктивную, позитивную в социальном отношении и признанную государством потребность участника общественных отношений. Отсюда следует вывод, что в праве получают отражение и закрепление интересы не только личности, но и общества и государства. Таким образом, рассматриваемое понятие может применяться к характеристике интересов всех без исключения субъектов общественных отношений³.

Облекая деятельность субъектов в правовую форму, законодатель осуществляет тем самым нормативное оформление их интересов. «Интерес, отражаясь в праве, становится правовым явлением, законным интересом. Прилагательное “законный” в данном термине понимается расширитель-

² См.: Першина И. В. Техничко-юридические аспекты отражения интересов в российском законодательстве // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 222.

³ О. А. Мотин также утверждает, что объектами уголовно-правовой охраны являются законные интересы физических и юридических лиц, всего общества или государства (см.: Мотин О. А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны. Самара, 2006. С. 10).

но и означает то, что интерес, будучи выражен в праве, гарантируется силой закона (либо другим юридическим актом)»¹.

Формы отражения интересов в праве различны, о чем свидетельствует многообразие систем правовых норм обязывающего, разрешающего, поощрительного и запрещающего характера. Поэтому под законным интересом многие авторы понимают не любой интерес, который указан в правовой норме, а только тот, реализации которого эта норма служит².

По сути, аналогичного мнения придерживается Н. И. Матузов, рассматривающий анализируемое понятие как «интересы, не противоречащие закону и поддерживаемые им, такие интересы, в осуществлении которых заинтересовано государство»³.

Таким образом, законный интерес отождествляется с охраняемым законом интересом.

Цель охраны тех или иных интересов различных субъектов права наряду с широким имеет узкое (отраслевое) значение, ввиду чего употребление понятия «охраняемые законом интересы» должно быть строго продуманным. С учетом специфики отдельных отраслей права (в том числе уголовного) точнее было бы вести речь о том, что всякий законный интерес гарантирован законом.

По мнению Ю. С. Гамбарова, в правовой науке наиболее удачным является определение законного интереса как гарантированного государством простого юридического дозволения, которое отображено в объективном праве или вытекает из общего содержания этого права⁴. Иными словами, законный интерес может быть выражен в желании субъекта пользоваться гарантированными социальными благами и обра-

щаться за защитой к органам власти с целью удовлетворения своих потребностей.

Данной позиции придерживались многие российские ученые классической школы⁵. В наше время такая трактовка имеет официальное признание. Например, подобное определение охраняемого законом интереса дает Конституционный суд Украины. Однако следует иметь в виду, что в этот контекст не вписываются субъективные права, реализация которых не связана с нормативно закрепленным дозволением.

Согласно приведенным выше положениям характеристика прав и законных интересов граждан (и организаций) как охраняемых законом (гарантированных) не исчерпывает существенных признаков законного интереса. К ним также относятся наличие в законе простого юридического дозволения для пользования социальным благом и то, что этот интерес личный (собственный).

Указанные признаки законного интереса обязывают рассмотреть его сходство и различие с субъективным правом.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, субъективное право и законный интерес имеют немало общего. Обе эти категории во многом опираются на существенную правовую базу, определенные социальные закономерности, условия общественного развития, взаимодействия между собой различных социальных групп и т. д.⁶

Кроме того, и субъективное право, и законный интерес определяют формы правового опосредования социальных интересов и формы их охраны, имеют дозволительный характер, поэтому реализуются посредством пользования ими. Объединяет их и то, что они гарантируются объективно существующим правом, признаются и защищаются государством.

Рассматриваемые категории сочетают в себе личные, групповые, общественные и государственные интересы, опираясь на диалектическое единство интересов личности, социальных групп, общества и государства. Как отмечают А. В. Малько и

¹ *Першина И. В.* Указ. соч. С. 222–223.

² См.: *Лиховая С. Я.* Права, свободы, интересы как объект преступления (проблемы терминологии) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 86; *Шейкенов Н. А.* Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. С. 107 и др.

³ *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 215.

⁴ См.: *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Часть Общая. Спб., 1911. Т. 1. С. 377.

⁵ См., напр.: *Рожественский А. А.* Основы общей теории права. М., 1912. С. 128; *он же.* Теория субъективных публичных прав. М., 1913. С. 26–27; *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1912. С. 293.

⁶ См.: *Малько А. В., Субочев В. В.* Указ. соч. С. 90.

В. В. Субочев, они «определяют своего рода меру поведения, *специфический критерий законных действий*»¹.

Наконец, еще одна общая черта субъективных прав и законных интересов заключается в том, что они имеют в своем основании притязание на обладание определенным социальным благом².

В то же время указанные категории не являются тождественными, поскольку имеют ряд существенных различий.

Во-первых, субъективное право, будучи юридической возможностью, обеспечивается конкретной юридической обязанностью других лиц. В отличие от этого законный интерес представляет собой дозволенность, разрешенность, предоставленную государством возможность действовать, которая не подкрепляется чьей-то конкретной обязанностью. Иначе говоря, имеет место простое дозволение.

Как отмечают А. В. Малько и В. В. Субочев, интерес может обеспечиваться лишь общей юридической обязанностью – уважать его, считаться с ним, содействовать в определенных случаях его осуществлению³.

Во-вторых, субъективное право и законный интерес различны по содержанию. У законного интереса отсутствуют две возможности – вести себя определенным образом (в определенных границах) и требовать соответствующего поведения от других лиц, которые характерны для сущности и содержания субъективного права. «Законный интерес не предполагает потенциальной юридической обязанности другой стороны, поскольку законом для его носителя не предусмотрены полномочия на требования соответствующего поведения от других лиц. У него правомочие выражается в просьбе (в то время как в субъективном праве – в требовании), ибо законный интерес – всего лишь дозволенность, незапрещенность»⁴.

Лаконично и вместе с тем очень точно обозначил различие между правом и законным интересом Г. Ф. Шершеневич: «Субъ-

ективное право – есть власть осуществлять свой интерес. Наличность интереса еще не создает права»⁵.

В частности, ст. 82 УК РФ обеспечивают законные интересы материнства и детства. Но беременная женщина или женщина, имеющая малолетних детей, не может требовать от суда отсрочки реального отбывания назначенного ей наказания, а суд не обязан предоставлять ей такую отсрочку.

При наличии условий и оснований, предусмотренных ст. 79 УК РФ, осужденный может просить об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, но реализация этой юридической возможности не обеспечена обязанностью суда удовлетворить данную просьбу.

Существование в праве понятия «законные интересы» наряду с понятием «субъективное право», по мнению Г. В. Мальцева, объясняется тем, что в обществе интересы личности всегда многообразны. Не все они могут быть опосредованы в субъективных правах. В современных условиях возможность юридически притязать на определенные блага, действия других лиц нельзя обеспечить в отношении абсолютно всех человеческих интересов. Кроме того, возможности правовых систем в регламентации индивидуальных интересов ограничены. Поэтому законодательному регулированию подлежат лишь определенные интересы личности, во-первых, являющиеся жизненно важными для всех членов общества (или части), типичными, которые наиболее ярко выражают сущность общественных отношений (характерны для них), и, во-вторых, имеющие известное социальное значение⁶.

Итак, законный интерес представляет собой возможность стремиться к удовлетворению признанной обществом потребности, в свою очередь, субъективное право выступает юридической гарантией удовлетворения субъективной потребности, обеспечиваемой юридической обязанностью других лиц принять меры к ее удовлетворению. Субъективным правом может стать только такой законный интерес, который

¹ Малько А. В., Субочев В. В. Указ. соч. С. 92.

² См.: Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 9.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 607.

⁶ См.: Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968. С. 134.

имеет общесоциальное значение, является жизненно важным для общества, типичным и характерным для него.

По существу, трансформация законного интереса в субъективное право – вопрос политический. Адекватное отражение в праве законных интересов – сложная проблема. Объективное право часто отстает в своем развитии от перемен в общественной жизни и общественном сознании, вследствие чего не все социально значимые законные интересы личности получают в нем закрепление и надлежащее обеспечение. В этом контексте некоторые положения уголовного закона представляются в новом свете.

Как уже отмечалось, в ст. 82 УК РФ получили отражение законные интересы материнства и детства. По смыслу закона, их удовлетворение не имеет силы, какой обладает субъективное право. Из этого следует, что заинтересованность современного российского общества в нормальном физиологическом, психологическом и духовном развитии ребенка на ранних этапах формирования личности, видимо, является не столь значимой, чтобы законный интерес беременной женщины или женщины, имеющей малолетних детей, в отсрочке отбывания наказания получил закрепление в ст. 82 УК РФ как субъективное право. Его удовлетворение осуществляется на началах снисхождения (индивидуализации) по судебскому усмотрению.

Применение амнистии, напротив, как отмечает С. А. Сотников, сопровождается негативными последствиями всепрощения в силу того, что криминальный элемент ожидает очередной амнистии, рассматривая ее не как акт человеколюбия, гуманизма, а как некое причитающееся ему благо¹.

Амнистия, по существу, и является таковой, поскольку выступает формой реализации субъективного права лица, совершившего преступление (или осужденного), обеспеченной соответствующей обязанностью субъектов ее применения. Посредством актов об объявлении и применении амнистии Государственная Дума Федерального Собрания РФ реализует свое право на прощение преступника, устанавливая его

условия и основания в конкретных юридических обстоятельствах в отношении определенных категорий лиц и в определенных пределах. Таким образом государство реализует свое субъективное право на прощение. Органы дознания, предварительного следствия, суд, исполняя властное веление о применении амнистии, строго ограничены содержащимися в соответствующем акте предписаниями (освободить от наказания одних осужденных, сократить неотбытый срок другим, снять судимость с третьих и т. п.). При этом сами они не решают юридического дела, поскольку исполнение данного властного веления не позволяет учесть указанных в УК РФ оснований, например, освобождения от наказания. Исполнение отдельных предписаний не имеет под собой материально-правовых оснований. В частности, сокращение неотбытого срока наказания действующим УК РФ не предусмотрено. Содержание этого юридического действия нельзя отнести ни к одному из видов освобождения от наказания или его отбывания.

При указанных обстоятельствах вряд ли можно характеризовать применение амнистии как применение права с точки зрения функций судебной власти и осуществления правосудия². Его юридический смысл ограничивается исполнением обязанности, которой обеспечивается субъективное право власти на прощение. В то же время данная обязанность обеспечивает и субъективное право преступника на прощение в случае, если он попадает в обозначенный властью круг лиц, подлежащих амнистированию.

Кроме того, данное субъективное право осужденного обеспечивается и судебным порядком, о чем свидетельствует практика рассмотрения жалоб о нарушении права на амнистию. Ее применение – акт обязательного исполнения нормативного предписания. В п. 6 постановления Конституционного суда РФ от 5 июля 2001 г. указывается: «Если лицо подпадает под действие амнистии, никакие решения правоприменительных органов в силу их связанности законом не должны мешать наступлению по-

¹ См.: Сотников С. А. Амнистия: сущность и применение. Владимир, 2006. С. 3.

² См.: Сотников С. А. Указ. соч. С. 64–65.

ложительного для лица правового эффекта амнистии»¹.

Субъективный характер права на применение амнистии подтверждается и тем, что в судебной практике нередко возникают вопросы, связанные с рассмотрением жалоб лиц, которые не согласны с прекращением уголовного преследования в отношении них на ее основании. По данному поводу в указанном постановлении Конституционного суда РФ сказано: «При выявлении оснований к прекращению уголовного дела (к их числу относится и акт об амнистии) лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрения дела в судебном порядке, согласно ч. 2 ст. 27 УПК РФ».

УК РФ, российское законодательство об амнистии и ее применении со всей очевидностью свидетельствуют, что прощение преступника сегодня является не только его законным интересом, но и его субъективным правом. Оно признано и гарантировано государством, обязывающим соответствующих субъектов на выполнение определенных юридических действий в пользу лица, совершившего преступление (или осужденного). В то же время обеспечение нормальных условий для психофизиологического развития ребенка на ранних этапах становления его личности признается всего лишь правовой возможностью его матери, ее законным интересом.

По нашему мнению, подобная расстановка акцентов противоречит не только принципу социальной справедливости, но и социальной целесообразности, учитывая демографическую политику Российского государства, не говоря уже о духовной стороне этого вопроса.

Идеальной представляется ситуация, когда прощение преступника трактуется как

его законный интерес, а интересы матери и ребенка получают силу субъективного права: применение амнистии становится правом судебной власти, а отсрочка отбывания наказания беременной женщине или женщине, имеющей малолетних детей, – ее обязанностью (при условии, что это не противоречит интересам ребенка). Для подобного решения требуется пересмотреть законодательство об амнистии, соответствующие статьи УК РФ, изменив ее правовое значение и правовое значение отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей.

Следует отметить, что в законодательстве об амнистии некоторых государств получило отражение иное понимание ее правового значения. Согласно ч. 2 ст. 76 УК Республики Узбекистан применение акта об амнистии может рассматриваться как условное освобождение от наказания. По смыслу ст. 107 УК Республики Молдова амнистия погашает уголовно-правовые последствия преступления или осуждения, но не имеет значения для мер безопасности (принудительных мер медицинского характера, принудительных мер воспитательного воздействия, специальной конфискации – ст. 98–106) и прав потерпевшего. В соответствии с законом Верховной Рады Украины «Об амнистии» от 5 июля 2003 г. применение амнистии возложено на суды. Этим же законом предусматриваются обстоятельства, препятствующие применению амнистии, порядок ее применения при наличии других уголовно-правовых институтов, а также процессуальный порядок применения амнистии².

Уголовно-правовая регламентация порядка применения амнистии может быть проработана детально, так же как и правовая регламентация порядка отсрочки отбывания наказания при наличии политической воли к принципиальному решению вопроса, что именно должно являться законным интересом личности, а что – ее субъективным правом.

¹ По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан»: Постановление Конституционного суда РФ от 5 июля 2001 г. <<http://zakon.kuban.ru>>.

² См.: *Телефанко Б. М.* Проблемы толкования норм УК Украины о применении амнистии и помилования // Проблемы комментирования уголовного закона. Львов, 2004. С. 164.

Политико-правовое значение различных мер уголовно-правового характера активно обсуждается на страницах юридической печати. Так, А. Ф. Сизый полагает, что у осужденных (если они в полном объеме выполняют основания поощрительных норм) возникает субъективное право на поощрение. Поэтому для совершенствования поощрительной системы в уголовном праве все формулировки «могут быть» из уголовно-исполнительного закона целесообразно исключить¹.

Ему справедливо возражают А. В. Малько и В. В. Субочев. У осужденных нет и не может быть субъективного права на поощрение, так как нет власти требовать соответствующего поведения от обязанных должностных лиц².

В то же время нельзя не признать, что, как уже отмечалось, достаточно заменить (например, в уголовном законе) формулировку, допускающую усмотрение правоприменителя, на обязывающую, и такое субъективное право появится. Видимо, суть проблемы заключается в том, по каким причинам в уголовном законе получают отражение права, а по каким – только законные интересы.

Одной из таких причин является значение интересов, составляющих содержание субъективных прав, в отличие от законных интересов. Выше мы уже отмечали, что в субъективных правах получают закрепление и гарантии только наиболее важные законные интересы, типичные и характерные для охраняемых уголовным законом общественных отношений.

По мнению Н. С. Малеина, законные интересы не трансформируются в субъективные права в силу неспособности законодателя учесть и закрепить все интересы, главным образом, по экономическим причинам³.

Н. И. Матузов полагает, что законодатель не успевает юридически оформить по-

являющиеся новые социальные возможности и позитивные социальные потребности, а в ряде случаев и не стремится к этому⁴.

А. В. Малько и В. В. Субочев продолжают эту мысль. «... Одни интересы право “может” опосредовать в субъективных правах, но не “хочет”, ибо в этом нет необходимости как для государства, так и для самих носителей этих интересов. Другие интересы право порой и “хочет” опосредовать в субъективных правах, но не “может”, хотя среди них вполне могут быть и существенные, и жизненно важные, и значительные. И дело здесь не только в экономических причинах (что, конечно, тоже важно), но в самой специфике права, объективно заложенной в нем. Оно не в состоянии “углубляться” в некоторые сферы, в частности, интимную, которая не поддается правовому нормативированию. Законодатель, устанавливая общие правила поведения (носящие, как известно, абстрактный характер), просто не может распространить их на все конкретные жизненные отношения, условия, обстоятельства и вытекающие из них интересы, ибо не всякое конкретное может быть урегулировано общим правом»⁵.

Указанные авторы делают закономерный вывод, что государству удобно через категорию «законный интерес» брать под свою охрану и защиту все те интересы, которые нет необходимости опосредовать в субъективные права для их удовлетворения, а также в случаях, когда отсутствует возможность такого опосредования⁶.

Справедливость данного вывода со всей очевидностью подтверждается употреблением понятия «законный интерес» в уголовном законе. Оно используется в определенном круге статей УК РФ: 136, 140, 163, 169, 179, 201, 202, 285, 286, 288, 343. Характер преступлений, предусмотренных в указанных нормах, таков, что для их общественной опасности достаточно причинения вреда любым интересам, признанным государством, т. е. законным интересам: будь то преступления против интересов государственной службы или службы в коммерческих и иных организациях, дискри-

¹ См.: Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средство формирования правомерного поведения осужденных (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 26.

² См.: Малько А. В., Субочев В. В. Указ. соч. С. 100.

³ См.: Малеин Н. С. Охраняемый законом интерес // Сов. государство и право. 1980. № 1. С. 31.

⁴ См.: Матузов Н. И. Указ. соч. С. 252.

⁵ Малько А. В., Субочев В. В. Указ. соч. С. 103.

⁶ См.: там же. С. 104.

минация или отказ гражданину в предоставлении информации и другие – их социальный смысл сосредоточен на обеспечении достаточных условий существования субъектов уголовного права, гарантировании возможности самостоятельного удовлетворения потребностей в получении социальных благ.

В данном контексте, действительно, нет необходимости и технико-юридической возможности определить содержание тех интересов, которым может быть причинен вред в результате указанных преступлений.

Получение социального блага, на которое притязает носитель законного интереса, зависит от реальных возможностей субъектов складывающихся по его поводу отношений. Особенность указанных выше преступлений заключается в том, что они создают препятствия для реализации интереса, хотя бы и не имеющего силы субъективного права. В таком деянии содержание признанного (законного) интереса не имеет значения, как не имеет значения и то, по каким причинам он не обладает силой субъективного права.

Например, отказ должностного лица в предоставлении гражданину информации о месте нахождения отсутствующего члена его семьи является препятствием для решения различных вопросов (взыскания алиментов, приватизации квартиры или ее продажи, расторжения брака, усыновления и пр.). Кроме того, для удовлетворения различных имущественных, жилищных или семейных интересов гражданина в реальной действительности могут существовать объективные препятствия, обусловленные фактическими обстоятельствами, а также нормативные или процедурные преграды в

тех случаях, когда его интересы не имеют значения субъективного права.

Общественная опасность отказа гражданину в предоставлении информации выражается не в негативных для него последствиях решения дела, а в том, что этот отказ лишает его возможности принять меры к удовлетворению своего интереса. Поскольку законный интерес, по своей сути, не что иное, как общая правовая возможность удовлетворения признанной государством потребности, лишение такой возможности и есть причинение вреда законному интересу.

Соблюдение равноправия, деятельность должностных лиц, лиц, выполняющих управленческие функции, и т. д. должны служить проводниками в реализации человеком (или другим субъектом) его правовых возможностей. Создание препятствий для их выполнения настолько же противоречит поставленным перед ними задачам, как и нарушение субъективного права (неисполнение соответствующей обязанности). Именно по этой причине в указанных выше статьях УК РФ говорится о причинении вреда как правам, так и законным интересам граждан.

Библиографический список

1. *Малько, А. В.* Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. – СПб., 2004.
2. *Матузов, Н. И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов, 1972.
3. *Першина, И. В.* Техничко-юридические аспекты отражения интересов в российском законодательстве / И. В. Першина // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

В. В. Виноградов,
*начальник факультета
очного обучения ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Стратегическая цель педагогической технологии заключается в создании условий для формирования профессиональной компетентности будущего специалиста по социальной работе для уголовно-исполнительной системы (УИС).

Тактической задачей начального этапа является формирование профессиональной направленности будущих специалистов по социальной работе для УИС.

К основополагающим характеристикам профессиональной компетентности (Ю. Г. Татур, И. А. Зимняя, Н. А. Гришанова и др.) относятся:

- интегральное свойство, характеристика личности специалиста;
- успешная деятельность;
- успешная деятельность в определенной профессиональной области;
- способность реализовать свой креативный и операционно-технологический потенциал, трансформировать его в успешную деятельность;
- осознание социальной значимости профессиональной деятельности;
- личностно-деятельностное стремление к профессиональному самосовершенствованию и др.

Среди перечисленных характеристик профессиональной компетентности прослеживаются мотивационный, ценностно-смысловой, поведенческий, эмоционально-волевой, творческий аспекты развития личности специалиста. Это позволяет выделить составляющие профессиональной

компетентности: профессиональные направленность, опыт, ценности, ответственность, рефлексия, культуросотворчество.

Следовательно, на начальном этапе профессиональной подготовки специалиста по социальной работе в рамках определения профессиональной компетентности необходимо сосредоточить внимание на формировании его профессиональной направленности.

Профессиональная направленность – это качество личности будущего специалиста, характеризующее принятие им данной профессии, вхождение в нее в течение всего процесса профессиональной подготовки в образовательном учреждении, ее выбор в качестве основной «профессиональной линии» жизни.

Профессия специалиста по социальной работе в УИС является очень важной для России и ответственной для человека, ее выбравшего.

Освоение данной профессии требует направленной системы работы на всем протяжении профессиональной подготовки по формированию профессиональной компетентности специалиста по социальной работе для УИС. По нашему мнению, профессиональная подготовка должна начинаться с формирования профессиональной направленности с первых дней обучения в образовательном учреждении при изучении дисциплины «Введение в специальность “Социальная работа в УИС”». В настоящее время разработана педагогическая технология формирования профессиональной направленности специалиста по социальной работе для УИС.

Педагогическая технология представляет собой описание предварительно спроектированного и всесторонне обоснованного развития личности обучающихся (курсантов и слушателей) в образовательной деятельности под руководством преподавателя или самостоятельно при решении тех или иных образовательных, квазипрофессиональных и профессиональных задач.

Основу данной педагогической технологии составляет технологический подход к организации образовательного процесса.

Суть данного подхода заключается в том, что грамотно отобранное содержание образования, воздействуя на личность будущего специалиста, в учебной деятельности и через дидактическую деятельность преподавателей позволяет сформировать определенные качества его личности. Для формирования профессиональной направленности будущего специалиста по социальной работе для УИС необходимо подобрать действенное содержание образования, которое определяется структурой профессиональной направленности.

В теории и методике профессионального образования выделяется следующая *структура профессиональной направленности* (А. К. Маркова, Е. А. Климов):

- профессионально-ориентированные знания, дающие первоначальные представления о профессии;
- целевые установки профессиональной деятельности;
- мотивы к освоению данной профессии.

По нашему мнению, содержание образования способно существенно влиять на формирование у будущих специалистов по социальной работе для УИС профессиональной направленности (компетентности), если его отбор будет включать:

- профессионально-ориентированные знания, дающие первоначальные представления о профессии (сущность, особенности, опыт, в т. ч. зарубежный);
- целевые установки профессиональной деятельности, представленные профессиональными идеалами, профессиограммой, квалификационной характеристикой и т. д.;
- способы деятельности, направленные на развитие мотивации к освоению данной профессии и позитивного эмоционально-ценностного отношения к ней.

В рамках подтверждения данной гипотезы нами была разработана и апробирована педагогическая технология формирования профессиональной направленности специалиста по социальной работе для исправительного учреждения на начальном этапе его профессиональной подготовки¹.

¹ Основные идеи отбора содержания образования отражены в учебном пособии: Морозов В. М., Виноградов В. В. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие / ВЮИ ФСИН России. Владимир, 2006. 176 с.

Разработанный нами материал направлен на решение следующих задач: формирование первоначальных представлений о профессии специалиста по социальной работе для исправительного учреждения; целевых установок его будущей профессиональной деятельности; мотивов к ее освоению и позитивного эмоционально-ценностного отношения к ней. Кроме того, учитывались специфика и современные достижения в области пенитенциарной социальной работы в русле гуманизации уголовно-исполнительного законодательства.

Интерес представляет зарубежный опыт, исследованный и описанный профессором В. М. Морозовым. Актуальность данного материала в том, что он ориентирует будущего специалиста по социальной работе на соблюдение в своей работе Европейских пенитенциарных правил и способствует формированию профессиональной направленности согласно современным требованиям.

Дидактическая деятельность преподавателей в лекционно-семинарской системе обучения:

- должна отражать обучающий, воспитывающий, развивающий характер профессиональной подготовки будущего специалиста по социальной работе для УИС;
- направлена на организацию моделей деятельности обучающихся (курсантов и слушателей), способствующих развитию мотивации к освоению данной профессии и позитивного эмоционально-ценностного отношения к ней;
- содержать в своей основе набор продуктивных методов обучения: проблемного изложения, эвристический, исследовательский и др.;
- способствовать формированию его профессиональной направленности.

Самостоятельная работа курсантов и слушателей включает написание эссе по отдельным вопросам, подготовку докладов, сообщений, заполнение специальных поисковых обобщающих таблиц, разработку и подготовку к защите собственной квалификационной характеристики и дискуссии по проблемным изучаемым вопросам.

Модели деятельности курсантов и слушателей должны быть следующими: восприятие – осмысление – актуализация – самоконтроль – запоминание – воспроизве-

дение в различных ситуациях – самостоятельная мотивировка – саморазвитие.

Были разработаны и подобраны диагностические материалы (проверочные тесты и психологические методики) для отслеживания результативности профессиональной подготовки на начальном этапе обучения. Обработка результатов диагностики показала, что слушатели имеют:

- первоначальное представление о профессии: до обучения – 56 % слушателей (констатирующий тест), после обучения – 93 % (контрольный тест);

- целевые установки профессиональной деятельности (по данным отделения психологического обеспечения): до обучения – 63 % слушателей (констатирующий тест), после обучения – 95 % (контрольный тест);

- позитивное эмоционально-ценностное отношение к выбранной профессии (по

Ю. В. Гагарин,

*начальник кафедры гуманитарных,
экономических и финансово-
правовых дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ НАЧАЛЬНИКОВ ОТРЯДОВ

Любая система профессиональной подготовки предполагает обеспечение обучаемых достаточным объемом знаний, умений и навыков для квалифицированного выполнения должностных обязанностей и проведение в интересах практической деятельности. В связи с этим возникла необходимость строгого соответствия содержания профессиональной подготовки и профессиональной деятельности.

В системе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы по целому ряду должностей наблюдается противоречие между содержанием профессиональной деятельности и профессиональной подготовки, отмечаясь многими учеными и практиками, такими как А. А. Аксенов, В. З. Веселый,

данным отделения психологического обеспечения): до обучения – 85 % слушателей (констатирующий тест), после обучения – 96 % слушателей (контрольный тест).

Таким образом, содержание образования существенно влияет на формирование профессиональной направленности слушателей.

Библиографический список

1. *Морозов, В. М.* Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / В. М. Морозов, В. В. Виноградов ; ВЮИ ФСИН России. – Владимир, 2006.

2. Социальная работа : Опыт и проблемы подготовки специалистов / отв. ред. В. И. Жуков. – М., 1997.

3. Философия социальной работы / отв. ред. В. И. Митрохин. – М., 1991.

В. С. Генералов, А. И. Зубков, Г. И. Королев, В. М. Морозов, В. А. Фефелов¹.

Данное противоречие характерно и для профессиональной подготовки начальников отрядов исправительных учреждений, содержание которой имеет воспитательно-педагогическую направленность и акцентирует внимание на правовой (юридической) подготовке начальника отряда. Это способствует формированию в процессе профессиональной подготовки такого важнейшего компонента, как педагогическая готовность к воспитательной работе с осужденными, в результате чего исправительное учреждение получает неплохих юристов-правоведов, однако слабо подготовленных непосредст-

¹ См.: *Аксенов А. А.* Проблемы государственного управления в уголовно-исполнительной системе России. Состояние и перспективы (организационно-правовой аспект): Моногр. Рязань, 1996. С. 177–184; *Веселый В. З.* Актуальные проблемы совершенствования управленческой подготовки кадров в органах внутренних дел. М., 1992. С. 12–16; *Зубков А. И.* Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе. Рязань, 1990. С. 19–23; *Морозов В. М.* Социальные проблемы подготовки кадров правоохранительных органов: Моногр. / Под общ. ред. П. Ф. Янкевича. Владимир, 1999. С. 227; *Фефелов В. А., Генералов В. С., Королев Г. И.* Модель специалиста ИТУ. Рязань, 1980. С. 40.

венно к воспитательной работе с осужденными воспитателей-педагогов.

Таким образом, актуальной является задача поиска эффективных форм, методов и средств формирования педагогической готовности начальников отрядов к воспитательной работе с осужденными.

Комплексный анализ нормативных правовых документов Министерства образования и науки Российской Федерации, правоохранительных министерств и ведомств России, а также накопленный опыт профессиональной подготовки позволили понять сущность и основные элементы педагогической подготовки начальников отрядов. Она является составной частью непрерывного повышения их профессионализма и профессионального образования, необходимого для осуществления воспитательной работы с осужденными, а также решает задачу непрерывного повышения их педагогической квалификации, обеспечивающей высокое качество предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством занятий, проводимых с осужденными в исправительном учреждении.

Определение структуры профессиональной готовности начальника отряда, основных направлений профессиональной деятельности, проблем формирования педагогической готовности способствовало выявлению необходимых условий, способствующих эффективному формированию педагогической готовности начальника отряда исправительного учреждения.

Данные условия целесообразно разделить на две группы: внешние, лежащие за пределами профессиональной подготовки начальников отрядов, однако оказывающие прямое морально-психологическое влияние на личность и результаты профессиональной деятельности начальника отряда; внутренние, затрагивающие непосредственно их профессиональную подготовку.

Внешние условия:

- необходимость коренного изменения отношения к воспитательно-педагогической работе и исправительному процессу, которые должны стать приоритетными направлениями в деятельности каждого исправительного учреждения, территориального управления ФСИН России;

- качественного подбора кандидатур на должности начальников исправительных

учреждений. Обязательным условием назначения на должность начальника должно стать наличие педагогической подготовки кандидата к воспитательной работе как с осужденными, так и с личным составом (в настоящее время отсутствует серьезная педагогическая подготовка кандидатов на должности начальников исправительных учреждений);

- строгое соблюдение нормативной численности осужденных в отрядах исправительного учреждения, установленной нормативными правовыми актами Российской Федерации. Перелимит осужденных в отряде фактически приводит к ликвидации индивидуально-воспитательного воздействия начальника отряда на осужденного, дезавуируя основную цель уголовно-исполнительного законодательства.

Внутренние условия:

- необходимость строгого соблюдения предусмотренного уголовно-исполнительным законодательством и ведомственными нормативными актами порядка организации профессиональной подготовки начальников отрядов, осуществляемой непосредственно в исправительном учреждении;

- формирования содержания основной образовательной программы с учетом потребностей практики;

- выделение в основной образовательной программе блоков учебных дисциплин, соответствующих структуре профессиональной готовности;

- выявление потенциала блоков учебных дисциплин в формировании педагогической готовности начальников отрядов к воспитательно-педагогической работе в исправительном учреждении с целью применения его в обучении;

- четкое определение целей и задач профессионально-педагогической подготовки начальников отрядов;

- осуществление перераспределения учебного времени на выделенные блоки учебных дисциплин.

Были проанализированы формы проведения занятий, применяемые в системе профессиональной подготовки, с целью поиска способов и средств повышения эффективности формирования педагогической готовности начальников отрядов к воспитательной работе с осужденными. Рассматривались как традиционные формы

(лекции, семинарские и практические занятия, групповые упражнения, оперативные тренировки, штабные учения по управлению силами и средствами в условиях осложнения оперативной обстановки), так и современные образовательные технологии (проблемные лекции и семинары, дискуссии, «круглые столы», ролевые и деловые игры, научно-практические конференции, выездные занятия в исправительных учреждениях с решением практических задач и практических ситуаций, а также включение начальников отрядов в творческую и научно-исследовательскую деятельность).

Результаты исследования показали, что многофункциональность и сложность задач, решаемых начальниками отрядов исправительных учреждений, требуют максимального использования в их профессиональной подготовке именно элементов современных образовательных технологий.

Особое значение в формировании педагогических умений и навыков начальников отрядов исправительных учреждений имеют занятия с элементами решения практических задач и ситуаций, встречающихся в практической деятельности начальников отрядов при организации воспитательной работы с осужденными в условиях исправительного учреждения, ролевые и деловые игры, требующие от начальников отрядов использования усвоенных педагогических знаний, умений и навыков.

Предлагаемые варианты проведения занятий позволяют начальникам отрядов критически оценивать свои знания и действия, основываясь на мнениях других и помощи сокурсников и преподавателя, выбирать наиболее приемлемый вариант решения проблемы, а также осознавать необходимость самообразования.

Дальнейшие исследования осуществлялись в направлении выяснения наиболее значимых профессиональных знаний, умений и навыков, являющихся ведущими в профессиональной деятельности начальников отрядов исправительных учреждений, формирование и развитие которых происходило в процессе профессиональной подготовки. Анализ литературы, затрагивающей вопросы формирования профессиональных знаний, умений и навыков, а также эмпирический опыт позволили выде-

лить основные профессионально важные знания, умения и навыки, наличие которых свидетельствует о достаточном уровне сформированности педагогической готовности начальника отряда к воспитательной работе с осужденными. К ним относятся: знания об объекте воспитательной работы – осужденных; умения и навыки педагогического планирования, прогнозирования, целеполагания и анализа ситуаций, возникающих в процессе исправления; выстраивания конструктивных взаимоотношений с осужденными; педагогического общения; организации самостоятельной работы по овладению педагогическими знаниями.

Указанные знания, умения и навыки целенаправленно формируются в процессе профессиональной подготовки. Их закрепление и развитие осуществляются в ходе практических занятий по моделированию педагогических ситуаций, возникающих у начальников отрядов в процессе воспитательной работы с осужденными.

По нашему мнению, при реализации данного метода необходимо определить круг типичных ситуаций, с которыми сталкивается каждый начальник отряда в процессе воспитательно-педагогической деятельности в исправительном учреждении, и ранжировать их по степени сложности.

1. Ситуации, связанные с организацией индивидуальной воспитательной работы, в которых осуществляется практическая отработка 13 видов индивидуальных бесед¹.

2. Ситуации, относящиеся к организации групповой воспитательной работы, где осуществляется моделирование ситуаций, связанных с работой совета коллектива отряда.

3. Ситуации, предусматривающие организацию массовой воспитательной работы, в которых отрабатываются умения и навыки в подготовке и проведении лекций по социально-правовой, санитарно-профилактической, спортивно-оздоровительной тематике, подготовке и проведению собраний, культурно-массовых, физкультурно-спортивных мероприятий с осужденными.

¹ См.: Гагарин Ю. В. Классификация беседы как основного метода индивидуально-воспитательной работы с осужденными // Пенитенциарная преступность: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2003. С. 175–178.

4. Ситуации, связанные с организацией работы совета воспитателей отряда, где применяются умения и навыки сотрудников для осуществления эффективной воспитательной работы с осужденными отряда, проведения собрания его членов, обсуждения злостных нарушителей режима содержания, перевода в отряд со строгими условиями содержания, колонию-поселение, представления к условно-досрочному освобождению и др.

5. Ситуации, рассматривающие конфликты в исправительном учреждении. В ходе моделирования конфликтных ситуаций отрабатываются умения и навыки поведения в критических ситуациях, способы разрешения конфликтов, умения принимать нестандартные решения.

6. Нетипичные ситуации, которые встречались в практике начальников отрядов, где последние закрепляют полученные на-

выки в самостоятельном моделировании ситуаций, с которыми они уже сталкивались в процессе служебной деятельности.

Педагогически обоснованное разрешение начальником отряда смоделированных ситуаций свидетельствует об уровне усвоения профессиональных знаний, умений и навыков, грамотности педагогических действий, проявлении психологических качеств, составляющих основу педагогической культуры начальника отряда.

Библиографический список

1. *Веселый, В. З.* Актуальные проблемы совершенствования управленческой подготовки кадров в органах внутренних дел / В. З. Веселый. – М., 1992.

2. *Морозов, В. М.* Социальные проблемы подготовки кадров правоохранительных органов : монография / В. М. Морозов ; под общ. ред. П. Ф. Янкевича. – Владимир, 1999.

В. А. Горбунов,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) зависит не только от создания необходимой правовой и материально-технической базы, но и в значительной степени от персонала исправительных учреждений (далее: ИУ), его профессионализма, выучки, социальной и правовой защищенности и условий деятельности.

В то же время работа в ИУ является фактором, существенно трансформирующим личность, в связи с чем уровень профессиональной деформации, особенно среди младшего инспекторского состава, остается высоким.

Исследования, проведенные преподавателями Казанского филиала Владимирского юридического института совместно с сотрудниками ряда исправительных колоний ГУФСИН России по Республике Татарстан, показывают, что аттестованные сотрудники

больше, чем вольнонаемные работники, подвержены различным заболеваниям, а также совершению суицида (73 % – аттестованный состав, 27 % – вольнонаемные). Главная причина заключается в исключительно высокой напряженности их деятельности, ослабляющей защитные механизмы организма.

Даже очень хорошо подготовленный в профессиональном плане сотрудник (имеющий юридическое образование, опыт работы, большой стаж) не может эффективно выполнять свою работу, если у него недостаточно развиты необходимые для этого психолого-педагогические качества – нравственная, эмоциональная, волевая устойчивость, готовность к действию, мобилизация.

Педагогическая подготовка сотрудника имеет такое же большое значение в его профессиональном совершенствовании, как юридическая, физическая и боевая.

Педагогическая подготовка сотрудника проводится:

- с целью получения необходимых знаний, умений и навыков;
- в соответствии с условиями деятельности молодого сотрудника в конкретном исправительном учреждении;
- при перемещении и изменении места службы и должности;

- при подготовке к деятельности в сложных и экстремальных условиях;
- в случаях переподготовки и повышения квалификации.

Педагогическая подготовка может быть общей и специальной.

Общая подготовка связана с формированием и поддержанием педагогической подготовленности личного состава в полном объеме; специальная – нацелена на формирование высокой профессиональной готовности выполнять конкретные задачи. Однако и в том, и другом случае очень важно, чтобы сотрудники пенитенциарных учреждений в своей работе опирались не только на накопленный положительный опыт, но и позитивно воспринимали новые идеи с учетом экономических и социально-правовых условий, складывающихся в стране.

Естественно, что нужно, во-первых, теоретическое обоснование концепций изменения пенитенциарной системы; во-вторых, разработка прикладной концепции внедрения инноваций в систему ИУ и, в-третьих, формирование педагогически правильного восприятия нового персоналом учреждений.

Выделяют три концептуальных подхода к инновациям:

а) рационалистический, суть которого заключается в предположении, что в поведении человека есть рациональность, но люди нередко поступают вопреки предписаниям и указаниям «сверху»;

б) поведенческий (психолого-педагогическое направление), где упор делается на самоорганизацию, использование неформальных механизмов, активизацию работы малых групп, децентрализацию в принятии решений;

в) системный, синтезирующий два предыдущих.

Конечный результат внедрения – это всегда компромиссное решение.

Педагогическое обеспечение инновационной деятельности обычно проводится в трех направлениях: общем, особом и специальном. Общее направление подразумевает проведение мероприятий по педагогическому обеспечению всех сотрудников ИУ; особое – работу с отдельными частями и службами; специальное – с отдельными сотрудниками ИУ.

К факторам, влияющим на восприимчивость к инновациям в ИУ, относят: лично-

стные особенности руководителей и их отношение к инновациям; время освоения; характер самого новшества; особенности организации (формальные, неформальные), внешние условия. Эти факторы выступают в качестве составных компонентов инновационного процесса.

Руководителем инновационного процесса на уровне ИУ, как правило, является начальник учреждения.

Говоря о личностных качествах руководителя, успешно реализующего инновации в организациях, чаще всего отмечают:

а) творческие особенности (активное участие в дискуссиях, научно-практических конференциях и т. п.);

б) организаторские способности руководителя (умение организовать людей, увлечь их новой идеей, создать творческий коллектив);

в) готовность к профессиональному риску, даже если нет полной уверенности в успехе (интерес к содержанию работы, возможность воплотить в жизнь свои планы).

В научной литературе выделяют следующие типы руководителей по отношению к инновациям:

– консервативный, ориентированный на привычные, многократно проверенные способы работы, к новому относится с предубеждением;

– декларативный, на словах выступающий за любое новшество, но на деле реализующий только те из них, которые не требуют большого труда;

– колеблющийся, боящийся инноваций, не имеющий собственной точки зрения, с одинаковой легкостью принимающий противоположные решения;

– прогрессивный, постоянно ищущий новые пути достижения целей организации, обладающий развитым чувством нового, передового;

– одержимый идеей постоянных изменений и перестройки, при этом не утруждающий себя глубоким предварительным расчетом.

Характер инноваций определяется рядом признаков, главными из которых являются:

а) виды инноваций: материально-технические, экономические, нормативно-правовые, оперативно-режимные, воспитательные, управленческие, кадровые (использование психодиагностики в профессиональ-

ном отборе и т. п.), психологические (внедрение психологической службы и т. д.). Многие инновации являются комплексными и затрагивают основные аспекты деятельности ИУ;

б) степень обязательности внедрения его в практику (рекомендательный или обязательный, приказной характер);

в) субъект инновации;

г) степень радикальности инноваций по сравнению с существующей практикой (чем радикальнее изменения, тем большее оказывается сопротивление);

д) особенности ИУ: закрытость, степень регламентации, централизация управления, вид режима, размеры ИУ, численность состава осужденных, возраст сотрудников из числа начальствующего состава, период существования и др., а также факторы, связанные с человеческими особенностями (чаще всего с инновационным потенциалом коллектива).

То есть можно говорить о субъективных и объективных особенностях ИУ, влияющих на восприятие инноваций.

Главным препятствием внедрения инноваций, особенно педагогических, является чрезмерная регламентация деятельности УИС. Часто педагогические инновации широко не реализуются на практике, так как они не предусмотрены тем или иным приказом или инструкцией.

Например, на базе нескольких ИУ ГУФСИН России по Республике Татарстан в течение более 5 лет в работе с осужденными использовался психолого-педагогический аутотренинг, который не был внедрен в практику.

Восприятие инновации связано с отношением к ней: пассивным, активным или отрицательным. С этим связаны следующие психологические барьеры, возникающие при внедрении инноваций:

а) профессиональная некомпетентность (часто бывает связана с непониманием сущности инноваций);

б) перестраховка (при существовании опасения, что инновации могут дать отрицательные результаты);

в) устоявшиеся навыки, привычки, традиции (нежелание изменять навыки и умения);

г) боязнь потерять вознаграждение;

д) нежелание менять место работы в результате инноваций;

е) недоверие к науке и др.

Процесс педагогической подготовки сотрудников ИУ к восприятию инноваций в их профессиональной деятельности включает в себя несколько этапов.

Первый этап педагогической подготовки связан с выявлением проблемной ситуации и принятием решения об инновациях.

Важной функцией руководителя ИУ в этом случае является анализ оперативной обстановки, включая как внешние, так и внутренние факторы, например, профессиональную подготовку личного состава и др.

В зависимости от характера служебной деятельности сотрудников перед проведением их педагогической подготовки следует:

– определить, какой вид или совокупность видов педагогической подготовки необходимо проводить;

– уточнить с учетом задач и особенностей вида подготовки основные разделы программы педагогической подготовки;

– конкретизировать темы, формы и методы занятий.

Принципами педагогической подготовки на первом этапе являются:

– максимальное соответствие проводимой педагогической подготовки условиям предстоящей деятельности сотрудников;

– систематичность и последовательность;

– дифференцированный и индивидуальный подход;

– установка на самовоспитание и самообразование.

Влияние напряжения в условиях специфической деятельности ИУ можно значительно снизить с помощью специальной педагогической подготовки сотрудников, к задачам которой относятся:

– повышение педагогического образования;

– развитие у сотрудников ИУ необходимых специальных знаний, умений и навыков, способствующих эффективным профессиональным действиям в обычных, сложных и экстремальных условиях служебной деятельности;

– эффективное выполнение сотрудниками функциональных обязанностей, связанных с обеспечением режима, надзора, трудоустройства, решением задач исправления и ресоциализации осужденных, их правопослушного поведения после освобождения.

Основное содержание общей педагогической подготовки сотрудников ИУ включает:

1. Постепенное развитие и доведение до высокого уровня совершенства наиболее важных педагогических функций – восприятия, мышления, внимания, памяти, наблюдательности и т. п.

2. Развитие способности к волевым усилиям, преодоление как внешних, так и внутренних трудностей.

3. Формирование нравственных качеств сотрудника (справедливость, доброжелательность, честность).

Второй этап – непосредственная подготовка к деятельности: формирование и поддержание состояния готовности сотрудников к действиям в сложных условиях ИУ.

Основными компонентами педагогической подготовки сотрудников УИС на данном этапе являются следующие.

1. Профессиональные способности (знания, умения и навыки).

2. Использование педагогических средств и приемов при выполнении профессиональных действий.

3. Учет специфических условий для повышения эффективности профессиональных действий.

4. Профессиональное общение.

5. Дифференцированный подход к воспитательному процессу.

6. Умение вести себя в конфликтных ситуациях, мобилизоваться.

7. Умение действовать эффективно, владеть собой, мимикой, жестами, позой.

8. Владение психолого-педагогическими приемами и навыками.

На работу сотрудника ИУ в сложных условиях, в условиях риска оказывают большое влияние его нравственно-педагогическая устойчивость (чувство ответственности, долга; коллективизм, товарищество, дружба; дисциплинированность, ответственность), а также педагогическая надежность (уверенность в себе и своих силах; качество знаний, умений и навыков; стрессоустойчивость, неконфликтность; опыт, поддержка коллектива; демократизм, гуманизм).

В условиях риска выявляются значимость и таких свойств, как: степень уверенности в себе, способность быстро ориентироваться в ситуации, профессиональная тренированность поведения в нестандартных ситуациях. Для педагогической

характеристики рискованного поведения имеет значение наличие у сотрудника внутреннего или внешнего контроля.

Высокая степень тревожности способствует поведению, неадекватному ситуации: воздержание от риска, социально или личностно оправданному, или наоборот, рискованному поведению, не учитывающему индивидуальных возможностей.

Значение могут иметь и возрастные факторы: вероятность принятия решения о рискованном поведении обратно пропорциональна возрасту – приобретение жизненного опыта формирует более высокую степень осторожности и ответственности.

Трудности вызывает и информационная неопределенность, которая, в свою очередь, является причиной неуверенности в достижении цели. Сложность принятия решений связана и с чувством ответственности. Причем лиц, профессиональная деятельность которых делает ситуацию выбора достаточно распространенной, больше волнует не физическая опасность для себя и других людей, а социальная опасность в виде санкций за допущенный просчет.

Механизм принятия решения в ситуации обоснованного риска включает:

- а) цель, осознаваемую как социально-позитивную и существенную;

- б) оценку ситуации как исключаящую возможность достичь цели без опасности;

- в) осознание возможности выбора между безопасным и опасным вариантами действий или вариантами с разной степенью опасности;

- г) наличие объема информации, достаточной для предвидения последствий и вероятностного вывода о шансах достижения цели.

Осознание риска состоит в следующем:

- осознание поставленной цели как социально-позитивной;

- осознание опасности, для избежания которой ставится цель или которая неизбежно возникает в процессе достижения цели;

- понимание того, что времени и информации недостаточно для нахождения однозначного правильного решения;

- оценка возможных негативных последствий как менее вероятных по сравнению с позитивными;

- формирование представлений о возможных мерах безопасности на основе

имеющейся информации о ситуации и прогноза ее возможного развития.

Педагогическая подготовка сотрудников УИС к работе в сложных условиях не исчерпывается отработкой системы навыков и умений. У сотрудников формируется определенная система психолого-педагогических качеств. При этом необходимы индивидуализация обучения сотрудников, тренировки и постоянный контроль.

Противоречия между поставленными целями, задачами, ожиданиями и реальным положением дел и составляют сущность проблемной ситуации. Таким образом, выявление проблемной ситуации начинается с осознания противоречий, понимания того факта, что существующими силами и средствами, принятыми методами работы нельзя достигнуть поставленных задач.

Следующим этапом являются принятие решения об инновациях и подготовка программы реализации. Для этого создается творческая (рабочая) группа (команда). Руководителю коллектива целесообразно поставить перед творческой группой ряд задач, главные из которых заключаются в следующем:

- четко и подробно описать суть проблемы и факторы, которые привели к ее возникновению;

- спрогнозировать развитие ситуации, если проблема не будет решена вовремя.

Для того чтобы преодолеть сопротивление по внедрению инноваций, можно использовать приемы психолого-педагогического воздействия:

- пригласить сотрудников и руководителей частей и служб принять участие в совещании, на котором будет поддержана идея об инновациях;

- обратиться к ученым с просьбой выступить перед сотрудниками о важности и необходимости инноваций;

- повторно (неоднократно) предложить инновации в измененном виде;

- представить инновации как вариант идей или указаний начальника;

- заручиться поддержкой инноваций у авторитетных сотрудников;

- попытаться повлиять на руководителя посредством авторитетных для него лиц.

Необходимым этапом является достаточно сложная и многоплановая организа-

ция выполнения программы внедрения инноваций. Она включает в себя: доведение информации об инновациях до всех сотрудников и их мобилизация; профессионально-педагогическая подготовка личного состава к работе в новых условиях; контроль за ходом инновационного процесса и коррекция программы; оценка эффективности инноваций.

Следующий этап связан с доведением информации об инновациях до сотрудников ИУ. Он предполагает формирование у них представлений о сущности инновации, ее последовательности, практической значимости. Одновременно осуществляется мобилизация личного состава (т. е. активизация мотивационной сферы сотрудников).

Потребность в профессионально-педагогической подготовке сотрудников к работе в новых условиях обусловлена необходимостью повышения профессионального мастерства личного состава и преодоления психологических барьеров.

На стадии непосредственного внедрения инновационных технологий важно выбрать научно обоснованную стратегию. Могут быть применены две крайние, противоположные, стратегии: растянутая на длительный период и быстрая, радикальная.

Управление инновационными технологиями включает контроль и коррекцию. Контроль возлагается на руководителя и рабочую комиссию. При обнаружении отклонений от программы инновационных технологий анализируются причины данного явления. В зависимости от обстоятельств, вызвавших отклонения, вносятся коррективы либо в организацию управления инновационными технологиями, либо в профессионально-педагогическую подготовку сотрудников, либо в отдельные элементы самого инновационного процесса.

Заключительный этап связан с оценкой эффективности инновационных технологий педагогической деятельности сотрудников УИС, критериями которой являются экономические и оперативно-служебные показатели. Однако любая реорганизация должна быть ориентирована на удовлетворение материальных и духовных потребностей самих сотрудников ИУ. В связи с этим каждая инновационная технология должна оцениваться с позиций того, на-

сколько она способствует повышению трудовой активности, уровня удовлетворенности трудом, оптимизации психологического климата в коллективе. Практика убеждает, что игнорирование социально-педагогических и воспитательных последствий инновационных технологий приводит к снижению оперативно-служебных показателей в работе. Только комплексный подход, включая социально-педагогические аспекты, позволит обеспечить эффективность инновационных технологий педагогической подготовки сотрудников ИУ.

А. А. Ершов,

преподаватель кафедры специальной техники и информационных технологий ВЮИ ФСИН России

СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

Культура в различных ее проявлениях является объектом и предметом изучения множества гуманитарных наук. При изучении культуры курсантов и слушателей вузов ФСИН России необходимо учитывать ряд особенностей (национальных, возрастных и т. д.) и рассматривать различные сферы их жизнедеятельности (учебной, личной). Таким образом, в контексте информационных процессов и отношений, складывающихся у курсантов и слушателей в процессе получения образования, правомерно изучение их информационной культуры.

Существуют несколько основных подходов к пониманию культуры: аксиологический, при котором культура рассматривается как совокупность материальных и духовных ценностей¹; процессуально-деятельностный, где она воспринимается как деятельность и ее способы, – основная единица анализа культуры²; культуротворческий, культуросозидающий, где культура воспринимается творчеством личности, направленным на созидание нового и при-

¹ Арнольд А. И. Человек и мир культуры. Введение в культурологию. М., 1992.

² Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов н/Д, 1997.

Библиографический список

1. Дебольский, М. Г. Психолого-педагогическое обеспечение нововведений в ОВД / М. Г. Дебольский. – М., 1993.
2. Зубков, А. И. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России / А. И. Зубков, Ю. И. Калинин, В. Д. Сысоев. – М., 1997.
3. Наумкин, Ю. П. Психология. Педагогика. Этика / Ю. П. Наумкин. – М., 2002.
4. Столяренко, А. М. Энциклопедия юридической психологии / А. М. Столяренко. – М., 2003.

своение (распредмечивание) культурных ценностей в процессе становления индивидуальной культуры³.

Профессиональная информационная культура у курсантов и слушателей определяется спецификой их деятельности, особенностями решаемых задач. В связи с этим общая информационная культура обусловлена наличием характеристик, параметров, определяющих готовность эффективно решать широкий круг учебных и профессиональных задач, независимо от особенностей специальных видов деятельности. Таким образом, целесообразно рассматривать понятие, сущность и содержание информационной культуры курсантов и слушателей, интегрируя аксиологический, процессуально-деятельностный и творческий подходы.

Определение информационной культуры личности основано на современных культурологических исследованиях, выделяющих:

- функции культуры личности;
- основные структурные составляющие культуры человека (знания, нормы, ценности и т. д.);
- процессуальный аспект культуры личности в единстве культуроосвоения и культуротворчества;
- результат присвоения культуры человеком, выражающийся во взаимосвязи обученности, воспитанности и уровня развития.

При характеристике понятия «информационная культура личности» необходимо определить ее основные функции, содержание и структуру.

³ Свасьян К. А. Человек как творение и творец культуры // Вопр. филос. 1987. № 6.

Основными функциями культуры являются: социально-регулятивная; коммуникативно-репродуктивная; ценностно-ориентационная (и ее структура); идеи, ценности, которые направляют и координируют поведение и сознание людей в их групповой и индивидуальной жизни; социальные институты и учреждения культуры, благодаря которым идеи и ценности сохраняются и распространяются в обществе, доходят до каждого его члена.

Учитывая аксиологический, процессуально-деятельностный и творческий подходы понимания культуры, необходимо выделить следующие *элементы информационной культуры* обучающихся.

Культурные нормы делятся на побуждающие и запрещающие, общечеловеческие, национальные, классовые, групповые, обязательные и необязательные (к исполнению).

Знание как результат процесса познания выражается в представлениях, суждениях, понятиях, теориях и законах. Оно может быть научным и донаучным (житейским), эмпирическим и теоретическим, практическим и духовным.

Значения представляют собой культурное средство соединения с миром посредством знаков. Они выражаются в образах, условных знаках, жестах и словах, одежде, ритуалах и т. д.

Ценности как способ регуляции человеческой деятельности, поведения являются наиболее сложным компонентом культуры. П. С. Гуревич отмечал: «Ценности упорядочивают действительность, вносят в нее осмысление, оценочные моменты, отражают иные, по сравнению с наукой, аспекты окружающей действительности. Они соотносятся не с истиной, а с представлением об идеале, желаемом, нормативном. Ценности придают смысл человеческой жизни»¹.

Символы являются объектом рассмотрения с точки зрения различных форм проявления в информационной деятельности (тексты, программы, базы данных и т. д.), их трактовки, придания им личностного смысла и влияния на деятельность человека.

Проведенный анализ позволил выделить следующие составляющие информацион-

ной культуры личности обучающихся, которые являются основой для определения самого понятия, выделения параметров диагностики становления информационной культуры, а также ориентиров, определяющих цели, задачи, содержание и эффективность образовательной деятельности.

1. *Информационная грамотность* является основой информационной культуры, началом освоения с учетом возраста, индивидуальных, национальных и других особенностей².

В решении проблемы стандартизации ожидаемого результата образовательной деятельности и разработки диагностического аппарата в понятии культуры личности данная характеристика занимает особое место.

Информационная грамотность представляет собой овладение знаниями (фактами, представлениями, понятиями, законами и т. д.), умениями, символами, правилами и нормативами в сфере компьютеризации и информатизации. При этом под компьютеризацией следует понимать внесение компьютеров в некоторую область деятельности (например в учебный процесс вуза), сопровождаемое заметной перестройкой этой деятельности под воздействием компьютера, а под информатизацией – построение информационного общества. Информационная (компьютерная) грамотность проявляется в кругозоре, эрудиции, осведомленности по поводу разнообразных явлений компьютеризации и информатизации с точки зрения научного знания и практического опыта, извлекаемого непосредственно из общения, а также из материалов средств массовой информации и т. д.

Информационная (компьютерная) грамотность предполагает овладение системой знаков и их значений, способами деятельности, в частности, информационного познания. При этом речь идет не только о знаниях, но и их применении.

Многие современные ученые практически не разделяют понятия грамотности и компетентности. Однако, по нашему мнению, данные понятия следует разграничить.

По мнению М. А. Холодной, «компетентность – это особый тип организации

¹ Гуревич П. С. Человек: Учеб. пособие. М., 1995.

² См.: Ершов А. П. Избранные труды. Новосибирск, 1994.

предметно-специфических знаний, позволяющий принимать эффективные решения в соответствующей области деятельности»¹.

2. *Информационная компетентность* является составляющей не только профессиональной культуры, но и общей, допрофессиональной. Отличие профессиональной информационной компетентности от общей состоит в круге решаемых задач, проблем, а также уровне их решения.

Составляющими информационной компетентности можно считать:

- мотивацию, потребность и интерес к получению знаний, умений и навыков в области технических, программных средств и информации;
- совокупность общественных, естественных и технических знаний, отражающих систему современного информационного общества;
- знания, составляющие информативную основу поисковой познавательной деятельности;
- способы и действия, определяющие операционную основу поисковой познавательной деятельности;
- опыт поисковой деятельности в сфере программного обеспечения и технических ресурсов;
- опыт отношений «человек – компьютер».

Информационная компетентность характеризуется эффективностью, конструктивностью информационной деятельности (внешней и внутренней) на основе компьютерной грамотности, что означает эффективное применение знаний, умений для решения поставленных перед сотрудником уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) задач. Знания грамотного специалиста абстрактны, а компетентный специалист на основе знания способен конкретно и эффективно решать какую-либо информационную задачу и/или проблему. Вместе с тем компетентность означает отказ от прямого копирования чужого опыта, норм, традиций, образцов, свободу от стереотипов, предписаний и установок.

По мнению М. А. Холодной, знания компетентного специалиста должны отвечать следующим требованиям:

– разнообразие (множество различных знаний о разном);

– артикулированность (элементы знания четко выделены, при этом все они находятся в определенных взаимосвязях между собой);

– гибкость (содержание отдельных элементов и связи между ними могут быстро меняться под влиянием тех или иных объективных факторов, в том числе из знания в незнание);

– быстрота актуализации в данный момент и в нужной ситуации (оперативность и доступность знания);

– возможность применения в широком спектре ситуаций;

– выделение ключевых элементов (в многообразии знаний относительно данной предметной области факты, положения, определения осознаются как самые важные, решающие для понимания);

– категориальный характер (определяющая роль того типа знаний, которые представлены в виде общих принципов, подходов и идей);

– владение не только декларативным, но и процедурным, конструктивным знанием;

– рефлексия, т. е. знание о широте и глубине собственных знаний².

Таким образом, основное отличие информационной грамотности от компетентности заключается в том, что информационно грамотный сотрудник УИС знает (например, что необходимые ему документы можно найти в корпоративной компьютерной сети организации), а информационно компетентный – реально и эффективно может использовать знания в решении тех или иных проблем.

3. *Ценностно-смысловой компонент* информационной культуры курсантов и слушателей представляет собой совокупность, систему личностно значимых и личностно ценностных стремлений, идеалов, убеждений, взглядов, позиций, верований в области информационных процессов и отношений (развернутые исследования ценностно-смысловых образований личности проводились А. Г. Асмоловым³, Д. А. Леонтьевым⁴ и др.).

² См.: Холодная М. А. Указ. соч.

³ См.: Асмолов А. Г. XXI век: психология в век психологии. М., 1998.

⁴ См.: Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие // Вопр. филос. 1996. № 4.

¹ Холодная М. А. Психология интеллекта. Томск; М., 1997. С. 57.

Достижение любой педагогической цели – это всегда процесс перехода от одного качественного состояния личности обучающегося к другому. Важнейшими компонентами такого состояния являются не только параметры фактического уровня компетентности обучающихся в предметной области информатики и информационных технологий, но и их ценностные, личностные, смысловые ориентации в этих сферах.

Аксиологический аспект всегда имел большое значение для обучения. В настоящее время, когда образование стремительно превращается в постоянный элемент жизни современного человека, а педагогические системы становятся принципиально открытыми в пространство перманентного самообразования, значение ценностных отношений возрастает многократно. Вместе с тем система отношений (интеллектуальных, этических, эстетических, нравственных и т. п.) обучающихся к информации и средствам работы с ней является ядром информационной культуры курсантов и слушателей. Это ядро во многом определяет глубину и динамику усвоения новых знаний и приобретения специальных навыков (как необходимых слагаемых информационной культуры обучающегося), а также их характер и направленность использования в практическом взаимодействии с современными информационными средствами при решении реальных задач в любых областях жизнедеятельности. Это необходимая основа решения дидактической задачи формирования у обучающихся способностей видеть (находить, выделять, определять) информационную компоненту проблем, процессов и объектов действительности, находить способы оптимизации деятельности на основе использования информационных технологий, практически реализовывать эти способы в конкретной ситуации.

Система ценностей выступает как некая система координат, необходимая для оценки, выбора и выражения субъективного отношения человека к явлениям действительности. Системы ценностей специфичны у определенных возрастных, профессиональных, этнических, религиозных и других групп, они отличаются у людей с различной направленностью, интересами, мировоззрением, жизненными проблемами

(вплоть до нарушений психики). Иерархия ценностей индивидуальна, вместе с тем она обусловлена национальной, классовой, социальной принадлежностью.

4. *Рефлексия* представляет собой отслеживание обучающимся целей, процесса и результатов своей деятельности по присвоению информационной культуры, а также осознание тех внутренних изменений, которые в нем происходят, себя как изменяющейся личности, субъекта деятельности и отношений. Рефлексия человека как субъекта культуры охватывает все перечисленные ее компоненты: осмысление собственного уровня информационной грамотности и компетентности, особенностей ценностно-смысловой сферы и других вопросов.

Информационная культура, опирающаяся на информационную (компьютерную) грамотность, должна способствовать развитию профессиональной культуры пользователей информации. Информационная среда побуждает пользователя постоянно оценивать свои знания и знания, зафиксированные в инфосфере, уметь соотносить модели знаний и информации. Судьба каждого специалиста УИС все более зависит от того, насколько он способен своевременно получать, адекватно воспринимать и продуктивно использовать новую информацию (а точнее новое знание) в своей профессиональной деятельности, осознать свое место в инфосфере и складывающуюся информационную ситуацию, а также диагностировать себя как создателя и потребителя информации.

Рефлексия позволяет выявить и преодолеть противоречия, возникающие в жизни индивида между знанием и поведением, желаемым и должным, возможным и действительным. Благодаря рефлексивному механизму обучающийся переходит на новые уровни своего развития.

5. *Культуротворчество* означает, что человек является не только творением культуры, но и ее творцом. Творческое начало присуще культууроосвоению уже в дошкольном возрасте¹.

Творчество имеет множество направлений: от создания собственных теорий, открытия информационных закономерностей

¹ См.: *Выготский Л. С.* Избранные психологические сочинения. М., 1984.

до нахождения нестандартных решений, проявлений самостоятельности, способности задуматься над новой для себя проблемой в различных информационных ситуациях.

Понятие «культуротворчество» в образовании в основном применяется не столько в отношении «информационной продукции», сколько в принятии обучающимися ценности творчества во всех его проявлениях и аспектах, стремлении к творчеству, а также развитию творческих способностей и проявлений.

Объектом информационного творчества могут выступать образы и идеи, символы и понятия, поступки и отношения, ценности и убеждения. Творческий компонент может быть интерпретирован как готовность личности к выполнению культуросозидающей, культуротворческой роли как в отношении присвоения, «распредмечивания» культуры, так и создания новых форм культуры. Творчество может проявляться в отношении норм («нормотворчество»), традиций, порождения новых личностных смыслов («переоценка ценностей», смыслотворчество), знаний (открытия, теории и т. д.), новых способов деятельности (технологий), собственной жизни и себя самого (определение перспективы личностного роста, самосовершенствования) и т. д.

Выделенные компоненты не существуют изолированно друг от друга. Как правило, культуротворчество выступает как более высокий уровень в отношении к культуроосвоению. Взаимосвязи могут проявиться практически между всеми компонентами: преобразования в личностно-смысловой сфере могут повлиять на повышение гра-

И. В. Зуева,
*преподаватель кафедры специальной
техники и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России*

ФОРМИРОВАНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Согласно нормативным правовым документам целью работы с кадрами до 2010 г. является формирование и развитие личности работников в соответствии с требованиями создания современной системы ис-

полнения наказаний, обеспечение готовности работников к выполнению служебных задач в интересах обеспечения законности и правопорядка¹.

Таким образом, информационная культура обучающихся является системным образованием, компоненты которого взаимосвязаны, и самостоятельной характеристикой, выполняющей свои функции.

Проведенный анализ позволил дать следующее определение информационной культуры курсантов и слушателей вузов ФСИН России: информационная культура у курсантов и слушателей является составной частью общей культуры личности как системной характеристики человека и представляет собой сформированный уровень знаний, умений, навыков и опыта профессиональной и творческой деятельности, позволяющий: свободно ориентироваться в информационном пространстве; принимать эффективные решения в профессиональной области деятельности; иметь систему личностно значимых и ценных стремлений, идеалов, убеждений, взглядов и позиций в области информационных процессов и отношений; отслеживать цели, процессы и результаты своей деятельности; проявлять творчество в информационном поведении и социально-информационной активности.

Библиографический список

1. Гуревич, П. С. Человек : учеб. пособие / П. С. Гуревич. – М., 1995.
2. Еришов, А. П. Избранные труды / А. П. Еришов. – Новосибирск, 1994.
3. Холодная, М. А. Психология интеллекта / М. А. Холодная. – Томск ; М., 1997.

полнения наказаний, обеспечение готовности работников к выполнению служебных задач в интересах обеспечения законности и правопорядка¹.

Таким образом, основными задачами учебного процесса являются: удовлетворение потребностей обучающихся в интел-

¹ См.: Концепция воспитания работников уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний (на период до 2010 г.). М., 2005; «Об утверждении квалификационных характеристик выпускников образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации»: Приказ ГУИН Минюста России от 28 дек. 2001 г. № 265.

лектуальном, культурном и нравственном развитии посредством получения высшего профессионального образования по соответствующей специальности и квалификации.

Необходимо отметить, что в процессе обучения главной является задача умственного развития обучающихся, культура мышления, так как она занимает особое место среди других характеристик культурного человека.

Описание феномена мышления и анализ основных теоретических подходов к понятию «мыслительная культура» в трудах зарубежных и отечественных философов, историков, культурологов, педагогов и психологов на различных этапах развития общества показывают следующие.

Несмотря на различия в сферах исследования мышления, общепризнано, что оно является специальной формой продуктивной деятельности человека. Однако в настоящее время отсутствует единый подход к понятию мыслительной культуры в системе рассматриваемых наук.

Исследование сущности мыслительной культуры свидетельствует о том, что она трактуется представителями различных сфер науки как центральное основание личностных и профессиональных достижений человека и проявляется как единство внутренних и внешних мыслительно-логических способностей личности. Функциональными элементами этого единства являются интеллектуальные потребности и способности, познавательные интересы, мотивационные ориентации, профессиональная направленность мышления, а также эмоционально-волевое состояние личности.

Мыслительная культура представляет собой органическую характеристику профессионального и социального мышления будущего специалиста, его интеллекта, обеспечивающего гармонию индивидуально-личностного и профессионально необходимого в различных сферах деятельности.

Таким образом, мыслительная культура рассматривается как готовность личности к адекватной ориентации в окружающем природном и социальном мире, решению профессиональных задач в области избран-

ной специальности и возникающих проблем в целях достижения конкретных результатов. С одной стороны, она в значительной мере зависит от того, насколько мыслительная деятельность человека соответствует законам и требованиям логики и включает в себя знание и умение оперировать понятиями, правильно формулировать вопросы и ответы, делать утверждения и умозаключения, доказывать истинные суждения и опровергать ложные. С другой – характеризуется совокупностью применения форм, типов, приемов и способов мышления при решении теоретических и практических задач и при этом продуктивностью обеспечения мыслительного действия.

Мыслительная культура будущего специалиста в условиях высшей школы определяется целями, задачами, характером деятельности и проявляется как целостная система знаний, умений, навыков и ценностных ориентаций, выступающих в качестве средства осмысления процессов и принятия решений (мыслительных действий), обеспечивающих ему активную познавательную деятельность для достижения конкретных целей и получения продуктивных результатов в профессиональной деятельности.

Мыслительная культура курсантов и слушателей проявляется как системное единство внутренних мыслительно-логических и внешних познавательных и практических способностей при адекватном отображении существенных связей, предметов и явлений окружающей действительности. Это позволяет им оценивать прошлое, предвидеть будущее, фокусировать свое внимание на выборе необходимых средств, действий в различных ситуациях, продуктивно решать поставленные учебные и профессиональные задачи в соответствии с заданной целью.

В юношеском возрасте (17–21 год для юношей, 16–20 лет для девушек)¹ имеются наибольшие возможности развития мыслительной культуры, так как именно этот период жизни человека обеспечивает наиболее благоприятные условия для развития

¹ Немов Р. С. Психология: учеб. для студентов высш. учеб. заведений: В 3 кн. 4-е изд. М., 2001. Кн. 1. Общие основы психологии. С. 359.

его психологических свойств и видов поведения. Следовательно, в условиях профессионального образования процесс формирования мыслительной культуры является важной составляющей профессиональной подготовки будущего специалиста, обеспечивающей развитие интеллекта, необходимого для продуктивного осуществления функций профессиональной деятельности.

М. Г. Назарова,
*старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук*

РОЛЬ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В процессе подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы (УИС) большое значение имеют гуманитарные предметы, такие как профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов, история Отечества, философия, социология, политология и др.

В этом ряду культурология занимает особое место в силу целого ряда причин. Во-первых, являясь межпредметным научным знанием, синтезируя знания философии, истории, социологии и других научных областей, культурология дает целостное представление о культуре, закономерностях ее развития и функционирования.

Во-вторых, изучение данного курса позволяет сформировать личностное мировоззрение, высокие ценностные ориентиры и идеалы, обогатить духовный мир, расширить научный кругозор, а также раскрыть творческий потенциал человека.

В рамках данной дисциплины изучаются индо-буддийский, конфуциано-даосский, христианский и мусульманский типы культур, что позволяет курсантам и слушателям получать знания о мировых и национальных религиях, а также особенностях данных культурных типов.

В настоящее время при гуманитаризации и эстетизации учебного процесса необходимо обогатить его духовно-нравственными и эстетическими идеалами.

Библиографический список

1. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учеб. пособие / И. А. Зимняя. – Ростов н/Д, 1997.
2. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М., 2003.
3. Самойлов, В. О. О концепции высшего образования / В. О. Самойлов // Высшее образование в России. – 2002. – № 6.

Следует отметить, что дальнейшее развитие российского общества может осуществляться только при повышении уровня морально-правового и эстетического сознания людей. Поэтому кроме глубоких профессиональных знаний у курсантов и слушателей необходимо сформировать высокую внутреннюю культуру, приобщить их к мировому социокультурному наследию.

Ю. М. Лотман отмечал: «Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру человечества»¹.

Культурология – научная дисциплина, предметом которой является генезис, развитие и функционирование культуры как специфически человеческого способа жизнедеятельности.

Культурология выступает как наука, связанная не только с изучением истории мировой культуры или методов сохранения культурного наследия, она раскрывает его роль в условиях постоянных изменений и смены идей и ценностей духовной жизни.

Следует отметить, что культурология – молодая наука, возникшая в середине XX в. В настоящее время она находится еще в стадии своего становления и не имеет достаточной теоретической разработанности.

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 8.

Вместе с тем в последнее время возрастает актуальность культурологии, формируются различные методологические подходы к пониманию ее предмета: аксиологический, праксеологический, регулятивный, семиотический и др. При этом культура всегда рассматривается как специфический способ жизнедеятельности человека (с точки зрения деятельностного подхода) или как совокупность всех духовных и материальных ценностей человечества (аксиологический подход). Универсальное определение культуры, которое раскрывает морфологию, или структуру, культуры, дал еще в 1871 г. английский историк, этнограф Э. Б. Тэйлор: «Культура – это комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества»¹.

Культурология опирается на понятие культуры, которое дал Н. А. Бердяев: «Всякая культура (даже материальная) есть культура духа, она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»².

Необходимо отметить, что современный человек не может считать себя культурным без знания мировой художественной культуры и духовных основ национальной культуры. Культурология выполняет функцию исследования культурно-исторического развития общества.

В соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта для вузов курс «Культурология» включает 3 основных раздела: теория культуры, история культуры и прикладная культурология. Одна из главных задач курса заключается в передаче курсантам (слушателям) целостного представления о культуре, ее сущности и особенностях, структуре и функциях, типологии, месте и роли культуры в жизни человека и общества, тенденциях и проблемах ее исторической эволюции. Этому посвящен первый раздел курса – теоретические аспекты культуры.

Вторая задача состоит в ознакомлении с многовековой историей мировой и отечественной культуры, поэтому в следующем разделе курса рассматриваются основные черты и особенности ее развития в различ-

ные эпохи, у разных народов. Большое внимание уделяется важным историческим событиям, знаменитым именам и великим культурным памятникам прошлого и современности. Значительное место в курсе отводится изучению культуры Древнего Востока, западноевропейской и русской культуры. При этом курсантам и слушателям важно увидеть многообразие, «полифонизм» мировых культур; постараться избежать европоцентризма, линейного понимания культурно-исторического развития (например, при сравнении западноевропейского и восточного типов культур или российского и западноевропейского).

Знакомство с историей развития культуры в мировом и национальном масштабах позволит курсантам и слушателям выявить причины расцвета и упадка культур, осознать роль культуры в жизни человека и общества. В данном разделе курса также дается анализ состояния современной культуры, рассматриваются основные тенденции ее развития.

В последнем разделе курса изучаются следующие темы: «Охрана культурного наследия», «Культура сотрудников правоохранительных органов», «Субкультура преступного мира». Каждая из данных тем включает в себя проблематику современного российского общества.

Если природа обеспечивает существование человека как физического существа, то культура, являясь «второй природой», делает это существование собственно человеческим. Она позволяет человеку становиться интеллектуально-духовной, нравственно-эстетической, активной творческой личностью. Поэтому ее сохранение столь же естественно и необходимо, как и сохранение природы.

Проблема охраны культурного наследия требует повышенного внимания, так как об уровне развития культуры того или иного народа следует судить по тому, как он относится к своему культурному наследию. Оберегая культуру прошлого, мы создаем достойную культуру в настоящем и будущем.

Культура прошлых веков и тысячелетий является богатым социально-нравственным, религиозным и эстетическим опытом человечества, которому также нужны новые открытия и явления. В связи с этим необходим ее глубокий теоретический анализ. По мнению Э. Ю. Соловьева, люди минувших эпох живут для нас, благодаря

¹ Тэйлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. М., 1989. С. 18.

² Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 166.

особого рода общественной практике – мемориальной. Она обеспечивает постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании и препятствует тому, чтобы ее подменяли или сочиняли; те, кого уже нет, продолжают общаться с нами через оставленное ими наследие¹.

При изучении темы «Культура сотрудников правоохранительных органов» акцент делается на эстетическую сторону культуры сотрудников, взаимосвязь морали и искусства, эстетического и нравственного начал в искусстве.

Последняя тема курса посвящена изучению криминальной субкультуры, ее структуры и законов. Сотрудник УИС должен знать о делении преступного общества на «масти», или ранги, особенности аргы, атрибуты криминального мира.

Таким образом, необходимость изучения культурологии сотрудниками УИС связана с формированием творческой активной личности, ее высоких духовных качеств, что приобретает в последнее время особую значимость в условиях обострения проблемы профессионально-нравственной деформации в правоохранительных органах. Современному человеку нельзя считать себя культурным без знания мировой художественной культуры и духовных основ национальной культуры.

Огромное значение имеет обращение на лекциях и семинарах по культурологии к художественной культуре, особенностям ее развития в разное историческое время в различных странах. Воспитывающее, нравст-

венное значение искусства подчеркивали ученые во все времена. Так, например, Ф. Шиллер (немецкий философ, поэт XVIII в.) считал, что пробудить «лучшее существо человека» может только искусство². Искусство оказывает нравственное действие не только потому, что доставляет наслаждение путем нравственных средств, но и потому, что наслаждение, доставляемое искусством, служит само путем к нравственности.

Кроме глубоких профессиональных знаний и умений, у курсантов и слушателей необходимо сформировать высокие нравственно-эстетические ориентиры, приобщиться их к достижениям мировой и отечественной культуры и помочь ощутить свою сопричастность современным социокультурным явлениям.

Таким образом, изучение культурологии является необходимым условием формирования духовного мира современного человека, осознающего свое достоинство и место в обществе, цели и смысл своей жизни, способного нести ответственность за свои поступки и принимать важные решения.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М., 1989.
3. Тэйлор, Э. Б. Первобытная культура : пер. с англ. / Э. Б. Тэйлор. – М., 1989.
4. Шпенглер, О. Закат Европы. В 2. Т. 1. / О. Шпенглер. – М., 1993.

С. А. Худоконенко,

*преподаватель кафедры пенитенциарной педагогики, психологии и социальной работы
ВЮИ ФСИН России*

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КУРСАНТОВ ВЮИ ФСИН РОССИИ

Ценности являются центральным личностным образованием, выражающим содержательное отношение человека к социальной действительности и определяющим мо-

тивацию его поведения. Они оказывают существенное влияние на все сферы его жизни, в том числе профессиональную.

Каждое профессиональное сообщество имеет собственную ценностно-ориентационную структуру, в которой отражается специфика профессии. Поскольку набор ценностей, которые усваивает человек в процессе профессиональной социализации, ему передает профессиональное сообщество, в ситуации реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) актуальной является проблема исследования системы ценностных ориентаций личности ее сотрудников.

¹ См.: Соловьев Э. Ю. Прошлое творит нас. Очерки по истории философии и культуры. М., 1991. С. 3–4.

² См.: Шиллер Ф. Избранные произведения. М., 1954. С. 12–13.

В гуманитарной науке существуют различные определения понятия «ценность». Большинство авторов выделяют две важнейшие характеристики ценности: значимость (Л. М. Архангельский, Н. Ф. Наумова, В. П. Тугаринов, И. Т. Фролов) и вторичный, производный от человеческого бытия, характер (Л. М. Архангельский, А. Г. Здравомыслов, С. Л. Рубинштейн, Л. Н. Фролович, В. А. Ядов).

Кроме того, существуют определенные особенности исследования ценностей в рамках различных наук. Так, для философского исследования характерны глобальность и рассмотрение ценностей в разных контекстах; социально-психологического, и особенно психологического, исследования – стремление строго развести понятия «ценность», «потребность», «цель», «норма», «ценностные ориентации» и т. д., попытки классификации ценностей по различным основаниям, а также выделение структуры ценностей личности.

Таким образом, формирование системы ценностных ориентаций личности является для исследователей предметом пристального внимания и разнопланового изучения. Изучение подобных вопросов приобретает особое значение на этапе профессионального обучения, поскольку именно в этот период профессионализации формируется тот уровень развития профессиональных ценностей, который обеспечивает их функционирование как особой системы, оказывающей определяющее воздействие на профессиональную деятельность личности.

В соответствии с критерием отношения ценности к сфере профессиональной деятельности Е. И. Головаха выделяет: 1) ценности, которые могут быть реализованы только вне профессиональной деятельности, связанные с непрофессиональными ориентациями личности, когда профессиональные обязанности могут рассматриваться человеком как препятствие на пути реализации ценностей вне профессиональной деятельности; 2) ценности, которые реализуются за счет профессиональной деятельности (в результате определенного вознаграждения за труд – материального или морального); 3) ценности, заключающиеся

в самом процессе и содержании труда, которые могут быть реализованы непосредственно в профессиональной деятельности¹.

Было проведено исследование по изучению гуманистической направленности в структуре профессиональных ценностей курсантов ВЮИ ФСИН России.

Для его проведения были подготовлены три списка, каждый из которых включал 18 ценностей. Первую группу ценностей образовал список терминальных ценностей М. Рокича. Во вторую группу вошли в основном ценности из списка М. Рокича, ведущая ценность правовой деятельности – законность, а также сформулированные на основе анализа научной литературы гуманистические ценности: самоуважение, уважение личности другого человека, уважение со стороны коллег, помощь людям. Третью группу составили нормы и цели профессиональной деятельности, образующие, на наш взгляд, профессиональные ценности сотрудников УИС. В данную группу с учетом направленности реформирования системы исполнения наказаний были включены также гуманистические ценности.

В соответствии с предлагаемой инструкцией первую группу ценностей курсанты ранжировали по значимости в своей жизни; вторую – для себя как сотрудников исправительных учреждений, отличая при этом себя, с одной стороны, от осужденного, а с другой – человека «не сотрудника»; третью – целей и норм своей будущей профессиональной деятельности. Перед курсантами был поставлен вопрос о степени вероятности работы в будущем в исправительном учреждении (вероятность работы составила 60 %).

В ходе исследования было опрошено 80 курсантов. Для каждой ценности выявлялся среднеарифметический ранг, по которому ценности каждого списка были вторично проранжированы с целью назначения индивидуального группового ранга.

Для анализа результатов исследования была использована схема интерпретации

¹ См.: Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988. С. 54.

результатов ранжирования ценностей, предложенная С. В. Ковалевым¹.

Таким образом, был выявлен ценностно-ориентационный портрет курсантов уголовно-исполнительной специализации. Так, главным в жизни курсантов являются здоровье и наличие хороших и верных друзей, а в будущей профессиональной деятельности – законность, наличие друзей среди коллег. По мнению курсантов, в жизни важное значение имеют любовь, уверенность в себе, материальная обеспеченность, интересная работа, счастливая семейная жизнь, а в будущей профессиональной деятельности – самоуважение, исправление осужденного, продвижение по службе, ответственность за слова и поступки, получение профессионального образования. Было отмечено также стремление к законности, независимости (свободе), познанию, а в будущей профессиональной деятельности – развитию профессиональных качеств, помощи коллеге, служебной дисциплине, однако это стремление не всегда удачно. Вместе с тем курсанты указывали на возможность отсутствия активной деятельной жизни (насыщенной событиями разнообразной жизни), самоуважения, общественного признания, жизненной мудрости, помощи людям, уважения личности другого человека, развлечений, а в будущей профессиональной деятельности – материального интереса, уважения личности коллег, уважения с их стороны, профессиональной инициативности, традиций сотрудников, помощи осужденному.

Курсанты считали недостойным делать целью своего существования творчество, красоту природы и искусства, а в будущей профессиональной деятельности – уваже-

ние личности осужденного, традиции осужденных.

Таким образом, некоторые особенности структуры ценностно-ориентационной сферы личности курсантов позволили сделать следующие выводы. Во-первых, ведущая ценность правоохранительной деятельности – законность – не находится в числе значимых общежизненных ценностей. Во-вторых, ценности гуманистического плана (самоуважение, помощь осужденному, уважение личности другого человека, коллеги, осужденного, уважение со стороны коллег) находятся в нижней части иерархии ценностей, как общих, так и профессиональных.

Выявленные особенности структуры ценностей личности будущих сотрудников УИС могут оказать негативное влияние на развитие системы исполнения наказаний в современных условиях, главным содержанием которого является гуманизация исправительной системы и создание в исправительных учреждениях эффективной воспитательной «гуманной среды»².

Библиографический список

1. Головаха, Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи / Е. И. Головаха. – Киев, 1988.
2. Ковалев, С. В. Подготовка старшеклассников к семейной жизни: тесты, опросники, ролевые игры / С. В. Ковалев. – М., 1991.
3. Стурова, М. П. Формирование гуманной педагогической среды в местах лишения свободы / М. П. Стурова // Пени-тенциарная система: настоящее и будущее : сб. материалов науч.-практ. конф. – М., 2001.

¹ См.: Ковалев С. В. Подготовка старшеклассников к семейной жизни: тесты, опросники, ролевые игры. М., 1991. С. 43.

² См.: Стурова М. П. Формирование гуманной педагогической среды в местах лишения свободы // Пени-тенциарная система: настоящее и будущее: Сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2001. С. 140–143.

ПРЕСТУПНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, КРИМИНОЛОГИЯ: ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ

В. М. Анисимков,
*декан юридического факультета
Краснодарского государственного
университета культуры и искусств
доктор юридических наук, профессор*

Е. В. Королева,
*доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Астраханского филиала
Саратовской государственной
академии права
кандидат юридических наук*

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА, ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Субкультура – явление сложное и многогранное, она присутствует во всех социальных системах и служит необходимым условием их жизнедеятельности. Каждый класс, социальная группа, иная общность людей обладают своей собственной системой ценностных ориентаций. Существуют они и в криминальном мире. Очевидно, что уголовная субкультура является продуктом преступной антиобщественной деятельности, вырабатывается ее опытом, сохраняется из поколения в поколение в среде правонарушителей. В связи с этим мы полагаем, что она предстает в виде явления, проходящего через все теоретические разработки по криминологии: о преступности, личности преступника, причинах противоправного поведения.

Анализ криминальной субкультуры как явления содержится в работах по социологии, культурологии, криминологии, уголовно-исполнительному праву и юридической психологии практически на всем протяжении их существования как науки¹. Среди отечественных ученых, кто серьезно

занимался изучением среды обитателей тюрем, их обычаев, традиций, развлечений (тюремные игры), а также их антиобщественной сущности, особо следует выделить М. Н. Гернета. Этой проблеме посвящены его труды: «Право на жизнь» (М., 1923), «В тюрьме» (М., 1925), «История царской тюрьмы» (М.; Л., 1951).

Анализ отдельных сторон преступного мира содержится также в книге Г. Н. Брейтмана «Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников» (Киев, 1901). Кроме того, многоплановое исследование субкультуры осуществляли известный дореволюционный ученый-этнограф С. В. Максимов и историк, писатель В. М. Дорошевич². Они выявили особую структуру статусных межличностных отношений индивидов в относительно обособленной криминальной среде, проиллюстрировали ее иерархичность, раскрыли содержание и значение неформальных правил поведения осужденных (заповедей арестантов), изучали тюремный фольклор и прочие атрибуты образа жизни преступников.

Особое место в литературе XIX в. о преступном мире занимает произведение В. Крестовского «Петербургские трущобы»³. Книга посвящена описанию жизни «отверженных» обществом и отличается широким познанием автора в области уголовного жаргона. Она до сих пор остается интересной и познавательной с точки зрения современной криминологии.

В послереволюционный период феномену криминальной субкультуры посвящают свои труды Е. Г. Ширвиндт, Ю. Ю. Бехтерев, А. И. Швей, Л. Мельшин⁴. Они рассматривали преступный мир с его своеобразными отношениями, унаследованными

¹ См.: Говард Дж. Худые обычаи в английских темницах // Театр судоведения, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции. М., 1791. Ч. 4. С. 94–103.

² См.: Дорошевич В. М. Сахалин. Каторга. М., 1907. С. 263, 267.

³ См.: Крестовский В. Собр. соч. М., 1989.

⁴ См., напр.: Мельшин Л. В мире отверженных. М., 1933.

от царской России. Кроме того, ими были внесены предложения по изоляции хранителей уголовных традиций от иных правонарушителей в процессе исполнения наказаний.

В период с середины 30-х до конца 50-х гг. XX в. научных изысканий, за исключением исследования Д. С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (М.; Л., 1935), по данной теме не проводилось. Ученые были практически отстранены от изучения проблемы, что в конечном итоге серьезно отразилось на формировании отечественной криминологической школы.

В 1957 г. вышла в свет книга В. И. Монахова «Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними». В ней автор подробно описывает особенности противоправной деятельности авторитетов уголовной среды («воров в законе»), исследует их внутренние межличностные отношения, показывает значение уголовных традиций и обычаев («воровского закона») в преступности. Попытка В. И. Монахова привлечь внимание ученых к этому комплексу вопросов оказалась неудачной. Работа была засекречена и стала доступной только для узкого круга криминологов.

В дальнейшем изучению рассматриваемого явления не уделялось достаточного внимания. Постулаты «победившего социализма», гласившие, что новому обществу преступность не присуща, что она является лишь переходящей категорией, «остаточной заразой» капиталистического строя, не позволяли проводить серьезных исследований отдельных сторон преступности¹.

Образовавшийся вакуум заполнили произведения писателей и публицистов, которые лично столкнулись с уголовным элементом в «сталинских исправительно-трудовых лагерях»². В мемуарах политза-

ключенных имеются не обесцененные ненавистью данные о неформальных отношениях в среде заключенных. Особенно важны для их изучения произведения В. Шаламова. Он, на наш взгляд, наиболее беспристрастно проанализировал увиденное, показал жестокость представителей уголовной среды, объективно осветил роль «воровского закона» в их жизни.

Другие писатели и публицисты, увлеченные уголовной романтикой, в основном использовали лишь сюжеты из жизни привычных правонарушителей, на этом их познания об исследуемом феномене, как правило, исчерпывались.

Термин «криминальная субкультура» в официальных и научных источниках снова появился лишь в начале 1980-х гг., когда преступность приобрела угрожающий характер для государства. При этом единого толкования проблемы учеными не существовало. Причина этого крылась в изучении только тех сторон указанного явления, которые больше всего интересовали исследователей.

Одни ученые связывали субкультуру с организованной преступностью, другие — со средой лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, этим во многом объясняя неэффективность деятельности пенитенциарных учреждений по исправлению правонарушителей, третьи исследовали явление с позиций закономерностей психологии³.

В этот период появился ряд диссертационных изысканий по рассматриваемой теме⁴. Данное обстоятельство, а также усиление борьбы с преступностью обусловили проведение всевозможных научно-практических конференций, в которых приняли участие ведущие криминологи России⁵.

Исследуемой проблеме посвящены также многочисленные труды криминологов

¹ В программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, безапелляционно констатировалось: «В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушителям и преступности... Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность». (См.: Программа КПСС. М., 1961. С. 400.)

² См.: Шаламов В. Левый берег. М., 1989.

³ См.: Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990.

⁴ См., напр.: Лебедев С. Я. Криминологическое изучение антиобщественных традиций и обычаев и их влияние на преступность: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.

⁵ См., напр.: Преступность и культура / Под ред. А. И. Долговой. М., 1999.

зарубежных стран. Д. Клемер, В. Миллер, К. Шрег, В. Фокс в своих работах обосновали изучение различных видов преступности с позиций соответствующих им своеобразных подкультур¹.

Различные аспекты субкультуры, отраженные в существующих исследованиях, на наш взгляд, не позволяют провести глубокий сравнительный анализ существенных определений феномена. Вместе с тем современные исследования и источники прошлых лет дают возможность вычленить его составные части. Во-первых, субкультура представляет собой систему искаженных ценностных ориентаций правонарушителей, объединенных в относительно обособленную среду; во-вторых, она включает в себя группу неформальных норм, установлений, представлений (традиций, обычаев, ритуалов, правил), регулирующих поведение ее представителей; и, наконец, в-третьих, явление находит свое отражение во внешних атрибутах преступного мира (в уголовном жаргоне, песнях, стихах, табуировках, кличках и т. п.).

Отдельные авторы в качестве самостоятельного признака субкультуры также выделяют ее традиционные способы противоправного поведения². Данную точку зрения мы не будем отрицать, хотя следует заметить, что способы поведения индивидов в конкретных ситуациях представляют собой обычаи.

Теперь более подробно остановимся на том, как субкультура влияет на формирование личности правонарушителя. Согласно теории субкультур человек развивается в группах, равных себе, у членов которой есть устойчивая система ценностей, отличающаяся от системы ценностей, существующей в обществе. В таких условиях личность во многом развивается в соответствии с установлениями и нормами своего окружения, не воспринимая отдельных ценностей культуры в целом. То есть теория исходит из ориентированного на социальную психоло-

гию подхода к формированию личности с позиций ближайшего взаимодействия и представления о коллективном поведении как социальном процессе.

На наш взгляд, данная позиция вполне согласуется с существующим положением вещей. Кроме того, она в достаточной мере находит свое подтверждение в работах о влиянии асоциальной среды на противоправное поведение индивида таких отечественных ученых, как: А. Н. Мокрецов, Г. Ф. Хохряков, И. В. Шмаров³.

При совершении деяний, нарушающих закон, индивид с неизбежностью ищет отношений, моральные стимулы своей деятельности и защиту в группах себе подобных людей. Несовершеннолетние правонарушители, бродяги, наркоманы, лица, отбывающие наказания, объединяются между собой. Указанная закономерность подтверждается и результатами опроса различных категорий осужденных в местах лишения свободы. Так, более 90 % респондентов, осужденных по ст. 228–233 УК РФ, имели постоянные связи с наркоманами, 81 % несовершеннолетних до осуждения входили в различные асоциальные образования, около 50 % из них поддерживали отношения с ранее осужденными.

Условиями, способствующими образованию криминальных групп, являются: одинаковый возраст, национальность, место отбывания наказания или проживания и др.

В своем развитии рассматриваемые объединения лиц проходят определенные стадии. В начале возникают предварительные эпизодические контакты, в процессе которых происходит изучение друг друга, затем устанавливаются более тесные знакомства, перерастающие в конечном итоге в постоянные связи. Сформировавшиеся наиболее устойчивые отношения образуют систему групповых искаженных взглядов, представлений и оценок действительности.

У лиц, утративших надежду на то, чтобы занять свое место в формальных отношениях, возникает потребность найти себя и

¹ См., напр.: Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 143.

² См.: Якушин Н. М., Зайцев В. В. Организация и тактика борьбы с преступными группировками в местах лишения свободы. М., 1995. С. 3.

³ См.: Мокрецов А. Н., Шмаров И. В. Микросреда осужденных в ИТУ. М., 1979.

утвердиться в «другой жизни»¹. Образно выражаясь, отвергнутые обществом создают свой замкнутый мир, тем самым они, в свою очередь, отвергают тех, кто их отверг, их условия, правила жизни и ценности. В рамках групповой деятельности у таких лиц происходит формирование и развитие чувства солидарной оппозиции к государственным, общественным институтам и общепринятой культуре. Внешнюю среду они начинают воспринимать как враждебную или, по крайней мере, как чуждую. Такое устойчивое представление об окружающем мире в дальнейшем очень тяжело корректируется в связи с тем, что над ними постоянно довлеет аффективное чувство: менее достойные пользуются большими благами, а все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в своей жизни, обусловлены, с их точки зрения, действиями иных лиц или неблагоприятных условий.

По отношению к представителям своей среды у таких лиц наблюдаются противоположные чувства. Справедливо утверждает Г. Ф. Хохряков, что подобным личностям свойственно четко выраженная ориентация на такую ценность, как «мы»². При чем ценность собственного «я» поддерживается за счет слитности его в «мы».

Нередко они именуют себя, соотносясь с определенной общностью, например, «мы» – братва, «мы» – пацаны и т. п. В своем «я» они склонны усматривать персонализацию «мы», а «мы» (группу), очевидно, невозможно сохранить без активной деятельности. Указанное слияние собственных интересов с интересами ближайшего окружения требует интенсивного наделения этого неформального образования ценностными ориентациями. На наш взгляд, всякую субкультуру, в том числе и любую ее разновидность, следует рассматривать через призму деятельности, так как изначально культура – деятельность человека во всех сферах бытия и сознания.

¹ Выражение «другая жизнь» нередко исследователями применяется как синоним неформальным отношениям.

² См.: Хохряков Г. Ф. Социальная среда и личность. М., 1982.

Именно деятельность индивида, в том числе антиобщественная или преступная, является материальной предпосылкой для сотрудничества с другими, вызывает у него психологическую потребность общения с теми, кто близок к его ремеслу, взглядам, идеям, ориентациям, ибо человек – существо социальное и всегда стремится принадлежать к какой-либо престижной для него группе. Если же он в силу различных причин выбрал преступное поведение, то со временем оказывается все более отчужденным от общественных, формальных связей (семейных, служебных, профессиональных) и главных позитивных ценностей общества. Объективно наивысшая де социализация личности правонарушителя предопределяется сроком ее пребывания в своеобразном, отверженном состоянии и степенью самоизоляции (изоляции, например, при отбывании наказания в виде лишения свободы). То есть деликвентная подкультура интенсивно развивается и поддерживается, как правило, в низших слоях общества и в среде осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях.

Человек, включенный в орбиту субкультурных отношений, усваивает традиции, обычаи, неформальные нормы и иные искаженные ценности, существующие в асоциальной группе. В связи с этим важнейшей чертой такой личности является наличие у нее антиобщественных убеждений, интересов, потребностей, отрицательного отношения к существующим нормам морали и права. Подобные черты могут быть и у иных лиц, но указанные качества у разных людей неодинаковы по своему набору, направленности и устойчивости. Для субкультурной личности характерно то, что эти качества составляют ее социальную сущность, предопределяют ее статус, функции, нравственные характеристики. Поведение таких людей в значительной степени определяется криминально заряженными идеями и системой искаженных ценностных ориентаций своего окружения.

Таким образом, на основе проведенного анализа явления и имеющейся литературы

по этому вопросу можно сделать следующий вывод: криминальная субкультура представляет собой своеобразную межличностную связь привычных правонарушителей в относительно замкнутой среде, основанную на их системе искаженных ценностных ориентаций, которые выступают регулятивными установлениями, принципами, представлениями, правилами и внешними атрибутами совместной асоциальной деятельности.

Искаженные ценностные ориентации стабилизируют в группе своеобразный образ жизни и соответствующую линию поведения, вызывают у ее членов чувства непри-

ятия истинно гуманных ценностей общества. Названные факторы не могут не влиять на формирование специфичных свойств личности привычного правонарушителя.

Библиографический список

1. Мокрецов, А. Н. Микросреда осужденных в ИТУ / А. Н. Мокрецов, И. В. Шмаров. – М., 1979.
2. Преступность и культура / под ред. А. И. Долговой. – М., 1999.
3. Якушин, Н. М. Организация и тактика борьбы с преступными группировками в местах лишения свободы / Н. М. Якушин, В. В. Зайцев. – М., 1995.

М. А. Желудков,

*начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Тамбовского филиала Московского университета МВД РФ
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В последнее десятилетие большинство криминологических исследований свидетельствуют о серьезном удельном весе преступлений в сфере экономики. Следует отметить высокую латентность этой преступности. В обществе создается атмосфера страха, неуверенности, социальной напряженности, происходит глобальная криминализация экономических отношений, снижается доверие к экономической и кредитно-финансовой деятельности государства.

Правоохранительные органы обязаны использовать все возможности по противодействию экономической преступности, применяя в конкретной практической ситуации необходимые целесообразные и эффективные средства и способы. Выбор данных методов зависит от информационного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, которое представляет собой информацию, приобретенную в ходе работ по удовлетворению информационных потребностей служб

и подразделений милиции и представленную в доступной форме для последующего использования. Под информацией понимаются сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления¹. В научной литературе отмечалось, что «операции с информацией составляют основу деятельности как отдельных граждан, так и различных социальных групп и объединений, политических партий и движений, государственных и межгосударственных институтов. Информация, как количественная, так и качественная, нужна для принятия решений любому гражданину, физическому или юридическому лицу. Чем полнее и достовернее информация, тем точнее принимаемые решения в соответствующей ситуации»².

Таким образом, информационное обеспечение является особой формой контроля тех угроз, которые могут исходить от преступности. Объект контроля всегда конкретизируется и индивидуализируется. Например, можно получать информацию о квартирных кражах, уклонениях от уплаты

¹ См.: Об информации, информатизации и защите информации: Федер. закон от 20 февр. 1995 г. № 24-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

² Жилиев А. И., Данилин С. Н. Нетрадиционные методы совершения преступлений и их учет в борьбе с преступностью // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М., 2003. С. 46.

налогов, получении взятки и т. д. Принятие какого-либо оперативно-разыскного или процессуального решения всегда предполагает мыслительный процесс, основу которого составляют знания об индивидуальном объекте.

Задачи по раскрытию и расследованию экономических преступлений невозможно решить без конкретного выбора форм сбора, обработки и использования поступающей информации. Информационные сведения о преступлениях, лицах, их совершивших, а также различных правонарушениях поступают постоянно в правоохранительные органы и накапливаются в соответствующих информационных центрах, где собираются все сведения о ранее судимых или разыскиваемых гражданах. В них имеется оперативно-справочная картотека, архив и различные виды криминально-разыскной информации.

При расследовании уголовных дел важную помощь оказывают также вычислительные центры, объединяющие в себе компьютерные сети подразделений милиции на местах. Реализуя задачи предварительного расследования, сотрудники правоохранительных органов всегда находятся в психологическом напряжении выбора необходимых действий и принятия решений. Информационные центры позволяют им осуществлять целенаправленные действия по существу исследуемого вопроса. Проблемной стороной их деятельности является ограниченность использования информационного обеспечения. Необходимая информация бывает доступна только в пределах одного региона. Однако для решения данного вопроса в 2006 г. Министерство экономического развития и торговли выделило 6 млрд рублей на развитие единой информационно-телекоммуникационной системы в органах внутренних дел. Ее внедрение позволит повысить информационное обеспечение каждого отдела милиции и будет способствовать созданию инфраструктуры единого информационного пространства и информационной безопасности.

Вместе с тем у сотрудников органов внутренних дел существуют другие источники информации. Применительно к эко-

номическим преступлениям подразумевается, что всегда есть конкретный объект, который нельзя оставлять без информационного внимания. В связи с этим подразделения органов внутренних дел, имея различные задачи, свою специфику выполняемых мероприятий, по-разному подходят к информационному обеспечению. Например, для определения информации, необходимой в аспекте противодействия преступности в сфере экономики, сотруднику криминальной милиции – оперуполномоченному отдела по борьбе с экономическими преступлениями – на первоначальном этапе следует установить сам факт совершения преступления, получить первичные сведения о признаках общественно опасного деяния. Они могут быть получены двумя различными способами. Во-первых, из легальных источников, т. е. открытых, общедоступных: телевидение, радио, печатные средства массовой информации, Интернет, рекламные блоки и др. Во-вторых, из конфиденциальных источников – закрытых данных для общего пользования, доступных определенным лицам и аппаратам, и которые не могут быть разглашены без соответствующего законного решения: сведения информационных центров управлений внутренних дел и агентурные сообщения об интересующем объекте. Поэтому в органах внутренних дел информация группируется по различным категориям в зависимости от задач всех служб милиции.

Систематизация информации по различным категориям позволяет выделить следующие виды информационного обеспечения органов внутренних дел в их задаче по противодействию экономическим преступлениям.

1. Информационно-техническое обеспечение, под которым понимается не только наличие в милиции современных технических средств, но и возможности по контролю охранных систем собственников имущества. Многие преступления против собственности можно зафиксировать и предотвратить только с помощью специальной техники. Технические мероприятия следует определять в зависимости от характера и специфики защищаемого объекта.

2. Информационно-оперативное обеспечение, состоящее в накоплении и использовании данных о предполагаемых и латентных преступлениях.

3. Информационно-аналитическое обеспечение, содержащееся в получении и анализе сведений по проблемам преступности и разработке методических рекомендаций по их разрешению. Анализу подвергаются сведения из различных источников: оперативные и другие данные правоохранительных органов, аналитические записки различных подразделений и служб, сведения и отчеты государственных органов, документы хозяйственной деятельности предприятий, исследования научных учреждений.

По нашему мнению, данные виды информационного обеспечения следует рассмотреть на примере индивидуального объекта – торгово-развлекательного комплекса, возводимого в современном городе и представляющего собой здание в несколько этажей с большим количеством помещений. В нем могут находиться магазины, отделения банков, рестораны, кафе, кинотеатры, залы игровых автоматов и другие развлекательные заведения. Ежедневно его могут посещать несколько десятков тысяч человек, что требует серьезного внимания к вопросам обеспечения как их личной защиты, так и собственности самого комплекса. Особое значение в информационно-техническом обеспечении имеют системы видеонаблюдения, которые повышают общий уровень защищенности объекта, собственности и работающего персонала. Телекамеры обеспечивают изображение периметра здания, входов и выходов, автопаркинга, коридоров внутри комплекса, переходов между магазинами, мест оказания услуг, площади погрузки и разгрузки товара, гаражных стоянок и касс. По желанию магазины отдельных предпринимателей могут быть включены в общую систему мониторинга с возможностью последующего просмотра архива видеозаписей событий. Все происходящее в зоне наблюдения фиксируется и сохраняется в архиве компьютера.

В целях повышения эффективности указанная информация может сразу подаваться в дежурную часть органа внутренних дел и иметь связь с тревожными кнопками и охранной сигнализацией, что в совокупности позволяет сотрудникам милиции решать следующие задачи по противодействию экономическим преступлениям:

- сохранение личного имущества граждан в местах общего пользования и возможность быстрого реагирования на нападение;

- охрана собственности юридического лица от возможного хищения и нанесения ущерба;

- контроль за посторонними лицами, находящимися на объекте;

- помощь при последующем розыске преступников и расследовании преступлений.

Надежная и современная система видеонаблюдения способствует более добросовестному отношению персонала к работе, повышает уровень защищенности любого объекта, в том числе со стороны органов внутренних дел.

Учитывая тот факт, что в большинстве случаев экономические преступления, совершаемые в таком торгово-развлекательном комплексе, скрыты от общества, а возможности по их выявлению у правоохранительных органов ограничены, возникает необходимость по использованию информационно-оперативного обеспечения. В его рамках проводятся следующие мероприятия:

- реализация проникновения оперативных сотрудников в финансовые органы предприятий (учреждений) комплекса, представляющих оперативный интерес;

- зашифрованное обследование здания, участков местности для поиска следов хозяйственной теневой деятельности;

- проведение оперативных мероприятий по вербовке должностных лиц соответствующих экономических структур, при этом особое внимание уделяется тем, кто неудовлетворен своим служебным положением, выполняемыми обязанностями, имеет материальные трудности;

– увеличение каналов информации об экономической составляющей деятельности предприятий, находящихся под контролем организованной преступности, в том числе и о конкретных физических лицах, контролируемых ими;

– установление способов и средств легализации преступных доходов;

– сбор и обобщение сведений о движении финансовых и торговых потоков как на отдельных структурных единицах, так и в конкретном регионе;

– отслеживание принятия чиновниками государственных и муниципальных органов спорных финансовых и экономических решений, связанных с данным комплексом;

– изучение фактов приобретения членами преступных сообществ, должностными лицами государственных и правоохранительных органов (их родственниками) активов комплекса и дорогостоящих товаров.

Необходимо также уделить внимание публикациям в средствах массовой информации, причем не только сведениям, имеющим негативную окраску, но и той информации, где создается «положительный» образ представителей преступного мира.

На этапе информационно-аналитического обеспечения информация, полученная как с помощью технических средств, так и оперативным путем, должна подвергаться специальному исследованию. Анализ всех полученных материалов должен быть системным, построенным на обобщении полученных сообщений и вычлениении из них тех данных, которые будут иметь значение для возбуждения уголовных дел и подрыва финансовой составляющей экономической преступности на данном объекте.

Таким образом, получаемая сотрудником милиции информация содержит массу всевозможных сведений, анализ которых позволяет предотвращать неблагоприятное развитие событий, т. е. максимально использовать полученные знания в расследовании преступлений и оперативно-разыскных целях. Полученная информация должна быть документирована, т. е. облечена в форму, создающую возможности по ее идентификации.

Необходимо использовать полученную информацию также при проведении профилактических мероприятий:

– организации работы координационных совещаний правоохранительных органов по вопросам предупреждений экономической преступности;

– проведении тематических лекций, занятий в учреждениях и организациях с целью воспитания активности населения при предотвращении этих деяний;

– освещении в средствах массовой информации результатов правоприменительной практики;

– создании в обществе обстановки осуждения этих преступлений и лиц, их совершающих;

– совершенствовании контроля за защищенностью охраняемых объектов.

По нашему мнению, современным возможностям противодействия в России преступлениям в сфере экономики в наибольшей степени соответствует жесткий уголовно-правовой контроль. Опыт зарубежных стран свидетельствует, что при наличии решимости государства, разумной экономической и финансовой политики борьбу с ними необходимо осуществлять не только с помощью уголовно-правовых мер, но и на основе законной ликвидации их экономической и финансовой составляющей, в чем немаловажное значение имеет информационное обеспечение.

В условиях совершенствования механизма государственной власти современное информационное обеспечение приобретает особую значимость и способствует повышению эффективности предупредительного воздействия на экономическую преступность.

Библиографический список

1. Об информации, информатизации и защите информации : федер. закон от 20 февр. 1995 г. № 24-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 8. – Ст. 609.

2. Жилиев, А. И. Нетрадиционные методы совершения преступлений и их учет в борьбе с преступностью / А. И. Жилиев, С. Н. Данилин // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. – М., 2003.

В. В. Иринчеев,
*доцент кафедры уголовного
права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*
Д. Н. Никитин,
*старший инспектор
организационно-аналитического отдела
штаба УВД Владимирской области*

**ОСОБЕННОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
СОСТОЯНИЯ И СТРУКТУРЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
НА БАЗЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
С ПРИМЕНЕНИЕМ СТАТИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ДАННЫХ**

Криминологическое прогнозирование, несомненно, имеет важное значение при планировании профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступности. Однако у исследователей возникает ряд проблем, связанных с решением вопросов о том, можно ли и каким образом с достаточной долей вероятности предсказать что-либо в социально-правовой сфере и как объяснить полученные результаты.

Следует отметить, что в настоящее время существует только один способ (однако перспективным направлением в криминологическом прогнозировании является использование нейронных сетей): обобщить и проанализировать накопленные опытные данные (определить факторный комплекс); построить соответствующую модель; показать (опять таки интуитивно), что основные действующие факторы сохраняют свое влияние и в будущем, т. е. обосновать принятие тривиальной гипотезы о том, что тенденции прошлого и настоящего сохраняются и в будущем (провести экстраполяцию); произвести расчеты с использованием модели и сделать выводы. Именно такой способ используется в научных приложениях. Однако с учетом особенностей изучаемой сферы с применением данного способа возникают проблемные вопросы, требующие разрешения, связанные, например, с применимостью и порядком сбора исходных данных; выявлением объема факторов

(внешних и внутренних), находящихся в причинно-следственной связи с проблемными направлениями криминогенной обстановки; обоснованностью экстраполяции; объяснением полученных результатов и др. Вместе с тем в настоящее время в деятельности правоохранительных органов возникает существенная проблема, касающаяся использования возможностей аналитической деятельности для выработки, обоснования и принятия управленческих решений в правоохранительной сфере.

Авторами настоящей статьи предпринята попытка ориентировать специалистов по борьбе с преступностью на интегративное отношение к проблемам научных достижений в целом и решению задач криминологического прогнозирования, в частности.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- на базе математической модели (реализованной в Excel) спрогнозировать тенденции воспроизводства регистрируемой части социума преступников (под преступником понимается выявленное лицо, совершившее преступление) по общему количеству и структурным элементам (видам) преступлений;

- с применением статистического анализа данных показателей преступности выявить закономерности между количеством зарегистрированных преступлений и числом лиц, их совершивших, и тенденции развития данного показателя;

- на основе решения указанных задач установить тенденции развития региональной преступности на среднесрочную перспективу и интерпретировать полученные результаты.

Для прогнозирования использовались такие методы научного предвидения, как экстраполяция параметров и моделирование значений на базе линейной многофакторной модели.

Экстраполяция параметров осуществлялась при помощи метода экспоненциального сглаживания (по методу Брауна и гармонических весов), так как он позволяет для временного ряда получить наиболее точную оценку параметров, определяющих неслучайную функцию, характеризующую

тренд-основную тенденцию, являющуюся результатом воздействия на процесс основных факторов.

Поскольку поведение преступности как социальной системы представляется большим количеством различного рода факторов (криминогенных и антикриминогенных), изменяющихся во времени, для выявления закономерностей между ними наиболее приемлемыми являются линейные многофакторные статистические модели.

Для построения качественной статистической многофакторной модели особое значение имеет предварительный отбор не всех факторов внешней среды и не самих по себе, а только с учетом их причинно-следственной зависимости с проблемными характеристиками криминогенной обстановки (в настоящее время отсутствует единая теория оценки влияния факторов преступности). Вместе с тем исследование факторов связано с решением очень сложной проблемы их количественного выражения (т. е. квантификации). Построение линейной многофакторной модели проводилось с учетом лиц, за счет которых пополняется регистрируемая часть множества преступников: ранее не нарушавших уголовный закон (включая тех, с кого уголовная ответственность снята или погашена в установленном законом порядке) либо не привлекавшихся к уголовной ответственности за совершенные преступления, т. е. латентных преступников. Таким образом, математическая модель отражает закономерности между элементами общей социальной системы.

Взятые для изучения элементы социума распределились на две неравные группы факторов:

- среди лиц, ранее не нарушавших уголовный закон, выделяются две категории, склонные к совершению преступления: допускающие противоправное поведение (x_1) и имеющие среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума (x_2);
- предполагаемое количество латентных преступников (x_3)¹.

¹ Для численного выражения использовалось абстрактное идеальное распределение количества зарегистрированных и незарегистрированных пре-

Результативным признаком выступал абсолютный показатель общего множества выявленных лиц, совершивших преступления, а также подмножества выявленных лиц, совершивших различные виды преступлений (y).

Для определения характера зависимости факторов с исследуемым параметром, количественной оценки степени их влияния использовалась регрессионная зависимость следующего вида:

$$y(t) \approx \sum_{i=1}^N a_i x_i(t) + a_0,$$

где y – результативный признак преступности; x_i – факторный признак преступности; a_i – постоянный коэффициент; t – фактор в решении; \sum – сумма.

Взяв за основу указанный метод экстраполяции значений факторов, после их подстановки в данную регрессионную формулу были получены значения параметра в прогнозном диапазоне. Далее на основании выявленных закономерностей установлены тенденции развития региональной преступности до 2010 г.

Для исследования были взяты статистические данные по Владимирской области за период 1995–2005 гг.

С помощью корреляционного анализа найдены точные зависимости между рядами показателей – совокупности регистрируемой части преступников и характеристики факторов-признаков, представленные в нижеследующей таблице.

	y	x_1	x_2	x_3
y	1			
x_1	0,71	1		
x_2	0,29	0,05	1	
x_3	0,77	0,36	0,17	1

Коэффициент корреляции может принимать значения при прямопропорциональной связи от 0 до +1, а при обратнопропорциональной – от –1 до 0. При коэффициенте

ступников (их пропорция должна составлять 24:76), выполняющее функцию баланса сохранения и развития, при этом за 100 % в абсолютном выражении принимается 5,6 % преступников от общей численности населения (подробнее об этом см.: *Ли Д. А. Преступность как социальное явление. М., 1998*).

тах, близких к 0, считается, что статистическая линейная связь между признаками отсутствует; при абсолютных значениях коэффициентов, меньших 0,3 – связь слабая; при значениях от 0,3 до 0,5 – умеренная; от 0,5 до 0,7 – значительная; от 0,7 до 0,9 – сильная; если значения коэффициентов больше 0,9, то связь считается очень сильной; если коэффициенты равны +1 или -1, то делается вывод о наличии между признаками функциональной линейной связи (что практически не встречается в статистических исследованиях)¹.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о выполнении одного из основных условий адекватности классической регрессионной модели – отсутствии мультиколлинеарности (наличие линейной связи между объясняющими переменными), представляющей сложную проблему эффективного применения процедур регрессионного анализа при изучении статистических зависимостей.

Результаты регрессионного анализа следующие:

- модель регрессионной зависимости формирования годового числа (y) выявленных лиц, совершивших преступления, правомерна, так как гипотеза $H_0: a_1 = a_2 = a_3 = 0$ – отвергается с 95-процентной вероятностью;

- уравнение регрессионной зависимости имеет достаточно хорошие характеристики: множественный коэффициент корреляции ($R = 0,92$) близок к своему максимальному значению, равному 1; средняя относительная ошибка предсказаний не высока – $6,5\% < 10\%$. Поэтому уравнение можно использовать для прогноза годового числа выявленных лиц, совершивших преступления в области, при известной численности лиц, допускающих противоправное поведение, имеющих среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, и латентных преступников;

- использовать оценку $a_2 = 0,005$ для вычисления влияния фактора x_2 (среднедушевого дохода ниже прожиточного минимума) на y (выявленных лиц, совершивших преступления) нельзя, так как была принята гипотеза $a_2 = 0$; поэтому фактор x_2 из

модели регрессионной зависимости был удален и проведены расчеты для модели $y = a_0 + a_1x_1 + a_3x_3 + \varepsilon$, где ε – ошибка приближения модели, включающая множество случайных факторов.

Следовательно, новая модель правомерна; коэффициенты при x_1 и x_3 статистически значимы, поэтому гипотезы $a_1 = 0$ и $a_3 = 0$ отвергаются; $R = 0,9$ (при уменьшении числа факторов значение множественного коэффициента корреляции всегда уменьшается); ошибка – $7,4\% < 10\%$. Однако новое уравнение со статистической точки зрения хуже уравнения регрессионной зависимости: стандартная ошибка нового уравнения $S = 1418,257$, а уравнения регрессионной зависимости – $S = 1357,5$.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Наблюдаемая тенденция к сокращению регистрируемой части преступников отражает фактическое их сокращение, которое объективно будет иметь место с учетом существующей закономерности сохранения и развития социума преступников. При этом прогнозные значения в среднем будут варьироваться в интервале ± 840 преступников (средняя относительная ошибка предсказаний равна $7,4\%$).

2. Результаты исследования показали, что отношение общего количества зарегистрированных в области преступлений и числа выявленных лиц, их совершивших, математическое ожидание этой случайной величины – 2,4. Вероятность ее отклонения от математического ожидания более чем на величину стандартного отклонения ($\sigma = 0,5$) $P = 1 - 0,75 = 0,25$. Однако вероятность отклонения более чем на два (и тем более на три) стандартных отклонения резко уменьшается: $P = 1 - 0,97 = 0,03$. Поэтому характерное для области отношение между количеством зарегистрированных преступлений и числом выявленных лиц, их совершивших, измеряется интервалом 1,4–3,4. С учетом характера ее динамики прогнозируемые значения на 5 последующих лет будут варьироваться в интервале 3,0–3,4.

3. Таким образом, генеральная тенденция развития преступности в области в прогнозном периоде будет характеризоваться последовательным сокращением,

¹ Подробнее см.: Статистические методы обработки эмпирических данных (рекомендации) / Всесоюз. НИИ по нормализации в машиностроении. М., 1978.

при этом известны интервалы вариации количественных характеристик ее регистрируемой части. Однако внутри этой тенденции регистрация преступлений будет увеличиваться, влияние на это должны оказать результаты принимаемых правоохранительными органами мер по укреплению учетно-регистрационной дисциплины и законности при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении сообщений и заявлений о преступлениях. Вместе с тем своего апогея процесс регистрации преступлений вероятнее всего, достигнет уже в 2010 г., когда общее количество зарегистрированных преступлений не должно превышать 40 746. Начиная с 2011 г. должна наметиться тенденция к сокращению в регистрации преступлений, причем с учетом статистической устойчивости различного рода факторов, обуславливающих величину амплитуды интервалов колебаний показателей преступности, это сокращение будет сменяться ростом при незначительной вариации ее статистических показателей.

Необходимо отметить, что данные выводы имеют место лишь при сохранении в целом той криминологической ситуации, которая была во время сбора статистических данных.

Рассматриваемая система прогнозирования дает научно обоснованное и достаточно адекватное описание региональной преступности. Однако выявление реально действующих факторов и установление степени влияния каждого из них на преступность, по нашему мнению, считаются наиболее важной задачей аналитической работы для правоохранительных органов. Перспективным направлением ее решения яв-

ляется применение методов моделирования преступности, которые, представляя теоретический уровень исследования, позволяют проникнуть в сущность главного объекта криминологического изучения – преступности и ее причин и представить механизм влияния детерминирующих факторов на преступность. Таким образом, моделирование преступности обеспечивает описательную, объяснительную и предсказательную функции ее исследования.

По нашему мнению, освоение и широкое применение в аналитической работе правоохранительных органов статистических методов позволят увидеть за кажущимися случайностями стройный ряд числовых закономерностей, что послужит гарантией точного прогноза на будущее, поможет объяснять числовые пропорции, отражающие взаимодействия элементов явления преступности как системы, выделять его существенные характеристики, т. е. обеспечит решение правоохранительных задач. Поиск, адаптирование новых методов для решения указанных задач и их апробирование являются, в свою очередь, одним из элементов содержания аналитической работы, необходимым условием реализации которого выступает творческое взаимодействие практических и научно-образовательных учреждений правоохранительных органов.

Библиографический список

1. *Ли, Д. А.* Преступность как социальное явление / Д. А. Ли. – М., 1998.
2. Статистические методы обработки эмпирических данных (рекомендации) / Всесоюз. НИИ по нормализации в машиностроении. – М., 1978.

В. В. Коленков,

*преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности
ВЮИ ФСИН России*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Необходимость рассмотрения и изучения вопросов, связанных с деятельностью преступных объединений, сформированных по

этническому признаку, обусловлена немалым количеством преступлений, отнесенных к категории особо тяжких, влекущих большой вред и непоправимые последствия. Без знания оперативной обстановки, характеристики преступных групп, факторов, влияющих на их формирование, невозможна эффективная борьба с данным негативным явлением.

Следует отметить, что понятие «этническая преступность» можно рассматривать с двух позиций.

1. Этническая преступность – явление социально-правовое, включающее в себя совокупность конкретных преступлений, совершенных как этническими гражданами России, так и гражданами СНГ и дальнего зарубежья, временно либо постоянно проживающими в пределах ее территории.

2. Этническая преступность – это специфическая структурная часть общей преступности в России и как явление социальное, органически связанное с обществом, представляет собой совокупность преступлений, совершаемых только этническими гражданами России.

Понятие этнической преступности как совокупности преступлений, совершенных этническими гражданами России и гражданами зарубежных стран, не совсем точно. Оно включает два совершенно разных по значимости и смыслу понятия. Так, этническая преступность, субъектами которой являются граждане России, представляет собой «внутреннюю преступность», детерминруемую всем причинным комплексом обстоятельств, сохраняющих преступность в стране, в первую очередь ее объективной стороной (социальные, экономические, политические, демографические и другие процессы).

Современная криминология полагает, что иностранная преступность – «преступления, совершенные иностранными гражданами на территории России»¹. При этом субъекты преступлений – иностранцы – имеют несколько иное правовое положение. Оно основано на ряде принципов, регулирующих и определяющих их статус в различных сферах правоотношений, возникающих в процессе жизнедеятельности. Так, *международно-правовой статус* иностранных граждан определяется сложившимися принципами международного права, закрепленными в международно-правовых документах (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международный акт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). *Конституционно-правовой статус* определен Конституцией РФ, где в п. 3 ст. 62 установлено, что ино-

странные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации. *Административно-правовой статус* затрагивает содержание правосубъектности иностранных граждан в административных правоотношениях. *Уголовно-правовой статус* определяется содержанием международных договоров, соглашений и российским уголовным законодательством, касающимся уголовной ответственности за совершение ими преступных деяний. Выделяются две группы иностранных граждан: лица, полностью подчиненные юрисдикции Российской Федерации, не обладающие какими-либо правовыми иммунитетами и привилегиями; лица, обладающие правовым иммунитетом, полным или частичным, и привилегиями.

Как правило, иностранная преступность тесно связана с транснациональной организованной преступностью, и большинство преступлений международного характера (наркотрафик, незаконная иммиграция, наемничество, терроризм, торговля женщинами, этнические конфликты и др.), субъектами которых являются граждане зарубежных государств, экспортируются в Россию из-за рубежа. Другими словами, иностранная организованная преступность в России – это «внешняя преступность».

Объектами преступных посягательств иностранной преступности являются интересы государства (его политическая основа, целостность России, национальная безопасность и др.). Кроме того, в ряде случаев она детерминруется деятельностью международных террористических организаций, транснациональной организованной преступностью и религиозными экстремистскими организациями. Таким образом, субъективной стороной преступлений международного характера, совершаемых иностранными гражданами, является внешнее давление (экспансия) международной преступности на Россию. Это есть одно из принципиальных ее отличий от этнической преступности.

Следовательно, понятия «этническая преступность» и «иностранная преступность» различаются по субъекту совершения преступлений и объектам преступных посягательств, а также их субъективной стороне.

¹ См.: Российская криминологическая энциклопедия / Под ред. А. И. Долговой. М., 2000. С. 590.

Вместе с тем у них есть общее обстоятельство, отличающее их от общей преступности, влияющее прежде всего на предупреждение и раскрытие преступлений, совершенных субъектами-этнотами, – это зависимость последних от этнопсихологии нации, ее психогенеза (развитие духовной жизни), психологии религии (достижение целей торжества религии), психологии масс.

Таким образом, этническую преступность следует рассматривать как специфическую, структурную часть общей преступности в России, имеющую свои особенности в этнологии, этиологии и антропологии, как явление социальное, органически связанное с обществом, представляющее совокупность преступлений, совершаемых гражданами России нетитульных наций и иностранными гражданами.

Различают политическую и общеуголовную этническую преступность. Политическая обычно выступает как преступность на почве межнациональных конфликтов и проявляется в массовых беспорядках, актах терроризма, умышленных убийствах, причинении вреда здоровью, хулиганстве. Нередко за ее проявлениями стоят этнические политические элиты, которые возбуждают межнациональные противоречия в собственных интересах, организуют столкновения, массовое насилие. Общеуголовная этническая преступность включает преступные посягательства, совершенные представителями диаспор, проживающими на данной территории или специально приехавшими из мест проживания этноса для совершения преступлений. Эти преступления (кражи, разбои, грабежи, насильственные действия и т. п.), как правило, имеют обычную мотивацию: корысть, месть, бытовые конфликты и др.

Увеличению этнической преступности способствуют существующая миграционная ситуация и ее этноконфессиональная составляющая. Межнациональные конфликты 1990-х гг. на территории бывшего СССР, явившиеся одной из существенных причин разрушения этнических стереотипов разных народов, привели к серьезным дестабилизационным процессам на российских границах и, как следствие, росту мас-

штабных миграционных потоков из сопредельных с Россией государств. По имеющимся сведениям, количество беженцев за указанный период составило свыше 3 млн человек.

В настоящее время проблема мигрантов не решена. Причина заключается в отсутствии четко выверенной стратегии государственного регулирования миграционных процессов.

На состояние этнической преступности существенное влияние оказывает организованная преступность. Этнические преступные формирования, действующие на территории России, весьма разнообразны по структуре, форме, криминальной направленности и постоянно активизируют свою деятельность.

Распад СССР и последующие события выявили многие проблемы в национальном вопросе. Столкнувшись с острыми проявлениями преступности, открыто или латентно связанной с этническими факторами, государство и правоохранительные органы России оказались без научно осмысленной стратегии и программы противостояния преступлениям, мотивированным наличием обостренных этнических противоречий, обозначившихся после увеличения количества экстремальных асоциальных проявлений со стороны представителей разных этносов, таких как убийства на почве национальной нетерпимости, взрывы, захват заложников и т. д.

Этнические аспекты индивидуального и группового поведения стали все более заметны во всех сферах жизни и деятельности государства. За последние 5 лет число жителей Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии среди иногородних, привлеченных к уголовной ответственности, увеличилось в 3,5 раза¹. По данным статистики большинство преступлений совершают жители Дагестана, Чечни, Азербайджана, Грузии. Причем среди этнических преступных групп четко прослеживается криминальная специализация.

¹ См.: Гладких В. И., Борбат А. В., Шабанов Г. Х. Преступность в Московском регионе. Состояние. Особенности. Тенденции. М., 1998. С. 126, 128.

Однако статистические данные из-за высокой латентности не отражают реального состояния преступности.

Процесс детерминации этнической преступности представляет собой сложное взаимодействие всех обстоятельств, явлений и процессов, порождающих преступное поведение отдельных представителей этносов. Кроме того, этническая преступность детерминируется всем комплексом обстоятельств, влияющих на появление преступности вообще (экономические, социальные, демографические, политические, моральные). Однако причинность этнической преступности имеет свою специфику: социально-психологические детерминанты, включающие элементы этнической психологии (национальный характер, традиции, особенности национального мировоззрения и национальных отношений, стереотип национального поведения и др.), характеризующие в первую очередь личность преступника. Кроме того, причинностью преступности этносов или ее активизации в определенный период развития страны (например обострение межэтнических конфликтов) могут являться факторы геополитического, этнополитического, криминогенного, конфессионального характера, каждый из которых связан с социальной сферой, состоянием власти, порядка и управления.

Так, геополитический фактор определяется многонациональностью России. В ее состав входят регионы с различными этническими образованиями, где сталкиваются стратегические интересы мировых держав, например, Кавказ, Дальний Восток, Каспийский бассейн и др. В России такие понятия, как «нация», «национальное достоинство», «национальные традиции», являются органическими элементами самосознания народов. В связи с этим любые ущемления этнического фактора в сочетании с изменением в худшую сторону их социально-экономического положения способствуют разгоранию либо возникновению этнических конфликтов, ведущих к активизации преступности.

С нашей точки зрения, криминогенный фактор заслуживает особого внимания. Борьба с этнической преступностью не

должна восприниматься как усиление давления государства и его правоохранительных органов на какие-либо конкретные этносы только потому, что их отдельные представители совершают преступления. Существует мнение, поддерживаемое средствами массовой информации, согласно которому криминогенность является родовой чертой некоторых народов Кавказа. На наш взгляд, следует учитывать данный фактор, так как в ряде случаев на волне легитимизации национальных движений, особенно на Кавказе, к их руководству пришли представители криминального мира. Их стремление к отделению от России заключается в бесконтрольном выходе на внешний рынок, крупномасштабных поставках контрабандного товара, наркотиков, оружия.

Необходимо отметить, что любая преступность влечет разрушение общегражданских норм коллективного существования, возрождение захвата имущества и людей за выкуп, круговой поруки населения в сохранении заложников, коллективной системы вооружения гражданского населения.

В большинстве регионов религиозный экстремизм (конфессиональный фактор) не создает серьезной угрозы, однако в связи с увеличением его влияния возникает необходимость адекватных действий всей системы правоохранительных органов для исключения возможности прихода его сторонников к руководству в каких-либо субъектах Российской Федерации. В России миграционный фактор негативно влияет на уровень преступности. В обществе нарастают непонимание и отторжение мигрантов, приезжающих в Россию. Отношение к мигрантам основано прежде всего на этнической предубежденности. В настоящее время Россия действительно стала транзитным пунктом для переправки людей из ближнего и дальнего зарубежья на Запад. В связи с этим возникает рост организованной нелегальной миграции как преступного бизнеса.

Теория детерминации позволяет установить не только причинность порождения этнической преступности, но и формы ее существования (с преобладанием корыстной либо корыстно-насильственной ее части; транснациональной с усилением инте-

грационных процессов с криминальными структурами за рубежом и т. д.). Учитывая детерминацию, этническую преступность следует рассматривать не только как результат факторов, но и как сумму закономерностей, характерных для преступной деятельности этнических групп (криминальная активность, специализация, устойчивость и характер преступной деятельности). Причем криминальная активность представителей конкретных этносов зависит как от влияния внешних условий (среды), так и от «генетического критерия» — наследственно приобретенного, исторически выработанного и влияющего на поведение индивида.

Криминология не выделяет этническую преступность как самостоятельный вид преступности по объекту его совершения, однако в качестве социального явления она существует как следствие определенного функционирования общества, и ее можно представить в виде механизма детерминации обществом, который в условиях низкой эффективности борьбы с ней способен во взаимосвязи с различными факторами на обратное влияние на общество, обуславливая тем самым ее развитие, самодетерминацию.

Этнические преступные группировки внедрились в наиболее доходные сферы коммерческой деятельности, что оказывает существенное негативное влияние на экономику целых регионов, способствуя ее криминализации.

Новое качественное состояние преступности предопределило повышенный уровень влияния криминальных группировок во властно-управленческих и информационных сферах, создание в них коррупционных позиций: подкуп депутатского корпуса, финансирование политических движений, манипулирование средствами массовой информации, создание благотворительных фондов, политизирование отдельных лидеров преступных сообществ и т. д. Одновременно преступные сообщества предпринимают активные попытки продвижения своих ставленников в органы законодательной и исполнительной власти различного уровня. Анализ имеющейся оперативной информации о характере дея-

тельности организованных преступных сообществ показал, что практически у всех подобных формирований имеются связи в органах внутренних дел, системе исполнения наказаний, следствии, судебных органах, органах местной власти.

Наиболее распространенной сферой преступной деятельности этнических организованных преступных формирований являются отношения в экономике, связанные с незаконным оборотом наркотиков и оружия, криминальным автобизнесом, производством и продажей фальсифицированных спиртных напитков, незаконной торговлей рыбой осетровых пород, красной и черной икрой, незаконными операциями с драгоценными металлами и др.

Криминальные действия по захвату, созданию, увеличению сверхдоходов сопровождаются насильственными методами запугивания, шантажа, физического уничтожения, подготовленными так называемыми силовыми структурами. Кроме того, их функции заключаются в организации принудительной охраны коммерческих структур как вида рэкета, разборках с другими преступными группировками, выбивании долгов.

Существует ряд факторов, обуславливающих их высокую латентность, среди которых можно отметить узкую преступную специализацию, ограниченный круг участников группировки, семейные и кровные узы и др. В отдельных случаях оперативная информация позволяет утверждать, что преступная деятельность подобных группировок ограничивается определенным временным периодом, по истечении которого одна преступная группа сменяется другой.

Получая высокие доходы от преступной деятельности, этнические организованные преступные формирования успешно решают задачи по их легализации, открывая банки, предприятия торговли и общественного питания, казино, бензозаправочные станции, фирмы по автосервису.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что успешное выявление и пресечение деятельности организованных преступных формирований этнической направленности возможно на основе система-

тического, хорошо спланированного проведения оперативно-разыскных и профилактических мероприятий.

Кроме того, необходимо нормализовать обмен статистической и оперативной информацией по организованным преступным формированиям и противодействию им. Информацию о лицах, прибывающих в регионы России в качестве временных переселенцев и беженцев с территории Закавказья, можно получить из паспортно-визовой службы и миграционных служб регионов.

Большое значение для получения оперативной информации имеет компьютерный учет лиц, представляющих оперативный интерес. Для этого следует разработать единую форму статистической отчетности, включающую следующие данные: количество лиц соответствующей национальности, проживающих на территории региона,

И. В. Михайлычева,
*преподаватель Ивановского филиала
ВЮИ ФСИН России*

ПРОФИЛАКТИКА И КОРРЕКЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Современное общество характеризуется кризисными явлениями во многих сферах жизни: трудные социально-экономические условия, повышение угрозы физического и иного насилия, террористических актов, техногенных и экологических катастроф. Многие авторы отмечают снижение чувства безопасности и защищенности человека. Особенно незащищенными чувствуют себя дети и подростки. Результатом общесистемного кризиса в обществе является рост отклоняющегося поведения подростков в различных формах.

Правоохранительные органы характеризуют состояние подростковой преступности в современной России как стабильно тяжелое. Министр внутренних дел Р. Нургалиев, выступая на заседании Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних, привел печальную статистику за 2005 г.: «Подростками и при их

количество и виды совершенных ими преступлений, сведения о постановке на учет организованных преступных групп, организованных преступных сообществ и их лидеров, участников, их социально-демографические, криминологические особенности (возраст, официальные данные по занятости, наличие судимости и т. д.).

Библиографический список

1. *Гладких, В. И.* Преступность в Московском регионе. Состояние. Особенности. Тенденции / В. И. Гладких, А. В. Борбат, Г. Х. Шабанов. – М., 1998.
2. *Чефходзе, Р. Г.* Этнические особенности преступности : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1999.
3. *Зюков, А. М.* Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых преступниками разных этнических групп : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005.

соучастии в истекшем году совершено более 154,7 тыс. преступлений, в том числе свыше 1,2 тыс. убийств, 3,2 тыс. разбойных нападений, 18 тыс. грабежей... Ежегодно в органы внутренних дел за правонарушения доставляются более 1 млн несовершеннолетних, к административной ответственности привлекаются почти 500 тыс., из них 350 тыс. поставлены на учеты подразделений по делам несовершеннолетних»¹. Серьезность данной проблемы в российском обществе определяется формированием новых деструктивных тенденций.

1. Тяжкие преступления совершаются подростками, как правило, в группе.
2. Преступления несовершеннолетних отличаются повышенной агрессивностью и цинизмом. Специалисты отмечают рост насильственных преступлений, проявление немотивированной жестокости во время совершения противоправных актов.
3. Тревожным сигналом является участие подростков в неформальных объединениях, военизированных формированиях, молодежных политических организациях эк-

¹ *Нургалиев Р.* О совершенствовании законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних // <http://www.mvd.ru/news/8321>.

стремистского толка (например SKINHEAD). «На профилактическом контроле в органах внутренних дел состоят почти 6 тыс. несовершеннолетних, привлекавшихся к ответственности за правонарушения экстремистской направленности»¹.

4. Увеличение числа повторных преступлений, совершаемых подростками в возрасте 14–18 лет. «В 2005 г. число несовершеннолетних, ранее совершавших преступления и вновь привлеченных к уголовной ответственности, возросло на 8,3 %»².

5. Рост женской преступности среди несовершеннолетних.

6. Происходит «омоложение» подростковой преступности: если два десятилетия назад группу риска составляли старшие подростки (14–16 лет), то в настоящее время в преступную деятельность все больше вовлекаются младшие подростки (11–13 лет).

Ни зарубежные, ни отечественные исследователи не пришли к единому мнению в определении понятия «девиантное поведение»³. По нашему мнению, данное понятие необходимо рассматривать в социально-психологическом ключе. Под девиациями следует понимать поведение личности подростка и ее развитие, не отвечающие требованиям социальной и психической норм. Это может проявляться в неправильном осознании своего места и назначения в обществе, определенных дефектах нравственного и правового сознания, социальных установок и сформировавшихся привычек. В настоящее время среди подростков наблюдается увеличение масштабов асоциального поведения, проявляющегося в различных формах: курение, употребление спиртных напитков, токсических веществ, использование нецензурной и жаргонной лексики, притеснение младших, нарушение общепринятых норм поведения.

Проблема подростковой девиантности находится в центре внимания социологов, социальных психологов, медиков, работников правоохранительных органов и педагогов. Научное изучение отклонений осуще-

ствляется в психологии, криминологии, психопатологии, социологии. В настоящее время развивается новая научная дисциплина – психология девиантного поведения. Объяснение причин, условий и факторов, детерминирующих данное социальное явление, его динамику, разработка эффективных мер социального контроля (профилактических, коррекционных, реабилитационных) стали основной задачей исследователей и специалистов. Знание психологических особенностей подростков с девиантным поведением в современных условиях является необходимым для совершенствования новых подходов к осуществлению мероприятий по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних.

У исследователей данного социального явления существуют разные мнения относительно причин отклоняющегося поведения. Некоторые из них вполне обоснованно стали рассматривать аддиктивное, девиантное поведение с точки зрения копинг-поведения⁴.

Проблема копинга, или совладающего поведения, как особого вида социального поведения появилась в психологической науке во второй половине XX в. Человек проявляет совладание в ситуациях, которые выходят за рамки обычных и требуют от него напряжения эмоциональных и волевых ресурсов. Копинг включает в себя комплекс когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций человека. Важнейшими детерминантами данного процесса становятся личностные, социальные и ситуационные ресурсы индивида (под ресурсами понимаются характеристики личности, социального окружения и ситуации, способствующие успешной адаптации и преодолению трудностей).

Основной функцией копинга является адаптация человека к новым условиям. Психологи пытаются решить проблемы развития стрессоустойчивости человека, формирования у него личностных качеств,

¹ См.: Нургалиев Р. Указ соч.

² Там же.

³ См.: Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. М., 2003. С. 7.

⁴ См.: Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Профилактика наркомании и алкоголизма. М., 2003; Леонова Л. Г., Бочкарева Н. Л. Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте. Новосибирск, 1998.

способствующих совладанию с жизненными трудностями.

Интерес, вызванный копинг-поведением младших подростков, обусловлен тем, что именно в подростковый период происходит активное складывание совладающего поведения. В условиях неравномерного и неустойчивого развития совладание с трудностями у подростков обеспечивается в разных ситуациях различными копинг-ресурсами. Копинг-поведение, обусловленное комплексом ресурсов, вызывает социально-адаптивное поведение. Истощение или деформация ресурсов приводят к неэффективному копингу, а это, в свою очередь, является причиной возникновения дезадаптации в различных формах, в том числе и девиантного поведения.

Было проведено психодиагностическое исследование копинг-поведения младших подростков в трех школах г. Иванова. Общее количество респондентов составило 239 учащихся 6–7-х классов. Одной из проблем исследования стало выявление среди относительно благополучных учащихся группы девиантных подростков. Задачами данного исследования являлись:

- изучение специфики совладающего поведения младших подростков, отличающихся отклоняющимся поведением;
- сравнительный анализ комплекса личностных, социальных и ситуативных ресурсов групп относительно благополучных и девиантных подростков;
- разработка комплекса профилактических и коррекционных мер по формированию необходимой ресурсной базы, обеспечивающей адаптивное совладание с трудными жизненными ситуациями.

Используя метод структурированного интервью, были выявлены 33 подростка с девиантными формами поведения. Респондентами выступили классные руководители и учителя школ, в которых проводилась психологическая диагностика. Ни одного делинквента в данной выборке обнаружить не удалось. Отклонения в поведении подростков чаще всего выражались в следующих формах:

- нарушения правил поведения в школе (84 %);
- конфликтные отношения со сверстниками (71 %) и взрослыми (59 %);

- агрессивность (40 %);
- систематические пропуски уроков (36 %);
- курение (16 %).

В группе учащихся 6-го класса было 22 мальчика (67 %) и 11 девочек (33 %), в 7-м соответственно 14 (42,5 %) и 19 (57,5 %), различия между 6 и 7-м классами не обнаружены.

Сравнительный анализ совладающего поведения благополучных и девиантных подростков позволил сделать следующие выводы. Необходимо отметить общую черту в копинг-поведении обеих групп – поливариантное поведение. Именно младший подростковый возраст является периодом первичного овладения копинг-поведением. Изменившаяся социальная ситуация развития позволила подросткам столкнуться с трудными жизненными обстоятельствами. Они заставляют их заимствовать из социума различные способы разрешения сложных жизненных ситуаций, так как опыт по преодолению трудностей у них отсутствует. Поэтому в младшем подростковом возрасте наблюдается приблизительно равное соотношение всех стилей совладания: проблемно-ориентированного, социального и избегания.

При более детальном рассмотрении обнаруживаются различия в копинге благополучных и девиантных подростков. Таким образом, были выявлены статистически значимые различия по трем копинг-стратегиям: «активный отдых», «разрядка» и «общественные действия». Две из них относятся к наиболее непродуктивному стилю избегания и одна – социальному стилю поведения. У девиантов происходит незначительное снижение стратегий, относящихся к продуктивному проблемно-ориентированному стилю. Небольшое отличие наблюдается также в социальном копинге, удельный вес которого несколько выше, чем в группе благополучных подростков. Однако девианты используют те стратегии социального копинга, которые ориентированы на сверстников.

Необходимо отметить, что выявленные различия в целом не являются значительными.

У младших подростков еще не сложился индивидуальный стиль совладания, наме-

чаются лишь тенденции. Индивидуальная модель поведения формируется в старшем подростковом и юношеском возрасте. Адаптивность либо дезадаптивность личного стиля поведения определяются ресурсной базой, складывающейся из комплекса социальных личностных и ситуативных факторов. Анализируя ресурсообеспеченность копинг-поведения двух групп подростков, мы обнаружили гораздо большие различия между девиантами и благополучными подростками. Сравнительный анализ групповых различий и корреляционных связей между копингом и комплексом ресурсов показал, что для группы девиантных подростков характерны следующие черты.

1. Установлены статистически значимые различия по факторам «экспрессивность», «доминантность» и «жесткость», наиболее выраженных у девиантов.

2. Амбивалентность самоотношения. Многие исследователи называют эту черту характерной особенностью переходного периода. Двойственность в отношении к себе, оценивании своего потенциала делает подростка более неустойчивым, конфликтным в поведении.

3. Деформация межличностных отношений и прежде всего нарушение взаимоотношений в семье. Для многих подростков-девиантов уже в 6–7-х классах родители не являются значимым каналом влияния: подростки не ощущают с их стороны поддержки, родители не становятся для своих детей эталоном поведения, общения между ними практически не происходит.

4. Дефицит общения с родителями восполняется за счет возросшего влияния других каналов социума (прежде всего сверстников). С одной стороны, данный фактор можно рассматривать как благоприятный. Потребность в общении со сверстниками в подростковый период усиливается, сфера общения с подростками становится важнейшей. Однако сверстники не могут полностью заменить влияния родителей и в силу своего возраста и отсутствия опыта не могут демонстрировать полностью адаптивное поведение, т. е. стать образцом поведения в трудных ситуациях. Примеряя на себя функции взрослого человека, подросток

не имеет реальных представлений о роли взрослого, у него отсутствует социальный опыт в данном вопросе, недостаток знаний о необходимых личных качествах в состоянии взрослости ведет к накоплению опыта поражений и неудач.

5. Наиболее значимыми стрессорами для группы девиантов являются: учебная деятельность, семейные конфликты, проблемы самооценивания (причем две последние наиболее выражены в группе неблагополучных подростков).

Вышеуказанные черты не позволяют сделать благоприятный прогноз на ближайшее развитие копинг-поведения группы подростков с отклоняющимся поведением. Имеющаяся в наличии база ресурсов не может способствовать формированию конструктивного копинга, а следовательно, будут продолжаться тенденции дезадаптации, которые могут приводить к дальнейшему закреплению асоциального поведения.

В настоящее время на основе полученных данных идет разработка коррекционно-профилактической программы по формированию необходимой ресурсной базы для адаптивного копинга. Одним из основных ее принципов является комплексное использование психологических, педагогических и социальных методов работы. В последние годы в силу многих обстоятельств снижается ведущая роль школы в ранней профилактике девиантного поведения. Для проведения коррекционных и профилактических мероприятий с этой группой подростков педагогического коллектива школы явно недостаточно. Необходимо привлекать родителей, социальные службы и правоохранительные органы.

Библиографический список

1. Клейберг, Ю. А. Психология девиантного поведения / Ю. А. Клейберг. – М., 2003.
2. Леонова, Л. Г. Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте / Л. Г. Леонова, Н. Л. Бочкарева. – Новосибирск, 1998.
3. Сирота, Н. А. Профилактика наркомании алкоголизма / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский. – М., 2003.

О. Е. Морозова,
*соискатель кафедры философии
Московского государственного
областного университета*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Толерантность представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, обнаруживающийся в различных областях человеческой жизни. Проявляет себя как психологический феномен эмоциональной выдержки и феномен нравственный в отношении к другому человеку не как к средству, а как к цели, а также в виде религиозной веротерпимости или политического компромисса, выступает феноменом экзистенциальным в форме самоограничений человеческой свободы или общественным в виде существующих институций. Принцип толерантности лежит в основании практически любого социального взаимодействия и пронизывает все сферы жизни человека и общества, что позволяет рассматривать ее как феномен социальной жизни.

Однако изучать толерантность как явление в общем виде невозможно без выявления его носителя¹. Для определения данного понятия необходимо выявить субъектов взаимодействия и реализации толерантности.

Субъектность можно определить как самоощущение человека, включенного в социальные процессы, способность грамотно и эффективно входить в социальную реальность, создавая ее, и готовность нести ответственность за личный выбор и принятые решения. Следовательно, общество можно интерпретировать как общность различных субъектов. Если субъект является частью общего, под которым понимается социальность, тогда «общее может трактоваться не как результат сведения различий, а как связь между различиями, а социальное соответственно – как связь различных субъектов»².

Тематизацией структуры социального и формированием установок толерантной

культуры занимался П. Бурдье, позиция которого о характере современного социального субъекта согласуется с вопросом о переориентации его сознания. Данный процесс подразумевает изменение ценностной и смысловой иерархии субъекта; способа восприятия и конструирования; обнаружение когнитивных структур, ответственных за общий строй мышления и реализацию собственных моделей поведения субъекта. Другими словами, речь идет о ментальной толерантности (толерантности на уровне мышления).

Ментальная толерантность возможна при осознании индивидуумом разности как равенства. Такое равенство проистекает из понимания, что мы разделяем бытие вместе. Оно заключается в самой возможности говорить «мы», включающей понятие «я». Толерантность может быть понята не просто как условие совместного бытия с другими, но и как укорененность в со-бытии и готовность к нему. По мнению Т. Х. Керимова³, если толерантность на самом деле принадлежит сущности человеческого существа, то в той мере, в какой данная сущность принадлежит бытию-вместе. Поэтому бытие-вместе непосредственно связывается с равенством, толерантностью. Мы разделяем данную точку зрения в том, что социальность, трактуемая как бытие-вместе, требует другой онтологии бытия – гетерологии, для которой принципиально важной оказывается идея различия.

Отечественный теоретик П. К. Гречко занимался разработкой идеи единства различий в корневой системе толерантности и условно назвал его единством Другого. В данном случае рассматривается эволюционная цепочка человеческого общения, начинавшаяся с врага, затем смягчившаяся до Чужого и поднимавшаяся до уровня просто Другого. Другие – естественная и органичная для толерантности среда; это уважение личного достоинства партнера, равенство субъектов общения, готовность не только терпеть, но и понять, даже разделить иную точку зрения⁴.

¹ См.: Кемеров В. Е. Политсубъектная социальность и проблема толерантности // Толерантность и политсубъектная социальность. Екатеринбург, 2001. С. 17.

² См.: там же. С. 16.

³ См.: Керимов Т. Х. Проблемы толерантности и социальная гетерология // Толерантность и политсубъектная социальность. Екатеринбург, 2001. С. 26–27.

⁴ См.: Гречко П. К. Толерантность: индентификация предельных оснований // Толерантность и политсубъектная социальность. Екатеринбург. 2001. С. 55.

Рассматриваемые основания толерантности можно определить как интенцию Другого (лат. *intention* – намерение, тенденция, стремление, направленность сознания, мышления на какой-либо предмет)¹.

Весьма интересными социально-философскими воззрениями, позволяющими расширить представление о данной философской категории, являются взгляды персоналистов. Однако в соотношениях «Я – Мы», «Я – Другой» акцент делается на «Я» как «узел» социальности.

Так, французский философ Э. Мунье утверждал: «*Мы* не вытекает из *Я*; *Мы* не может предшествовать *Я*. *Мы*, как духовная реальность, являющаяся результатом *Я*. *Мы* возникает не из стирания личностей, а из их осуществления»². Личность формируется только тогда, когда ощущается внутреннее стремление к самореализации, ценностям, которые ее превосходят. «Мы» реализует себя как сообщество, когда каждый открывает для себя другого как личность. Такое сообщество образуется путем движения от ближнего к ближнему. Обучение жизни в сообществе является обучением восприятию ближнего как личности в его отношении к моей личности, общению с «Ты». По мнению Э. Мунье, «Другой» превращается в элемент сообщества с того момента, когда становится для какой-то другой личности второй личностью, однако желаем, как первая личность во взаимоотношениях с ней.

Рассматривая взаимосвязь между ступенями формирования общества и личности, Э. Мунье обнаружил очень важную проблему внутренней мотивации человека – быть толерантным по отношению к «Другому». «Я» и «Ты», сохраняя индивидуальность, формируют собой сообщество, основанное на взаимопроникновении личностей. Опыт сообщества – это «присвоение» опыта ближнего.

Необходимо отметить, что формы «присвоения» могут быть различными. Так, отношения «Я – Другой» могут реализовываться в допущении возможности бытия «Другого», однако бытия неистинного, неуместного. В этом случае отношение к «Другому» будет выражаться в виде снисхождения к нему.

Данная модель отношений в своей интенции устремляется ко второй, логика которой выражается в возможности сосуществования двух «Я», которые при сохранении своей онтологической инаковости способны вступить в диалог и достичь взаимопонимания. При этом «Другой» уже будет не совсем «Другим», так как произойдет присвоение, растворение его инаковости в мышлении чужого «Я». Даже оставаясь в образе «врага» «Другой» занимает свое место в чужой системе жизненных координат. Отношение к «Другому» может выражаться также в виде отношений различных «Других», где изначально существует установка на взаимодействие, диалог и изменение позиций, что в конечном итоге предопределяет позитивную изменчивость социального мира.

Принадлежность индивида к тому или иному сообществу абсолютна и его личная история представляет собой череду вступлений в различные сообщества и выходов из них. Основа организации таких взаимодействий представляется в виде системы позиций, которые соотносятся друг с другом по принципу взаимодополнения. Это обуславливает способ сосуществования противоположностей, противоречий, которые поддерживают отношения и взаимодействия в системе.

Толерантность в логике сообщества возможна постольку, поскольку возможно сосуществование сообществ вообще.

Необходимо отметить, что само сообщество распадается на множество и приобретает сложный, «сложенный» характер. В каждом сообществе существует возможность реализации других его форм и способов структурирования множества иных сообществ. Только в силу своей «сложенности» сообщество и существует как сообщество. Само упоминание сообщества в единственном числе оказывается всегда условным, скрывающим за собой множественность. По мнению Д. В. Котелевского, толерантность можно рассматривать как предел или разрез (*coupure*), рассекающий сообщество и обнаруживающий его изнанку, вернее множество изнанок³. То-

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 183.

² Мунье Э. Персоналистская и общностная революция // Манифест персонализма. М., 1999. С. 70–71.

³ См.: Котелевский Д. В. Толерантность как изнанка сообщества // Социальная гетерология и проблема толерантности: Материалы круглого стола. Екатеринбург, 2003. С. 87–97.

лерантность всегда существует как открытость для возможности бытия другого сообщества.

Таким образом, открываются новые возможности для интерпретации статуса субъекта сообщества, который всегда включает в себе «сложенность» как свойство сообщества и толерантность как ее условие. Данная категория является возможностью существования сообщества, соединяющей в себе качества единичности или множественности. Здесь формируется как сама толерантность, так и проблема ее разрешимости как социального феномена, лежащего в основании человеческого взаимодействия и жизнедеятельности, вклю-

С. А. Семёнов,

заместитель начальника кафедры

уголовного права и криминологии

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Правильное определение субъекта уголовной ответственности имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Решение вопроса о времени возникновения и объеме прав и обязанностей у реального, конкретного лица, совершившего преступление, напрямую связано с обеспечением законности при ограничении конституционных прав и свобод человека и гражданина, что предполагает уголовная ответственность.

Следует отметить, что в определении прав и обязанностей субъекта уголовной ответственности и участника процессуальных правоотношений наблюдаются различия.

В аспекте соотношения уголовно-правового и уголовно-процессуального правоотношения особо актуальна проблема соотношения субъективных материальных и процессуальных прав.

Т. А. Сулейманов, различая понятия субъектов материальных и процессуальных отношений, отмечает: «То или иное лицо становится субъектом уголовного правоотношения и обязано понести уголовную ответственность не в силу того, что оно при-

ченного в априорную логику традиционного социального мышления.

Библиографический список

1. *Гречко, П. К.* Толерантность и идентификация предельных оснований / П. К. Гречко // Толерантность и политсубъектная социальность. – Екатеринбург, 2001.

2. *Кемеров, В. Е.* Политсубъектная социальность и проблема толерантности / В. Е. Кемеров // Толерантность и политсубъектная социальность. – Екатеринбург, 2001.

3. *Керимов Т. Х.* Проблемы толерантности и социальная гетерология / Т. Х. Керимов // Толерантность и политсубъектная социальность. – Екатеринбург, 2001.

знано подозреваемым, обвиняемым и т. д., а потому, что оно совершило преступление. В уголовном материальном правоотношении субъект – это лицо, действительно совершившее преступление... Субъекты уголовно-процессуальных правоотношений суть динамичная форма поэтапного процесса познания субъекта уголовного правоотношения и учиненного им деяния, их обнаружения и нормативной фиксации»¹.

Процессуальная деятельность не образует особого, самостоятельного этапа в содержании уголовной ответственности, так как является его отражением и внешним выражением. Процессуальными отношениями оформляется, вводится в законные рамки движение материального отношения ответственности, взаимодействуя с ними².

Юридическим фактом, влекущим возникновение отношения уголовной ответственности, является совершение преступления, а не процессуальный акт возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого, предания суду или вынесения приговора. Именно с совершением преступления закон связывает все те последствия, которые предусмотрены для лица, виновного в его совершении. Лицо, совершившее преступление, как субъект уголовной от-

¹ Сулейманов Т. А. Лицо, совершившее преступление, как субъект уголовного правоотношения: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 103, 128.

² См.: Заднепровская М. В. Осуществление юридической ответственности и социалистическая законность: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 77.

ветственности в последующем может стать обвиняемым, подсудимым, осужденным, т. е. субъектом процессуальных отношений. Однако при условии, что преступление осталось необнаруженным, неизвестным для правоприменительных органов или к ответственности привлечен невиновный, этого может и не произойти.

Таким образом, субъектом уголовно-правового правоотношения может быть только лицо, совершившее преступление. Субъектом же процессуальных правоотношений могут быть обвиняемый, подсудимый, осужденный и др.

Для общей характеристики субъекта ретроспективной уголовной ответственности необходимо определить, с какого момента деликтоспособный субъект права приобретает данное качество. Решение этой проблемы непосредственно связано с вопросом о возникновении уголовной ответственности. Имеющиеся научные концепции относительно выбора момента ее возникновения и прекращения возможно объединить в три группы.

1. Отношения уголовной ответственности порождаются только преступлением. Согласно этой точке зрения ответственность представляет собой определенный более или менее длительный процесс, который начинается с момента совершения правонарушения и проходит в своем развитии несколько стадий. Так, Н. С. Лейкина отмечала, что уголовная ответственность возникает в момент совершения преступления и оканчивается обычно с отбытием наказания, а также погашением судимости¹.

2. Момент возникновения уголовной ответственности является фактом привлечения лица в качестве обвиняемого².

3. Возникновение уголовной ответственности связывается только с моментом вынесения обвинительного приговора су-

дом, признающим сам факт преступления, совершенного определенным лицом³.

Общим во второй и третьей концепции является связывание момента возникновения уголовной ответственности с деятельностью компетентных государственных органов или различными стадиями правоприменения. Мы солидарны с представителями первой концепции, которые полагают, что правоприменительная деятельность не может вызвать возникновение уголовной ответственности. Сторонники данной концепции объективно рассматривают правовые явления (в частности, преступление и уголовную ответственность), т. е. расценивают возникновение ответственности как объективный факт, не зависящий от субъективной воли правоприменителей.

В позиции авторов, связывающих момент возникновения ответственности с деятельностью правоприменительных органов, наблюдаются следующие непреодолимые внутренние противоречия. Ответственность зависит не от объективного обстоятельства (совершение преступления), а от качества работы правоприменительных органов. При этом неразоблаченный преступник не несет ответственности, так как такую ответственность несет невиновный гражданин, который был ошибочно обвинен в совершении преступления и подвергнут мерам государственного принуждения⁴.

На наш взгляд, решение вопроса о моменте возникновения уголовной ответственности следует искать в плоскости, определяющей подход к пониманию права. Право есть явление объективного мира, существующее вне зависимости от субъективной воли индивида. Оно включает в себя закон, т. е. коллективную волю индивидов, возведенную в общеобязательное правило поведения, обеспеченную принудительной силой государства, созданного этими же индивидами. Волевые решения,

¹ См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 31.

² См., напр.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963. С. 21–23; Ярославский В. Понятие привлечения к уголовной ответственности // Соц. законность. 1968. № 4. С. 46; Огурцов Н. А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 162.

³ См., напр.: Кузнецова Н. Ф. Понятие уголовной ответственности // Курс уголовного права: В 5 т. М., 1999. Т. I. Общая часть. С. 193; Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959. С. 99; Самощенко И. С., Фарукишин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 67.

⁴ См.: Лейст О. Э. Санкция и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 139, 198.

выраженные в законе, являются субъективным отражением объективной действительности. По своей сути «законы государства (позитивные юридические нормы) еще не есть право, — отмечает Н. В. Витрук. — Они есть процесс познания права, процесс отхода или приближения к нему»¹.

В соответствии с этим подходом к пониманию права объективный факт правонарушения является не только основанием юридической ответственности, но и моментом ее возникновения. Это происходит независимо от того, обнаружено или нет правонарушение компетентными органами государства, стало оно предметом разбирательства или не стало. Б. Т. Базылев отмечал: «Ни констатация фактов правонарушения компетентными лицами, ни акт привлечения лица к ответственности, ни акт применения юридической санкции, ни ее реализация не могут породить право государства наказать человека, кроме действительного факта совершения правонарушения. Юридическая ответственность возникает объективно, а вовсе не по воле тех или иных государственных органов»².

Одним из аргументов в пользу того, что уголовная ответственность возникает лишь после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, является ссылка на презумпцию невиновности, которая означает, что только суд вправе сделать окончательный вывод о виновности лица, а бремя доказывания вины лежит на соответствующих государственных органах. Вместе с тем презумпция невиновности не устраняет материальной основы деятельности органов правосудия в процессе установления объективной истины по делу. Суд не создает своим обвинительным приговором вину лица в совершении преступления, а познает в процессе судебного разбирательства, что она существует объективно во внешнем мире. Поэтому суд не может своим актом создавать уголовную ответственность, он лишь осуждает винов-

ного и назначает вид и меру наказания в пределах соответствующей санкции.

Уголовная ответственность начинает существовать с момента совершения преступления. Она объективна в своем бытии, как и само противоправное деяние, и не зависит от того, привлечено ли лицо к ответственности или нет. Наоборот, привлечение лица к ответственности основано на уже возникшей ранее его обязанности отвечать за совершенное преступление. Уголовная ответственность объективно существует и тогда, когда лицо, совершившее преступление, скрывается от правоохранительных органов. В этом случае она остается нереализованной. Именно поэтому давностные сроки привлечения к ответственности исчисляются с момента совершения преступления, а к виновному применяется закон, действовавший во время его совершения.

Таким образом, с момента совершения преступления и до его обнаружения уголовная ответственность уже существует, т. е. у объективно существующего правонарушителя появилась обязанность понести лишения, предусмотренные соответствующей санкцией уголовно-правовой нормы. Однако в силу того, что лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, не обнаружено компетентными органами государства, оно продолжает использовать в полном объеме без каких-либо ограничений принадлежащие ему права и свободы. Поэтому неотвратимость и скорейшая реализация указанной обязанности зависят от высокого качества работы правоприменителя, а также в некоторой степени от воли и уровня правосознания самого лица, совершившего преступление.

Таким образом, обладающий деликтоспособностью субъект уголовного права становится субъектом ретроспективной (негативной) уголовной ответственности с момента совершения им противоправного деяния, т. е. преступления.

В соответствии с развитием правоотношения уголовной ответственности выделяются следующие ее стадии:

- 1) возникновение уголовной ответственности;
- 2) конкретизация уголовной ответственности;

¹ Витрук Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 521.

² Базылев Б. Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985. С. 90.

3) реализация уголовной ответственности¹.

Первая стадия начинается с момента совершения преступления и длится до обнаружения его компетентными органами государства. Началом стадии конкретизации является обнаружение факта преступления; заканчивается она составлением постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого. Стадия реализации начинается с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда и заканчивается погашением судимости. Мы не согласны с точкой зрения М. Д. Шиндяпиной, считающей моментом окончания данной стадии исполнение наказания².

Развитие отношения уголовной ответственности может прекратиться не только после завершающей стадии, но и на любой из предыдущих (например, при возникновении оснований для освобождения от нее).

Характерным для каждой из названных стадий является то, что у привлекаемого к ретроспективной уголовной ответственности лица могут происходить количественно-качественные изменения в его индивидуальном правовом статусе. Некоторые его права, свободы и обязанности могут быть ограничены и могут появиться существенно новые, связанные именно с привлечением данного субъекта уголовного права к

уголовной ответственности и ее реализацией. Кроме того, правовое положение виновного лица, а также права и обязанности субъекта правоприменения на различных стадиях ответственности определяются комплексом уголовно-процессуальных правоотношений, которые непременно сопровождают материальное уголовно-правовое правоотношение ответственности и придают ему динамику.

Таким образом, субъект ретроспективной уголовной ответственности – это деликтоспособный субъект уголовного права, совершивший преступление, наделенный законом юридическими обязанностями и субъективными правами участника уголовно-правового охранительного правоотношения, возникшего с момента совершения преступления.

Библиографический список

1. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – М., 1963.
2. Огурцов, Н. А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве / Н. А. Огурцов. – Рязань, 1976.
3. Сулейманов, Т. А. Лицо, совершившее преступление как субъект уголовного правоотношения : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1995.

А. М. Сысоев,
*доцент кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат психологических наук*

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Проблема проявления экстремизма в России в последние годы становится все более актуальной. По статистическим данным ГИЦ МВД РФ, в 2004 г. было зафиксиро-

вано 130 преступлений экстремистской направленности, в 2005 г. – 152, за период с января по июль 2006 г. – 149, что почти на 97 % больше, чем за аналогичный период 2005 г.³ При этом следует отметить, что преступления террористического характера (в том числе по религиозным, политическим и национальным мотивам) не включены в число данных преступлений.

Рассматривая тему экстремизма в отечественном законодательстве, необходимо отметить отсутствие четкого понятия данного определения. По нашему мнению, действующая формулировка недостаточно конкретизирует и выделяет действия насильственного характера, что затрудняет работу правоохранительных органов по толкованию норм закона и принятию ре-

¹ См., напр.: Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 12.

² См.: Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности: Учеб. пособие. М., 1998. С. 45–48.

³ См.: <http://www.giz.mvd.ru>.

шения по их применению. Многие исследователи данного явления рассматривают терроризм как высший уровень экстремистской деятельности, так как это понятие предполагает осуществление террористической деятельности. Однако, говоря об экстремизме или экстремистской деятельности, некоторые из них изучают лишь терроризм и тем самым еще более затрудняют раскрытие данного феномена.

В. И. Власов, рассматривая экстремизм, понимает его как негативное явление, приверженность к крайним мерам, проявляющуюся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных законом общественно опасных действий или в аморальных деяниях, совершаемых с политическими, националистическими целями, или на почве расовой, религиозной вражды (ненависти)¹.

По нашему мнению, следует отказаться от определения терроризма как такового, а применять более понятный термин «террористический акт» или «террористическая деятельность». Однако в Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ данный момент не нашел своего отражения. На основании ст. 3 указанного Закона под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Данное определение связывает понятие терроризма не только с довольно широким кругом действий, но и с идеологией, т. е. системой взглядов, убеждений и т. д. Такое широкое понятие терроризма не согласуется с содержанием ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), предусматривающей ответственность за определенный круг действий. Таким образом, можно отметить несоответствие названия и содержания ст. 205 УК РФ, соотносящиеся друг с другом как общее и частное.

В ст. 24 рассматриваемого Закона, предусматривающей ответственность организаций за причастность к терроризму, к нему приравниваются преступления, предусмотренные ст. 205–206, 208, 211, 277–280, 282¹, 282² и 360 УК РФ.

По нашему мнению, в упрощенном понимании экстремизм является идеологией, направленной на появление национальной, религиозной, социальной и/или политической розни. Применительно к правовому полю уместно отказаться от трактовки экстремизма, а попытаться оперировать основными понятиями: «экстремистское сообщество (организация)» и «экстремистская деятельность».

В соответствии с ч. 1 ст. 282¹ УК РФ под экстремистским сообществом понимается организованная группа лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РФ: ст. 148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», ст. 149 «Воспрепятствование проведению собрания митингов, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них», ч. 1 и 2 ст. 213 «Хулиганство», ст. 214 «Вандализм», ст. 243 «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры», ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества», ст. 282² «Организация деятельности экстремистской организации».

Таким образом, в основе выделения преступности экстремистской направленности главную роль играет мотивация преступника: мотивы идеологической, социальной, национальной и религиозной ненависти.

Криминологическая характеристика личности правонарушителя позволяет в определенной степени объяснить причины отклоняющегося поведения, так как она

¹ См.: Власов В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика: Учеб.-метод. пособие. М., 2002. С. 8.

представляет собой структурированные сегменты качеств, прямо или косвенно связанных с антиобщественным поведением индивида, обуславливающих совершение преступления либо дающих возможность понять его причины.

Результаты изучения личности осужденного за преступления экстремистской направленности позволили выявить 62 осужденных мужского пола, отбывающих наказания в исправительных учреждениях общего и строгого видов режимов УФСИН России по Московской, Рязанской, Орловской и Вологодской областям.

Учитывая социально-демографический критерий, из 62 человек 51 был по национальности русским. Средний возраст осужденных – 27,5 лет, причем 68 % составляли осужденные в возрасте от 18 до 23 лет. По образовательному уровню преобладали лица с неоконченным средним образованием – 27 человек, средним (включая среднее специальное) – 22, неоконченным высшим – 10, высшим – 3. Только 12 % осужденных состояли в браке на момент осуждения, при этом у 8 % из них были дети.

Мотивом совершения преступления 64 % респондентов назвали национальную или религиозную вражду, 12 % – ситуаци-

онный конфликт с потерпевшим на почве личной неприязни, 24 % либо отказались отвечать на этот вопрос, либо недостаточно четко аргументировали причину совершения уголовно-наказуемого деяния (состояние алкогольного опьянения, нахождение в группе друзей, стремление снять эмоциональное напряжение).

В ходе опроса было выявлено, что около 70 % осужденных считают себя малообеспеченными, находящимися ниже прожиточного минимума.

Большинство осужденных (76 %) совершили преступление в составе группы. Примерно 30 % находились в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения.

В целом исследование подтвердило, что экстремизм является социальной болезнью общества, которой чаще подвержены лица морально незрелые, с низким уровнем интеллекта, преимущественно малообеспеченные, склонные винить в своих неудачах других.

Библиографический список

1. <http://www.giz.mvd.ru>.
2. Власов, В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика : учеб.-метод. пособие / В. И. Власов. – М., 2002.

И. А. Тараканов,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМА СВОЕВРЕМЕННОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Одним из условий правомерности необходимой обороны является наличие посягательства, которое характеризует своевременность акта обороны. Начавшимся считается такое посягательство, при котором охраняемые законом права и интересы нарушаются фактически, т. е. им уже причиняется вред действиями, образующими объективную сторону конкретного состава преступления. Однако следует заметить, что «состояние необходимой обороны наступает не только в самый момент общест-

венно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения»¹.

Соответственно необходимая оборона допустима не только против уже фактически начавшегося нападения, но и непосредственно предстоящего посягательства при наличии такой обстановки, когда охраняемые законом права и интересы подвергаются реальной опасности. То есть нападение является наличным при существовании непосредственной угрозы нападения². Например, устрашение путем демонстрации оружия и иных предметов, с помощью ко-

¹ Вопросы уголовного права в нормативно-правовых документах: Сб. постат. материалов: В 2 ч. / Владим. юрид. ин-т; сост.: В. В. Меркурьев, Б. Ю. Житников, А. П. Полуэктов, С. А. Пичугин. Владимир, 2006. Ч. 1. Общая часть. С. 74.

² См.: *Сергеева О. Н.* Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 27–28.

торых жизни или здоровью лица может быть причинен тяжкий вред.

Признание посягательства наличным при реальной угрозе нападения полностью соответствует нравственным критериям оценки действий обороняющегося. Следует отметить, что было бы откровенно несправедливо лишать человека права на необходимую оборону до того момента, пока посягающий не причинит фактического вреда тем или иным правоохраняемым интересам. Если лицо будет вынуждено дожидаться фактического осуществления посягательства, то оно вообще может лишиться возможности пресечь действия посягающего. В Воинском артикуле Петра I отмечалось: «Не должен есть себе от соперника первый удар ожидать, ибо через первый удар может такое причиниться, что и противиться весьма забудет»¹.

Таким образом, обороняющийся принимает волевое решение на совершение оборонительных действий в зависимости от поведения посягающего. Аналогично он воспринимает наличность посягательства.

В связи с этим необходимо определить, какие особенности внешнего поведения посягающего свидетельствуют о том, что посягательство объективно является наличным, т. е. осуществляемым или непосредственно предстоящим.

Практически любое насильственное деяние закономерно начинается с действий нападающего, направленных на сокращение дистанции между ним и жертвой. Эта дистанция зависит от орудий и средств, используемых посягающим. Кроме того, для посягательств, не связанных с использованием огнестрельного или метательного оружия, требуется довольно близкое расстояние, обычно не превышающее длины вытянутой руки.

Вместе с тем сами по себе любые действия лица, направленные на сокращение дистанции, не могут служить безусловным показателем наличности посягательства. Например, поведение лица, подошедшего узнать который час, вряд ли может восприниматься как представляющее реальную угрозу.

Однако попытка внезапного резкого сокращения дистанции представляется объективно свидетельствующей о наличии угрозы. Во многих случаях успех посягатель-

ства зависит от быстроты действий. Например, для уличных грабежей, совершаемых путем вырывания сумок у прохожих, характерна следующая схема: преступник подбегает к жертве, преимущественно находясь вне зоны ее видимости, быстро срысывает сумку с плеча или вырывает ее из рук и мгновенно скрывается. Непосредственное взаимодействие с жертвой в таком случае занимает не более нескольких секунд. За столь короткий промежуток времени обороняющийся физически не успеет отреагировать на нападение, поэтому в данной ситуации он вправе считать посягательство наличным с того момента, когда услышал быстро приближающиеся шаги.

Вместе с тем необходимо отметить, что обороняющийся должен быть уверен, что лицо пытается сократить дистанцию именно с ним. В противном случае он может причинить вред лицу, просто пробегающему мимо (тренирующийся спортсмен, опаздывающий куда-либо прохожий и т. п.). Поэтому гражданину, находящемуся в указанной ситуации и почувствовавшему опасность, рекомендуется переместиться в направлении от предполагаемого посягающего (например, сойти с пешеходной дорожки на газон, перейти на другую часть улицы и т. д.). Если подозрительное лицо продолжает навязчиво преследовать и пытаться сократить расстояние, то обороняющийся вправе считать посягательство наличным, а следовательно, может обороняться путем причинения вреда посягающему.

Обнаружение умысла, выраженное в виде угрозы физической расправой, также должно рассматриваться как свидетельство о наличности посягательства. Причем обороняющийся вправе считать посягательство наличным независимо от намерений посягающего на реализацию умысла.

Особого внимания заслуживают особенности выражения данной угрозы. Особая интонация, повышенная эмоциональная жестикуляция, повышение голоса, а также признаки алкогольного или наркотического опьянения позволяют судить о реальности осуществления угрозы, т. е. о наличности посягательства.

Демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, также объективно свидетельствует о наличности посягательства. Однако под демонстрацией в

¹ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1986. Т. 4. С. 357.

данном случае следует понимать действия, явно свидетельствующие об агрессивных намерениях лица. К таким действиям относятся: размахивание оружием, выпады в сторону жертвы, удары по предметам материального мира, расположенным в непосредственной близости от обороняющегося.

Для групповых посягательств характерно стремление нападающих предварительно окружить обороняющегося с целью нанести удары с разных сторон. Поэтому, если гражданин замечает, что к нему одновременно быстро приближаются несколько подозрительных незнакомых людей, он вправе реализовать свое право на необходимую оборону.

Немаловажное значение имеют такие условия рассматриваемой ситуации, как время и место. Обороняющийся, находясь ночью на слабо освещенной улице, воспринимает окружающую обстановку совсем иначе, нежели днем. И рассматриваемые выше особенности поведения незнакомых ему лица (лиц) вполне могут свидетельствовать о действительном и наличном общественно опасном посягательстве.

Таким образом, следует признавать угрозу нападения реальной при наличии следующих внешних признаков:

- попытка резкого сокращения дистанции или преследование лица;
- агрессивное высказывание угроз физической расправой;
- демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия;
- стремление незнакомых граждан окружить лицо.

Данный перечень является открытым, поскольку перечислить все признаки, свидетельствующие о наличии посягатель-

ства, вряд ли возможно, так как каждое посягательство отличается своими особенностями поведения нападающих, зависящих от характеристик посягающего и конкретной обстановки посягательства.

Необходимо отметить, что наличие в поведении нападающего не одного, а нескольких из вышеуказанных признаков безоговорочно свидетельствует о том, что посягательство является наличным, действительным, а не мнимым.

В ситуации «нападение – оборона» посягающий изначально находится в более выгодном положении, чем обороняющийся. У нападающего существует гораздо больше времени для планирования собственных действий. Он полностью осознает истинный характер совершаемого посягательства, ясно представляет момент начала и окончания нападения. Обороняющийся же действует в весьма невыгодных условиях, обусловленных прежде всего внезапностью нападения. Поэтому при расследовании ситуаций, связанных с оборонительными действиями, необходимо уделять серьезное внимание особенностям восприятия оборонявшимся обстановки посягательства.

Библиографический список

1. Вопросы уголовного права в нормативно-правовых документах : сб. постат. материалов. В 2 ч. Ч. 1. Общая часть / Владим. юрид. ин-т ; сост. : В. В. Меркурьев [и др.]. – Владимир, 2006..

2. *Сергеева, О. Н.* Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

А. В. Хохлов,
*профессор кафедры теории
и истории государства и права
Ивановского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент*

КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН

Понятия «общество» и «государство» не являются тождественными, т. е. равнозначными, а значит, их следует различать. Формирование гражданского общества за-

няло несколько веков. «Отсчет становления гражданского общества ведется от революции в Англии (1640–1649 гг.), с которой начинается история Нового времени»¹. Вместе с тем этот процесс не завершен ни в нашей стране, ни в мировом масштабе. Основой гражданского общества является принцип всеобщего равенства людей, определивший качественно новое положение личности в обществе и государственное законодательное признание юридического

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.

равенства людей (например, Билль о правах (Англия, США), Декларация прав человека и гражданина (Франция).

Обособление гражданского общества от основного института политической системы привело к ряду государственно-правовых последствий, характерных для государств современной эпохи в отличие от феодальной.

Во-первых, разграничение сфер личных (частных) и общих (публичных) интересов нашло отражение в системе права, заключающееся в делении его на частное и публичное.

Во-вторых, развитие гражданского общества породило представление о конституции как о законе, определяющем не только устройство органов власти, права и свободы граждан (Билль о правах, Декларация прав человека и гражданина), но и их защиту со стороны государственных органов. Таким образом, конституция определяется как договор о распределении власти между обществом и государством.

В-третьих, развитие конституционного законодательства касается не только закрепления прав и свобод членов гражданского общества, но и предоставления гражданам средств воздействия на государственную власть для защиты своих прав и свобод.

По ст. 1 Конституции РФ 1993 г. Россия является правовым государством с республиканской формой правления. Теорию правового государства сформировал на основе теории естественного права И. Кант, который вслед за Ж.-Ж. Руссо обосновал идею народного суверенитета, защиты прав человека и гражданина и уверенности в себе каждого жителя за свое благополучие.

Концепция правового государства в российской науке права возникла на рубеже XIX–XX вв. Ее представляли А. Алексеев, Н. Коркунов и др. Частично идеи правового государства были реализованы в «Основных законах» 23 апреля 1906 г., закрепивших переход России к конституционной монархии. Однако в силу ряда причин правовому государству не суждено было утвердиться. Во-первых, право в России никогда не имело достаточной ценности, во-вторых, правовой нигилизм был присущ не только русской бюрократии, но и народу.

Эта проблема нигилизма продолжает существовать и ждет своего решения (слова Президента РФ В. В. Путина о том, что законы разрабатывают десятки и сотни тысяч человек, а миллионы граждан ждут пути их обхода, особенно актуальны в наши дни). В-третьих, российским гражданам свойственно было искать высшую справедливость в монархе, верховном правителе и др. В-четвертых, стоящие власти всегда объявляли правом свою волю (воля монарха, наместников, губернаторов, воевод и др.). Наконец, в-пятых, огромная территория, неоднородный национальный состав, условия формирования «единой и неделимой России» способствовали имперскому сознанию и имперскому методу власти. После переворота 25 октября 1917 г. к этим причинам добавились новые: отрицание большевиками преемственности в праве, подмена общечеловеческих ценностей «революционной целесообразностью» и «социалистическим правосознанием» в годы советской власти. В результате в революционной среде отсутствовала правовая культура (нелегальный захват власти), тоталитарное руководство внедряло идеологию одной партии, возвеличивало роль карательных органов, культ вождя.

Правовые устои стали формироваться в СССР только после XX съезда КПСС. Чтобы они полностью воплотились в жизнь, должен пройти достаточно длительный период, поэтому ст. 1 Конституции РФ следует понимать не как достигнутые завоевания, а в качестве цели всей государственной системы.

Ряд исследователей считают правотворческую деятельность государства подлинным и единственным источником права. Другие полагают основой взаимодействия «право», возникшее до появления государства. Действительно, в государстве бывают ситуации, когда оно, по определению Т. Гоббса, «имеет право на все» (например, Россия в эпоху Петра I, И. Сталина, Германия времен А. Гитлера, Камбоджа – Пол Пота и другие мрачные страницы мировой истории).

Огромную роль в духовной организации общества и развитии государственности сыграло христианство. Храмы осуществля-

ли духовное просвещение населения, выступали центром информационных систем, хранителями социальной информации. Кроме того, они занимались составлением исторических хроник, прежде всего летописей, имеющих юридическое значение, поскольку в них обосновывались права тех или иных лиц, претендующих на власть, на престол, а также содержались поучения и прославление дел князя и его окружения¹.

По форме правления современная Россия представляет собой президентско-нормативную республику, основанную на разделении властей. Формирование института президентства в России отвечает общим закономерностям современной международной государственности: из 183 государств при ООН 130 имеют президентскую форму правления.

Сложной остается характеристика современной России по проблемам федерального национально-государственного устройства, так как в ее состав входят республики с ограниченным суверенитетом (гл. 3 Конституции РФ), автономные области, автономные округа, а также административно-территориальные образования (края, области). В этой сфере существует исключительная компетенция федеральной власти.

Политический режим Российского государства – либерально-демократический, который в отличие от тоталитарного контроли-

рует все сферы общественной жизни, позволяет соблюдать и защищать права и свободы человека в области Конституции РФ. Однако законы не стали пока еще основой политического режима, недостаточны судебная защита прав и свобод граждан и ответственность за нарушения закона со стороны бюрократических органов власти. Существуют проблемы, требующие изменения или внесения поправок в Конституцию страны.

Дальнейшее развитие правового государства в России зависит от самих граждан и от тех, кто занимает высшие ступени власти.

Первоочередными задачами в решении проблем теории государства и права должны стать: преобразование правовой и государственной систем, особенно возвышение суда, превращение его в действительно третью ветвь власти; возвращение к тем правовым ценностям, которые были накоплены в дореволюционной России, но были прерваны переворотом 25 октября 1917 г. Наконец, самой главной задачей нашего времени является восприятие всех ценностей мировой правовой культуры во имя возрождения Отечества.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1990.
2. *Теория государства и права*. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. А. Б. Венгерова. – М., 1996.

¹ См.: Теория государства и права: В 2 ч. / Под ред. А. Б. Венгерова. М., 1996. Ч. 1. С. 183.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. Г. Бубнова,
*старший инспектор адъюнктуры
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ МИЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД 1920–1921 гг.

В результате победы Октябрьской революции 1917 г. и последующих за ней изменений не только в политической, но и экономической жизни России Советское государство национализировало значительное количество предприятий в различных отраслях промышленности, «...которые, не будучи охраняемы или в лучшем случае плохо охраняемы, подвергались постоянным и весьма настойчивым покушениям со стороны преступных элементов»¹.

В связи с этим СНК РСФСР возложил на НКВД обязанности по охране социалистической собственности путем создания специального органа – промышленной милиции.

В соответствии с данным распоряжением 29 ноября 1919 г. Главное управление милиции издало циркуляр № 8388, в котором указывалось: «...ввиду того, что от различных учреждений поступают ходатайства, чтобы охрану различных фабрик и заводов и т. п. приняла на себя милиция, Главным Управлением Милиции предпринимаются меры объединения всех видов общественной охраны, которая... носит самый разнообразный характер и находится почти безо всякого контроля и не представляет собой должной дисциплинированной вооруженной силы, способной охранять имущество Республики от массовых хищений»².

Во все губернии направляется приказ Главного управления милиции от 21 фев-

раля 1920 г. № 173, предписывавший открыть в них отделения промышленной охраны и одновременно направить свои сообщения по поводу организации промышленной милиции на местах. Кроме того, губернским управлениям милиции приказывалось провести обследование состояния охраны промышленных предприятий и ответить на вопрос: «Можете ли вы с имеющимися у вас силами принять всю эту охрану в свое ведение?».

Программа обследования состояла из 11 пунктов и включала в себя сведения о наличии промышленных предприятий на территории губернии, о том, кто, как и с каким вооружением осуществляет охрану заводов и фабрик. Во Владимирском губернском управлении милиции сведения об этом поступали вплоть до осени 1920 г. В результате их анализа выяснилось, что в 1920 г. на территории почти всех уездов существовали различные промышленные объекты, требующие охраны. Так, например, в Александровском уезде насчитывалось 12 складов, 3 фабрики с 24 складами. Их охрану осуществляли невооруженные вольнонаемные сторожа, а в некоторых случаях – красноармейцы. Лишь отдельные фабрики, такие как Струнинская и Бельковская, охранялись милиционерами александровской уездной милиции³.

Во Владимирском уезде имелось 5 складов, 7 бумаготкацких фабрик, 1 лесопильный, 2 кирпичных и 1 смолоскипидарный заводы. Из них милиция охраняла только Лемешковскую, Собинскую и бывшую Бажановскую фабрики. Все остальные объекты охранялись невооруженными сторожами⁴.

В г. Владимире числилось 48 объектов, требующих охраны, среди них: 33 склада, 4 типографии, Народный банк. Как правило, все эти объекты охранялись вольнонаемными сторожами, не имеющими вооружения. Исключения составляли кожаный склад, охранявшийся красноармейца-

¹ Органы внутренних дел России 1802–2002: В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 155.

² ГАВО, ф. 310, оп. 1, д. 13, л. 1.

³ См.: там же, л. 12–17 (об.).

⁴ См.: там же, л. 32–34.

ми 143-го батальона, и винный склад № 1 на улице Нижегородской, находящийся под наблюдением частной вооруженной охраны¹.

В Вязниковском уезде насчитывалось 18 льнопрядильных и полотняно-ткацких фабрик, а также 8 складов с 20 отделениями. Причем охрану в г. Вязники осуществляла общая милиция, а в уезде – волостная².

В Гороховецком уезде все предприятия охранялись сторожами.

В Гусь-Хрустальном имелись 1 текстильная фабрика, завод хрусталя, кирпичный завод и столярные мастерские. Поскольку эти предприятия находились в городе, то они охранялись городской милицией³.

В Меленковском уезде из 7 заводов и фабрик милиция охраняла только Меленковскую льнопрядильно-ткацкую фабрику. Вся остальная охрана осуществлялась по вольному найму. Причем, согласно отчетам начальника меленковской уездной милиции, «...охрана на всех фабриках, заводах и складах крайне слабая, благодаря этому происходят массовые хищения как продуктов, так равно и материалов... Число сторожей, хотя и достаточно, но большинство из них преклонного возраста – старики, необходимо их заменить более молодыми»⁴.

Начальник милиции Муромского уезда докладывал, что в уезде насчитывалось 18 фабрик и заводов и 145 складов различного предназначения, которые не охраняются, поскольку «...ввиду отсутствия свободных милиционеров принять охрану всего этого невозможно»⁵.

В Переславль-Залесском уезде «...во всех охранах, за исключением милиции, нет дисциплины... Халатно относятся к своим обязанностям, следствием чего являются хищения»⁶.

Аналогичная ситуация складывалась и в Покровском уезде, где, по мнению начальника местной милиции, даже на пороховом заводе охрана была организована слабо и состояла из красноармейцев караульной роты и вольнонаемной наружной охраны,

одна часть из которых подчинялась начальнику милиции, другая – правлению завода, третья – военкомату. Кроме того, на пороховом заводе «...недостатков очень много... небрежное отношение к службе, спанье, самовольный уход с постов, невыходы на службу и т. п., бывали случаи неисполнения распоряжений администрации. Злоупотребления и преступления наблюдались чаще всего в воровстве спирта, в котором в большинстве случаев участвовала охрана»⁷.

Подобное положение дел наблюдалось и во всех остальных уездах Владимирской губернии. В целом на ее территории было обследовано 530 предприятий (фабрики, заводы, склады и проч.), а всего, по примерным подсчетам губернского управления милиции, во Владимирской губернии насчитывалось более тысячи промышленных предприятий различного характера. Их охрану, как правило, осуществляли вольнонаемные сторожа, численностью 970 человек. В отчете, направленном в Главное управление милиции, от 2 июня 1920 г. указывалось, что «...существующая в данное время охрана не удовлетворяет своему названию и нисколько не гарантирует сохранности государственного имущества... недостаточна по количеству, разнообразна по составу (наемные лица, красноармейцы, милиционеры). Заведование охраной сосредоточено в разных управлениях и ведется безо всякого плана и системы»⁸. Кроме того, охрана была плохо вооружена и недисциплинирована, отсюда массовые кражи товаров, орудий и материалов стали в губернии обычным и повсеместным явлением, бороться с которым можно было только путем создания промышленной милиции. Так, в рапорте начальника уездной милиции Юрьев-Польского говорилось: «...с имеющимися у меня силами милиции принять охрану названных фабрик, заводов и складов ввиду ограниченного штата и массы работ... не имею возможности... для этого необходимо увеличение милиции»⁹.

В связи с этим особого внимания заслуживает проект по организации промышленной милиции, представленный губерн-

¹ См.: ГАВО, ф. 310, оп. 1, д. 13, л. 36 (об.)–49.

² См.: там же, л. 51.

³ См.: там же, л. 55.

⁴ Там же, л. 61.

⁵ Там же, л. 63–64 (об.).

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 78–79.

⁸ Там же, л. 91.

⁹ Там же, л. 89.

ским управлением милиции. В нем, в частности, отмечалось, что промышленная милиция должна быть построена по образцу общей. При губернской милиции следовало учредить должность заведующего промышленной милицией, открыть вторые должности помощников начальника уездно-городской милиции. При милицеских районах подобные должности рекомендовалось не создавать, а учредить должности милиционеров-охранников, увеличив их количество на 50 % по отношению к числу имеющихся сторожей, а для отдельных предприятий учредить должности 11 конных милиционеров. Содержание промышленной милиции должно было соответствовать содержанию чинов общей милиции¹. Штат промышленной милиции предполагалось определить в следующем составе: один заведующий милицией, 12 уездных помощников, 200 старших конных милиционеров и 1800 младших из расчета по два на предприятие.

Следует отметить, что наряду с этим губерское управление милиции разработало проект организации губернского отдела промышленной милиции. Однако он не был утвержден.

Приказ от 15 июля 1920 г. № 5² по промышленной милиции советской России предписывал, что до издания особой Инструкции следовало образовать при губернской милиции отделения промышленной милиции во главе с начальником, и в зависимости от числа предприятий разбить всю губернию на промышленные районы (в которые бы входило либо одно предприятие, либо группа), причем по возможности совместить их с уездными и учредить должности начальника района, помощника, старших и младших милиционеров в количестве, необходимом для фактических нужд охраны.

Таким образом, к ноябрю 1920 г. во Владимирской губернии штат промышленной милиции насчитывал 800 человек, при этом впоследствии предполагалось увеличить его до 2025 человек.

Основными обязанностями сотрудников промышленной милиции являлись «...не

только окарауливание экономического достояния Республики, но и наблюдение за исполнением общих декретов и распоряжений органов государственной власти в отношении охраны как средств производства и запасов сырья, так и фабрикатов и полуфабрикатов, находящихся в процессе производства, и всемерное содействие в борьбе с преступлениями, разрушающими новое строительство хозяйственной жизни Республики»³.

Правовое положение промышленной милиции было недостаточно регламентировано актами органов центрального управления. Вся деятельность регулировалась ведомственными правовыми актами НКВД РСФСР и приказами Главного управления милиции. Так, в соответствии с приказом от 1 октября 1920 г. основные обязанности промышленной милиции заключались в несении всей охраны завода как внутри, так и вне его, контроль за входом и въездом, выходом и вывозом. Администрация заводов и фабрик не имела права вмешиваться в деятельность промышленной милиции и не могла контролировать службу охраны, но в случае обнаружения недостатков в организации охраны она имела право сообщать об этом соответствующим районным начальникам промышленной милиции. Количество постов и форма пропусков на территорию предприятия устанавливались по согласованию с администрацией. Ответственным за охрану отдельных заводов и фабрик назначался старший милиционер (или старший команды милиционеров), охранявший предприятие.

До ноября 1920 г. промышленная милиция существовала самостоятельно, однако кроме непосредственной охраны предприятий она выполняла обязанности общей милиции (например, исполнение приговоров народных судов, вручение повесток «от фабрик, заводов, судебных властей», сопровождение арестованных). Это привело к тому, что промышленная милиция часто не справлялась со своими основными обязанностями. В целях объединения усилий промышленной милиции и уездно-городской и во избежание двоевластия и парал-

¹ См.: ГАВО, ф. 310, оп. 1, д. 13, л. 91, 91 (об.).

² См.: там же, л. 104.

³ Там же, л. 101 (об.).

лелизма в их работе 19 ноября 1920 г. отдел промышленной милиции при Главном управлении милиции был преобразован в промышленное отделение, что стало причиной проведения реформы по реорганизации промышленной милиции на местах. В частности, предписывалось упразднить самостоятельные ее отделения при губернских милициях, учредить должность помощника начальника уездно-городской милиции по промышленной милиции, передать весь личный состав в штат уездно-городской милиции и подчинить начальнику последней районы промышленной милиции¹.

Н. И. Нарышкина,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

НАЗНАЧЕНИЕ ТЮРЕМ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Тюрьмы России имеют многовековую историю функционирования. Становление тюрем в качестве самостоятельного карательного учреждения связано с Судебником 1550 г., в 22 статьях которого нашел закрепление термин «тюрма»². Анализ норм Судебника 1550 г. свидетельствует о неопределенном социальном назначении тюрем, что подтверждается отсутствием информации о возлагавшихся на них целях и задачах, а также функциональных обязанностях тюремного персонала.

По нашему мнению, это может быть связано с тем, что общественное сознание находилось в переходной стадии восприятия процесса назначения и исполнения наказаний. С одной стороны, цель устрашения жестокостью наказаний и публичность их исполнения, преобладающие в обществе XVI в., диктовали приоритеты назначению

В результате в декабре 1921 г. промышленная милиция Советской республики была упразднена и создана новая форма организации охраны промышленных объектов – ведомственная милиция.

Библиографический список

1. Аладьина, Л. С. История отечественных правоохранительных органов (1917 г. – начало XXI в.) : учеб. пособие / Л. С. Аладьина, Д. А. Ерин, И. Н. Федотова ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2006.
2. Органы внутренних дел России. 1802–2002. В 2 т. Т. 1. – М., 2002.

смертной казни, телесных и позорящих наказаний. С другой стороны, государство предусматривало возможность изоляции социально-опасных элементов в охраняемых учреждениях. Задачу исполнения наказаний в виде лишения свободы приняли на себя именно тюрьмы. Кроме того, они реализовали меру предварительного заключения лица до предоставления «порук»³.

Институт тюремного заключения получил дальнейшее развитие в ст. 61 Соборного уложения 1649 г.⁴ Расширилось число составов преступлений, сроки тюремного заключения в большинстве случаев были строго конкретизированы, а также увеличилось количество случаев использования тюрьмы в качестве места предварительного заключения. Помимо замены «порук» в тюрьмах содержали преступников до исполнения основного наказания: для покаяния, поимки сообщников, до момента рождения осужденной женщиной ребенка⁵. Следует также отметить появление норм уголовно-исполнительного характера: 10 статей Соборного уложения 1649 г. содержали сведения о цели деятельности тюрем, их организационной структуре и функциональных обязанностях персонала.

В XVII–XIX вв., несмотря на некоторый правовой вакуум, связанный с тем, что Ар-

¹ См.: ГАВО, ф. 310, оп. 1, д. 20, л. 51.

² См.: Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 97–120.

³ См.: там же. Ст. 6, 12.

⁴ См.: Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. Акты Земских соборов. С. 83–257.

⁵ См.: там же. Ст. 202 гл. X; ст. 21, 34, 38, 64 гл. XXI; ст. 15 гл. XXII.

тикул воинский 1715 г. предусматривал назначение наказания в виде лишения свободы только в 17 артикулах, а Проект устава о тюрьмах Екатерины II 1787 г. опубликован не был, на практике именно тюрьмы составляли основу всей карательной системы государства, исполняя наказание в виде лишения свободы, ссылки, каторжных работ, а также реализовали меру процессуального принуждения в виде содержания под стражей и выполняли задачу транзита заключенных. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало также ряд следующих учреждений: крепости, смиренные и рабочие дома. Однако на практике в местностях, где отсутствовали вышеперечисленные учреждения, их задачи выполняли тюрьмы¹. Организационную основу деятельности тюрем различных наименований составляли Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. и Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных 1832 г. В 1915 г. была утверждена Общая тюремная инструкция, регламентировавшая функционирование тюрем различных наименований на всей территории Российской империи.

После Февральской и Октябрьской революций 1917 г. царская тюремная система перестала существовать и закончился процесс образования советской исправительно-трудовой системы, основу которой составляли воспитательные учреждения, заменившие собой тюрьмы². Следствием этого явилось исключение Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1924 г. (ИТК РСФСР) тюрьмы из числа учреждений, исполнявших наказания в виде лишения свободы. Тюрьмы стали самостоятельными исправительно-трудовыми учреждениями (ИТУ) только в 1936 г.³ Несмотря на официальное признание тюрьмы самостоятель-

ным ИТУ, соответствующие изменения и дополнения в ИТК РСФСР 1933 г. внесены не были. Отдавая предпочтение исправительно-трудовым колониям, ИТК РСФСР 1970 г. предусматривал тюрьмы в качестве мест наивысшей изоляции наиболее общественно опасных категорий осужденных⁴.

В настоящее время тюрьмы также не являются преобладающими исправительными учреждениями в уголовно-исполнительной системе (УИС), однако имеют важное социальное назначение, исполняя наказания в виде лишения свободы в отношении мужчин, осужденных за совершение особо тяжких преступлений на срок свыше пяти лет, при особо опасном рецидиве преступлений и злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказаний, переведенных из исправительных колоний. Также в тюрьмах отбывают наказания в виде лишения свободы мужчины, впервые осужденные к данному виду наказания, выполняющие работы по хозяйственному обслуживанию⁵. В случае создания на территории тюрьмы помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора (СИЗО), они обеспечивают содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и подсудимых. Кроме того, тюрьмы организуют транзит подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и осужденных.

В 2001 г. на территории 10 субъектов Российской Федерации функционировали 13 тюрем. Перечень наименований тюрем, величины их жилой площади, лимитов общего наполнения и мест тюремного режима был закреплен в приложении 2 к приказу Минюста России «О переоборудовании исправительных и иных учреждений, их создании и ликвидации, установлении лимитов наполнения следственных изоляторов и тюрем, входящих в состав уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» от 13 июня 2001 г. № 178.

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. Ст. 84–86.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 38. Март–июнь 1919. С. 408.

³ См.: О дополнении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Постановление ВЦИК и СНК СССР от 8 авг. 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 44. Ст. 370.

⁴ См.: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Ст. 12 // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.

⁵ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2006. Ст. 58; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М., 2006. Ст. 74, 77, 130.

С 2002 г. количество тюрем стало сокращаться. В соответствии с приказом Минюста России «О реорганизации учреждений уголовно-исполнительной системы Минюста России и внесении изменений и дополнений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 13 июня 2001 г. № 178» от 25 июня 2002 г. № 174 в составе ГУИН по Иркутской области тюрьму г. Тулун реорганизовали, а на ее базе создали СИЗО.

В 1963 г. уже поднимался вопрос о реорганизации тюрем как не способных обеспечить полное привлечение заключенных к труду в СИЗО. Действительно, с 1 января 1964 г. около 170 тюрем (90 %) были преобразованы в СИЗО. Оставшиеся тюрьмы выполняли только наказания в виде лишения свободы в отношении наиболее опасных категорий осужденных, тогда как на СИЗО возлагалась реализация меры предварительного заключения в виде содержания под стражей¹.

По нашему мнению, сокращение числа тюрем и образование на их территории СИЗО в современных условиях можно объяснить рядом проблем в деятельности СИЗО УИС.

1. Высокая переполненность (перелимит) СИЗО с нарушением норм материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых (в частности, не всегда соблюдаются норма жилой площади из расчета 4 м² на человека, норма, предусматривающая обеспечение каждого подозреваемого и обвиняемого индивидуальным спальным местом², и др.).

2. Большая заинтересованность международных организаций, в частности Совета Европы, правозащитных организаций и руководства Российской Федерации в разрешении проблем изоляции от общества подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, так как эти лица до вынесения в отношении их обвинительного при-

говора суда считаются невиновными в соответствии с принципом презумпции невиновности, законодательно закрепленным в ст. 49 Конституции РФ.

3. Ветхость зданий и сооружений СИЗО, многие из которых были построены еще в XVIII–XIX вв., их неспособность в полном объеме и качественно обеспечивать охрану подозреваемых и обвиняемых и постоянный надзор за их поведением.

4. Недостаточность финансирования из бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ при огромных затратах на строительство новых СИЗО, отвечающих международным нормам и требованиям содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Данные проблемы в деятельности СИЗО УИС с реорганизацией одной тюрьмы решены не были, политика государства в этом направлении была продолжена в 2003 г., когда из 12 оставшихся тюрем 5 были реорганизованы в СИЗО и исправительную колонию особого режима для содержания осужденных к пожизненному лишению свободы³.

По нашему мнению, причина использования помещений бывших тюрем для размещения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений состоит в том, что СИЗО являются учреждениями тюремного типа. Между тюрьмами и СИЗО наблюдается сходство как во внешнем виде, так и в вопросах организации несения службы по охране и надзору. Следовательно, тюрьмы больше подходят для преобразования их в СИЗО и реализации задачи предварительного заключения.

После организационных преобразований 2002–2003 гг. в начале 2004 г. в тюремной системе России насчитывалось 7 тюрем.

Реорганизации подверглись тюрьмы г. Тулуна, Вологды, Новочеркасска, Балашова, Златоуста, Липецка. Данные тюрьмы (за исключением тюрьмы г. Липецка) могут обеспечить размещение значительного ко-

¹ См.: Базунов В. В., Детков М. Г. Тюрьмы НКВД–МВД в карательной системе Советского государства. М., 2000. С. 83–86.

² См.: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Ст. 23 // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

³ См.: О реорганизации учреждений уголовно-исполнительной системы Минюста России и внесении изменений и дополнений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 13 июня 2001 г. № 178: Приказ Минюста России от 21 марта 2003 г. № 63.

личества подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также осужденных к пожизненному лишению свободы. Реорганизованные тюрьмы имеют большую жилую площадь: 3850, 4250, 6000, 2725, 4500, 1900 м² соответственно, что позволяет максимально эффективно использовать полезные площади, переоборудовать, расширять помещения, используемые для размещения подозреваемых, обвиняемых и некоторых категорий осужденных. Оставшиеся тюрьмы, за исключением тюрьмы г. Владимира, имеют небольшой общий лимит наполнения и соответственно небольшое число мест тюремного режима.

В соответствии с приказом Минюста России от 21 марта 2003 г. № 63 основной целью реорганизации тюремных учреждений в СИЗО является улучшение размещения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также некоторых категорий осужденных, к которым относятся осужденные к пожизненному лишению свободы. Таким образом, реорганизации подверглись самые большие тюрьмы, так как на их базе можно разместить большое число спецконтингента, тем самым частично решив проблемы перелимита и материально-бытового обеспечения подозреваемых, обвиняемых и осужденных в СИЗО УИС.

В 2005 г. на территории России функционировали 8 тюрем. В соответствии с приказом Минюста России «О внесении изменений в приказ Министерства юстиции РФ от 18 февраля 2004 г. № 37» от 7 мая 2004 г. № 95 тюрьме г. Балашова, реорганизованной в СИЗО, возвращено прежнее условное наименование и организационно-правовое положение. Тюрьма г. Енисейска в 2004 г. была перепрофилирована в СИЗО. Вместе с тем в соответствии с приказом Минюста России «О внесении изменений в приказ Минюста России от 18 февраля 2004 г. № 37» от 29 ноября 2004 г. № 181 была образована тюрьма в г. Минусинске. Согласно приказу Минюста России «О создании следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и внесении изменений в приказы Министерства юстиции

Российской Федерации от 21 июня 2005 г. № 88, от 21 июня 2005 г. № 89» от 21 сентября 2005 г. № 177 тюрьма г. Чистополя также была реорганизована в СИЗО.

В настоящее время с учетом всех организационных преобразований фактически действуют 7 тюрем. Это тюрьмы г. Владимира, Покрова (Владимирская обл.), Елец (Липецкая обл.), Балашова (Саратовская обл.), Минусинска (Красноярский край), Верхнеуральска (Челябинская обл.) и Дмитровграда (Ульяновская обл.).

Таким образом, несмотря на то, что тюрьмы не являются преобладающим видом исправительных учреждений, они выполняют важное социальное назначение. На наш взгляд, законодатель в дальнейшем не откажется полностью от тюрем как вида исправительного учреждения, тем более что основу пенитенциарных систем европейских государств составляют именно тюрьмы, а Россия, являясь с 1996 г. полноправным членом Совета Европы, обязана соблюдать обязательства по обеспечению надлежащих условий исполнения и отбывания наказаний в виде лишения свободы, соответствующих мировым стандартам, и в связи с этим активно использует положительный опыт европейских тюрем. Следует отметить, что нет необходимости в дальнейшем сокращении тюрем, так как проблема перелимита в СИЗО в целом решена. По мнению В. А. Фефелова, М. Л. Грекова¹, в России необходимо создать уголовно-исполнительную систему, состоящую исключительно из тюрем, однако этот глобальный проект требует многомиллиардных вложений и в ближайшее время вряд ли будет реализован.

Библиографический список

1. Базунов, В. В. Тюрьмы НКВД–МВД в карательной системе Советского государства / В. В. Базунов, М. Г. Детков. – М., 2000.
2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. – М., 1984–1994.

¹ См.: Греков М. Л. Тюремные системы: Состояние, перспективы: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 170–171.

П. И. Остапенко,
начальник Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор

**ОСНОВЫ ПРАВОПОРЯДКА
В КАЗАЧЬИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВАНИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(1917 – начало 1920 гг.)**

Комплексное исследование такой масштабной и значимой проблемы, как совершенствование правовых основ деятельности уголовно-исполнительных органов, невозможно без учета исторического опыта. Организация уголовной политики государства в России в аспекте исторического развития представляет практический и научный интерес. Так, история, указывая на достижения и ошибки прошлого, содействует формированию и совершенствованию уголовной и уголовно-исполнительной системы.

Для процесса правовых изменений на юге России, формирования региональной власти и дальнейшей ее деятельности в рамках новых государственных образований в 1917–1920 гг. существовали определенные предпосылки. На Дону, Кубани и Тереке сложилась сложная социальная структура с одним господствующим слоем – казачеством. Его правовое и экономическое положение в начале распада Российской империи способствовало ее федерализации, а также расширению автономии и укреплению местной власти. К началу XVIII в. казачество было инкорпорировано в Российское государство, которое начало процесс конвертации казачьих свобод в привилегии (казаки были освобождены от налогообложения, государственных податей и повинностей). Казачество становилось особым военным сословием, доступ в который был строго ограничен. Создание казачьих органов началось с возрождения войскового круга – исконной формы существования казачества. Это древнейшее народное собрание существовало со второй половины XVI в. и было ликвидировано при Петре I.

Февральская революция 1917 г. привела к власти многих из тех, кто ранее подвер-

гался преследованиям. С приходом новой власти правоохранительная система России нуждалась в реформировании. Казачество в Российской империи было привилегированным военным сословием, поэтому в целом не стремилось разрушить до основания систему правоохранительных органов. Однако казаки, высоко ценившие свои привилегии и считавшие военную службу единственно достойным занятием, с некоторым предубеждением относились к таким институтам, как полиция, тюремное ведомство, прокуратура.

Одиннадцатого января 1918 г. при Кубанском правительстве была создана Временная комиссия для выработки положения и организации работы ведомства по делам юстиции¹. Следует заметить, что в краевом правительстве уже существовало управление судебными делами, которое находилось в состоянии реформирования: не были окончательно определены сферы его компетенции. Важнейшим документом этого периода был приказ № 10 Краевого правительства, изданный 12 июля 1919 г.² Данным приказом учреждались временные чрезвычайные военные суды и определялся круг их подсудности. В круг рассматриваемых преступлений входили: служба на руководящих должностях в органах советской власти; выдача большевикам лиц, боровшихся против них; умышленное убийство, изнасилование, разбой и грабеж, умышленный поджог или потопление чужого имущества, укрывательство награбленного; поджог или иное приведение в негодность вооружений и воинского снаряжения; умышленное повреждение телеграфа, железнодорожного пути, подвижного состава, объектов водоснабжения, мастерских, грузовых железнодорожных складов; посягательство на изменение установленного в Кубанском крае образа правления; нападение на часового, вооруженное сопротивление военному караулу, чинам стражи или их убийство; умышленное уничтожение или повреждение объектов в районе военных действий: водопроводов, мостов, плотин, колодцев, дорог и т. п.

¹ См.: Государственный архив Краснодарского края (далее: ГАКК), ф. Р-6, оп. 1, д. 297, л. 99.

² См.: ГАКК, ф. Р-6, оп. 1, д. 42, л. 4.

Согласно п. 4 приказа № 10 за указанные преступления чрезвычайные военные суды приговаривали к расстрелу, однако при обнаружении смягчающих обстоятельств суд мог приговорить к иным видам наказаний: каторжным работам на срок от 4 до 20 лет с лишением всех прав состояния, а для военных – с лишением звания и увольнением со службы; отдаче в исправительные арестантские отделения от 1 до 6 лет с лишением всех особенных прав и преимуществ, а для военных – с лишением звания и увольнением со службы; тюремному заключению на срок от 2 месяцев до 2 лет; отдаче под арест на срок до 3 месяцев; денежному взысканию до 3 тыс. руб. Смертные приговоры чрезвычайных военных судов поступали на утверждение войсковому атаману. Приговоры к каторжным работам или отдаче в арестантские отделения утверждал атаман отдела, остальные приговоры вступали в силу с момента его оглашения. В случае, если суд сомневался в бесспорности обвинения и при этом не находил оснований для оправдательного приговора, он направлял дело на предварительное следствие с последующей передачей по законной подсудности. Заседания суда были публичными (за редким исключением), обвиняемому предоставлялось право давать объяснения и последнее слово.

Приказ краевого правительства № 79 от 4 сентября 1918 г.¹ учреждал в городах Майкопе и Армавире, станицах Уманской, Кавказской, Славянской комиссии по делам о преступлениях, совершенных по политическим соображениям. Ранее аналогичный приказ был издан по Екатеринодару. Таким образом, в каждом отделе края появилась комиссия в составе председателя, его товарища, четырех членов и делопроизводителя. Данные комиссии производили расследования по делам, не подпадающим под приказ № 10, однако касающимся лиц, обвиняемых в способствовании войскам и властям Советской Республики. Комиссии приговаривали к заключению в тюрьме на срок до 6 месяцев, общественным работам на срок до 1 года, аресту на срок до 3 месяцев и денежному взысканию до 3 тыс. руб.

¹ См.: Приказы и циркуляры... Вып. 1. С. 32–33.

Чрезвычайная Краевая Рада издала приказ о прекращении самосудов и произволов от 7 декабря 1918 г. № 1². Он был подготовлен юридической комиссией Рады в связи с многочисленными расправами над сторонниками большевиков и предписывал принять строжайшие меры к прекращению самосудов и произвола, освободить незаконно арестованных. Всех обвиняемых в большевизме надлежало передавать судебным органам, а добровольно сложивших оружие следовало оградить от насилия. Кроме того, в данном приказе содержался специальный пункт, предписывавший беспрепятственно принимать на свободные места в школы иногородних детей. Таким образом, на протяжении всего периода вооруженной борьбы с большевизмом между казаками и иногородними возникали противоречия.

В конце 1918 г. чрезвычайные военные суды были признаны отжившим элементом. Кроме того, за их формированием не было должного контроля, в связи с чем в составе судов оказался ряд лиц, злоупотреблявших властью, и поэтому Краевая Рада приняла решение об их отмене. Таким образом, приказ краевого правительства № 10 также был отменен. Дела, по которым было произведено предварительное следствие военно-судебной комиссией, передавались военному прокурору, а дела, по которым следствие не произведено, – гражданским судебным следователям. В августе 1919 г. Законодательной Радой г. Екатеринодара был принят Закон об амнистии. Данный Закон охватывал общеуголовные и государственные преступления, за исключением участия в большевизме³. Преступления, совершенные на территории Кубани, либо погашались, либо наказание за них смягчалось. В части преступлений, совершенных за территорией края, амнистия применялась только к казакам, горцам и коренным иногородним в случае, если они вернулись на территорию края.

Необходимо отметить, что на Дону также создавались правоохранительные орга-

² См.: Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада созыва 28 октября 1918 г.: Стеногр. отчет. Екатеринодар, 1918. С. 1149–1150.

³ См.: ГАКК, ф. Р-6, оп. 1, д. 81, л. 40–40 об.

ны. Важнейшее место в ведомстве внутренних дел (далее: ВВД) занимало военное судопроизводство. Основным звеном в системе военной юстиции был Донской военный суд. По замыслу законодателя апелляционной и кассационной инстанцией для него должен был стать Донской сенат. Было создано особое кассационное присутствие в составе старшего председателя Новочеркасской судебной палаты. Данное присутствие рассматривало кассационные протесты и жалобы на решения военного суда, пересматривало вступившие в законную силу приговоры по вновь открывшимся обстоятельствам, выносило решения по жалобам на прекращение предварительного следствия. Основополагающим документом для деятельности присутствия был Устав уголовного судопроизводства.

После разгрома большевиков правительством ВВД были предприняты меры к восстановлению судебных дел. В отношении уголовных дел все судебные органы – от следователя до судебной палаты – должны были самостоятельно приступить к восстановлению уголовных дел; дела частного обвинения восстанавливались только по просьбе сторон. Для скорейшего восстановления уголовных дел начальники мест лишения свободы передавали в судебные учреждения сведения о содержащихся у них осужденных с копиями приговоров. По неоконченным делам предварительное следствие производилось заново.

Непосредственно охрану законности и правопорядка в ВВД осуществляла войсковая стража. Она находилась в ведении отдела внутренних дел Донского правительства. Согласно ст. 19 Положения о войсковой страже ВВД основной ее функцией являлась охрана общественной безопасности и правопорядка. Наряду с функцией пресечения беспорядков и обеспечения законности чины войсковой стражи оповещали население о постановлениях и распоряжениях властей всех уровней, охраняли гражданские свободы, обеспечивали некоторые действия органов власти и самоуправления, а также выдавали удостоверения личности и иные документы личного характера и т. п. Кроме того, стража вела дознание и

предварительное следствие по уголовным делам, выступала в судебном заседании на стороне обвинения, осуществляла конвоирование, а также хранение вещественных доказательств, т. е. выполняла функции, аналогичные в настоящее время функциям судебных приставов-исполнителей.

В соответствии со ст. 27 Положения стража имела право задерживать лиц, представляющих общественную опасность, однако четкого определения этого понятия, а также возможных сроков задержания в законе не было прописано. Стражник составлял протокол о задержании, причем по требованию задержанного, его родственников или доверенных лиц он был обязан немедленно выдать им копию. Задержанные доставлялись в суд для издания судебного постановления по их задержанию. Аналогично стража осуществляла порядок задержания при нарушении закона, однако данные протокола должны были удостоверить свидетели или понятые.

Следует отметить, что в 1919 г. в законодательческой деятельности ВВД произошли некоторые изменения. Войсковой круг в мае 1919 г. утвердил Закон об ответственности лиц, уклонившихся от явки по мобилизации. В случае их неявки после истечения двухнедельного срока все имущество конфисковывалось в пользу войсковой казны. Тогда же был принят Закон об усилении ответственности за кражу и сбыт воинского обмундирования и снаряжения. За преступления, указанные в Законе, предусматривалась смертная казнь. За приобретение указанных предметов наказанием были каторжные работы от 6 до 20 лет или бессрочно, если эти преступления совершались систематически – применялась смертная казнь. Все указанные дела подлежали рассмотрению в военно-полевых судах. В соответствии с Законом о злостной спекуляции, принятым 1 июня 1919 г., дела о спекуляции в особо тяжких случаях, когда она признавалась злостной и систематической или же в ней участвовали должностные лица, рассматривались военно-полевым судом, который мог приговорить к наказанию розгами или смертной казни при обязательной конфискации имущества.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в соответствии с тяжелым военным положением законодатели принимали ряд нормативных правовых актов, характерных для законодательства чрезвычайного положения. В рамках этих актов были созданы чрезвычайные военные суды, рассматривавшие дела, по которым виновность подсудимого была очевидна и не требовалось производства предварительного следствия. Был определен круг наиболее тяжких с точки зрения военного и революционного времени преступлений, по которым чрезвычайные военные суды, как правило, приговаривали к расстрелу. Были созданы также и другие судебные органы военного времени. Вместе с тем были сохранены станичные суды, несмотря на их явные недостатки: сословность, возможность административного вмешательства в судопроизводство.

Таким образом, в правоохранительной сфере законодательства государственных об-

разований Дона, Кубани и Терека прослеживаются две основные тенденции. Ряду нормативных правовых актов свойственны черты законодательства чрезвычайного положения. Вторым важным моментом было стремление законодателя создать в рамках края собственную завершенную систему правоохранительных органов. Противоречивость уголовного законодательства казачьих образований на Северном Кавказе заключалась в том, что, с одной стороны, оно представляло собой новую систему государственности, а с другой – несло в себе черты нормотворчества военного времени.

Библиографический список

1. Военное законодательство Российской империи. Кодекс русского военного права / под ред. А. Е. Савинкина. – М., 1996.
2. *Краснов, П. Н.* Белая свитка / П. Н. Краснов. – М., 2006.
3. *Шабрамов, В. Е.* Казачество: История вольной Руси / В. Е. Шабрамов. – М., 2007.

П. И. Остапенко,

начальник Краснодарского филиала

ВЮИ ФСИН России

доктор юридических наук, профессор

И. В. Сирица,

доцент кафедры уголовного права

Южного института менеджмента

кандидат юридических наук

История Екатеринодарской областной тюрьмы (1876–2007)

В конце 1860-х гг. в Кубанской области остро встал вопрос о строительстве в столице Кубанского казачьего войска г. Екатеринодаре «войскового тюремного замка», поскольку существующие на территории Кубани остроги и тюрьмы были переполнены и, по свидетельству кубанского историка начала XX в. Федора Андреевича Щербины, «арестанты находились в самых тяжелых условиях»¹. Так, екатеринодарский полицмейстер в своем рапорте подчеркивал, что «помещение, занимаемое городской тюрьмой, по несоразмерному числу

арестантов крайне не соответствует в гигиеническом отношении»².

В 1867 г. главнокомандующий Кавказской армией утвердил проект новой тюрьмы. Архитектором были учтены все новшества Европы: Моабитской тюрьмы в Берлине и Пентонвильской в Лондоне. Грандиозная постройка, рассчитанная на 450 человек, имела вид квадрата – по 60 саженей³ с каждой стороны. Она была огорожена высокой и толстой кирпичной стеной. Состояла из пяти отдельных корпусов, расположенных по радиусам полукруга, в центре которого находился восьмигранный павильон, соединяющийся коридорной системой с корпусами. Здесь же размещались различные мастерские для занятий трудовой деятельностью заключенных.

В 1868 г. был объявлен торг на подряд сооружения Екатеринодарской тюрьмы «из жженого кирпича по утвержденным Его Императорским Высочеством Главнокомандующим Кавказскою армиею проектам и сметам, суммою 281828 руб.». Постройку

¹ *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска: В 2 т. Краснодар, 1992. Т. 2. С. 803.

² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 454, оп. 7 д. 312, л. 357.

³ 1 сажень – 2,134 м.

планировалось осуществить за четыре года и закончить к 15 октября 1871 г.¹ В качестве подрядчика был выбран купец второй гильдии Фишель Кадушевич Гельфонд, который впоследствии был отстранен от строительства за нарушение договора. В результате работы надолго приостановились. В 1874 г. «для наблюдения за производством работ по постройке Екатеринодарской тюрьмы» назначили исправляющего должность Кубанского областного архитектора Василия Андреевича Филиппова. Он сразу приступил к изготовлению практических чертежей и внес необходимые исправления в смету. Однако из-за медленного сооружения тюремной церкви во имя Святого Апостола Петра работы приостановились: необходимо было доставить в Екатеринодар 14 икон, церковную утварь и образа для иконостаса, заказанные в Санкт-Петербурге в Академии художеств. Поэтому только 26 июня 1876 г. войсковой тюремный замок из добротного жженого кирпича, строившийся почти 10 лет, был освящен².

Екатеринодарская тюрьма возводилась по всем правилам пенитенциарной науки того времени. Учреждение специально было разбито на сектора, и по мере исправления узник переводился из одного сектора в другой, т. е., говоря современным языком, менялись условия режима его содержания.

Тюрьма располагалась в пяти верстах от Екатеринодара. К началу 1880-х гг. в ней насчитывалось семь отделений, в том числе два двухэтажных кирпичных корпуса для содержания арестантов: первый – корпус общих арестантских палат с 27 камерами, второй – для одиночных заключений с 60 камерами. Для женщин-заключенных предназначался кирпичный одноэтажный флигель. На территории тюрьмы располагалось здание для размещения служащих, баня, прачечная. Имелся также лазарет на восемь мест для оказания первоначальной медицинской помощи³.

С ростом численности населения Кубани увеличивалось и число арестантов Екатеринодарской тюрьмы, причем в процентном отношении среди них преобладали гражданские лица. Так, в 1882 г. в тюрьме содержались 1195 человек, из них: 858 чел. – гражданские, 336 чел. – казаки Кубанского казачьего войска⁴. В 1885 г. этот показатель еще более увеличился: из 1372 арестантов гражданские составляли 984 чел., а казаки – 288 чел.⁵

Жизненно важной проблемой, которая возникла ввиду низкой оплаты труда надзирателей, являлась охрана арестантов. Местные власти признавали, что надзор в тюрьмах «не может быть признан достаточным и размер получаемого ими вознаграждения сколько-нибудь достаточным»⁶. Следствием чего стало совершение дисциплинарных правонарушений, а иногда и преступлений. Так, в декабре 1877 г. смотритель Екатеринодарской тюрьмы докладывал полицмейстеру о том, что нижние караульные чины ефрейтор Смирнов, рядовой Кегимов и унтер-офицер Кемпень, выражаясь современным языком, из корыстных побуждений поставляют заключенным водку, деньги и различные орудия. При личном обыске у Смирнова и у одного из арестантов были обнаружены «английские пилки»⁷, по-видимому, предназначавшиеся для подготовки побега.

В 1895 г. все тюрьмы на Кубани, в том числе и Екатеринодарская (в настоящее время – областная) тюрьма, перешли, как и в целом по России, из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции. При этом 2/3 расходов на содержание тюремных зданий было возложено на казну, 1/3 – на Кубанское казачье войско. Отопление и освещение Екатеринодарской тюрьмы должны были осуществляться за счет средств городского самоуправления⁸.

В рассматриваемый период на содержание одного арестанта «непривилегированного сословия» в тюрьмах Кубанской об-

¹ Кубанские областные ведомости. 1868. 30 марта.

² См.: Бардадым В. П. Зодчие Екатеринодара. Краснодар, 1995. С. 18–19.

³ См.: Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917) / Под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар, 2002. С. 250.

⁴ См.: ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 28, л. 2.

⁵ См.: там же, д. 96, л. 21.

⁶ Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917). С. 253.

⁷ См.: ГАКК, ф. 454, оп. 7, д. 1182.

⁸ См.: там же, оп. 1, д. 998, л. 3.

ласти выделялось от 7 до 10 коп. в сутки. Существенное значение имело местонахождение тюрьмы – чем она была отдаленнее, тем труднее обеспечивалась всем необходимым. Что касается питания в Екатеринодарской тюрьме, то в меню входили «в мясоед щи с зеленью или капустою и буряками, смотря по времени года, с приваркой мяса и свиного сала, гречневая или пшеничная каша... на каждого арестанта – по 2½ фунта ржаного хлеба», а в «двунадесятые праздники» за счет пожертвования частных благотворителей «доставлялись арестантам пасха, белый хлеб, яйца, сало, масло, кутья и усиленная мясная пища с прочими припасами»¹.

Начало XX в. ознаменовалось усилением социальных противоречий в России, революционными потрясениями и, как следствие, ростом преступности.

В феврале 1906 г. по указанию начальника Кубанской области была создана комиссия для обследования условий содержания заключенных в Екатеринодарской областной тюрьме. В акте обследования отмечалось, что члены комиссии «осматривали жилые помещения, причем оказалось: что во всех одиночных камерах, за немногими исключениями, помещается по два и по три человека, общие камеры также переполнены арестантами и до того, что помещения эти вмещать положительно более не могут, в день посещения тюрьмы комиссией найдено заключенных 580 человек. Благодаря переполнению помещений и несмотря на постоянно открытые вентиляторы, ... воздух найден слишком тяжелым, что объясняется крайним переполнением тюрьмы и легко может вызвать даже эпидемические заболевания». По результатам обследования комиссия пришла к заключению, что «предстоит крайняя необходимость теперь же принять меры к уменьшению числа содержащихся, по крайней мере, до 400 человек, дальнейший же прием новых арестантов в тюрьму положительно не возможен»².

Вместе с тем в 1906 г. в Екатеринодарской тюрьме, «обслуживавшей» не только город, но и станицы, села и аулы Екатери-

нодарского отдела Кубанской области, всего содержалось 2854 чел. По сословиям заключенные распределялись следующим образом: дворяне потомственные – 23 чел., дворяне личные – 17 чел., купцы – 5 чел., мещане – 558 чел., крестьяне – 1635 чел., казаки Кубанского казачьего войска – 285 чел., военные – 5 чел., горцы – 161 чел., другие сословия – 148 чел.³

Традиционной формой протеста против условий содержания, особенно у политических заключенных, было объявление арестантами голодовки. В этой связи штаб Отдельного корпуса жандармов – органа политического розыска – инструктировал сотрудников тюрьмы: «На голодовку политических арестованных не следует обращать видимого внимания и не только не уговаривать их есть, но вообще о пище не заводить с ними никаких разговоров. В известные часы пища должна быть подана в камеру арестованного и оставаться там до следующей перемены, затем заменяться новою... При продолжительности голодовки можно подавать арестованным особенно вкусно и привлекательно изготовленную пищу, дабы тем побудить их к еде»⁴. По словам Прасковьи Ивановны Вишняковой, участницы революции 1905–1907 гг. на Кубани, заключенных, устраивающих голодовки, обычно переводили в одиночные камеры, где условия были немного лучше, но режим строже, а «под окнами устраивались виселицы и там же совершались казни»⁵.

В 1912–1913 гг. в Екатеринодарской областной тюрьме были возведены еще два новых корпуса. Население Кубанской области неуклонно росло, в Российской империи становилось все более беспокойно, поэтому увеличивалось количество тех, кого необходимо было изолировать от общества.

В ходе Гражданской войны камеры тюрьмы использовались по назначению: в них попеременно содержались то белые, то красные, а также уголовные элементы.

После победы советской власти на Кубани в тюрьме отбывали наказания многие

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 28, л. 3.

² Там же, ф. 583, оп. 1, д. 230-А, л. 406.

³ См.: Екатеринодар–Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях: Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 286.

⁴ ГАКК, ф. 583, оп. 1, д. 29, л. 14.

⁵ ЦДНИКК, ф. 2830, оп. 1, д. 318, л. 42.

видные деятели края. С начала 1930-х гг. здесь располагалась следственная тюрьма НКВД СССР. По причине усиления борьбы с врагами советского строя в стране следовала одна волна политических репрессий за другой. В результате мест для подследственных катастрофически не хватало. В связи с этим в учреждении прошла реконструкция и был возведен новый корпус.

Во время Великой Отечественной войны зданиям тюрьмы был нанесен ощутимый ущерб. Многие мелкие постройки были разрушены. После восстановления следственный изолятор приобрел современный вид.

В 1950–60-х гг. учреждение не имело официального названия, только номер почтового ящика. Благодаря введению единой унифицированной системы следственный изолятор (СИЗО-1) г. Краснодара получил индекс учреждения ИЗ-18/1.

Последняя крупная реконструкция СИЗО-1 прошла в 1989 г. В режимном корпусе № 1 был проведен капитальный ремонт и надстроен 3-й этаж. В настоящее время реконструкция СИЗО проводится систематически по мере финансирования. В 2003 г. в результате надстройки 3-го этажа режимного корпуса № 2 были улучшены условия пребывания и лечения стационарных больных из числа спецконтингента, улучшены условия работы медицинских и оперативных работников.

Важное значение в функционировании СИЗО-1 г. Краснодара имеет реформирование уголовно-исполнительной системы. Как и другие пенитенциарные учреждения, он перешел в подчинение Министерства

юстиции Российской Федерации. Улучшилось его финансирование, резко сократился перелимит спецконтингента. Большое внимание со стороны сотрудников изолятора уделяется вопросам соблюдения прав человека, стало более ответственным отношение к запросам, нуждам и жалобам лиц, находящихся под следствием. Повысилось внимание к данным вопросам руководства учреждения, что способствовало значительному сокращению заявлений со стороны спецконтингента.

Основными задачами сотрудников СИЗО-1 в настоящее время остаются: дальнейшее улучшение условий содержания подследственных, повышение внимания к вопросам медицинского обслуживания, питания, бытового устройства спецконтингента.

Комитетом по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) администрации Краснодарского края здание Войскового тюремного замка объявлено объектом историко-культурного наследия, внесено в государственный реестр и охраняется государством. Сегодня оно служит административным корпусом Краснодарского СИЗО № 1.

Библиографический список

1. Бардадым, В. П. Зодчие Екатеринодара / В. П. Бардадым. – Краснодар, 1995.
2. Екатеринодар–Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях : материалы к Летописи. – Краснодар, 1993.
3. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917) / под ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар, 2002.

Н. Б. Портной,

*преподаватель кафедры государственного и международного права
Московского государственного университета
приборостроения и информатики*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современном уголовно-исправительном законодательстве большое внимание уделяется правовому регулированию трудовой деятельности осужденных, поскольку

они являются гражданами страны, а поэтому на них распространяется конституционное право на труд. Между тем в УИК РФ (ст. 103) оно трансформировано в обязанность. Труд работающих подлежит оплате в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде и при выполнении установленной для них нормы не может быть ниже определенного федеральным законом минимального размера оплаты труда в стране. В соответствии с Конституцией РФ каждый гражданин обладает правом свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род дея-

тельности и профессию. Данную конституционную норму осужденный вправе реализовать в процессе индивидуальной трудовой деятельности¹.

Согласно ст. 103 УИК РФ осужденные привлекаются к труду с учетом возраста, пола, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, что исключает для них выбор рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием.

Ограничения в праве выбора вида деятельности базируются на объективной реальности, поскольку, с одной стороны, не представляется возможным трудоустроить всех осужденных в исправительном учреждении по имеющимся у них специальностям, а с другой стороны, возникают ситуации, когда в целях воспитательного воздействия необходимо дать осужденному новую специальность.

В современных условиях, когда значительная часть отбывающих наказания не обеспечиваются работой, нарушается положение ст. 37 Конституции РФ о праве граждан на труд. Следует отметить, что нарушение данного права не позволяет осужденным реализовать другие права (приобретать продукты питания и предметы первой необходимости, выписывать газеты и журналы и т. д.). Не имея возможности выполнить конституционную обязанность трудиться, они тем самым, хотя и не по своей воле, становятся нарушителями ст. 103 УИК РФ.

Указанное обстоятельство порождает трудности в реализации исправительного процесса. Именно поэтому встал вопрос переориентации производства учреждений, исполняющих наказания, на решение проблем социальной адаптации осужденных. В связи с этим одной из приоритетных задач по организации труда осужденных является решение организационных и правовых вопросов трансформации труда производственного в труд адаптационный (учебный, реабилитационный). Современные требо-

вания к организации труда осужденных обуславливают необходимость разработки новой Концепции участия осужденных в трудовой деятельности.

Поскольку современная уголовно-исполнительная система в России не способна обеспечить реализацию права на труд каждому осужденному, то несомненный интерес для исследования представляет период с момента образования Советского государства до ликвидации безработицы в стране в конце 20-х гг. прошлого столетия.

Если обратиться к законодательству тех лет, то наиболее четкое определение роли труда в местах заключения закреплено в Положении об общих местах заключения РСФСР (1920 г.)². В нем, в частности, указывалось, что основная цель вовлечения осужденных в трудовые процессы сводится «пока еще к стремлению приучить и приохотить к труду и тем самым предоставить им возможность после выхода из места лишения свободы жить трудовой жизнью». Такая основополагающая цель крайне актуальна для современной уголовно-исполнительной системы, поскольку почти 90 % лиц, отбывающих уголовные наказания, не участвуют в общественном производстве или утратили свои профессиональные навыки. Однако вряд ли реально ставить задачу «приучить и приохотить» осужденных к труду ввиду свертывания производства в исправительных учреждениях, так как его продукция крайне мало востребована на рынке труда.

В § 118 Положения об общих местах заключения работы были дифференцированы на внешние и внутренние, последние причем подразделялись на работы хозяйственные и работы в мастерских. Цель хозяйственных работ заключалась в обеспечении нормального функционирования исправительных учреждений. Работы, выполняемые в качестве постоянного занятия на должностях хозяйственной obsługi, подлежали оплате. Если осужденные назначались на работы временного характера по благоустройству территории по очереди, то их труд не оплачивался. Данная норма нашла закрепление в ч. 1 ст. 106 УИК РФ: «Осужденные к лишению свободы могут

¹ См.: Инструкция по организации индивидуальной трудовой деятельности осужденных, содержащихся в местах лишения свободы: Приказ МВД РФ от 11 дек. 1992 г. № 453.

² См.: СУ РСФСР. 1921. № 23–24.

привлекаться без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий».

Именно стремлением занять каждого заключенного трудом в условиях существования безработицы можно объяснить закрепление в указанном Положении нормы, разрешавшей администрации пользоваться для своих нужд трудом заключенных лишь на общих основаниях. В то же время запрещалось использовать заключенных в качестве домашней прислуги и пользоваться их личными услугами (§ 128).

Совсем иное значение приобретает подобная норма в период функционирования системы исправительно-трудовых лагерей. Первоначально руководящий состав, в том числе инженерно-технические работники, управлений лагерей и отделений на основании ведомственных приказов использовал труд заключенных в качестве домашней прислуги и пользовался их личными услугами бесплатно. Впоследствии лица из числа управленческого аппарата, прибегавшие к использованию труда заключенных, были обязаны обеспечивать их одеждой, питанием и выплачивать премиальное вознаграждение. Вместо ограничено годных к труду для этих целей использовались заключенные, отнесенные к первой категории труда. Тем самым полноценная рабочая сила исключалась из общественного производства. Эта порочная практика была ликвидирована только в начале 1950-х гг.

На наш взгляд, в современных условиях, когда в стране существует безработица, на общих основаниях допустимо использование труда заключенных на ремонте жилого фонда сотрудников, исправительных учреждений, для работ на дачных участках, охраны собственности и т. д. При этом труд должен оплачиваться по установленным тарифным ставкам, а работа выполняться в соответствии с нормами Трудового кодекса РФ.

Экономическое положение молодого Советского государства обуславливало извлечение прибыли от труда осужденных для возмещения затрат на содержание администрации, а его воспитательное значение распространялось на профессиональных преступников, которые никогда не стремились трудиться.

Следует отметить, что принятый в октябре 1924 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК РСФСР) в части приобщения заключенных к труду установил иной порядок по сравнению с тем, который был закреплен в Положении об общих местах заключения РСФСР¹. С этого времени труд становился обязательным для всех способных к нему заключенных (ст. 52). Администрация мест заключения обязывалась принимать меры к тому, чтобы данное требование соблюдалось неукоснительно. Однако работа осужденных оценивалась по-разному. Только заключенные, продуктивно работающие или приобретающие профессиональные знания и трудовые навыки, свидетельствующие о происшедшем приспособлении к условиям трудового общежития, подлежали поощрению по постановлениям распределительной комиссии: им засчитывались два дня работы за три дня срока лишения свободы или принудительных работ под стражей.

Рассматриваемая статья ИТК РСФСР как бы подвела черту под дискуссией о значении труда заключенных, которая велась научными и практическими работниками в период с 1918 по 1924 г. Суть ее сводилась к тому, что в тюрьму попадают прежде всего те, кто не имеет «навыков и охоты к труду»². Вместе с тем в отношении представителей ранее господствовавших классов, если даже они не имели трудовых навыков, не ставилась задача «приучить и приохотить к труду». Для их исправления считалось достаточным применение карательных мер³. Однако приведенные суждения не соответствовали сущности карательной и исправительно-трудовой политики, требовавшей для решения задачи самокупаемости мест лишения свободы, вовлечения всех, без исключения, заключенных в производственные процессы, поскольку, «не имея работы, тюремное население делается паразитическим», «обленивается лежа»⁴. Поэтому в ИТК РСФСР, во-

¹ См.: СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

² Верховский П. В. Задача организации труда в местах заключения // Адм. вестн. 1925. № 7. С. 21.

³ См.: От тюрем к воспитательным учреждениям. М., 1934. С. 107.

⁴ Агеев П. Организация труда осужденных // Еженедельник сов. юстиции. 1922.

первых, была введена норма обязательности труда для способных к нему заключенных, а во-вторых, отменена норма § 126 Положения об общих местах заключения РСФСР о вознаграждении за труд по ставкам профессиональных союзов. В целях самокупаемости пенитенциарных учреждений ставки вознаграждения устанавливались Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР по Главному управлению местами заключения РСФСР и по соглашению с Народным комиссариатом труда РСФСР.

В соответствии с ИТК РСФСР труду заключенных придавалось воспитательно-исправительное значение и ставилась цель не только приучить их к труду, но и обучить какой-либо профессии, дать им тем самым возможность жить после освобождения трудовой жизнью (ст. 51). Суть воспитательно-исправительного воздействия получила закрепление в ст. 54 ИТК РСФСР, в которой начальнику места заключения предписывалось руководствоваться склонностью заключенного к тому или иному роду труда, его познаниями, прежними занятиями, состоянием здоровья и возможностью применить знания после освобождения. Охрана труда, время отдыха и порядок организации рабочего времени регулировались ст. 95–98, 100, 103, 106, 108–113, 129–132, 134, 136, 138–141, 143 и 144 Кодекса законов о труде РСФСР и издаваемыми в развитие этих статей постановлениями Народного комиссариата труда РСФСР.

При организации труда осужденных неизменно возникала проблема о соотношении целей воспитательных и экономических. Анализ правовых основ организации и использования труда осужденных позволяет сделать вывод, что приоритет воспитательных целей труда осужденных впервые получил юридическое закрепление в Положении об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР 1954 г., которое устанавливало подчинить производственно-хозяйственную деятельность исправительно-трудовых учреждений задачам исправления и перевоспитания осужденных. Рассматриваемая формулировка данного принципа была уточнена в Положении об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел

СССР 1958 г.¹ Впоследствии он получил законодательное закрепление в Основых исправительно-трудовом законодательства Союза ССР и союзных республик.

Следует отметить, что в ряде бывших социалистических стран цель трудовой деятельности лиц, лишенных свободы, также получила закрепление в законодательстве. В частности, в ст. 59 Закона Народной Республики Болгарии об исполнении наказаний указывалось, что труд осужденных имеет своей целью прежде всего их исправление и перевоспитание, а также получение или повышение квалификации. В Уголовно-исполнительном кодексе Польской Народной Республики (§ 1 ст. 49) устанавливалось, что администрация пенитенциарных учреждений должна привлекать осужденных к труду и обучать профессии для подготовки к честной жизни на свободе, а также сохранять и развивать их физические силы и умственные способности. Аналогично трактовались цели привлечения к труду осужденных и в законодательстве других социалистических стран². В современном уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации этот принцип закреплен в ст. 1.

В разрабатываемой в конце 1980-х гг. доктринальной модели Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик (ч. 1 ст. 36) авторы предприняли попытку закрепить обеспечение воспитательных, экономических и оздоровительных целей труда осужденных к лишению свободы. В частности, П. Г. Пономарев предлагал закрепить эти цели в отдельной норме³.

¹ См.: Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях и тюрьмах МВД СССР: Приказ МВД СССР от 15 дек. 1958 г. № 990.

² См.: Исправительно-трудовое законодательство зарубежных социалистических государств. Народная Республика Болгария. М., 1983. С. 27; Исправительно-трудовое законодательство зарубежных социалистических государств. Польская Народная Республика. М., 1980. С. 19; Исправительно-трудовое законодательство зарубежных социалистических государств. Венгерская Народная Республика. М., 1976. С. 15 и др.

³ См.: Пономарев П. Г. Эффективность правовых норм, регулирующих применение основных средств исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы. М., 1989.

Изучение правовых основ исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы позволяет сделать однозначный вывод, что в Советском государстве труд не рассматривался как средство кары. Он всегда был полезным для общества, не имел принудительного характера, но являлся обязательным для каждого способного трудиться.

Таким образом, рассмотрев социально-правовую сущность, цели и характер труда осужденных, правомерно отметить, что они соответствовали исправительно-трудовой политике Советского государства на раз-

А. Л. Санташов,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
Вологодского института
права и экономики ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПО ИТК РСФСР 1924 И 1933 ГГ.**

После принятия в 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР встал вопрос о создании Исправительно-трудового кодекса (ИТК). Его проект был обсужден на Первом Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела в 1923 г. и утвержден Второй сессией ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 г.¹ Кодекс предусматривал классическую, но усовершенствованную систему исполнения лишения свободы, чему в немалой степени способствовали такие ученые-правоведы, как: С. В. Познышев, Б. С. Утевский, Е. Г. Ширвиндт, В. Р. Якубсон, которые занимались изучением опыта создания *прогрессивной системы исполнения наказаний* в Англии, США и других странах². Именно этот опыт стал преобладающим при реализации законодателем идеи дифференциации исполнения наказаний в пер-

личных этапах его развития и решаемым экономическим задачам.

Библиографический список

1. *Верховский, П. В.* Задача организации труда в местах заключения / П. В. Верховский // Адм. вестн. – 1925. – № 7.
2. От тюрем к воспитательным учреждениям. – М., 1934.
3. *Пономарев, П. Г.* Эффективность правовых норм, регулирующих применение основных средств исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы / П. Г. Пономарев. – М., 1989.

вом кодифицированном акте РСФСР по исправительно-трудовому праву.

В соответствии с ИТК РСФСР по-новому была проведена *дифференциация мест заключения*, к которым относились учреждения для применения мер социальной защиты:

- исправительно-трудового характера;
- медицинского характера;
- медико-педагогического характера.

Последние предназначались для содержания несовершеннолетних лиц и дополнительно подразделялись еще на два типа: трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей и трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи³.

В трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей принимались лица в возрасте от 14 до 16 лет, приговоренные судом к лишению свободы, а также состоящие под следствием и числящиеся за судебными и следственными органами (ст. 174 ИТК РСФСР 1924 г.). Указанные лица дополнительно классифицировались законодателем на две категории: а) несовершеннолетние с признаками правонарушителей-рецидивистов и б) остальные несовершеннолетние правонарушители⁴. Ка-

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

² См.: *Ткачевский Ю. М.* Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 30.

³ См.: Советское исправительно-трудовое право. Общая часть: Учеб. / Под ред. М. П. Мелентьева, Н. А. Стручкова, И. В. Шмарова. Рязань, 1985. С. 100.

⁴ Данная классификация была воспринята и последующими законодательными и нормативными актами. Более подробно см.: *Сундуров Ф. Р.* Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. С. 43–44.

ждая категория несовершеннолетних изолировалась друг от друга как на работах и во время школьных занятий, так и в остальное время. Согласно ст. 185 ИТК РСФСР 1924 г. отпуск на срок не свыше двух недель предоставлялся по мотивированному постановлению педагогического совета только несовершеннолетним второй категории, которые находились в трудовом доме в течение не менее шести месяцев.

Определенный интерес для нас представляет существовавшее тогда положение законодательства, согласно которому имелась возможность обращения в суд с просьбой о продлении срока лишения свободы в отношении несовершеннолетних, не обнаруживших достаточного исправления к концу отбывания срока наказания, назначенного им судом. В соответствии со ст. 187 ИТК РСФСР 1924 г. срок продления несовершеннолетний правонарушитель должен был успеть отбыть до достижения им 20-летнего возраста. «Такое продление срока лишения свободы, – пишет Ю. М. Ткачевский, – противоречило принципу назначения одного наказания за одно преступление, и в дальнейшем от него отказались. Вместе с тем продление срока лишения свободы являлось элементом (хотя и очень неудачным) прогрессивного исполнения лишения свободы»¹.

Во второй тип учреждений – трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи – принимались приговоренные к лишению свободы заключенные в возрасте от 16 до 20 лет, если они, *происходя из трудовых слоев населения* и не будучи правонарушителями-рецидивистами, совершили преступление вследствие *малосознательности, нужды или случайно* (ст. 189 ИТК РСФСР 1924 г.). В данном положении законодатель акцентировал внимание на социальном происхождении правонарушителей. Кроме того, оно содержит несколько оценочных понятий, расшифровка которых не была дана ни в самом Кодексе, ни в каком-либо другом нормативном правовом акте.

Особо следует отметить, что проблема классового начала в наказании стояла в

этот период очень остро². Как отмечает Л. В. Багрий-Шахматов, Советское государство в 1920–1930-е гг. выполняло в полном объеме функцию подавления свергнутых, но окончательно не уничтоженных эксплуататорских классов³. Как точно заметил С. Я. Булатов, вся отечественная судебная практика, амнистии, обостнование приговора базировались на обязательном учете классовой принадлежности, происходила *классовая дифференциация пенитенциарной политики*⁴.

Так, для различных групп заключенных действовало общее положение, согласно которому в интересах правильного и целенаправленного видоизменения режима заключенные в зависимости от результата исправительно-трудового воздействия делились на три разряда: начальный, средний и высший. Каждый заключенный должен был пробыть в назначенном ему разряде определенный минимальный срок своего наказания, после чего начальник места заключения переводил его в следующий разряд. Решение об оставлении осужденного в данном разряде или о переводе его в следующий разряд зависело от поведения заключенного, его отношения к труду, степени оказанного на него местом лишения свободы воспитательного воздействия (ст. 100 ИТК РСФСР 1924 г.).

Несовершеннолетние правонарушители из рабоче-крестьянской молодежи при поступлении в трудовой дом сразу зачислялись в начальный разряд. Перевод из разряда в разряд был поставлен законодателем в зависимость от индивидуальных особенностей заключенного (никаких конкретных сроков не существовало) и производился по постановлению наблюдательной комиссии (ст. 192–193 ИТК РСФСР 1924 г.).

² См. об этом: *Утевский Б. С.* Воспоминания юриста: Из неопубликованного. М., 1989. С. 269–274; *История государства и права России: Учеб.* / Под ред. Ю. П. Титова. М., 2003. С. 360–361; *Хриسانфов В. И.* История государства и права России в 1917–1999 гг. СПб., 1999. С. 42–44.

³ См.: *Багрий-Шахматов Л. В.* Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право. М., 1969. С. 21.

⁴ См.: *Булатов С. Я.* Классовый момент при определении мер социальной защиты // *Сов. право.* 1926. № 2 (20). С. 41–42.

¹ *Ткачевский Ю. М.* Указ. соч. С. 32.

В то же время, если речь шла о лицах из числа молодежи, которая, «не принадлежа к классу трудящихся, совершила преступления в силу своих классовых привычек, взглядов и интересов», то они помещались в места заключения с общим режимом, совместно со взрослыми осужденными, зачислялись в начальный разряд, в котором и содержались до отбывания не менее одной четверти назначенного судом срока лишения свободы. Затем они переводились в средний разряд и оставались там на одну треть всего срока заключения, после чего могли быть переведены наблюдательной комиссией в высший разряд (ст. 103–106 ИТК РСФСР 1924 г.).

Таким образом, ИТК РСФСР 1924 г. впервые провел дифференциацию условий отбывания наказания в виде лишения свободы для различных категорий несовершеннолетних осужденных. Она постепенно приобретала все более четкие, системные очертания. Вместе с тем на данном этапе развития уголовного законодательства четкая во всем система дифференциации наказания не отвечала интересам усиления классовой борьбы. Поэтому в законодательстве допускались неконкретные основания применения уголовного наказания, общие формулировки, позволяющие использовать уголовную репрессию в очень широком диапазоне.

Продуктом новой кодификационной работы стали разработка НКЮ РСФСР проекта нового ИТК РСФСР и его утверждение постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г.¹ Под влиянием борьбы с проявлениями буржуазной идеологии в праве даже самые ревностные сторонники прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний были вынуждены стать ее критиками. Так, утверждалось, что «прогрессивная система порождает у заключенных стремление к приспособленчеству, угодничеству, а не к исправлению»². Хотя в действительности, как показала многолетняя практика, технология прогрессивной системы лишения свободы позволяла дифференцировать условия содержания заклю-

ченных в зависимости от их поведения и повысить карательно-воспитательный потенциал этого наказания³.

Отказавшись от прогрессивной системы, ИТК РСФСР 1933 г. предусмотрел раздельное размещение осужденных по трудовым колониям (фабрично-заводским, сельскохозяйственным, штрафным и колониям массовых работ) в зависимости от их классовой опасности, социального положения, возраста и степени исправления.

Было установлено, что исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осуществляют такие учреждения, как *школы фабрично-заводского ученичества индустриального и сельскохозяйственного типа*, задачей которых являлась подготовка из числа несовершеннолетних правонарушителей квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства (ст. 39 ИТК РСФСР 1924 г.).

В указанные школы направлялись несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет на основании: а) приговоров судов; б) постановлений комиссий по делам о несовершеннолетних и других уполномоченных на то органов. Если срок приговора истекал ранее окончания обучения в школе и если не было возможности обеспечить дальнейшее обучение несовершеннолетнего вне этой школы, педагогический совет мог установить обязательный срок обучения независимо от срока приговора, однако с тем условием, чтобы все время обучения не превышало трех лет. С лиц, оканчивающих школу, педагогический совет мог снимать судимость.

В целом, оценивая положения ИТК РСФСР 1933 г., мы согласны с мнением Ф. Р. Сундунова о том, что указанный Кодекс не внес никаких позитивных изменений в вопрос о дифференциации⁴. По этой причине не намечалось ощутимого прогресса и в технике отражения законодательных предписаний. По-прежнему отсутствовали заголовки статей Кодекса, его объем был существенно сокращен, и только пять статей были посвящены вопросам исполнения наказания в виде лишения сво-

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.

² Цит. по: Ткачевский Ю. М. Указ. соч. С. 35.

³ См.: Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963. С. 138.

⁴ См.: Сундунов Ф. Р. Указ. соч. С. 43.

боды в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Используя в ст. 43 Кодекса прием отсылки, законодатель предоставил право народным комиссариатам юстиции и просвещения РСФСР самостоятельно решать все иные вопросы, возникающие в связи с деятельностью учреждений для несовершеннолетних.

И. В. Селезнева,

*старший преподаватель кафедры
государственного и международного права
Московского государственного университета
приборостроения и информатики
кандидат юридических наук*

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В УИК РФ большое внимание уделено вопросам организации воспитательной работы с правонарушителями. Это обусловлено тем, что она направлена на формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их общеобразовательного и культурного уровня.

В отечественном законодательстве, начиная с первых лет советской власти, проблема воспитательного воздействия на личность преступника всегда занимала одно из центральных мест. В частности, в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР (ИТК РСФСР), принятом в 1924 г., содержалось требование создания необходимых условий для реализации воспитательных задач. Прежде всего следовало устранить «вредное влияние худших и наиболее опасных заключенных на остальных» (ст. 8). Предусматривалось также распределять заключенных по исправительно-трудовым учреждениям разных типов и разделять их на разряды. В данном законе четко прослеживался классовый подход к заключенным. Различные привилегии распространялись на рабочих и крестьян, в то время как прохождение всеми остальными ступенек прогрессивной системы отбывания наказаний затруднялось.

Библиографический список

1. Ткачевский, Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю. М. Ткачевский. – М., 1997.

2. Сундуров, Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей / Ф. Р. Сундуров. – Казань, 1976.

Культурно-просветительной работе среди заключенных, ее цели, характеру и организации в ИТК РСФСР была отведена специальная глава. В ст. 82 нашло закрепление требование о надлежащем оборудовании помещения в каждом исправительно-трудовом учреждении для проведения школьной и внешкольной культурно-просветительной работы. Наряду со срочными заключенными законодатель разрешил привлекать к ней и подследственных заключенных, если судебной или следственной властью им не запрещалось общение с другими заключенными.

Задачи культурно-просветительной работы получили закрепление в норме ст. 83. Они заключались в повышении интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных путем сообщения им как общеобразовательных, так и профессиональных знаний, а также ознакомлении с основами советского строя, правами и обязанностями гражданина Союза. Воспитательно-исправительное воздействие на заключенных следовало оказывать через школьную и внешкольную культурно-просветительную работу и в процессе работ производственного характера.

Статья 85 ИТК РСФСР обязывала администрацию мест заключения согласовывать культурно-просветительную, школьную и внешкольную работу с Народным комиссариатом просвещения (Наркомпросом). Этому ведомству принадлежало право давать политическую установку в просветительной работе. Кроме того, оно обладало штатом высококвалифицированных педагогов-специалистов.

Поскольку культурно-просветительная, школьная и внешкольная работа должна была проводиться под идейным руководством Наркомпроса, назначение таких

должностных лиц, как заведующий учебно-воспитательной частью исправительного учреждения, учителя-воспитатели и учителя, Главное управление мест заключения РСФСР (ГУМЗ РСФСР) должно было согласовывать с данным ведомством, а всем кандидатам следовало помимо получения педагогического образования пройти подготовку по исправительно-трудовому праву.

Как мы отметили выше, распределение заключенных по местам лишения свободы было поставлено в зависимость от классовой принадлежности или криминальной зараженности. Вследствие этого происходила концентрация дифференцированных групп правонарушителей, что предопределяло особенности воспитательного воздействия на них. С целью повышения его эффективности законодатель предусмотрел обязательное изучение личности заключенного, что нашло свое закрепление в норме ст. 88 ИТК РСФСР. Результативности работы предполагалось достигнуть путем закрепления учителей-воспитателей за определенной группой заключенных. В число задач первых входило изучение личности и характера преступников, наблюдение за их отношением друг к другу, поведением во время работ, школьных и внешкольных занятий, а также в свободное от работ время. Результаты своих наблюдений они должны были заносить в листки-характеристики установленного образца и в особые журналы, отмечая при этом произошедшие изменения в личности.

Норма ст. 90 ИТК РСФСР содержала прямое указание на необходимость соблюдения классового подхода при привлечении заключенных к культурно-просветительной работе. При этом преимуществом обладали рабочие и крестьяне, которые из своей среды могли избирать культурно-просветительную комиссию в количестве пяти человек.

На культурно-просветительную комиссию законодатель возложил ряд функций: содействовать укреплению самостоятельности заключенных, вовлекать в работу заключенных из среды трудящихся, способствовать развитию политического и классового самосознания случайно совершивших преступление рабочих и крестьян посредством организации клубных секций и кружков, устройства докладов и лекций, издания журналов, газет, сборников и др. (ст. 91 ИТК РСФСР).

В ИТК РСФСР большое значение придавалось ликвидации общей и политической неграмотности заключенных. Об этом свидетельствует содержание ст. 92, в которой предусматривалось обязательное посещение школы для всех неграмотных и малограмотных заключенных в возрасте до 50 лет.

Руководители внешкольной работы обязывались заниматься вопросами лекционной пропаганды, организацией работы клубов и библиотек, в частности, организовывать доклады по политической грамоте, чтение научно-популярных лекций и создавать для заключенных кружки: общеобразовательные, литературные, музыкальные, шахматные, спортивные и др. (ст. 94 ИТК РСФСР).

В ст. 95 ИТК РСФСР фактически получили юридическое закрепление допустимые с точки зрения режима содержания мероприятия воспитательного характера, прошедшие апробацию в начале 20-х гг. XX в.: концерты, спектакли, литературные вечера, спортивные упражнения, литературные суды, «живая газета» и другие культурные развлечения и занятия, отвечающие задачам коммунистического воспитания.

Кроме того, в ст. 97 ИТК РСФСР содержалось требование, определявшее минимум внешкольной работы, проводимой с заключенными в местах лишения свободы. Прежде всего это чтение вслух газет, научно-популярных и художественных произведений по определенной программе, а также наблюдение за тем, что читают заключенные, и собеседование по существу прочитанного. С этой целью каждое место заключения должно было иметь библиотеку из книг политико-просветительного, научно-популярного и беллетристического содержания.

Заключенные из среды трудящихся могли бесплатно посещать театр в исправительно-трудовых учреждениях. Также для всех осужденных предусматривались регулярные занятия гимнастикой, чтобы устранить влияние недостаточно подвижного образа жизни.

Анализ содержания культурно-просветительной работы с заключенными по ИТК РСФСР (1924 г.) свидетельствует о том, что в законе были обозначены ориентиры в этой сфере на перспективу, а их достижение, с одной стороны, связывалось с активной помощью партийной и советской общественности, а с другой, широким пробую-

ждением инициативы и самостоятельности самих заключенных из среды трудящихся.

На наш взгляд, культурно-просветительная работа в том объеме, который закрепил ИТК РСФСР, не могла быть реализована в тот период по экономическим, организационным, кадровым и иным соображениям и по существу являлась программой на будущее. На нереальность задач, закрепленных в отдельных нормах ИТК РСФСР, обращал внимание в своей публикации Траскович: «... не считаясь с наличным штатом воспитателей, довольно широко намечает виды политпросветработы в местах заключения, как по линии школьной и библиотечной, так и по линии клубной и кружковой»¹.

Принятие ИТК РСФСР 1924 г., а затем издание в развитие его норм ведомственных нормативных актов, таких как Инструкция по учебно-воспитательной работе, Положение о культурно-просветительной комиссии из заключенных, Инструкция камерным и коридорным культурникам, Положение о самоуправлении в трудовых домах для несовершеннолетних, т. е. создание правовой основы воспитательного воздействия, позволяют сделать вывод, что уже к середине 20-х гг. XX в. культурно-просветительная работа в местах лишения свободы утратила случайный характер и стала проводиться на плановой основе в интересах достижения цели наказания – исправления заключенных². Это подтверждается архивными документами. Так, в одном из них отмечается, что лекции, беседы, чтение вслух, постановка концертов и спектаклей для заключенных составляли уже часть твердой минимальной программы внешкольной работы почти во всех местах заключения. Вся массовая клубная работа приурочивалась к тем или иным историческим событиям и в зависимости от состава заключенных, их общеобразовательного уровня и запросов, наличия денежных средств принимала более или менее углубленный характер³.

Пришедший на смену ИТК РСФСР 1924 г. ИТК РСФСР 1933 г. создавался в новых ис-

торических условиях, когда, по сути, был заложен фундамент социалистической экономики. Данный документ законодательно закрепил основные методы перевоспитания заключенных: приучение их к работе и жизни в условиях трудового коллектива и приобщение к участию в социалистическом строительстве с помощью труда, режима и политико-воспитательной работы.

Если в ИТК РСФСР 1924 г. в качестве основной ставилась задача приспособления преступника к условиям общежития, то ИТК РСФСР 1933 г. определил задачу перевоспитания осужденных на основе социалистических принципов организации их труда. Это положение четко просматривается в п. «б» ст. 2 Кодекса, в котором указано, что целью исправительно-трудовой политики является: «перевоспитывать и приспособлять осужденных к условиям трудового общежития путем направления их труда на общепользные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества».

Поскольку карательная и исправительно-трудовая политика Советского государства строилась на классовой основе, то в ИТК РСФСР 1933 г. был включен ряд статей, учитывающих различие в классовой принадлежности заключенных и степени их социальной опасности. Например, в ст. 65 было записано, что «лишенным свободы из числа трудящихся, совершившим менее социально опасные преступления, могут в целях развития самостоятельности и инициативы и рационального использования их знаний и навыков поручаться работы административно-хозяйственного, счетно-канцелярского, политико-воспитательного и технического характера, выполняемые низшим и средним персоналом мест лишения свободы». Статья 69 указывала, что лишенные свободы из числа классово-враждебных элементов не могут избираться на руководящую работу ни в какие ячейки самоуправления и общественные организации заключенных.

В ИТК РСФСР 1933 г. впервые появился термин «политико-воспитательная работа» вместо «культурно-просветительная». Отсюда следует, что воспитательное воздействие поднималось на более высокий уро-

¹ Траскович. Исправительно-трудовая политика // Ежедневник сов. юстиции. 1929. № 4. С. 27.

² См.: ГАРФ, ф. 4042, оп. 4, д. 79, л. 138–139.

³ См.: там же, д. 130, л. 10.

вень. Сложившиеся на практике формы самодеятельности заключенных получили в данном документе дальнейшее развитие. В частности, в нем уже речь идет о формировании культсоветов среди заключенных, которым придавалось большое значение. В ст. 66 закреплялось, что «политико-воспитательная работа проводится культсоветом лишенных свободы под председательством помощника начальника места лишения свободы по политико-воспитательной части». Культсовет избирался из самих лишенных свободы на общем собрании и состоял из различных секций: массово-производственной, культурно-массовой, санитарно-бытовой и редакционно-издательской. Статья 83 ИТК РСФСР 1933 г. обязывала правоприменителей формировать в местах лишения свободы, за исключением изоляторов для подсудимых и штрафных колоний, товарищеские суды заключенных.

К сожалению, при всем том положительном, что было закреплено в нормах ИТК РСФСР 1933 г. в части постановки политико-воспитательной работы, следует отметить, что в нем ничего не говорилось о профессиональных воспитателях заключенных, хотя в 20-х гг. XX в. они сыграли положительную роль в организации воспитательной работы в местах лишения свободы.

В следующем ИТК РСФСР, вступившем в силу с 1 июня 1971 г., ставилась задача исправления и перевоспитания осужденных, а также искоренения преступности. УИК РФ 1997 г. не содержит требования перевоспитания и не ставит задачи ис-

коренения преступности. Согласно данному Кодексу воспитательная работа уже не направлена на повышение сознательности и развитие полезной инициативы осужденных, исчезла норма, обязывающая администрацию проводить воспитательную работу в тюрьмах и помещениях камерного типа, перед самодеятельными организациями не ставится задача развития у осужденных навыков коллективизма, до 30 лет понижен возрастной ценз подлежащих обязательному обучению в общеобразовательной школе.

Таким образом, цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства в России менялись в зависимости от сущности карательной и исправительной политики государства. Для их достижения в разные исторические периоды в большей или меньшей степени использовались культурно-воспитательная, политико-воспитательная, просто воспитательная работа и общественные формирования осужденных. Следовательно, опыт организации воспитательной работы с осужденными заслуживает глубокого изучения и практической реализации выявленных позитивных моментов.

Библиографический список

1. Траскович. Исправительно-трудовая политика / Траскович // Еженедельник сов. юстиции. – 1929. – № 4.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ]. – М., 2006. – (Б-ка кодексов).

А. И. Чучаев,
*доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного права
Московской государственной
юридической академии*

А. А. Ашин,
*кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России*

КЕЛЕЙНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЗГЛЯД Н. Д. СЕРГЕЕВСКОГО

Наказание и его реализация – проблемы, которые всегда были в центре внимания

Владимир, 2007

Н. Д. Сергеевского¹ и в разрешении которых он в первую очередь раскрылся как ученый, трезво оценивавший возможности карательной деятельности государства, принимавший активное участие в совершенствовании уголовного законодательства. Об этом свидетельствуют его труды, не

¹ О Николае Дмитриевиче Сергеевском и его научной, педагогической, государственной и общественной деятельности подробно см.: Боровитинов М. М. Николай Дмитриевич Сергеевский и его профессорская, научно-литературная и педагогическая деятельность. СПб., 1910; Чучаев А. И. Грани таланта // Lex Russika. 2006. № 4 и 5; он же. Н. Д. Сергеевский: жизненные вехи и творческое наследие. Ульяновск, 2006.

потерявшие своей актуальности и в наши дни. Среди них: «Преступление и наказание как предмет юридической науки (задача науки уголовного права)»; «О праве наказания»; «Антропологическое направление в исследованиях о преступлении и наказании (новейшая школа в Италии)»; «Смертная казнь в России в XVII и первой половине XVIII века»; «Телесное наказание в России в XVII веке» и др.¹, а также докторская диссертация «Наказание в русском уголовном праве XVII века»².

В актовой речи в Санкт-Петербургском университете 7 февраля 1893 г. Н. Д. Сергеевский отмечал: «Никогда еще жизнь не предъявляла юристам такой массы практических вопросов, требующих немедленного разрешения, как в наши дни. Жизнь настойчиво требует ответа от теоретиков, но не выжидает его, а по-своему решает дело, хотя и дорого платит за каждую ошибку... Один из самых настойчивых для нашего времени практических вопросов есть вопрос об устройстве карательных учреждений, об упорядочении уголовных наказаний»³.

По Н. Д. Сергеевскому, основание наказания лежит в совершении преступления – оно налагается *quia reccatum est* (за грех, преступление, провинность). Практический же результат наказания – общий, не зависящий от специальных целей, – создание духовной силы, противодействующей нарушениям закона.

Таким образом, исследуя наказание, ученый выделял два принципиальных момента: первый – сущность всего уголовного правосудия; второй – организация исполнения карательных мер и реализация специальных целей. Причем все это предлагалось рассматривать на основе не теоретических умозаключений, а исторического опыта человечества: «... Задачей теории... является прежде всего разрешение вопроса о том, при каких условиях государственной

жизни, при наличности каких духовных и материальных сил в государстве и народе, какие и как могут быть организованы наказания; под влиянием каких факторов находится государственная власть в этой сфере; с чем она должна считаться и с чем вступать в компромиссы»⁴.

В конце XIX в. абсолютное большинство как российских, так и зарубежных пенитенциаристов считали келейную систему тюремного заключения наиболее прогрессивной. Так, на Стокгольмском тюремном конгрессе 1880 г. ни один делегат не высказался против принципа одиночного заключения, дискуссии велись только по частным вопросам, относящимся к деталям организации отбывания подобного вида наказания.

Однако на первом съезде Международного криминалистического союза (Брюссель, 7–8 августа 1889 г.) один из известнейших представителей итальянской антропологической школы уголовного права Гарофало заметил, что тюрьма нужна государствам, отказавшимся от смертной казни как вида наказания и не имеющим колоний для изоляции преступников, представляющих опасность для общества⁵, но при этом он уже не настаивал на ее келейном варианте.

Более того, на Брюссельском тюремном конгрессе (1900 г.) келейная концепция пенитенциаристов подверглась критике. Наиболее резко высказался по этому поводу министр юстиции Бельгии Лежен, заметив, что человечество ошибалось, надеясь постройкой одиночных келий справиться с преступностью. Высказывание Лежена особенно примечательно, если учесть, что Бельгия была одним из немногих государств, в которых организация одиночного заключения имела продолжительный опыт и проводилась более или менее последовательно⁶.

Бельгийский ученый Пренс обращал внимание и на большие затраты, которые несло государство при организации келейной системы тюремного заключения⁷.

¹ См.: Боровитинов М. М. Указ. соч. С. 177–180.

² См.: Докторский диспут Н. Д. Сергеевского // Журн. гражд. и уголов. права. 1988. Кн. 7. С. 58.

³ Первоначально в сокращенном виде речь была опубликована в отчете о состоянии деятельности университета за 1892 г. В 1893 г. она вышла отдельной статьей под названием «Основные вопросы наказания в новейшей литературе». (См.: Журн. гражд. и уголов. права. 1893. Кн. 4. С. 1–24.)

⁴ Там же.

⁵ См.: Первый съезд Международного криминалистического союза в Брюсселе // Юрид. вестн. М., 1889. Т. 3. Кн. 4. С. 647.

⁶ См. об этом подробно: Чучаев А. И. Грани таланта.

⁷ См.: Первый съезд Международного криминалистического союза в Брюсселе. С. 643.

Не соглашаясь с криминалистами, признававшими преимущества тюремного заключения над другими видами наказания, Н. Д. Сергеевский указывал, что «... оно обладает весьма и весьма многими существенными недостатками. Мало того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что единственным и решительным его достоинством может быть признано только одно: это именно соответствие с нашими представлениями, этическими воззрениями, не переносящими физических страданий преступников, в особенности сопряженных с пролитием крови, – тюремное заключение есть наказание гуманное. Затем все прочее или представляется до известной степени сомнительным, или значительно подрывается обратными сторонами института»¹.

К середине XIX в. сформировались следующие основные типы устройства тюрем: система одиночного заключения (она же келейная); обурнская система; прогрессивная английская система; система общего заключения.

Одиночное заключение в простейших и наиболее грубых его формах было известно с древнейших времен. Оно часто применялось к виновным в религиозных и политических преступлениях, преследовало цель полного отчуждения узника от внетюремного мира. Как специальная карательная система одиночное заключение появилось в начале XVIII в. Идея его создания основывалась на двух постулатах: во-первых, совместное нахождение осужденных способствует взаимному вредному влиянию, передаче преступного опыта, насаждению преступных традиций, нравов и обычаев, субкультуры; во-вторых, для раскаяния и нравственного исправления виновного требуется уединение, уход «в самого себя».

Первая идея об одиночном заключении принадлежит Папе Римскому Клименту XI (1649–1721). В начале XVIII в. в Риме была построена тюрьма для несовершеннолетних преступников и «порочных детей» (направлявшихся в нее по просьбе родителей), в которой имелось 64 кельи. Она носила название госпиталя св. Михаила.

Система одиночного заключения на первом этапе своего становления характеризовалась полной изоляцией узника как от других заключенных, так и от внешнего мира. В одиночной келье отбывался весь срок наказания, что должно было создать условия для осознания заключенным своего общественно опасного деяния и раскаяния в содеянном. Это мистическое представление о самоисправлении через самосозерцание, развивавшееся в связи с идеей о совершенстве человека в так называемом естественном состоянии, было достаточно распространенным в XVIII и начале XIX вв. Она даже нашла отражение в художественной литературе в известном романе Д. Дефо о Робинзоне Крузо.

Устройство тюрьмы, внутренний распорядок и дисциплина были направлены на то, чтобы исключить всякое общение заключенных друг с другом и иными лицами. При оставлении кельи узники были вынуждены надевать маски, чтобы не быть узанными. Богослужение и проповедь они слушали или сидя в особой, специально устроенной в церкви, келье, открытой в сторону проповедника, или стоя в коридоре в то время, когда священник совершал богослужение или читал проповедь. Прогулка осуществлялась в узком закрытом двореке, а работа разрешалась только в виде исключения как награда за хорошее поведение.

Однако такие условия заключения имели неблагоприятные последствия. В первую очередь это сказалось на здоровье осужденных. В силу данных причин рассматриваемая система претерпела значительные изменения: одними из существенных условий исправления осужденных отбывающих одиночное заключение, были признаны работа, общее, религиозное и профессиональное образование.

В результате была построена новая, вначале положительно воспринятая многими пенитенциаристами, так называемая система индивидуального заключения. Но она также не оправдала возлагавшихся на нее надежд. «...Одиночное заключение в виде общей меры исправительной, а равно репрессивной – два качества, на которых в особенности настаивают его защитники – представляются вообще, а для русской

¹ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Общая часть: Пособие к лекциям. Пг., 1915. С. 146–147.

тюрьмы в особенности, нововведением, по меньшей степени сомнительным, – пишет Н. Д. Сергеевский. – Кроме неравномерности его по тяжести для различных субъектов, слабая сторона одиночного заключения как меры репрессии заключается в том, что оно направляется преимущественно на дух человека, а не на тело его. Неизбежность угнетающих впечатлений, а во многих случаях и крайне вредное воздействие на психическую сторону личности арестанта, едва ли может подлежать сомнению»¹.

Выступая против системы одиночного заключения, Н. Д. Сергеевский также акцентировал внимание на так называемой практической стороне вопроса. Во-первых, она достаточно затратна, всякая ошибка в ее организации может привести к диаметрально противоположным результатам. Во-вторых, простейшая задача келейной тюрьмы – разобщение арестантов – не всегда может быть достигнута. В-третьих, для управления такими тюрьмами требуется наличие «наивысших достоинств тюремной администрации», так как они открывают широкий простор для различного рода злоупотреблений: притеснений заключенных либо предоставления им незаконных льгот. «Плохая организация работ превратит одиночную тюрьму в старую пенсильванскую²; недостаток медицинского надзора вызовет оставление в кельях и тех арестантов, которые должны быть переведены в общее заключение ввиду состояния их здоровья; наоборот, добродушно-слабое отношение медика и директора тюрьмы переведет всех

арестантов, кроме немногих, в чем-либо провинившихся, из келий в общие камеры и т. д.»³, «... все эти злоупотребления не заставят себя ждать, в том ручаются старый опыт и очевидная для всех недостаточность, качественная и количественная, служебного персонала»⁴.

В 1880 г. в России началась активная работа по обновлению уголовного законодательства. В 1882 г. проект общей части Уголовного уложения был направлен для ознакомления сенаторам, в судебные учреждения, прокуратуры, университеты, юридические общества и отдельным российским и иностранным специалистам.

В это время Н. Д. Сергеевский благодаря стараниям профессора Н. А. Неклюдова был приглашен, вместо ушедшего профессора Н. С. Таганцева, адъюнкт-профессором на кафедру уголовного права и судопроизводства Санкт-Петербургской военно-юридической академии (до этого он работал экстраординарным профессором Демидовского лицея в Ярославле). И свою вступительную лекцию в Санкт-Петербургском университете он посвятил задачам уголовного законодательства в России⁵.

В редакционную же комиссию, работающую над проектом общей части Уголовного уложения⁶, в 1883 г. он представил подробный анализ проекта – исключительный по своей ценности труд. Особое внимание в нем Н. Д. Сергеевский уделил недостаткам указанного документа, в том числе по вопросам организации тюремной системы. В частности, он упрекал комиссию в том, что она выбрала для тюрьмы самую дорогую, самую сложную и самую трудно реализуемую систему, которая, по признанию же самих составителей проекта, может губительно действовать на здоровье человека.

¹ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. ... С. 158–159.

² В штате Пенсильвания (США) в 1785 г. было основано квакерское общество улучшения тюрем. Приверженцы созерцательной жизни добились принятия в 1794 г. закона, которым отменялась смертная казнь за все преступления, кроме преднамеренного убийства. Пенсильванские квакеры на содержание в тюрьме смотрели как на средство, используя которое преступник доводился до раскаяния, а саму тюрьму признавали местом покаяния. С тех пор подобные тюрьмы получили название пенитенциарии – от ср.-лат. *poenitentarius* покаянный, исправительный. (См.: Словарь иностранных слов. М., 1996. С. 370.) К концу 30-х гг. XIX в. американская система одиночных тюрем приобрела огромную известность в Европе под именем филадельфийской или пенсильванской.

³ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право... С. 160.

⁴ Свод замечаний на проект общей части. Спб., 1884. Т. 4. С. 381.

⁵ Потом эта лекция была опубликована в виде самостоятельной статьи. (См.: Сергеевский Н. Д. Современные задачи уголовного законодательства в России // Журн. гражд. и уголов. права. 1983. Кн. 3.)

⁶ В нее входили три криминалиста-теоретика (Таганцев, Неклюдов, Фойницкий) и три юриста-практика (Розин, Лицкой, Фриш). Возглавлял комиссию Фриш, бывший в то время товарищем (заместителем) министра юстиции.

Согласно проекту одиночное заключение выступало средством усиления репрессии. Между тем, по мнению ученого, людьми, привыкшими к умственному труду, оно не будет восприниматься как жестокое наказание. Тем же, кому нахождение с другими осужденными тяжело и неприятно, келья окажется даже облегчением. Эти обстоятельства нашли отражение в проекте, поэтому, например, при аресте одиночное заключение предполагалось только по собственному желанию арестанта.

«Мы, безусловно, предпочитаем как меру репрессии в тюрьмах, — пишет Н. Д. Сергеевский, — тяжелые работы, сокращение праздничных дней, даже сокращение в пище, насколько оно не будет разрушать здоровья. Что касается до воздействия исправительных, то в этой области выбор тех или других мероприятий... должен зависеть от свойств и особенностей того материала, над которым приходится оперировать. Не путем введения иностранных, более или менее шаблонных, теоретически построенных институтов, выросших при том на такой отвлеченной мистической почве, как пенсильванская келейная система, а путем изучения местных народных условий и приспособлений к ним должна идти тюремная реформа. Для русского крестьянина-земледельца, например, келейное заключение, вне всякого сомнения, принесет не исправление, а одно лишь озлобление, чувство вражды и ожесточения»¹.

Н. Д. Сергеевский считал ошибочным существующий порядок содержания и управления тюрьмами. Если раньше государство не считало себя обязанным содержать заключенных, делая это только в пределах крайней необходимости или с целью возмещения своих расходов путем использования последних в качестве дешевой рабочей силы, то в дальнейшем значительная часть государственного бюджета, предназначенная на содержание заключенных, легла тяжелым бременем на налогоплательщиков.

Ученый предлагал в Уложении закрепить правило, в соответствии с которым все расходы, связанные с содержанием за-

ключенного в тюрьме (в том числе и по управлению тюрьмами), возлагались на него самого. При этом следовало учитывать «род» и срок заключения. Средства должны были взыскиваться в порядке, предусмотренном для судебных издержек. «Между этими двумя взысканиями нет никакого различия по их юридической природе; допуская одно, закон может вполне последовательно установить и другое. Сам проект, обращая в казну заработок арестанта, весь (при каторге) или часть его, тем самым признает принцип возмещения тюремных расходов из имущества арестанта — в данном случае из продуктов труда, — но только не проводит этого начала последовательно... Обращение в казну заработка должно рассматриваться как составная часть взыскания расходов. При отсутствии у осужденного имущества взыскание должно падать исключительно на заработок, причем, во всяком случае, желательно в видах поощрения к труду сохранить небольшой процент вознаграждения»².

Однако комиссия не сочла возможным учесть мнение ученого ни по келейной тюремной системе, ни в целом по «лестнице наказаний», которая стала едва ли не самой сложной из всех имевшихся в то время в Европе.

Существовавшая система видов лишения свободы в законодательстве России к началу XX в. (каторга, исправительные арестантские отделения, заключение в крепости, заключение в тюрьме, арест, заключение в монастырь) фактически полностью (кроме, каторги и заключения в монастырь, являвшегося специфическим видом отбывания наказания и применявшегося в исключительных случаях) перешла в Уголовное уложение 1903 г. Однако организация исполнения и режим содержания предусматривались иные, чем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.).

Согласно концепции Уголовного уложения в основу всех видов лишения свободы была положена система одиночного заключения. Однако на практике реализовать

¹ Свод замечаний на проект общей части. С. 382.

² Свод замечаний на проект общей части. С. 385–386.

данный принцип было невозможно, так как не хватало соответствующих учреждений. Поэтому для каждого вида лишения свободы в Уложении 1903 г. была указана особая система размещения арестантов. Так, исправительный дом устроен по так называемой смешанной системе: осужденные вначале должны были содержаться в одиночных камерах (от 3 до 6 мес.), а затем переводиться в общее заключение, однако при наличии возможностей их разобщали на ночное и свободное от работы время. В крепости же заключенные сразу должны были содержаться в общих камерах.

Кроме того, в Уложении были изменены основы организации отбывания тюремного заключения. Осужденные должны были находиться в одиночных камерах. При недостатке последних или в случае возможного причинения вреда здоровью от такого заключения их могли содержать вместе с другими заключенными, однако при этом изменялся порядок исчисления срока отбытого наказания: 4 дня в общем заключении приравнивались к 3 дням отбывания наказания в одиночной камере.

Несовершеннолетние преступники в возрасте от 14 до 17 лет, приговоренные к заключению в тюрьме вместо смертной казни и каторги, содержались в общей камере, но отдельно от взрослых.

Наказание в виде ареста согласно Уложению должно было отбываться в общем заключении, однако по просьбе осужденных и при наличии одиночных камер они могли помещаться в одиночное заключение.

В заключение отметим, что келейное заключение преследовало цель:

- изолировать осужденных от вредного влияния закоренелых преступников, передачи ими преступного опыта и насаждения преступных традиций, нравов и обычаев;
- добиться раскаяния и исправления осужденных, что возможно только в одиночном заключении.

По нашему мнению, Н. Д. Сергеевский совершенно верно и обоснованно указал на очевидные неблагоприятные последствия одиночного заключения, которые, на наш взгляд, не могут отвечать основной цели исполнения наказания – исправлению осужденных.

Библиографический список

1. *Сергеевский, Н. Д.* Основные вопросы наказания в новейшей литературе / Н. Д. Сергеевский // Журн. гражд. и уголов. права. – 1893. – Кн. 4.
2. *Чучаев, А. И.* Грани таланта / А. И. Чучаев // Lex Russika. – 2006. – № 4, 5.
3. *Чучаев, А. И.* Н. Д. Сергеевский: жизненные вехи и творческое наследие / А. И. Чучаев. – Ульяновск, 2006.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО, ПЕРСПЕКТИВЫ

Бассам аль-Катеб,
*Второй секретарь
министра иностранных дел Сирии
в г. Москве*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Феномен политической власти, как и любое явление реальной жизни, исключительно многогранен и не является предметом монопольного анализа какой-либо одной науки. Наряду с политологией проблема власти и властных отношений рассматривается в юриспруденции, философии политики, политической истории, политической социологии, политической психологии и других социальных науках. Это связано с тем, что власть необходима в любом обществе, и общества без власти не существует. Почти каждый человек обладает властью по отношению к какому-то числу других людей и одновременно для каждого из нас существует масса людей, которые могут заставить или убедить нас совершать те или иные поступки, т. е. могут обладать властью по отношению к нам.

Политические отношения любого общества по своей внутренней природе хаотичны, а под действием различных внешних факторов могут приобретать далеко нецивилизованные формы. Для нормального функционирования любого государства или межгосударственной системы необходимо упорядочивание этих отношений, приводя их в соответствие с моралью, культурой данного общества. Именно в политической культуре формируются регуляторы политического поведения и выстраивается мотивационная база властных отношений.

Отличительной чертой современного этапа развития человеческого общества является тесная связь социокультурных и политических процессов: в области куль-

туры и других сферах общественной жизни политика направляет социальную деятельность людей, а социокультурные факторы в свою очередь оказывают влияние на политику.

Сегодня в зарубежной и российской науке к политической культуре проявляется повышенный интерес, так как та или иная политическая культура либо является основой стабильного и динамического развития, либо ведет к деградации общества.

Политическая власть в государстве и обществе всегда есть и остается предметом соперничества различных субъектов политики, включая индивидов и целые социальные общности. Исследование политической власти дает возможность понять ее природу и выявить наиболее важные направления осуществления государственной политики как в настоящем, так и будущем. Однако именно политическая культура позволяет рассматривать политическую власть с точки зрения национальных, культурных, социальных, этнических особенностей, сформированных у населения на протяжении многих столетий. Политическая власть выступает своего рода отражением существующей политической культуры.

Изучение политической культуры обществ, принадлежащих к различным цивилизациям, расширяет возможности исследования как базовых, матричных характеристик политических культур, так и их особенностей, позволяет оценивать и творчески использовать потенциал ее элементов в интересах общего развития цивилизации. Она является отражением политической зрелости населения страны, всегда определяет линию поведения большей части общества и выступает своеобразным носителем основных политических традиций и ценностей населения.

Политической культуре на протяжении всей истории цивилизации в силу ее общественной значимости уделялось пристальное внимание политических мыслителей,

государственных деятелей, ученых-обществоведов.

На ранних этапах развития общества она не выделялась из общей культуры человека. Лишь с возникновением государства и развитием социальной структуры политическая культура как феномен постепенно начинает выделяться в самостоятельный элемент политической системы.

В настоящее время политическая культура оказывает огромное влияние практически на все стороны политической и общественной жизни общества. Она является одним из тех важнейших факторов, по которым можно судить об уровне политической зрелости общества. По мере общественного развития происходит не только становление государства, утверждение и смена форм его устройства и правления, политических режимов и политических систем, но и формирование социальных субъектов политики – личности, социальных групп населения, общества в целом.

Сформированная политическая культура становится относительно самостоятельным элементом политической системы. Связь и взаимодействие между ними обеспечиваются тем, что политика как продукт деятельности институтов политической системы – это конкретная деятельность в сфере политических отношений, а политическая культура выступает в качестве характеристики этой деятельности, уровня компетентности в политических делах и поступках граждан страны, государственных и политических деятелей, содержания возникающих при этом политических отношений. В данной связи интерес представляют взаимодействия политической культуры и политической власти.

Отношения между ними в общем виде можно представить следующим образом:

1. Политическая культура модифицирует политическую систему.

2. Реально функционирующая в данном обществе политическая система отражает историю его политической культуры с самых ранних этапов развития данного общества и государства.

3. Политическая культура относительно самостоятельна в своем функционирова-

нии, хотя и является элементом политической системы.

4. Политическая культура органически связывает политическую систему и гражданское общество¹.

Как фактор, стабилизирующий политическую систему, политическая культура демократизирует общество и государство, поскольку с ее помощью формируется межличностное доверие, терпимость людей друг к другу, а также классов и других социальных групп, обеспечивается консенсус, общее видение целей общественного развития, жизненная удовлетворенность и т. д., без чего на нынешнем уровне развития цивилизации человеческое общество нормально жить и развиваться по восходящей не сможет. Обратное ведет к кризисам, социальным взрывам, непредсказуемым экономическим и политическим катаклизмам.

В современной политической науке прочно утвердилось понимание того, что власть и политическая культура постоянно взаимодействуют между собой и оказывают непосредственное влияние на процессы социального развития общества.

Политическая культура, концентрируя и отражая длительный исторический опыт, представляет собой специфическую совокупность относительно устойчивых во времени политических ориентаций, убеждений, образцов поведения и организованной деятельности участников политического процесса любого общества. Являясь своего рода базой становления, процветания и результативности политической жизни, политическая культура, состоящая из многих структурных элементов, таких как менталитет населения, национальный характер, культурные ценности, традиции, представляет собой часть политического развития не только государства, но и нации, отдельной социальной группы, личности.

Библиографический список

1. Основы политологии / под ред. Е. И. Рыбкина, А. Б. Василенко. – М., 1992.
2. Политическая культура: теория и национальные модели. – М., 1994.

¹ См.: Основы политологии / Под ред. Е. И. Рыбкина, А. Б. Василенко. М., 1992. С. 207.

Риад Раван,
атташе Сирии в г. Москве

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СИРИИ
В УСЛОВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ
АМЕРИКАНО-ИРАКСКОГО КОНФЛИКТА**

Традиционно отмечается, что основными акторами международных отношений являются суверенные государства, традиционно играющие ведущую роль в международных отношениях. Именно их внешняя политика во многом определяет характер существования мировой системы в целом. Многообразие межгосударственных отношений предусматривает собственные правила игры и баланс ресурсов, превращает понятие силы государства в характеристику как их преимуществ, так и уязвимости. Важную роль при этом играют различия в национальной мощи государств, к слагаемым которой относят: географическое положение, природные ресурсы, промышленный и военный потенциал, численность населения, национальный характер, моральный дух общества, качество дипломатии и способность правительства добиваться поддержки своей внешней политики со стороны общественного мнения страны, т. е. внутренняя структурированность и позиция иных государств. Сложная, динамичная комбинация этих слагаемых определяет национальный интерес государства, который во многом представляет внутреннюю потребность государства в обеспечении растущего уровня жизни общества в условиях безопасности.

Стремление государства обрести реальную международную правосубъектность в сфере межгосударственных отношений также является особым видом национально-го интереса. Вступая в организацию, государства стремятся реализовать свои национальные интересы при решении актуальных вопросов, усилить воздействие на международные процессы, повысить свой престиж на мировой арене. В связи с этим для обеспечения безопасности всех участников международных отношений и системы в целом совершенно необходимым было создание определенного механизма сдерживания амбиций отдельных государств.

Крайняя нестабильность и милитаризованность стран Ближнего Востока создали объективную необходимость образования альянсов для обеспечения стабильности в регионе. Одним из ведущих акторов региона является Совет Сотрудничества Арабских Государств Залива (далее: ССАГЗ)¹ – «элитного клуба» шести традиционных монархий Залива – Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов (далее: ОАЭ), Кувейта, Катара, Бахрейна и Омана. На современном этапе эта организация наряду с Ираном определяет региональный баланс сил.

Что же касается Саудовской Аравии, то создание Совета со штаб-квартирой в Эр-Рияде должно было подтвердить ее главенство в регионе. При этом особо подчеркивалось, что ССАГЗ является не международной организацией, а объединением государств со схожими политическими, экономическим и социальными институтами, цель которого – обеспечение безопасности и стабильности правящих режимов, сотрудничество в сфере экономики и финансов, торговли и коммуникаций, а не политическое и военное сотрудничество.

Каждая страна, являясь членом ССАГЗ, исходила из своих собственных специфических интересов. «Оман стремился таким путем покончить с определенной изоляцией в арабском мире, в какой он оказался из-за своих тесных связей с шахом Ирана и поддержкой Кемп-Дэвида. Бахрейн видел в этом возможность ослабить свою зависимость от Саудовской Аравии, которая практически полностью определяла политику Манама. Кувейт рассматривал Совет как средство укрепления своей обороны. Катар, у которого оставались традиционные трения с Бахрейном и Абу-Даби, считал, что принадлежность к ССАГЗ будет способствовать укреплению независимости страны. ОАЭ рассчитывали приобрести но-

¹ Название этой организации иногда звучит как Совет Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива, что не соответствует ее оригинальному арабскому названию, в котором отсутствует определение Залива (Арабский или Персидский) для того, чтобы избежать спора между арабами и иранцами по вопросу названия этого водного пространства.

вые рынки сбыта и сферы приложения экономической активности»¹.

Ирак, в целом занимая на момент создания ССАГЗ нейтральную позицию, в силу своей финансовой зависимости от арабских соседей негативно оценил столь ограниченное региональное объединение, считая это ущемлением своих стратегических интересов. Иран, не вошедший в состав ССАГЗ, расценил его создание как антииранский шаг. «Реакция других арабских стран была достаточно прохладной. Государства, ориентировавшиеся в своей политике на Советский Союз, прежде всего, НДРЙ, Ливия и Сирия, восприняли создание ССАГЗ как стремление со стороны консервативных прозападных держав противодействовать росту национально-освободительного движения»².

К началу XXI в. наиболее благоприятные отношения у Ирака сложились с его некогда самым принципиальным соперником – Сирией. В начале 80-х гг. XX в. Дамаск и Багдад разорвали дипломатические отношения. Во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Сирия поддерживала Иран. В ходе конфликта в Персидском заливе 1990–1991 гг. сирийские войска приняли участие в операции многонациональных сил по освобождению Кувейта от иракской оккупации. К концу 90-х гг. XX в. в двусторонних отношениях наметился существенный прогресс. Летом 2001 г. состоялся официальный визит главы сирийского правительства в Ирак. Подводя итоги встречи, С. Хусейн назвал возобновление взаимодействия с Дамаском «огромным успехом, который стал неожиданностью для врагов арабской нации». Премьер-министр Сирии заявил, что отвергает «несправедливую экономическую блокаду Ирака», призывает к арабской солидарности с Багдадом путем игнорирования санкций и расценивает «любое вооруженное нападение на Ирак как агрессию против

Сирии»³. Именно Сирия стала единственной страной, поддержавшей Ирак и выступившей категорически против агрессии США. При общем антиамериканском настроении деятельность Сирии по организации единого фронта арабских стран против намерений США наталкивалась или на позицию пассивных наблюдателей в отношении иракского кризиса или поддержку Вашингтона.

Одними из первых стран, выбравших сотрудничество с Соединенными Штатами, были Саудовская Аравия, Египет и Иордания. Вслед за ними разного рода поддержку оказали и остальные страны Персидского залива. Более того, с государствами-членами ССАГЗ Вашингтон заключил оборонительные соглашения о расширении и модернизации военных баз в Бахрейне, Катаре, Омане и ОАЭ.

Таким образом, можно констатировать отсутствие сотрудничества и единства стран ближневосточного региона в условиях эскалации американо-иракского конфликта: противников американской агрессии в странах Ближнего и Среднего Востока было еще меньше, чем в Европе и США. Однако в последнее время отмечается накопление протестного потенциала и упование на решение ближневосточных проблем при участии международных институтов и европейских стран, позволяющих сбалансировать жесткую позицию Америки в отношении региона.

На современном этапе страны ССАГЗ обеспокоены тяжелым положением Ирака и прилагают усилия, оказывая возможную помощь, так как от развития ситуации в этой стране зависит будущее региона. Из самой мощной в военном отношении арабской державы с развитым военно-промышленным комплексом Ирак превратился во второстепенную страну, исключенную из мировой экономической системы и из одного из наиболее влиятельных «центров силы» на Ближнем Востоке, в государство-изгоя, став, по существу, лишь «объектом» мировой политики.

Позиция стран-членов ССАГЗ может быть охарактеризована как четкая и после-

¹ Маркарян Р. В. Зона Персидского залива: проблемы, перспективы. М., 1986. С. 121.

² Мелкумян Е. С. ССАГПЗ: итоги политического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2001. № 7. С. 2.

³ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 13.08.2001.

довательная: участие в международных усилиях по реконструкции Ирака, недопущение его распада и оказание гуманитарной помощи. При таком положении дел возможно предположить включение Ирака в состав ССАГЗ или его участие в работе экономических комитетов. В этом случае для членов ССАГЗ позитивными моментами будут:

- усиление арабского влияния на ситуацию в регионе и ослабление позиций Ирана;
- ослабление влияния Саудовской Аравии на малые государства-члены в связи с возрастанием влияния Ирака;
- возможность более успешной координации нефтяной политики;
- приобретение выгодного торгового партнера с большим внутренним рынком и достаточно высоким уровнем развития сельскохозяйственного и промышленного производства;
- обеспечение потребности стран ССАГЗ в рабочей силе.

Однако в этом случае Союзу арабских государств придется взять на себя решение проблем Ирака, что особенно проблематично на фоне согласования позиций всех стран-членов.

О. В. Богатова,
*декан факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета
кандидат юридических наук*

СПЕЦИФИКА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Нормативный акт в системе французского права имеет особенности, обусловленные длительной правовой историей страны. Так, до настоящего времени основой системы нормативных актов Франции являются кодексы наполеоновской эпохи, которые, несмотря на многочисленные поправки, безусловно, существенно устарели. Кроме того, в этой стране действует множество актов, не входящих в традиционные кодификации.

Кризис в Персидском заливе выявил внутренние противоречия ССАГЗ, что имеет важное значение для региональной системы международных отношений. ССАГЗ продемонстрировал свою неспособность влиять на события в регионе и обеспечивать безопасность и стабильность. Все страны, входящие в ССАГЗ, присоединились к коалиции, но то, что они не смогли урегулировать конфликт своими силами без помощи иностранных государств, предвидеть масштабы агрессии Ирака также свидетельствовало об их неподготовленности и слабости. В этих условиях ССАГЗ приоритетным направлением своей внешнеполитической деятельности ставит развитие связей с Евросоюзом, который в свою очередь принял решение распространить концепцию «Стратегическое партнерство ЕС на Ближнем Востоке».

Библиографический список

1. *Маркарян, Р. В.* Зона Персидского залива: проблемы, перспективы / Р. В. Маркарян. – М., 1986.
2. *Мелкумян, Е. С.* ССАГЗ: итоги политического сотрудничества / Е. С. Мелкумян // *Азия и Африка сегодня*. – 2001. – № 7.

Конституция Франции не содержит статей, определяющих систему нормативных актов, в нее включены только положения о предметной компетенции органов власти в области нормотворчества. Некоторые современные исследователи отмечают, что в ныне действующей системе нормативных актов Франции четко прослеживается тенденция размывания границ юридической силы закона и подзаконных актов¹.

Сегодня в системе источников французского права существуют следующие виды нормативных актов: кодексы, ордонансы, декреты, решения, постановления, циркуляры, инструкции и т. п., которые в большинстве случаев имеют весьма специфичную внутреннюю структуру: кодексы здесь

¹ См.: *Берман Г. Д.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994; *Лубенский А. И.* Систематизация законодательства Франции. М., 1970.

часто носят характер отраслевых сборников, включающих как законодательные, так и подзаконные акты. У некоторых нормативных актов исключительно обширный предмет регулирования, в них включены положения, регламентирующие правоотношения, относящиеся к двум и более отраслям права, но касающиеся конкретных областей промышленности, хозяйства или культуры.

Начиная с 50-х гг. XX в. принято несколько десятков подобных кодексов. Такие нормативные акты по своей правовой природе являются актами консолидации действующего права. Хотя мы отметили существенное влияние наполеоновских актов на современное французское право в области кодификации, по мнению французских юристов, современные нормативные акты имеют существенные отличия от актов наполеоновской эпохи.

Во-первых, данные кодексы не преследуют цели изменить содержание совокупности норм той или иной отрасли права, а направлены на логическую перегруппировку уже принятых законодательных актов и регламентов. Новая форма нормативного акта несколько ослабила принцип верховенства законов-кодексов в системе актов в их традиционном понимании. Во-вторых, важное место в таких сводных нормативных документах отведено актам правительственной власти. Это связано с тем, что Конституция Франции 1958 г. значительно трансформировала структуру нормативной базы в целом, нанесла существенный «удар» по престижу закона, изменив классическое распределение компетенции между законодательной и исполнительной властью. В Конституцию включен исчерпывающий перечень вопросов, входящих в компетенцию парламента, что ограничило сферу его законодательной деятельности, соответственно компетенция правительственной власти значительно расширилась, в результате чего возросли как удельный вес, так и значение ее актов в системе источников права¹.

¹ См.: Лубенский А. И. Систематизация законодательства во Франции. М., 1970.

Отличительной чертой права Франции является наличие такого его источника, как общие принципы права, которые играют роль регулятора общественных отношений в случае пробелов в нормативной базе. В правоприменительной практике при рассмотрении дел суды часто ссылаются на общие принципы права. Это же отмечают и в деятельности Государственного совета и иных органов исполнительной власти².

В качестве дополнительного к нормативному акту источника французского права можно назвать судебную практику. Например, А. Х. Саидов пишет: «Судебная практика сыграла важную роль в развитии французского права, а современная законодательная практика еще шире открывает ей дорогу для правотворчества в виде индивидуальных и общих норм. Из простого толкователя закона и унификатора собственных решений – а именно такую роль отводит судебной практике теория разделения властей – судебная практика превратилась сегодня в источник французского права...»³.

В Германии, как и во Франции, основой нормативной базы правовой системы являются кодексы, в том числе довоенные, времен Веймарской республики, с большим числом изменений и дополнений. Однако в этой стране нет консолидированных кодексов. Кроме того, система германских нормативных актов отличается от французской строгим распределением нормотворческих функций. Нормативный акт в форме закона является продуктом исключительно органов законодательной власти. Основной закон ФРГ 1949 г. не признает за исполнительной властью права на автономную регламентарную власть, здесь запрещена практика декретов-законов.

Правительственное нормотворчество в германском праве полностью подзаконно. Соответственно система нормативных ак-

² См.: Газье Ф. Роль судебной практики в развитии административного права Франции // СССР – Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения. М., 1982. С. 52.

³ Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М., 2000. С. 171–172.

тов имеет четкую вертикальную иерархическую структуру: конституция – закон – подзаконный акт. Особенность германского права состоит также в том, что это право федеративного государства: каждая из земель в составе страны имеет свое законодательство. В связи с этим возникают дополнительные характеристики и требования к нормативному акту – наряду с указанной для него обязательна и другая иерархия, которая обусловлена сферами компетенции федерации и ее субъектов, соотношением актов федерации и актов субъектов и т. п. В соответствии с Основным законом ФРГ (ст. 31) федеральное право имеет приоритет над правом земель, и в целом действует правило, согласно которому при коллизии федеральных нормативных актов и актов земель приоритет остается за федеральными. Однако следует отметить, что земли имеют право участвовать в федеральном нормотворчестве через бундесрат, влияя тем самым на принимаемые законы, также они обладают в своей законодательной компетенции вопросами, не отнесенными Основным законом к ведению федерации¹.

В системе источников германского права в последнее время все четче и определеннее выделяют судебную практику не только как «подзаконный», но и достаточно самостоятельный источник. При этом особое внимание уделяется решениям Конституционного суда Германии, поскольку по юридической силе и месту в правовой иерархии они фактически приравниваются к законам парламента. Решения Конституционного суда о толковании законов являются общеобязательными как для всех правоприменителей, так и для самого законодателя при принятии аналогичных нормативных актов.

Любой нормативный акт парламента может подвергнуться Конституционным судом Германии проверке на его соответствие конституционным нормам и принципам. Причем такая проверка может быть инициирована любым германским судом,

рассматривающим дело, в котором подлежит применению оспариваемый акт. Как было отмечено выше, решения Конституционного суда имеют весьма высокую юридическую силу и специфические черты: общеобязательность, публичность, невозможность отмены, преодоления законодателем посредством принятия аналогичного отмененному нормативного акта. Исходя из этого, с нашей точки зрения, их нельзя признать просто судебной практикой, поскольку они представляют собой общеобязательные решения о признании нормативных актов неконституционными, лишении их юридической силы. Скорее их можно признать особой формой нормотворчества – «законодательством со знаком минус», или «негативным законодательством».

Указанные особенности такого источника права, как решения органов судебной власти, присущи не всем правовым системам стран романо-германской группы. Так, во Франции Конституционный совет осуществляет исключительно предварительный нормоконтроль – проверяет законопроекты, а проверка действующего законодательства в его компетенцию не входит, соответственно во французском праве нет такого рода актов судебных органов (о лишении юридической силы нормативных актов парламента).

Итак, положение нормативного акта как доминанты в правовых системах названных стран обеспечивается различными путями и методами, отличаются принципы взаимодействия и соотношения нормативного акта с другими источниками права, однако роль нормативного акта в системе источников права, еще раз подчеркнем, является исключительно приоритетной и основополагающей.

В романо-германскую правовую семью помимо указанных выше входят и другие страны. Весьма специфичны право скандинавских стран и положение в нем нормативного акта как источника права. В частности, нормативный акт выступает в них основным источником права, регламентирующим общественные отношения, а закон в системе нормативных актов имеет верховенство над другими актами.

¹ См.: Основной закон Федеративной Республики Германии // Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты / Под ред. Ю. П. Урьяса. М., 1991.

Принимаемые скандинавскими законодателями в качестве нормативных предписания, как правило, исключительно детально разработаны, однако большинство из них не систематизированы. Например, нормативные акты в Швеции не имеют иного признака упорядочения, кроме их порядковой нумерации при опубликовании в официальном издании, таком как бюллетень «Сборник шведского законодательства», основанном в 1824 г. В случае использования нормативного акта для разрешения спора и во всех иных случаях цитирования определенного нормативного акта правоприменители ссылаются на год и номер выпуска данного бюллетеня.

Наряду с этим следует отметить крайне незначительное количество общих норм и принципов, законодательно закрепленных и возможных к применению для различных отраслей права. Однако, по мнению ряда исследователей, в настоящее время в шведском законодательстве, например, обозначилась противоположная тенденция: переход от специальных правовых норм, направленных на урегулирование конкретных жизненных ситуаций, к так называемым каучуковым нормам, посредством которых судебные и иные государственные органы наделяются широкой свободой усмотрения при решении правовых проблем, охватываемых данными предписаниями¹.

Специфика нормативных актов, издаваемых в скандинавских странах, выражается также в их унификации и гармонизации. Это означает, что некоторые нормативные акты являются источниками права одновременно в нескольких странах. Многие скандинавские юристы отмечают, что унифицированное законодательство для этих государств выступают органичным решением многих проблем, оно в полной мере соответствует задачам если не достижения полного единства, то высокого уровня гармонизации права. Так, с точки зрения датского профессора Б. Ларсена, унифицированным для этих стран может быть все частное право, причем данные государства, принимая указанную доктрину,

активно сотрудничают в направлении создания такого законодательства. Например, в 1880 г. одновременно в трех странах – Швеции, Дании и Норвегии – вступил в силу единый закон об оборотных документах. Затем были приняты унифицированные нормативные акты, регламентирующие торговое право (законы о торговых знаках, торговых реестрах, фирмах, закон о чеках), а впоследствии и морское. В сфере частного права можно привести в качестве примера закон о продаже движимого имущества, который был принят и вступил в силу в Швеции и Дании в 1906 г., в Норвегии – 1907 г., а в Исландии – в 1922 г.

Кроме того, в начале прошлого века в скандинавских странах было принято несколько нормативных актов, регулирующих правоотношения в области договорного права (например, закон о договорах и других законных операциях в праве собственности и обязательственном праве). Полагаем, что с помощью таких унифицированных нормативных актов создаются целые институты права. В данном случае можно говорить о едином договорном праве скандинавских стран, источником которого и выступает названный закон. Подобный опыт создания нормативного акта как источника права многие юристы считают заслуживающим внимания и возможным для использования в качестве модели соответствующего сотрудничества на общеевропейском уровне.

Судебная практика в скандинавских странах также выступает довольно значимым источником права. Вместе с тем она безусловно основана на законе, его толковании, понимании судьями, применении к конкретным случаям².

Таким образом, нормативный акт в структуре современного права стран Скандинавии следует считать основным источником права. Унифицированные нормативные акты, применяемые в нескольких странах, представляют собой, с нашей точки зрения, интересный правовой опыт, который мог бы послужить приемлемым образцом для развития юридических связей ме-

¹ См.: Саидов А. Х. Указ. соч. С. 188.

² См.: там же. С. 184.

жду странами СНГ, поскольку все они ранее принадлежали к одной правовой системе Советского Союза, близки по уровню развития и социально-экономической и правовой проблематике. Причем необходимость таких связей, полагаем, понятна без особых обоснований, прежде всего, это защита прав и законных интересов граждан и иных участников правоотношений, имевших многочисленные правовые связи в рамках прежнего Советского государства и оказавшихся в разных государствах (это и семейные, и гражданско-правовые, и трудовые права, и права на социальное обеспечение и т. д.). Исходя из географического и социально-экономического положения стран СНГ целесообразно унифицировать регулирование торговых, договорных, таможенных, транспортных и иных отношений. Таким образом, опыт скандинавского права в части единообразия законодательства был бы весьма здесь полезен.

Обратимся далее еще к одной группе стран, правовые системы которых ориентированы на романо-германский путь развития, – латиноамериканским государствам.

Правовая система указанных стран имеет несомненное сходство с романо-германской правовой системой, при этом испытывает ее влияние, обусловленное их прошлым колониальным характером. Испанское и португальское право, близкое по своему историческому развитию к французскому, было перенесено на Американский континент еще в период его завоевания этими странами. Естественно, что после освобождения, когда у независимых латиноамериканских стран возникла потребность в разработке единых национальных правовых актов, их образцом послужило французское право¹.

Кроме того, даже страны, географически более других приближенные к Соединенным Штатам Америки, также восприняли европейскую модель права. Например, в Мексике, где формирование правовой системы после завоевания независимости происходило под влиянием французского и

испанского права, использовались как правовые идеи, так и юридическая техника, свойственные романо-германской системе. Прежде всего, это проявлялось в строении системы источников латиноамериканского права, где на первый план был выведен нормативный акт как основной регулятор всех возникающих общественных отношений. Судебный прецедент здесь не получил такого развития, как в американском праве.

Итак, в системе латиноамериканского права нормативный акт является основным правовым источником. Писанные нормативные акты в большинстве этих стран представляют собой кодификации, повторяющие значительную часть элементов французского кодекса (Кодекса Наполеона 1804 г.). Так, Гражданский кодекс Чили 1855 г. соединил в себе элементы французского кодекса и начала традиционных институтов римского права. Его структура была даже более совершенна, чем гражданского кодекса Франции, а язык – более выразительный и ясный.

Гражданский кодекс Эквадора 1860 г., а вслед за ним – гражданские кодексы Венесуэлы (1862 г.), Уругвая (1868 г.), Аргентины (1869 г.) и Колумбии (1873 г.) были созданы под влиянием французского и чилийского кодексов².

Десятилетия спустя новые кодексы обнаружили меньшее влияние французского права и возрастающее влияние итальянского, немецкого и швейцарского права, а в отдельных случаях (заимствование некоторых институтов права) – и североамериканского права. Среди таковых оказался Гражданский кодекс Бразилии 1916 г., структура которого свидетельствует о значительном германском влиянии, особенно его Общая часть. Кодексы XIX и начала XX в. в латиноамериканских странах постепенно заменялись новым законодательством, однако в системе источников права прослеживалась та же тенденция, о которой мы говорили относительно германского и французского законодательства, – в нее включалось значительное количество нормативных актов

¹ Подробнее см.: Жидков О. А. История государства и права Латинской Америки. М., 1967.

² См.: Тихонов А. А. Система источников права в буржуазных странах Латинской Америки // Источники права. М., 1985.

не только законодательного, но и подзаконного происхождения.

Среди особенностей системы нормативных актов латиноамериканских стран можно выделить некоторые явления в формировании источников права, сходные с данными процессами в германском праве. Здесь велика роль и удельный вес делегированного законодательства. Правительственные акты нередко представляют собой акты общегосударственного уровня регулирования по многим вопросам, традиционно относимым в современных правовых системах к компетенции законодателя. Нормативные акты органов исполнительной власти вслед за ними занимают также довольно широкую нишу в системе источников права. В отдельных случаях они составляют основной регулятор возникающих правоотношений в целых отраслях права (например, административного, финансового, банковского, таможенного и т. д.).

Поэтому можно утверждать, что в структуре системы нормативных актов латиноамериканских стран доминантными являются акты правительства, органов исполнительной власти, и соответственно именно эти нормативные акты являются здесь основными источниками права.

Отдельно следует рассмотреть соотношение и взаимодействие нормативного акта как источника права с актами, издаваемыми органами судебной системы. Во многих странах с романо-германской правовой системой в середине – конце прошлого века возник и поступательно развивается такой новый источник права, как решения органов конституционного контроля. Данные органы, как правило, создаются в структуре судебной системы и наделяются полномочиями по осуществлению контроля в отношении нормативных актов, являющихся источниками права в стране.

Необходимо отметить, что конституциями девяти латиноамериканских стран (Боливии, Гватемалы, Колумбии, Перу, Суринаме, Чили (Конституционные суды), Эквадора (Суд конституционных гарантий), Сальвадора (Конституционная палата Верховного Суда), Бразилии (Федеральный Верховный Суд) предусмотрено создание

таких специальных органов конституционного контроля. Хотя еще не везде они продуктивно действуют, однако это серьезная предпосылка к формированию нового источника права в указанных государствах, к тому же это система, предусматривающая действенные методы очищения нормативной базы от дефектных нормативных актов (в том числе и правительственных).

Полагаем, что в завершение краткого обзора правовых систем романо-германской семьи целесообразно рассмотреть особенности японского права. Многие исследователи считают правовую систему Японии вместилищем разного рода традиций и институтов, исходящих из различных мировых источников. Однако приверженность в своей основе именно к романо-германской правовой семье в японском праве доминирует над иными влияниями. Так, немецкие исследователи К. Цвайгерт и Х. Кетц замечают по этому поводу: «К какой правовой семье отнести современное японское право? С одной стороны, стремительное экономическое развитие Японии дает основание предположить, что было бы разумно причислить ее правовую систему к правовой семье, основанной на европейских источниках, а не на дальневосточной правовой семье. С другой стороны, многочисленные японские кодексы, скроенные по образцу континентального европейского права, остались мертвой буквой в условиях правовой действительности этой страны. Создается, однако, впечатление, что в сегодняшней Японии начинает постепенно ослабевать традиционное пренебрежение к статутному праву и отрицание всех форм судебного решения споров. А это означает, что принадлежность японского права к дальневосточной правовой семье вызывает большие сомнения»¹.

Аналогичного мнения придерживаются многие японские исследователи. В частности, известный японский юрист Цунэо Инако утверждает: «Господствующее положение в современном японском праве занимает романо-германская система»².

¹ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1998. С. 205.

² Инако Ц. Современное право Японии. М., 1981.

Формирование источников современного японского права определяется несколькими тенденциями. Во-первых, это длительная в историческом аспекте изоляция страны от остального мира, а отсюда неприспособленность местного японского права для решения современных задач правовой действительности. Во-вторых, направленность на заимствование достижений западных стран в области промышленности, образования, торговли в период революционных преобразований в конце XIX в., с одной стороны, и непоследовательность этих преобразований, с другой. В-третьих, в системе источников права Японии сохранились некоторые традиционные начала регулирования общественной жизни: до настоящего времени здесь можно обнаружить случаи внесудебного решения споров, однако количество их очень мало и они практически не могут оказывать влияния на общее регулирование в правовом поле страны.

Роль нормативного акта в системе формирующегося права Японии была определена в соответствии с основными постулатами романо-германского права. Его провозгласили основным источником права и основным социальным регулятором.

Конституция Японии 1889 г. (Конституция Мэйдзи) – основной закон страны – была составлена по образцу Конституции Пруссии. В период 80-х гг. XIX в. – начала XX в. японское правительство ввело в действие ряд важных законодательных актов, составленных по образцу французских и германских кодексов. В частности, Гражданский кодекс 1898 г., Торговый кодекс 1899 г., Гражданско-процессуальный 1890 г. во многом рецепировали положения германского Гражданского уложения.

Правовая система, сложившаяся в Японии после революции Мейдзи, представляла собой вариант романо-германской правовой семьи, однако после Второй мировой войны в формировании японской правовой системы начинает доминировать американское влияние. Меняются в основном содержание и направленность правового регулирования в сфере экономики (закон о компаниях, антитрестовское законодательство) и уголовного процесса.

В содержательном аспекте весьма интересны японские нормативные акты в области охраны окружающей среды, которые, по нашему мнению, в определенной мере достойны подражания. В частности, японские законы о предотвращении зловония (1971 г.), о возмещении за ущерб, причиненный отработанными маслами (1975 г.), о регулировании вибрации (1976 г.), о предотвращении загрязнения атмосферы воздуха и об ограничении шума (1968 г.), о наказаниях за преступления, связанные с опасным для здоровья людей загрязнением окружающей среды (1970 г.), стали действительным источником экологического права¹.

Конституция Японии 1946 г. провозгласила парламент единственным законотворческим органом, отнеся к его компетенции принятие нормативных актов во всех основных сферах жизни общества. Таким образом, нормативный акт как институциональный источник японского права был закреплён в высшем законе страны. При этом законодательная часть нормативных актов получила легализацию только посредством принятия их высшим представительным органом государства, т. е. нормативный акт в правовой системе приобрёл исключительно высокий и значимый статус. Следует также отметить, что система нормативных актов в японском праве кодифицирована. Развитие правовой системы Японии представляет собой довольно успешный и плодотворный процесс рецепирования иностранного права в полном его объеме, в том числе путем заимствования принципов построения и действия системы источников права и нормативных актов, в частности.

Библиографический список

1. Берман, Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Д. Берман. – М., 1994.
2. Источники права. – М., 1985.
3. Очерки сравнительного права / отв. ред. В. А. Туманов. – М., 1981.
4. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение / А. Х. Саидов. – М., 2000.

¹ См.: Сравнительное правоведение в Японии: прошлое и настоящее // Очерки сравнительного права / Отв. ред. В. А. Туманов. М., 1981.

А. А. Илиджев,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ПРЕДЕЛЫ НАКАЗАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СОУЧАСТНИКОВ
ПО ЗАРУБЕЖНОМУ УГОЛОВНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

В последнее время в России и других странах значительно актуализировались проблемы назначения наказания соучастникам в преступлении в зависимости от выполняемой роли и внесенного «вклада» в сообща совершаемое деяние.

Ключевым в этом плане является определение пределов назначения наказания.

Следует отметить, что в УК ряда зарубежных государств предусматриваются дополнительные критерии (в дополнение к общим началам или критериям) назначения наказания соучастникам преступления без указания его пределов, в других, наоборот, – иные пределы назначения наказания соучастникам по сравнению с исполнителем преступления. Например, в УК Азербайджана и Казахстана закреплены аналогичные российскому законодательству критерии назначения наказания соучастникам преступления, а в УК Болгарии, Белоруссии, Узбекистана, Украины, Эстонии указан лишь один такой критерий – характер и степень участия в совершении преступления, т. е. повторено положение советского законодательства. Хотя в ч. 2 ст. 58 УК Узбекистана приведено еще одно положение, согласно которому смягчающие и отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности отдельного соучастника, учитываются судом только при назначении наказания этому соучастнику. Оно же приведено в ч. 2 ст. 54 УК Латвии. В качестве же основного критерия назначения наказания в данном Кодексе указаны характер соучастия и роль каждого соучастника в совершении преступного деяния. Вероятно, «характер соучастия» и «характер фактического участия лица в совершении преступле-

ния» – несовпадающие понятия. Латвийский законодатель, скорее всего, имеет в виду форму соучастия, а под ролью каждого соучастника – вид соучастия и индивидуальный вклад в совместно учиняемое преступное деяние.

Кроме того, в УК ряда стран предусматривается возможность смягчения наказания пособнику по сравнению с исполнителем. Так, согласно § 2 ст. 19 УК Польши, назначая наказание за пособничество, суд может применить чрезвычайное смягчение наказания в соответствии со ст. 60, т. е. назначить наказание ниже низшего предела, либо назначить более мягкое по своему характеру наказание, либо условно отсрочить исполнение назначенного наказания. Смягчение наказания в отношении пособников предусматривается и в ч. 2 ст. 27 УК КНР, согласно которой пособникам назначается более мягкое наказание, чем «главным преступникам, либо наказание ниже низшего предела, либо они освобождаются от наказания».

Иные по характеру обстоятельства, влияющие на назначение наказания соучастникам, предусматриваются УК Швеции. В частности, в ст. 5 указано, что «если кого-либо склонили стать соучастником в преступлении путем принуждения, обмана или злоупотребления его юным возрастом, наивности или зависимого положения или кто-то являлся соучастником в незначительной степени, то назначаемое наказание может быть менее, чем то, которое предусмотрено за преступление. Наказание не должно быть назначено в малозначительных случаях». В ч. 1 § 23 УК Дании предусматривается также возможность уменьшения наказания любому лицу, «пытавшемуся оказать незначительную помощь или влияние на уже сформировавшийся умысел, и если преступление не было окончено или предполагавшееся содействие оказалось неудачным». Наказание также может быть уменьшено лицу, содействовавшему нарушению обязанности в особых отношениях, в которых оно лично не принимало участия (ч. 2 § 23). Кроме того, если не предусмотрено иное, то наказание за участие в преступлениях, за которые не предусмотрено наказание более суровое, чем простое за-

ключение под стражу, может быть отменено, если соучастник намеревался оказать незначительное содействие или влияние на уже сформировавшийся умысел или если он является соучастником по небрежности (ч. 3 § 23).

Заслуживают внимания положения относительно пределов назначения наказания соучастникам преступления, содержащиеся в УК Голландии. Так, в ст. 49 зафиксировано:

«1. В случае соучастия максимальное основное наказание, предусмотренное за преступление, уменьшается на одну треть.

2. В случае преступления, предусматривающего наказание в виде пожизненного тюремного заключения, должен быть назначен срок тюремного заключения не более пятнадцати лет.

3. Дополнительные наказания за соучастие – такие же, как для основных соучастников.

4. Только те действия, с помощью которых соучастник умышленно помогал или содействовал, и последствия таких действий должны приниматься во внимание при назначении наказания».

Как видим, голландский УК, в отличие от УК других стран, в том числе и России, предусматривает обязательное смягчение наказания с установлением его максимального предела в отношении соучастников в форме пособничества, т. е. лиц, указанных в ст. 48 данного Кодекса, но в то же время обуславливает назначение наказания строго индивидуальными действиями каждого из соучастников.

Подобный подход к регулированию пределов наказания соучастникам содержится и в УК Испании, в ст. 63 которого отмечено: «Соучастникам оконченного преступления или покушения на преступление назначается наказание ниже на одну степень, чем наказание, предусмотренное исполнителю».

Вместе с тем в отношении участников преступных групп и организаций в зарубежном законодательстве предусмотрено усиление ответственности. Так, в ч. 9 ст. 16 УК Республики Беларусь закреплено, что соучастники несут повышенную ответственность, если преступление совершено

группой лиц, непосредственно принявших участие в его совершении (соисполнительство), либо организованной группой, либо преступной организацией. Участники организованной группы и преступной организации признаются исполнителями независимо от их роли в совершенных преступлениях. Подобное положение (с некоторыми редакционными расхождениями) включено и в УК ряда других стран (Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и др.). Усиление ответственности руководителей организованной группы либо преступного сообщества в кодексах указанных государств основывается на тех же принципах, что и в УК РФ.

Аналогично предусматривается усиление ответственности участников (прежде всего организаторов) в преступном объединении за совершение организованного преступления в УК ряда стран дальнего зарубежья (§ 2923.04 УК штата Огайо, ст. 416 УК Италии и др.), а также за сговор, который по пределам ответственности приравнивается к оконченному преступлению.

Значительное внимание в УК зарубежных стран уделяется правовому регулированию последствий добровольного отказа соучастника от продолжения преступных действий. В частности, непривлечение к уголовной ответственности организатора и подстрекателя обусловлено в них предотвращением данными субъектами совершения преступного деяния исполнителем (УК Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и др.). Те же условия УК Узбекистана и Украины предусматривают и в отношении пособников. Иначе регламентирован вопрос о добровольном отказе соучастника в УК Польши, в ст. 23 которого закреплено:

«§ 1. Не подлежит наказанию соучастник, который добровольно предотвратил совершение запрещенного деяния.

§ 2. Суд может применить чрезвычайное смягчение наказания в отношении соучастника, который добровольно старался предотвратить совершение запрещенного деяния».

В УК Дании предусматривается возможность освобождения от наказания со-

участника при его добровольном отказе независимо от совершения преступления исполнителем. В § 24 данного Кодекса записано, что соучастник не подлежит наказанию, если «он предотвратил окончание преступления или предпринял действия, которые предотвратили бы его окончание, если бы преступление без его ведома уже не потерпело бы неудачу или не было бы каким-либо иным образом предотвращено».

Таким образом, анализ зарубежного уголовного законодательства относительно правового регулирования ответственности соучастников преступления свидетельствует, с одной стороны, об общности подходов в регламентации многих положений, касающихся ответственности за соучастие, с другой – о многообразии решений ряда

специальных вопросов. Причем некоторые из них, на наш взгляд, заслуживают внимания и российского законодателя.

Библиографический список

1. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть : сб. законодат. актов / под ред. А. И. Игнатова и И. Д. Козочкина. – М., 1990.
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – СПб., 2001. – (Законодательство зарубеж. стран).
3. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М., 1998.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб., 2001. – (Законодательство зарубеж. стран).

Э. С. Карпов,
*преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Финансовый контроль в развитых зарубежных государствах традиционно является одним из важнейших направлений их деятельности.

Во всех зарубежных странах важное методологическое значение для деятельности органов государственного финансового контроля имеет Декларация руководящих принципов контроля (Лимская декларация), принятая IX Конгрессом Международной организации высших контрольных органов (ИНТОСАИ) в целях выработки основных направлений в области контроля за целевым и эффективным расходованием средств государственного бюджета, создания и развития независимых органов государственного финансового контроля, создания системы действенного управления государственными финансами, обеспечения открытости в деятельности органов государственного финансового контроля.

Е. Ю. Грачева выделяет следующие элементы системы финансового контроля в зарубежных странах:

- ведомство главного ревизора-аудитора (Счетная палата);
- налоговое ведомство, контролирующее поступление в казну налоговых доходов;
- контролирующие структуры в составе государственных ведомств, осуществляющие проверки подведомственных учреждений;
- негосударственные службы контроля, осуществляющие финансовый контроль на коммерческой основе;
- службы внутреннего контроля¹.

По нашему мнению, данная классификация в целом удачна, однако целесообразно исследовать государственный финансовый контроль в зарубежных государствах, подразделив его в зависимости от субъектов, его осуществляющих. Так, Г. П. Толстопятенко и Е. А. Рыжова выделяют: парламентский, административный, судебный, банковский и наднациональный контроль².

¹ См.: Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М., 2000. С. 21.

² См.: Финансовый контроль: Учеб. пособие / Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко, Е. А. Рыжкова. М., 2004. С. 235.

Анализируя законодательство зарубежных государств, можно выделить четыре основные формы *парламентского контроля* в области финансов.

1. Рассмотрение проекта бюджета и отчета о его исполнении на пленарном заседании парламента является универсальной формой контроля и применяется парламентами всех стран мира. В ходе осуществления данной деятельности депутаты непосредственно контролируют деятельность правительства и отдельных его министров.

2. Осуществление финансового контроля парламентами комитетами.

В большинстве западных стран имеются бюджетные комитеты, функцией которых является проверка законности, правильности и полноты предусматриваемых в бюджете доходов и расходов. Например, в Великобритании контроль со стороны парламента осуществляют комитет публичной отчетности, избираемый парламентом в начале каждой сессии. Аналогичные комитеты публичной отчетности существуют в парламентах Австралии и Индии. Во Франции парламентай контроль осуществляется через постоянные и временные комиссии обеих палат парламента. В ФРГ основные финансово-контрольные функции парламента осуществляет бюджетная комиссия бундестага.

3. Контроль посредством депутатских запросов представляет собой форму текущего контроля депутатов за финансовой деятельностью органов исполнительной власти. Парламент вправе требовать проверки действий правительства в случае превышения расходов, установленных в государственном бюджете.

4. Контроль со стороны специализированных независимых высших органов финансового контроля.

Согласно Лимской декларации независимые органы государственного бюджетно-финансового контроля являются непременным атрибутом демократического общества. Достижение рационального и эффективного управления государственными финансовыми средствами вызывает необходимость создания в каждом государстве высшего органа финансового контроля, не-

зависимость которого следует закрепить в законодательном порядке. Главной функцией высшего контрольного органа является внешний контроль за управлением государственными финансовыми ресурсами и государственной собственностью в порядке, установленном национальным законодательством.

В США высшим контрольным органом, выполняющим функции Счетной палаты, является Главное контрольное управление – орган конгресса, обеспечивающий реализацию его контрольных полномочий. Во главе Главного контрольного управления США стоит Генеральный контролер, назначаемый Президентом США на 15 лет.

Высшим органом финансового контроля в Великобритании является Национальное контрольно-ревизионное управление, возглавляемое чиновником, занимающим должность Генерального контролера и ревизора, учрежденную еще в 1314 г. Анализируя полномочия высшего контрольного органа в Великобритании, необходимо отметить, что они более ограничены, чем у аналогичного органа США. Например, он не может толковать финансово-правовые акты, а также вмешиваться в оперативную деятельность финансовых служб правительственных ведомств.

В Канаде высшим органом финансового контроля выступает Управление Генерального аудитора, который является одним из наиболее влиятельных действующих лиц в системе управления государственными финансами Канады, не подотчетен министру Короны, назначается на 10 лет и обладает независимостью. Во Франции контроль за исполнением бюджета всеми государственными органами осуществляет Счетная палата, входящая в систему административных судов.

Административный финансовый контроль осуществляется правительством, главой государства и специализированными органами.

Для осуществления финансово-контрольных функций правительства создаются соответствующие комитеты или комиссии. Например, в Великобритании – Экономический комитет кабинета и один из

отделов секретариата премьер-министра; во Франции – Генеральный комиссариат планирования; в Германии – Экономический комитет при канцлере.

Основная роль в сфере финансового контроля, осуществляемого исполнительными органами власти, традиционно принадлежит Министерству финансов, в структуре которого функции финансового контроля выполняют как специализированные, так и общие отделы по направлениям деятельности. Например, в Великобритании Министерство финансов (Казначейство) реализует контрольные функции через специализированные отделы, осуществляющие общий и валютный контроль, контроль за капиталовложениями, а также через ряд центральных ведомств, работающих под его общим руководством (Управление внутренних доходов, Управление государственного долга, Национальный комитет по сбережениям и др.). Во Франции Министерство экономики и финансов осуществляет функцию финансового контроля через службы и отделы управлений министерства: Службу финансового контроля расходов министерства; Генеральную инспекцию финансов; Генеральную инспекцию администрации; отдел финансового контроля за деятельностью местных органов управления административно-территориальных единиц и др. В Германии Федеральное министерство финансов выполняет контрольные функции через все отделы по направлению их работы, поскольку специализированных отделов контроля в министерстве нет.

Наряду с органами законодательной и исполнительной власти в зарубежных странах финансовый контроль могут осуществлять и *органы судебной власти*. В странах континентальной системы права в рамках системы административных судов существуют специализированные финансовые суды.

Во Франции судебным органом финансового контроля является Суд бюджетной дисциплины, учрежденный в 1948 г. и призванный осуществлять контроль за деятельностью распорядителей кредитов. В ФРГ финансовая юрисдикция осуществля-

ется независимыми, самостоятельными от административных органов власти особыми административными судами, которыми в землях являются Верховные земельные суды, а в Федерации – Федеральный финансовый суд, расположенный в Мюнхене.

Особым видом финансового контроля является *банковский контроль*, представляющий собой контроль за деятельностью банков с целью обеспечения безопасности вкладов и стабильности банковской системы страны.

С развитием интеграционных процессов в мире появилась еще одна разновидность финансового контроля – *наднациональный финансовый контроль*.

В настоящее время в объединенной Европе функции финансового контроля возложены на Европейскую счетную палату, Европейский парламент и Европейский центральный банк.

Европейская счетная палата была учреждена в 1975 г. Брюссельским договором о пересмотре бюджетных постановлений, фактически начала свою деятельность в 1977 г. В 1992 г. она в соответствии с Договором о союзе приобрела статус института Европейского сообщества. Европейская счетная палата состоит из 15 членов, каждый из которых представляет страну-члена Европейского сообщества. Срок ее полномочий составляет 6 лет, причем назначение происходит не единовременно, а в несколько этапов. Задача Европейской счетной палаты заключается в осуществлении надзора за финансовой деятельностью Европейского сообщества и обеспечении гласности в управлении финансами.

Полномочия Европейского парламента в сфере финансового контроля в общем схожи с аналогичными полномочиями национальных парламентов. Так, Европейский парламент проводит предварительный финансовый контроль при рассмотрении проекта бюджета, осуществляет текущий контроль посредством запросов, а в качестве последующего контроля принимает отчет об исполнении бюджета.

Договором о Европейском сообществе в сфере банковского контроля основная роль отводится Европейской системе централь-

ных банков (ЕСЦБ) и Европейскому центральному банку (ЕЦБ). Главной целью ЕСЦБ является поддержание стабильности цен. Непосредственное ее функционирование обеспечивается ЕЦБ, наделенным широкими полномочиями, в том числе в сфере банковского контроля и надзора.

Необходимо отметить, что высшие контрольные органы зарубежных стран уделяют большое внимание международному обмену опытом контрольно-ревизионной работы. В 1953 г. была образована ИНТОСАИ, объединяющая более 180 стран-членов ООН. В рамках ИНТОСАИ созданы региональные организации в Африке, Латинской Америке, Азии, Карибском и Арабском регионах, Европе.

Анализируя деятельность контрольно-ревизионных органов зарубежных стран, в целом следует отметить их высокую эффективность. В результате проводимых проверок и ревизий им удается обнаруживать и возвращать в бюджет крупные суммы незаконно израсходованных средств. При этом главное внимание при проведении контрольных мероприятий уделяется целесообразности и экономической эффективности затрат, и на основе результатов проверок и ревизий разрабатываются рекомендации по сокращению нерациональных

расходов. Таким образом, практическая отдача от деятельности органов финансового контроля оказывается еще более значительной. Например, только в США, по данным исследовательской службы Конгресса, суммарный экономический эффект от деятельности федеральных контрольно-ревизионных органов за последние 50 лет исчисляется примерно в 500 млрд долларов¹.

В организации государственного финансового контроля в зарубежных странах и повседневной практике его осуществления есть много рациональных решений и подходов, которые можно творчески использовать в России для повышения эффективности государственного финансового контроля.

Библиографический список

1. Государственный финансовый контроль : учеб. для вузов / С. В. Степашин [и др.]. – СПб., 2004.
2. Грачева, Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля / Е. Ю. Грачева. – М., 2000.
3. Финансовый контроль : учеб. пособие / Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко, Е. А. Рыжкова. – М., 2004.

Т. В. Пашкова,
*адъюнкт кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

РОССИЯ И КИТАЙ: СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Начало XXI в. знаменуется ускоренным развитием и углублением процесса глобализации как в хозяйственно-экономической сфере, так и в области культуры и международно-правовых отношений. Такое развитие, в частности, позволяет России и Китаю, раскрыв свой потенциал развития, внести достойный вклад в мировую цивилизацию, что требует дальнейшего совершенствования сотрудничества и взаимодействия двух великих государств.

Продвигаясь с разной степенью эффективности по пути модернизации собственных государств и обществ, Китай и Россия повсеместно сталкиваются с необходимостью решения проблемы выбора наиболее адекватных методов и способов проведения объективно приближающихся социально-экономических и политико-правовых реформ. В результате многочисленных эмпирических изысканий во властных структурах обеих стран, по нашему мнению, пока стихийно складывается некая система философских взглядов, которую можно охарактеризовать как «оптимализм» (от лат. Optimum – наилучшее, совокупность самых

¹ См.: Степашин С. В., Столяров Н. С., Шохин С. О., Жуков В. А. Государственный финансовый контроль: Учеб. для вузов. СПб., 2004. С. 251.

благоприятных условий). Необходимо отметить, что каждая цивилизация продвигается в обозначенном направлении через богатство своего собственного уникального исторического опыта, активно впитывая тем не менее доказавшие свою практическую состоятельность идеи соседей на планете¹.

Началом современных отношений России и Китая является май 1989 г. – время нормализации советско-китайских межгосударственных отношений. Закончился период, когда во взаимоотношения между нашими странами СНГ каждое последующее десятилетие приносило качественно новое, чаще деструктивное содержание. Произошедший тогда перелом придал этим взаимоотношениям определенную самооценку, позволившую новому государству – Российской Федерации – сохранить и приумножить в своей дальневосточной политике позитив связей с самым крупным из своих соседей.

Аналогичную позицию занимают лидеры Китая; при подходе к отношениям с Россией в перспективе, по крайней мере, на ближайшие 50 лет они учитывают следующее:

- интересы собственно Китая, а также России и двусторонние интересы обеих стран;

- круг вопросов, в решении которых заинтересованы в первую очередь все крупные государства;

- общую протяженную границу, а также то, что Россия располагает многими ресурсами, в которых Китай испытывает острую нужду и др.²

Коренные интересы наций и государств требуют обеспечения мира и стабильности в двусторонних отношениях, характеризующихся в Пекине как отношения прочной вечной дружбы, нового типа.

Китайские руководители согласились с предложенными президентом России двумя принципами новых двусторонних отноше-

ний. Во-первых, по своему характеру они являются конструктивными и партнерскими; во-вторых, это должны быть межгосударственные отношения, построенные на долгосрочной основе, ориентированные на столетие вперед.

Главы государств России и Китая, всесторонне обсудив состояние и перспективы российско-китайских связей, отмечают, что углубление отношений стратегического партнерства между ними является единственно правильным историческим выбором, вытекающим из долгосрочных интересов двух стран и их народов и соответствующим развитию мировой ситуации и международным отношениям.

За последнее десятилетие в двусторонних отношениях произошли позитивные изменения исторической значимости: все более прочными становятся социальная, экономическая и правовая основы российско-китайских отношений, углубляется взаимное политическое доверие, укрепляется традиционная дружба народов двух стран, а также достигнуты существенные результаты во взаимовыгодном сотрудничестве.

В более близкой ретроспективе следует прежде всего отметить глубокий положительный задел, который получили двусторонние отношения в начале текущего века. В 2001 г. двусторонний процесс, с одной стороны, связанный с устранением старых проблем, унаследованных от истории, а с другой – направленный на поступательное развитие новых отношений, получил логическое закрепление в подписании российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. (далее – Договор)³.

Главы государств России и Китая едины в том, что развитие отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества, углубление стратегического взаимодействия между странами имеют широкие перспективы и огромный потенциал.

Договор является основой здорового и стабильного развития добрососедских и дружественных отношений между двумя государствами и имеет историческое и

¹ См.: Балакин В. И. Китай и Россия: диалектика межцивилизационного взаимодействия в XXI веке // Китай, Россия и страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений XXI века: Тез. докл. XII междунар. науч. конф. М., 2001.

² См.: Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.

³ См.: там же.

важное практическое значение. Данный документ – это прежде всего соглашение, заключенное государствами, т. е. сторонами, свободно выразившими и согласовавшими между собой свою волю, взаимные притязания и интересы¹. Он представляет собой программный документ, обладающий огромной жизнеутверждающей силой, нацеленный на обеспечение непрерывного углубления двусторонних отношений, открывающий новые горизонты для увеличения стратегического взаимодействия двух стран на всех без исключения направлениях.

Главы государств России и Китая подтверждают, что вне зависимости от международной обстановки, изменений внутри обеих стран, они преисполнены решимости неуклонно придерживаться курса и принципов, определенных Договором, постоянно продвигать вперед, расширять, наполнять новым содержанием и углублять отношения стратегического партнерства между ними, координировать позиции и поддерживать друг друга в вопросах, вызывающих озабоченность обеих сторон, в полной мере воплощать великую стратегическую идею.

Стороны придают большое значение межгосударственному сотрудничеству в области защиты и поощрения прав человека. Они считают недопустимой политику «двойных стандартов», выступают против использования вопросов прав человека в качестве движущей силы в международных отношениях².

Общеизвестно, что одной из первых стран, осуществивших международно-правовое признание Китая, является СССР. Установив дипломатические отношения, СССР дал возможность занять подобающее место в международной глобальной системе.

Китай и Россия – две большие державы, имеющие большое влияние в мире. Они являются постоянными членами Совета Безопасности ООН.

В сотрудничестве Китая с Россией и центральноазиатскими странами государ-

ствами СНГ главное место занимает взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На заседаниях государств-членов ШОС принимаются различные нормативные правовые акты. Так, например, в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге государствами-членами ШОС было подписано Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры ШОС. Главы государств России и Китая высоко оценивают потенциал антитеррористического сотрудничества данной организации³.

В 2004 г. Россия и Китай отметили 55-летие установления дипломатических отношений. Россию посетили три наиболее высокопоставленных представителя китайского руководства: председатель Х. Цзиньтао, премьер Государственного совета В. Цзябао и председатель постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У. Банго. Результатом стало окончательное решение пограничной проблемы, а также был разработан и принят совместный план действий на 2005–2008 гг. по реализации положений Договора между Россией и Китаем.

Президент РФ В. В. Путин посетил Пекин 14–17 октября 2004 г. с визитом, также приуроченным к 55-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. В результате двухдневных переговоров с некоторыми представителями руководства Китая были приняты 14 совместных документов, охватывающих комплекс двусторонних отношений, в том числе такие нормативные правовые акты, как совместная российско-китайская декларация; российско-китайский план по реализации положений Договора; Дополнительное соглашение о российско-китайской границе на восточной ее части и др.

Особенно важным явилось подписание Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской границе на восточной ее части от 14 октября 2004 г., завершившее более чем 40-летний процесс юридического оформления этой границы. Соглашением определена судьба последне-

¹ См.: Марченко М. Н. Источники права. М., 2006.

² См.: КНР в 2002 г.: «Политика, экономика, культура» / ИДВ РАН. М., 2003.

³ См.: там же.

го неурегулированного участка двусторонней границы в районе островов Тарабаров и Большой Уссурийский.

Ярким примером успешного поиска и формирования конкретных форм и механизмов сотрудничества на основе совпадения интересов является подписание 1 июля 2005 г. в Москве Совместной декларации о международном порядке в XXI в.

Данный нормативный правовой акт является новым важным шагом в развитии стратегического взаимодействия двух стран, свидетельствующим не только об углублении доверия между Россией и Китаем, но и выработке и запуске механизма постоянных консультаций по проблемам глобальной и региональной безопасности. Вместе с тем указанный документ и конкретные действия каждой из сторон, вытекающие из нее, означают взаимную готовность оказывать поддержку друг другу в вопросах суверенитета и сохранения территориальной целостности.

Значение Совместной декларации о международном порядке в XXI в. будет неуклонно расти, так как в ней отражен круг совпадающих взглядов России и Китая по основополагающим вопросам современного мироустройства. Данный документ отражает общее видение перспектив развития человечества. Стороны подтвердили свою приверженность формированию нового справедливого и рационального миропорядка, который должен основываться на примате международного права, многосторонних подходах, равенстве и взаимном уважении, повышении миротворческой роли ООН. Россия и Китай единодушно выступают против двойных стандартов в подходе к решению международных проблем, считают недопустимыми претензии на монополию в международных делах, навязывание извне моделей общественного развития, разделение стран на ведущие и ведомые¹.

Гуманитарные и культурные связи являются одним из важнейших аспектов партнерства России и Китая и охватывают такие области взаимоотношений, как образование, наука, право, здравоохранение,

спорт и туризм. Сотрудничество является комплексным и происходит на всех уровнях: государственном, межведомственном, региональном и коммерческом. Для координации деятельности центральных и местных органов исполнительной власти и реализации в полном объеме соответствующих межведомственных соглашений была организована Российско-китайская комиссия по сотрудничеству. В ее состав входили пять межправительственных подкомиссий. В области образования одним из главных направлений работы стали межвузовские проекты по студенческим и преподавательским обменов. Российская сторона выступила с инициативой увеличения числа китайских студентов, обучающихся на коммерческой основе в вузах России (в настоящее время – более 10 тыс. человек). В этих целях в Китае дважды проводились «Дни открытых дверей» российских вузов, а еще одна аналогичная презентация прошла в России.

К 2004 г. была завершена работа по организации центров китайского языка в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке и русского языка в Пекине, Шанхае и Харбине. На их базе планируется апробировать новые формы преподавания и последние методы сертифицированного тестирования знаний. Прорабатываются вопросы направления российских преподавателей в центры русского языка в Китае².

Таким образом, за последние годы российско-китайские отношения непрерывно развиваются и поднялись на новую высокую ступень партнерства и стратегического взаимодействия. Стороны создали политический и правовой механизм, посредством которого главы государств ежегодно обмениваются визитами, главы правительств проводят встречи в установленные сроки, министры иностранных дел постоянно консультируются друг с другом. Они подписали и опубликовали уже несколько совместных заявлений, заложив юридическую основу и определив направление развития двусторонних отношений.

¹ См.: Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Указ. соч.

² См.: КНР в 2004–2005 гг.: «Политика, экономика, культура» / ИДВ РАН. М., 2006.

Китай и Россия по многим важным международным вопросам оказывают друг другу взаимную поддержку, осуществляют чрезвычайно эффективное сотрудничество. Усилия, приложенные обеими сторонами, уже получают одобрение все большего числа стран и народов.

По нашему мнению, существует несколько причин успешного развития российско-китайских отношений.

Во-первых, у России с Китаем общая граница. Мирные отношения отвечают интересам обеих сторон. Во-вторых, долгое время Россия и Китай развивались в рамках одной социалистической правовой системы, что отразилось в схожести построения и ведения правовой политики в обществах обоих государств. В-третьих, на основе обобщения исторического опыта и его уро-

ков определены основные принципы развития двусторонних отношений.

Библиографический список

1. *Балакин, В. И.* Китай и Россия: диалектика межкультурного взаимодействия в XXI веке / В. И. Балакин // Китай, Россия и стороны АТР и перспективы межкультурных отношений XXI века : тез. докл. XII междунар. науч. конф. – М., 2001.

2. *Кузык, Б. Н.* Китай-Россия 2050: стратегия соразвития / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. – М., 2006.

3. *Рогачев, И. А.* Перспективы и проблемы двустороннего сотрудничества / И. А. Рогачев // Китай на пути модернизации и реформ : тез. докл. междунар. науч. конф. – М., 1999.

О. С. Амосова,
*преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИИ России
кандидат юридических наук*

**ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА 1870 ГОДА:
ЕЕ ХОД И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ**

Крестьянская реформа 1861 г. оказала огромное влияние на жизнь людей вообще и городской быт, в частности. Двадцатого марта 1862 г. последовало высочайшее повеление «безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи»¹, которое явилось не столько актом правительственной инициативы, сколько откликом на инициативу общественную, ответом на ряд ходатайств о реформе городского управления на всесловных началах.

Министерство внутренних дел приступило к сбору обширного исторического, статистического и бытового материала о городах и городском управлении. Кроме того, оно занялось организацией на местах в губернских и других городах всесловных комиссий для разработки оснований городской реформы. Таким образом, для выполнения специальной программы было образовано 509 комиссий, которые считали необходимыми полную самостоятельность городского управления, а также уничтожение административной опеки и произвола. По их мнению, представительство в городском самоуправлении должно быть всесловным. Большинство комиссий говорили о привлечении в состав городского представительства образованных элементов с предоставлением им широких избирательных прав. Они выступили против всяких ограничений относительно вероисповедания, исходя из того, что по отношению к

общественным интересам оно не может оказывать вредного влияния. Некоторые из них высказывались против ограничения компетенции городского самоуправления и выступали за передачу ему всей местной администрации.

По результатам отзывов комиссий в 1864 г. Министерством внутренних дел был составлен проект нового Городового положения о городском общественном управлении (далее – Городовое положение). Шестнадцатого июня 1870 г. новое Городовое положение получило высочайшее утверждение. Оно вводило бессловную душу и городскую управу.

Исходным пунктом реформы было понятие городского общества, которое само ведает своими интересами и нуждами. Статья 54 Городового положения гласила: «Городская Дума представляет собой все городское общество. На сем основании она входит в обсуждение дел, касающихся всего городского общества, и действует его именем во всех случаях, когда закон требует по сим делам общественного постановления или приговора»². Однако на деле последовательность законодателя оказалась чисто словесной. Для государственной власти данная компетенция могла бы повлечь существенные неудобства. Поэтому в Городовое положение была включена ст. 1, которая устанавливала, что «попечение и распоряжение по городскому благоустройству предоставляется городскому общественному управлению»³.

Городовое Положение, хотя было построено на принципе всесловности, оказалось сословным, так как элементы, не принадлежащие к торгово-промышленным группам населения, или были совершенно лишены всякого представительства, или не способны изменить доминирующий харак-

¹ Пичета В. Три века: В 6 т. М., 1913. Т. 6. С. 174.

² Городовое положение 16 июня 1870 года. Изд. 2-е. Спб., 1870.

³ Там же.

тер устройства управления городами. Вместе с тем, несмотря на суженное представительство городских элементов, новое Городовое положение предоставляло городу значительное самоуправление. Однако, не доверяя самодеятельности городского общества, оно поставило деятельность городского самоуправления под бдительный контроль администрации и в некоторых вопросах действительно уменьшило компетенцию городского самоуправления. Согласно Городовому положению была построена такая система избирательного права, при которой наиболее богатые и наименее численно представленные элементы имели в городской думе наибольшее количество представителей. Для данной цели из Пруссии была заимствована так называемая трехклассная система избирательного права, не сочетающаяся с демократическими принципами.

Избирательное право предоставлялось всем русским подданным не младше 25 лет, однако необходимым условием пользования данным правом были владение в пределах города какой бы то ни было недвижимой собственностью, подлежащей оценочному сбору, или уплата в пользу города сбора с купеческих, промысловых, приказчицких свидетельств с билета, дающего право содержать торгово-промышленное заведение. Таким образом, избирательными правами пользовались: собственники недвижимых имуществ; содержатели торговых и промышленных заведений; обладатели купеческих, промысловых и приказчицких свидетельств. Вместе с тем новое Городовое положение не определяло минимальной стоимости недвижимого имущества и суммы взноса, собираемого с разного рода свидетельств, выдаваемых городами, поэтому весьма многочисленные круги городского общества пользовались избирательными правами.

Необходимо отметить, что трехклассная система в корне уничтожала широкое представительство общественных кругов, которое и без того было сужено лишением избирательного права квартиранимателей, куда входили представители либеральных профессий, люди интеллигентного труда,

чиновники и рабочие. В больших городах указанных представителей было значительное количество, однако в малых городах это ограничение не имело большого значения, так как в них представители интеллигенции, чиновники, врачи, учителя и другие владели недвижимым имуществом, а потому не были лишены избирательного права.

Согласно Городовому положению все наличные избиратели делились на три курии «соразмерно по отношению к отбываемым повинностям», при этом каждая курия была наделена одинаковым количеством вносимых населением налогов. Поэтому стоявшие во главе налоговых списков крупные плательщики налогов (представители первой курии) были наименее численно представлены, однако выбирали наибольшее количество гласных. Вторая курия была более многочисленной, а третья – самая многочисленная и наименее полно представленная в городской думе. В нее входили мелкие плательщики налогов и домовладельцы, не платившие оценочного сбора. В Петербурге в первую курию входили 275 избирателей, вторую – 849, а третью – 16 355. В Москве в списках первой курии состояли 446 избирателей, второй – 2 309 и 17 913 избирателей были зачислены в третью курию. Благодаря такому своеобразному распределению избирателей по куриям, демократические элементы общества были в наименее выгодном положении: в Москве на 1 гласного приходилось 298 избирателей, а в первой курии на 1 гласного – только 8 избирателей.

Таким образом, преобладание крупного капитала является существенным недостатком в новом Городовом положении, так как оно превращало всесословное представительство в представительство сословных интересов, придавая ему прежний торгово-промышленный оттенок.

Новые городские учреждения были построены на принципе отделения распорядительной власти (принадлежащей городской думе – представительному собранию, состоявшему из всех избранных гласных) от исполнительной (принадлежащей городской управе).

В состав исполнительной власти входили: городской голова (иногда также его товарищ) и несколько членов управы, избираемых на 4 года из общего состава гласных. Избранные кандидаты в городские головы утверждались для столиц министром внутренних дел, в прочих городах – администрацией, а члены управы не нуждались в административном учреждении и могли быть в любой момент отстранены от своих должностей и преданы суду.

Согласно Городовому положению круг ведомства городских учреждений был довольно значителен: все городское хозяйство и местные дела. Городские учреждения заботились о повышении культурного уровня города. На попечении города находились также больницы, школы, «странноприимные» дома и бедные. Заседания городской думы назначались по мере необходимости. Для кворума требовалось наличие половины или трети общего числа гласных, в зависимости от их количества.

Несмотря на то, что городское общество имело довольно значительное самоуправление, деятельность городских учреждений находилась под контролем правительства. В связи с этим целый ряд городских постановлений (заключение займа, отчуждение городских земель, повышение налогов и т. д.) до введения их в действие нуждался в утверждении губернатором. Остальные же постановления могли быть введены в действие и без губернаторской санкции, однако за губернской администрацией оставалось право контроля за действиями городской думы.

Закон предоставлял губернатору право наложить вето на любое постановление городской думы или управы, если он находил их действия противозаконными, однако оно не имело окончательного значения. Особое по городским делам присутствие исключительно с точки зрения законности рассматривало губернаторский протест. Если даже вышесказанное присутствие соглашалось с действиями губернатора и признавало протест совершенно правильным, то городским учреждениям предоставлялось право опротестовать перед Сенатом решение присут-

ствия по городским делам. Если Сенат признавал действия городских учреждений соответствующими закону, то городские постановления немедленно вводились в действие.

Вместе с тем губернаторское право надзора за законностью действий городских учреждений представляло особую опасность для самоуправления. Губернатор мог опротестовать любое постановление городской думы или управы. Сенат признавал его незаконным, поэтому сенатские решения очень запаздывали, и от губернаторского протеста иногда существенно страдали городские интересы. Впоследствии, когда сама идея самоуправления была взята правительством под подозрение и признано целесообразным поднять престиж губернаторской власти посредством ее усиления, опротестование постановлений городских учреждений с точки зрения законности явилось одним из способов проявления силы губернаторской власти и средством борьбы с городским самоуправлением и его культурно-просветительской деятельностью.

Таким образом, несмотря на существенные недостатки, неравномерное распределение гласных и привилегированное положение капитала, Городовое положение 1870 г. имело большое значение для хозяйства и культуры города. Результаты большой самостоятельности городских учреждений, представленной Городовым положением, были отмечены в конце 80-х гг. XIX в., когда многие из городов совершенно изменили свой внешний облик, улучшили городское хозяйство, существенно развили свою культурно-просветительскую деятельность в интересах всего городского общества.

Библиографический список

1. *Джаншиев, Г. А.* Эпоха великих реформ / Г. А. Джаншиев. – СПб., 1907.
2. *Дитятин, И. И.* Статьи по истории русского права / И. И. Дитятин. – СПб., 1895.
3. *Кизеветтер, А. А.* История России в 19 веке / А. А. Кизеветтер. – М., 1916.

М. В. Бачернихина,
адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

**ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ОБЯЗАННОСТЬ»
В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ**

Взаимная ответственность личности и государства проявляется в том, что в своих взаимоотношениях личность и государство выступают равными партнерами и обладают равными правами и обязанностями. Государство не только вправе требовать от личности выполнения ее обязанностей, установленных законом, но и само несет ответственность перед личностью, выполняя определенные обязанности. Следовательно, человек может требовать от государства исполнения его обязанностей, в частности, обеспечения реальности закрепленных в Конституции РФ прав и свобод, своей безопасности со стороны государства и собственности, восстановления нарушенных прав и свобод, устранения препятствий к их осуществлению.

В демократическом обществе права и свободы граждан, их обязанности составляют социальный и политико-юридический институт, свидетельствующий об уровне развития того или иного общества, степени его зрелости. Благодаря этому институту личность получает доступ к материальным и духовным благам, механизмам власти, законным формам волеизъявления, реализации своих интересов. Именно поэтому высокоразвитые страны и народы, мировое сообщество рассматривают права человека и их защиту в качестве универсального идеала, основы прогрессивного развития и процветания, мира и справедливости.

Россия также провозгласила указанные ценности как приоритетные и наиболее значимые, признала необходимость придерживаться в данной области общепринятых международных стандартов. Подтверждением этому служит принятая в ноябре 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина, ставшая органической частью проекта новой Конституции РФ, ба-

зой всего текущего законодательства, касающегося личности. Она закладывает глубокие гуманистические основы правового государства и гражданского общества.

Человек испытывает крайнее социальное беспокойство, неуверенность, страх. По Т. Гоббсу, государство, возникшее из необходимости защиты всех друг от друга, не справляется с данной целью. Несмотря на всю свою мощь, оно оказывается не в состоянии надежно и эффективно защитить интересы своих граждан. Вместе с тем согласно ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) «каждое государство обязуется уважать и обеспечивать права всех находящихся на его территории лиц, предоставлять все средства защиты, предусмотренные его правовой системой». Данное положение в настоящее время закреплено и в Конституции РФ, в которой сказано, что соблюдение и защита прав человека являются главной обязанностью государства.

В правовом государстве должны быть законодательно закреплены возможности, позволяющие личности требовать от государства исполнения его обязанностей. Такие возможности предоставляет судебный порядок обжалования действий и решений государственных органов и должностных лиц, которые нарушили права и свободы личности или создали препятствия для их реализации, или на человека незаконно возложили обязанности, или его незаконно привлекли к юридической ответственности. Если гражданин не получил защиты своих прав внутри государства, он может обратиться в международные организации по защите прав и свобод человека. По нашему мнению, неосновательное возложение на граждан юридических обязанностей является особым видом правонарушения, выражающимся в злоупотреблении правом властными структурами регионального уровня, когда в том или ином юридическом аспекте устанавливается в качестве требуемого поведение:

– выходящее за рамки определенной Конституцией РФ и федеральным законодательством необходимой деятельности;

– существенно обременяющее процедуру достижения законного интереса без изменения ее существа;

– выходящее за пределы строго определенных законом функциональных обязанностей¹.

Понятие «обязанность» рассматривается в науке как обеспеченные законом вид и мера должного поведения субъекта правоотношения. Основные черты юридической обязанности находят внешнее выражение с помощью юридико-технических средств. Юридико-техническое выражение основного признака юридической обязанности – вида и меры должного поведения – не представляет особых трудностей и не порождает сколько-нибудь сложных проблем при толковании и применении закона, хотя, разумеется, в каждом конкретном случае и здесь могут возникнуть трудности из-за неточности формулировок, двусмысленности употребляемых понятий и т. д.²

При создании той или иной юридической обязанности важным является тот факт, что соответствующие вид и мера должного поведения лица не просто устанавливаются, но и обеспечиваются законом. Установление или санкционирование мер юридической ответственности или иных мер принуждения, обращенных непосредственно к обязанному лицу представляют собой самый простой и едва ли не самый типичный способ выражения такого существенного признака юридической обязанности, как обеспеченность законом ее надлежащего исполнения. Однако в нормотворческом процессе применяются и другие юридико-технические способы закрепления в законе мер, обеспечивающих надлежащее исполнение обязанности.

Особого внимания заслуживает такая конструкция правовой нормы, в которой на носителя субъективного права в скрытой форме возлагаются определенные обязанности, часто прямо не относящиеся к данному правоотношению, неисполнение которых может повлечь освобождение

обязанного лица полностью или частично от исполнения соответствующей обязанности. По существу, это является отказом в защите нарушенного права. При этом на управомоченное лицо возлагаются обязанности морального характера, нигде конкретно не сформулированные, и законодатель исходит из того, что такие обязанности управомоченному лицу безусловно известны и что их надлежащее исполнение предполагается³. Так, в соответствии с п. 5 ст. 87 Семейного кодекса Российской Федерации совершеннолетние дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию нуждающихся нетрудоспособных родителей, если будет установлено, что родители уклонялись от их воспитания или содержания. Обязанности субъектов правоотношения в принципе являются взаимными, однако не носят возмездного характера. В данном случае в разное время каждый участник правоотношения исполняет определенную, практически идентичную юридическую обязанность. Когда управомоченное и обязанное лицо меняются ролями, закон ставит реализацию права бывшим обязанным, а в настоящее время управомоченным лицом в зависимости от степени добросовестности выполнения им в прошлом лежавшей на нем юридической обязанности.

Наиболее сложными и уязвимыми являются те юридические конструкции, где практически идентичные права и обязанности существуют одновременно и неясно, идет ли речь о принудительном осуществлении прав или исполнении обязанностей. В некоторых законодательных актах подобные конструкции, в которых происходит смещение соотношения прав и обязанностей, просто надуманы, вызваны желанием как-то расширить круг обязанностей гражданина, хотя это не соответствует положениям Конституции РФ. Так, например, Основы законодательства РФ «Об охране здоровья граждан в РФ» от 22 июля 1993 г. возлагают на пациента обязанность выполнять предписания врача, хотя в ст. 20 дан-

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 280.

² См.: Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 35–36.

³ См.: Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 72.

ных Основ пациенту предоставлено право на добровольное информированное медицинское вмешательство, отказ от него или на его прекращение. Представляется, что обязанность неукоснительно выполнять все рекомендации врача нельзя предусмотреть также в договоре об оказании медицинских услуг, поскольку возложение на пациента такой обязанности сделало бы невозможным реализацию его прав на добровольное информированное вмешательство, отказ от лечения или его прекращение в любое время, а потому данные условия договора следует признать ничтожными. В некоторых региональных законодательных актах об охране здоровья граждан предусмотрена обязанность гражданина заботиться о своем здоровье.

Такими попытками расширения обязанностей гражданина объясняется желание учесть соответствующие действия гражданина при решении вопроса о юридической ответственности изготовителя, исполнителя или продавца, в частности, медицинской организации при оказании гражданину некачественных услуг, в том числе медицинских, продаже некачественных товаров и т. п. Однако для этого вовсе не обязательно возлагать на граждан дополнительные обязанности, например, использовать товары, работы или услуги в соответствии с правилами, обязанность пациента следовать рекомендациям врача и т. д. Неправильное хранение или иное использо-

вание товаров, работ и услуг в соответствии со ст. 1098 Гражданского кодекса Российской Федерации или с Законом РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 являются обстоятельством, освобождающим изготовителя, исполнителя или продавца от ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителей недостатками товаров, работ или услуг. Подобные положения могут быть закреплены также в специальном законодательстве об охране здоровья, не только федеральном, но и субъектов РФ.

Таким образом, необходимо отметить, что неточное употребление термина «обязанность» там, где она не сформулирована как юридическая обязанность или бесспорно не следует из самого существа правоотношений, приводит не только к юридической путанице, смещению соотношения прав и обязанностей, но и к расширению круга всякого рода обязанностей, особенно специальным законодательством, как федеральным, так и региональным.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М., 1982.
2. Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань, 1987.
3. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 1990.

О. И. Богомазова,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН

Вопрос правового статуса женщин представляется достаточно сложным и важным.

Вместе с тем в отечественной правовой доктрине в целом отсутствуют специальные исследования, рассматривающие проблемы женского правосознания, женской правовой психологии, женского правового менталитета и других значимых правовых

институтов, которые сегодня приобрели особую актуальность и требуют всестороннего и глубокого изучения.

Необходимость законодательного закрепления прав и свобод не только отдельно взятого субъекта, но и стандартов правового статуса тех или иных групп населения долгие годы отрицалась. Однако уже в советском праве появляются первые исследования специальных правовых статусов, отражающих правовую специфику коллективных субъектов права, значимость которых значительно возрастает в условиях постсоветского реформирования права.

Анализ правового статуса женщин как имманентной составляющей правовой организации общества требует его рассмотрения через соотнесение с основными понятиями правового статуса личности. Следует отметить, что категория правового статуса – сравнительно новая в нашей науке, только в 1980-х гг. она была исследована в должной мере и сформулирована как самостоятельное ключевое понятие (Н. В. Витрук, Л. Д. Воеводин, Н. И. Матузов и др.)¹.

Однако до настоящего времени в науке отсутствует единство в интерпретации всех аспектов данной категории. Н. В. Витрук, например, предлагал разграничивать понятия правового статуса и правового положения индивида, так как первое, по его мнению, является частью второго².

С ним согласны другие авторы, также высказывающие точку зрения о различном характере указанных правовых категорий. Наиболее систематично она изложена в работах Д. Ф. Латыповой, Е. А. Лукашевой, Т. В. Минязовой³.

В частности, Е. А. Лукашева отмечает, что понятие «правовое положение» гораздо шире по сравнению с понятием «правовой статус»⁴.

В то же время ряд авторов, наоборот, считают, что в подобном разделении нет особой необходимости, поскольку «смысловое удвоение термина не способствует четкому восприятию и анализу категории правового статуса»⁵.

Кроме того, существует еще одно мнение: если слово «статус» в переводе с латинского означает «положение», то рассматриваемые понятия взаимозаменяемы и являются синонимами⁶.

Однако мы не склонны в качестве аргумента тождества данных понятий ссылаться на то, что они этимологически совпадают.

Например, в юридической литературе используется такое понятие, как «арест», которое в переводе с латинского означает «задержание»⁷. Вместе с тем в уголовно-процессуальном праве данные категории используются в различных значениях: арест – «самая строгая мера пресечения, состоящая в лишении свободы обвиняемого (подозреваемого)»⁸, задержание, в свою очередь, – это «мера уголовно-процессуального принуждения, заключающаяся в кратковременном лишении свободы подозреваемого»⁹.

Таким образом, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой категории «правовое положение» и «правовой статус», а соответственно и категории «правовое положение женщин» и «правовой статус женщин» не являются идентичными.

Как отмечает Д. Ф. Латыпова, разграничение рассматриваемых понятий играет важную роль, поскольку «позволяет выделить значение каждой из групп социальных норм (обычных норм, религиозных норм, юридических норм) в отлаживании положения женщины в обществе», а также различать общие правовые статусные признаки характеристики и индивидуальные особенности правового положения конкретных субъектов¹⁰. Это означает следующее: если «правовой статус человека и гражданина в полном объеме характеризуется совокуп-

¹ См.: Витрук Н. В. Демократия и правовой статус личности в социалистическом обществе / Под общ. ред. В. М. Чхиквадзе. М. 1987; Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997; Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.

² См.: Витрук Н. В. Указ. соч. С. 63–73.

³ См.: Лукашева Е. А. Правовой статус: понятие и структура // Общая теория прав человека. М., 1996; Латыпова Д. Ф. Правовое положение женщин: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Минязова Т. В. Правовой статус личности осужденных. М., 2001.

⁴ См.: Лукашева Е. А. Указ. соч.

⁵ Матузов Н. И. Общая теория государства и права / Под общ. ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд. М., 2004.

⁶ См.: Баграх Д. Н. Система субъектов советского административного права // Сов. государство и право. 1986. № 2. С. 5–6.

⁷ См.: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 2001. С. 13.

⁸ Алексеева Л. Б., Давыдов В. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. пособие для вузов / Под общ. ред. П. А. Лупкинской. М., 1998. С. 248.

⁹ Там же. С. 290.

¹⁰ См.: Латыпова Д. Ф. Указ. соч.

ностью прав и обязанностей, которыми он наделяется как субъект правоотношений, возникающих в процессе реализации всех отраслей права»¹, то категория «правовое положение» отражает общесоциальный смысл правоотношений, где помимо закрепленных прав и свобод присутствуют аспекты правоотношений, регламентируемых с позиций обычного права, религиозных норм и т. п.²

Следует отметить, что правовой статус женщин определяет их место в правовой системе общества, взаимоотношения с другими правовыми статусами, в то время как понятие «правовое положение женщин» констатирует реальные правоотношения женщин в широком социальном контексте.

Таким образом, правовое положение женщин и их правовой статус в обществе, как правило, не совпадают. Полное совпадение правового положения и правового статуса возможно лишь при абсолютном отсутствии неформальных аспектов регулирования правоотношений и всеобщей законопослушности граждан. И, напротив, чем значительнее в обществе влияние норм-обычаев, религиозных или моральных норм, тем более существенным будет расхождение между правовым положением и правовым статусом. Например, в Чеченской Республике правовой статус женщин тождествен правовому статусу женщин во Владимирской области, однако их правовое положение существенно отличается вследствие влияния традиций, религиозных норм и норм обычного права. Очевидно, что факты многоженства, социального ограничения прав и свобод женщины здесь не могут быть поняты и изучены лишь в категориях правового статуса, а требуют учета всех аспектов правовой культуры.

В этой связи последнюю следует рассматривать как важную систему явлений правовой жизни общества, включающую правосознание, правовые отношения и другие правовые явления, которые образуют совокупность «позитивных компонентов

правовой деятельности в ее реальном функционировании»³.

В современных условиях необходимо осмыслить роль правовой культуры и правосознания в формировании правового статуса женщин, а также сложившуюся систему ценностей в гендерных отношениях, так как «без индивидов, являющихся носителями развитого правосознания и правовой культуры, нет и не может быть правового государства»⁴. Отсюда решение проблемы гендерного неравенства возможно только при условии изменения соответствующих основ правовой культуры общества.

В правовой доктрине выделяют три вида правовых статусов: общий правовой статус граждан, специальный правовой статус какой-либо категории граждан и индивидуальный правовой статус. С социально-юридической точки зрения правовое положение женщин не что иное, как разновидность специального правового статуса.

В связи с многообразием специальных правовых статусов возникает необходимость в их классификации по соответствующим критериям⁵. Однако составить подобную классификацию не представляется возможным, поскольку такое «деление можно вести до бесконечности»⁶. Кроме того, формирование правовых статусов и их многообразные трансформации имеют динамичный характер, что обусловлено постоянным развитием и совершенствованием законодательства. Поэтому исчерпывающая классификация правовых статусов в принципе невозможна.

Правовой статус женщин как разновидность специального статуса базируется на общем статусе, однако имеет свою специфику, которая заключается в том, что даже

³ Борисов В. В., Витрук Н. В., Гранат Н. Л. Общая теория государства и права: Акад. курс: В 3 т. / Под общ. ред. М. Н. Марченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2002. Т. 3. С. 362.

⁴ Борисов В. В., Витрук Н. В., Гранат Н. Л. Указ. соч. С. 382.

⁵ См.: Манакова Р. П. О классификации специальных правовых статусов (модусов) // Вопросы теории и практики гражданско-правового регулирования. Томск, 1982. С. 13.

⁶ Матузов Н. И. Правовая система и личность. С. 58.

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 29.

² Латыпова Д. Ф. Указ. соч.

при предоставлении дополнительных прав и льгот, предусмотренных законодательством, положение женщин остается неравным по сравнению с положением мужчин. Это неравенство сложилось исторически. Уже изначально при возникновении общего статуса присутствовало гендерное неравенство, которое, постепенно закрепляясь в нормах обычного права, а затем и юридических нормах, определило всю систему гендерных отношений.

Для современного института правового статуса женщин характерны как внутренние особенности (дифференциация, эмансипация, феминизация), так и внешние – слабая социально-правовая защищенность, отсутствие надежных гарантирующих механизмов соблюдения прав и законных интересов женщин (прежде всего это касается фактов насилия в семье) и др.

Таким образом, правовой статус женщин представляет собой их специальный правовой статус, исторически сложившийся как система закрепленных прав и обязанностей, основанных на общем статусе граждан и гарантированных государством.

В содержании правового статуса женщин кроме законодательных можно выделить нравственно-психологические, исторические, социально-экономические и политические аспекты.

Законодательные аспекты включают в себя совокупность нормативных актов, регулирующих отношения по поводу осуществления прав женщин.

Нравственно-психологические аспекты правосознания определяются менталитетом, самооценкой женщин и т. д. и существенно влияют на состояние правового статуса женщин. По нашему мнению, именно нравственно-психологическая специфика женского правосознания определяет ряд особенностей правового статуса и правового положения женщин (например, более сложный и длительный по сравнению с мужчинами характер адаптации женщин к новым социальным условиям). Н. Л. Гранат, рассуждая о роли правовой психологии как части структуры правосознания в реализации права, замечает: «Исключительно значима национальная психология: сло-

жившиеся за многие столетия национальные обычаи, традиции обыкновения, привычки, особенно на бытовом уровне, диктуют эмоциональные отношения к тем или иным правовым нововведениям»¹.

Исторические аспекты правового статуса женщин играют главную структурообразующую роль в процессе становления прав женщин. При этом само понимание прав личности имеет конкретно историческое содержание и развивается в истории². Правовой статус женщин – это правовой институт, который сформировался исторически, причем на его эволюцию оказывают влияние многие значимые факторы. Прежде всего к ним относится «прогрессивная линия в развитии общества, государства и права»³. В результате прогресса от деспотических форм государства человечество перешло к более совершенным и развитым институтам. В праве протекает тот же процесс. «Право прошло большой путь от социальной критики, общих пожеланий и обещаний мира, благоденствия, которые содержались в самых первых законах царей раннеклассовых обществ,.. к разветвленным и все интегрирующимся в единое правовое пространство современным правовым системам.

Социально-экономические аспекты определяются сегодня в первую очередь последствиями экономического кризиса. В интересующем нас анализе это спад производства, падение спроса на рабочую силу, инфляция, обесценивание доходов и сбережений граждан, безработица, изменение качества рабочей силы. Рыночные реформы показали, что социально-экономическая трансформация по-разному отражается на положении мужчин и женщин в обществе. Целый комплекс социально-негативных факторов порождает проблемы в реализации правового статуса женщин и их боль-

¹ Борисов В. В., Витрук Н. В., Гранат Н. Л. Указ. соч. С. 308.

² См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой процесс: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996. С. 21.

³ Абашидзе В. В., Дюков Л. В., Егоров Ю. А. История отечественного государства и права / Под общ. ред. О. И. Чистякова. 2-е изд. М., 1992. С. 6.

шое количество: это насилие в семье, рост уровня женской безработицы, снижение социальной защищенности, увеличение числа женской преступности, феминизация бедности, низкие показатели здоровья женщин, увеличение занятости женщин в неформальном секторе экономики и др.

Политические аспекты правового статуса женщин задаются характером и природой власти в обществе и всей системой отношений власти и подчинения. Государство как важнейший политический институт формирует и реализует конкретную идеологическую модель общества, иницируя определенные ценности и нормы социальной жизни, в том числе законодательно закрепляет правовой статус женщины.

В отечественной правовой доктрине справедливой является точка зрения, согласно которой “возникновению тех или иных политических или правовых учреждений обычно предшествуют соответствующие идеи”¹.

К сожалению, в мировой практике осмысления гендерных вопросов нередко преобладал дискриминационный подход, утверждающий неравную ценность мужчины и женщины.

Убеждения в недееспособности женщин высказывали многие общественно-политические мыслители. Немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860) считал, что женщина не способна усвоить абстрактную идею (например, идею справедливости) без учета конкретных обстоятельств. Поэтому женщины (точнее, люди с женским способом восприятия) не способны к беспристрастным суждениям и не могут, например, быть судьями².

Жан-Жак Руссо (1712–1776), Иммануил Кант (1724–1804) в своих философских трудах также отмечали, что мужчины и женщины, рабы и свободные не могут обладать равными правами.

Именно идеи и взгляды прогрессивных мыслителей изменили существующие устои и сподвигли женщин и общество на

борьбу за равные права. Основательница феминистского движения Мери Уоллстонкрафт доказала, что система воспитания неизбежно приводит к женским недостаткам, за которые она так часто критикуется. В своей работе она объясняет неравенство социальными предрассудками: «Если женщины способны в действительности вести себя как разумные существа, то нельзя обращаться с ними как с рабынями»³.

Исходя из вышеизложенного следует отметить важность историко-сравнительного подхода в изучении генезиса правового статуса женщин, поскольку историко-правовая наука, обобщая опыт прошлого, помогает познать и использовать закономерности общественного развития в построении гражданского общества, основанного на принципах законности и правопорядка. Наша исследовательская позиция заключается в том, что исследование правового статуса женщин в России требует обращения к глубоким корням истории, а точнее, к этапу возникновения древнейшего права на Руси. Именно эти родовые первоначальные основания, закрепленные в архитипических структурах менталитета и социальных традициях, существенно влияли и продолжают влиять на гендерное правосознание и гендерные отношения в России.

Библиографический список

1. *Латыпова, Д. Ф.* Правовое положение женщин : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – М., 2002.
2. *Лукашева, Е. А.* Правовой статус: понятие и структура / Е. А. Лукашева // *Общая теория прав человека*. – М., 1996.
3. *Матузов, Н. И.* Общая теория государства и права / Н. И. Матузов ; под общ. ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд. – М., 2004.
4. *Матузов, Н. И.* Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов, 1987.

¹ *Абашмадзе В. В., Дюков Л. В., Егоров Ю. А.* Указ. соч.

² См.: *Шопенгауэр А.* Мысли // Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Л., 1991. С. 189.

³ *Уоллстонкрафт М.* В защиту прав женщин // Уоллстонкрафт М. Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 24.

С. С. Вележев,
*адъюнкт кафедры теории
и истории государства и права
Самарского юридического института
ФСИН России,
капитан внутренней службы*

КАЗУС КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-КОНКРЕТНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Рассматривая явление юридического казуса, прежде всего следует отметить тот факт, что в отечественной юридической науке ему уделяется недостаточно внимания. Вместе с тем с пониманием явления юридического казуса связаны такие важные проблемы юридической науки, как правопонимание, эффективность механизма правового регулирования и современной системы законодательства России, а также другие важные вопросы, имеющие как теоретический, так и практический характер.

Однако не следует забывать о том, что затрагивались отдельные аспекты, посвященные изучению данного явления. Подобные исследования связаны с такими известными отечественными учеными-юристами, как Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, П. Н. Новгородцев, В. И. Михайловский, И. А. Ильин, М. М. Ковалевский, П. И. Люблинский, Е. Н. Трубецкой, Ю. И. Гревцов, А. Б. Венгеров, В. Б. Исаков, М. И. Байтин, П. А. Оль¹ и др.

¹ См.: См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1894; Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. Вып. 1–5. Статьи и речи. М., 1910; Новгородцев П. Н. Сочинения. М., 1995; Михайловский В. И. Очерки философии права. Томск, 1914; Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч. М., 1994. Т. 4; Ковалевский М. М. Социология. СПб., 1910; Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного права. М., 2004; Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. 5-е изд. М., 1919; Гревцов Ю. И. Социология права: Курс лекций. СПб., 2001; Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов. М., 1998; Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984; Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001; Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству: Моногр. СПб., 2005.

Вместе с тем исследование явления казуса в подобных работах имеет довольно узкую направленность. В связи с этим часто возникает вопрос о том, является ли казус проявлением объективной либо субъективной реальности.

В ответе на данный вопрос прежде всего следует отметить, что в философии под реальностью понимается все существующее в действительности. Объективная реальность – это то, что существует вне сознания человека, например, пространство, время, движение и др. Субъективную реальность, в свою очередь, можно определить как совокупность идеальных явлений, сотворенных сознанием и существующих в человеческом сознании (мысли, понятия, суждения), а также тот откладываемый и накапливаемый в сознании продукт, который возникает в результате активного освоения объективной действительности, ее отражение в познавательном отношении². Для решения поставленного вопроса следует более подробно охарактеризовать сущность самого казуса.

Согласно бытующему в современной отечественной науке определению под казусом понимается, во-первых, событие, которое не зависит от воли лица и поэтому не может быть предусмотрено при данных условиях; во-вторых, случайное действие, которое в отличие от умышленного или неосторожного имеет внешние признаки правонарушения, но лишено элемента вины, и следовательно, не влечет юридической ответственности; в третьих, отдельно взятое судебное дело или правовая ситуация³.

Таким образом, явление юридического казуса представляет собой прежде всего случайное событие. Оно, в свою очередь, – явление реальности, которое не может быть продуктом внутренней сущности субъекта. Его пространственно-временная характеристика зависит от внешних объективных условий. Случайное событие – это явление в его изолированности и непознанности, не-

² См.: Кикель П. В., Сороко Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов. Минск, 2006.

³ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2001. С. 244.

существующая, нехарактерная связь или момент. Оно есть момент возникновения нового явления, исключение из закономерных связей, законосообразного порядка вещей.

Случайному характеру возникновения объективного явления соответствует случайное знание о нем, т. е. случайное событие является своеобразной формой выражения незнания, так как пока мы не знаем закономерности того или иного явления, знание о нем случайно.

Следовательно, казус представляет собой случай, отражающий моменты действительности в их изолированности друг от друга, неосознанности, вследствие чего они представляются разрозненными и неожиданными.

Можно было бы сделать вывод о том, что явление юридического казуса всецело относится к проявлению объективной реальности. Однако, обращаясь к другой части вышеуказанного определения, следует отметить также его субъективные свойства, ведь случайное действие субъекта в отличие от случайного события в определенной степени формируется под воздействием именно его внутренней субъективной деятельности – ощущений, восприятия и других его психологических процессов. Таким образом, пространственно-временная характеристика юридического казуса в большей или меньшей степени предопределена внутренней психологической деятельностью субъекта.

В третьем же варианте определения казус вообще не способен существовать без наличия субъективного волевого момента. Лишь активное поведение субъекта, сопряженное с такими волевыми проявлениями, как «желание», «стремление», «целелепование», «волевое усилие», «умственное действие», «внутренний выбор» и другие, способно определить отдельно взятое правовое дело или правовую ситуацию в качестве казуса.

Говоря о субъективной и объективной природе казуса, не следует также забывать и тот факт, что в своем большинстве казусы неоднородны и существуют такие, которые способны вызывать определенные юридические последствия. Примерами по-

добных могут служить *casus belli* и *casus foederis*.

В качестве примера первого случая можно привести такую международную конфликтную ситуацию, как Карибский кризис 1962 г., вызванный размещением советских ракет среднего радиуса действия на Кубе, а также случай захвата английских морских пехотинцев иранской стороной, произошедший в 2007 г. и чуть ли не ставший причиной объявления войны Ирану.

В свою очередь, *casus foederis* представляет собой включаемое в международный договор условие, согласно которому определенные обстоятельства или юридические факты дают основания либо обязывают стороны приступить к выполнению своих обязательств. В качестве примера следует привести подписание договора в феврале 1765 г. между Россией и Данией, согласно которому случай войны с Турцией признавался причиной вступления в силу союзнических обязательств.

Таким образом, в определенных ситуациях возникновение юридического казуса зависит также от субъективно-волевых факторов, что предопределяет его представление как продукта субъективной реальности.

Кроме того, в подобных случаях сущность юридического казуса может сливаться с сущностью юридического факта. Учитывая мнение отечественного ученого-юриста В. Б. Исакова, следует отметить, что «многие факты сочетают в своем содержании элементы объективного и субъективного характера. Например, сложные юридические факты в большинстве своем не являются ни «чистыми» действиями, ни «чистыми» событиями, они объединяют элементы того и другого»¹. По мнению ученого, «Системе юридических фактов, как и многим другим правовым явлениям, свойственно тесное переплетение объективного и субъективного. «Человеческий фактор» проявляет себя в том, что именно человек выступает «автором» подавляющего большинства юридических фактов»².

¹ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 28.

² Там же. С. 60.

По нашему мнению, учитывая вышеизложенное, было бы неправильно считать юридический казус проявлением лишь объективной, впрочем, как и только субъективной реальности. В целом юридический казус следует представлять как продукт синтеза объективной и субъективной реальности.

На основе подобного понимания сущности юридического казуса возможно было бы продолжить исследование данного феномена в контексте соотношения его с нормой права, правопонимания, эффективности механизма правового регулирования и современной системы законодательства. Это позволит в дальнейшем не только дополнить полученными результатами теоретический раздел дисциплины «Теория и история государства и права», а также фило-

софии права, но и предложить варианты решения различных практических проблем, таких как излишнее абстрагирование и конкретизация, а также искаженное отражение сущностных характеристик однородной группы казусов в процессе правотворчества; неправильное познание предмета правового регулирования в процессе правореализационной деятельности; проблема эффективности абстрактной и казуальной систем законодательства и т. д.

Библиографический список

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – М., 1998.
2. Люблинский, П. И. Техника, толкование и каузистика уголовного права / П. И. Люблинский. – М., 2004.

М. А. Воронкова,
*преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РОССИИ

В соответствии со ст. 14 Конституции РФ наша страна является светским государством. Никакая религия в нем не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Однако в последние годы религия играет все более заметную роль в жизни общества и государства. Демократизация общественной жизни, упразднение тоталитарного партийно-государственного диктата, принятие в 1990 г. прогрессивного закона «О свободе вероисповеданий»¹ открыли перед религиозными объединениями небывалые возможности для полноценной жизни, восстановления канонических норм и внутреннего устройства. Последующее принятие Федерального закона «О свободе совести и о религиозных

объединениях» в 1997 г.² интенсифицировало этот процесс. В настоящее время наблюдаются значительное увеличение числа верующих, рост симпатии к религии; прослеживается стремление людей преодолеть с помощью религии социальные трудности современного общества. И несмотря на то, что некоторая часть населения это явление считает временным, своего рода данью моде, поддержкой церкви пытаются заручиться многие партии и движения неконфессионального характера, ведущие борьбу за политическую власть.

В последнее время численность религиозных организаций, обладающих в результате регистрации правоспособностью юридического лица, возросла в несколько раз (в 1990 г. – 3040, в 2005 г. – 20215). Примерно столько же существует различных религиозных групп, которые создаются без образования юридического лица. Сегодня на территории России действует более 60 конфессий, но самыми многочисленными являются православие (около 11 тыс. зарегистрированных религиозных организаций) и ислам (более 3 тыс.). Согласно социоло-

¹ См.: О свободе вероисповеданий: Закон РСФСР от 25 окт. 1990 г. № 267-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240 (утратил силу).

² См.: О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

гическим данным, около 70 % опрошенных считают себя верующими людьми¹.

Существует целый ряд причин, вызвавших повышенный интерес к религии.

1. Политические и правовые перемены, произошедшие в стране, привели к ликвидации существовавших на протяжении десятилетий официальных и неофициальных запретов и гонений на верующих. Сегодня верующим предоставлена свобода совести и вероисповедания.

2. Вследствие нестабильной экономической, политической ситуации в обществе, ухудшения экологической обстановки, а также частых межэтнических конфликтов у многих людей появилось чувство страха перед будущим и недоверия к власти. В поисках выхода из сложившихся условий жизни люди обратились к авторитету религии².

3. Разрушение системы идеалов и ценностей, которыми более 70 лет руководствовалось общество, привело к образованию духовного вакуума, который нужно было заполнить новым содержанием. А именно православные ценности за многовековую историю России стали тем фундаментом, на котором выстраивались государство и общество.

4. Стремление населения преодолеть нравственный кризис последних лет.

5. Историческая память народа запечатлела особую роль православия в кризисные, переломные периоды развития общества. В сложные времена к церкви обращаются как к надежной общественной силе, которая способна помочь народу выстоять в нелегких условиях современной жизни³.

6. Повышение национального самосознания, которое вызывает тягу людей к национальным ценностям, в том числе религиозным. Кроме того, религия сближает представителей различных национальностей, придерживающихся той или иной конфессии.

¹ См.: *Васильев Л. С.* Церковь и общество // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информ.-аналит. бюл. 2002. № 3. С. 53–56.

² См.: *Баязитов Р. К., Брушлинская О. А.* Веротерпимость и гражданское согласие // Наука и религия. 2003. № 9. С. 22–23.

³ См.: *Головкин Р. Б.* Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны, защита: Моногр. Владимир, 2005. С. 238.

Главным достижением государственной политики последних лет являются создание правовых условий для деятельности религиозных объединений и получение ими статуса юридического лица, которые были законодательно закреплены в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». В нем были пересмотрены статьи, ограничивающие права верующих и религиозных объединений. Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в Российской Федерации каждому гражданину гарантируется свобода совести, вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. Данное право предоставлено также иностранцам и лицам без гражданства, законно находящимся на территории России.

На современном этапе совершенствуется механизм судебных решений по жалобам верующих и религиозных объединений на неправомерные действия государственных органов и должностных лиц. В соответствии с Конституцией РФ и международными договорами РФ, Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» Министерством юстиции Российской Федерации зарегистрированы почти все централизованные религиозные организации, получили признание многие местные религиозные организации. Все это создает основу для успешного развития взаимоотношений государства и религиозных объединений в России.

Таким образом, можно констатировать следующее:

– в настоящее время в нашей стране созданы необходимые условия для обеспечения свободы совести, удовлетворения религиозных потребностей верующих, функционирования религиозных объединений;

– принят соответствующий закон, заложивший основы демократических взаимоотношений государства и церкви;

– определены приоритетные направления государственной политики в сфере взаимоотношения государства и религиоз-

ных объединений, а именно: обеспечение конституционного положения об отделении церкви от государства и школы от церкви, равноправие всех действующих конфессий, право граждан на свободу совести и вероисповедания; содействие религиозным организациям в реализации их уставных задач, участие церкви в служении, имеющем социальное значение;

– в Российской Федерации разрабатываются концепции государственно-конфессиональных отношений, которые важны для их гармонизации, координации деятельности и сотрудничества всех министерств и ведомств, имеющих отношение к религиозным объединениям¹.

То есть современное российское законодательство стремится к созданию действенной, адекватной времени системы мето-

дологических и правовых норм, которые способствовали бы сохранению общественного порядка в стране и соблюдению всех конституционных прав и свобод граждан, в том числе и в религиозной сфере².

Библиографический список

1. *Баязитов, Р. К.* Веротерпимость и гражданское согласие / Р. К. Баязитов, О. А. Бругилинская // Наука и религия. – 2003. – № 9.

2. *Васильев, Л. С.* Церковь и общество / Л. С. Васильев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом : информ.-аналит. бюл. – 2002. – № 3.

3. *Головкин, Р. Б.* Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны, защита : монография / Р. Б. Головкин. – Владимир, 2005.

А. И. Гудков,

*заведующий кафедрой юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ

До революции 1917 г. российское гражданское законодательство рассматривало договор перевозки в качестве отдельного вида договора подряда, не признавая его самостоятельным договором. Договор перевозки в том виде, как он был сконструирован в Общем уставе российских железных дорог и проектировался в подготовленном проекте Гражданского уложения применительно ко всем видам перевозок, рассматривался в качестве самостоятельного гражданско-правового договора, который являлся двусторонним, возмездным, реальным. Кроме того, в данном договоре, заключаемом с транспортной организацией общего пользования, можно обнаружить все признаки публичного договора, поскольку соответствующая транспортная ор-

ганизация (общественный возчик) не имела права, за исключением отдельных случаев, предусмотренных законом, отказать пассажиру или грузоотправителю в заключении договора перевозки. В настоящее время договор с транспортными организациями по способу заключения можно отнести к договорам присоединения, так как пассажир или грузоотправитель заключали договор перевозки не иначе, как присоединяясь к условиям, выработанным перевозчиком и изложенным в соответствующих правилах перевозки.

В Советском Союзе придавалось большое значение развитию транспорта как одного из основных звеньев единого народнохозяйственного комплекса страны. В соответствии с многочисленными директивными документами партии и правительства выделялись значительные материальные средства на расширение сети железных дорог; строительство новых шоссейных дорог, портов, пристаней, аэропортов; увеличение парка вагонов и иных средств передвижения; разработку и производство современных морских и воздушных судов. Устойчивыми темпами возрастали объемы пассажирских и грузовых перевозок.

¹ См.: *Володина Н. В., Кулиев И. О.* Взаимоотношения государства и религиозных объединений: опыт России и Азербайджана // Государство и право. 2002. № 9. С. 71–74.

² См.: *Защита прав и свобод граждан в современном российском обществе: Сб. науч. работ.* Владимир, 2006.

В Основах гражданского законодательства 1961 г. (далее: Основы) и Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. (далее: ГК РСФСР) содержались отдельные определения договора перевозки грузов и договора перевозки пассажиров.

Договором перевозки грузов признавался такой договор, согласно которому транспортная организация (перевозчик) обязуется доставить вверенный ей отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату (ч. 1 ст. 72 Основ, ст. 373 ГК РСФСР).

По договору перевозки пассажира перевозчик обязан был перевезти пассажира в пункт назначения, а в случае сдачи пассажиром багажа – также доставить багаж в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение багажа лицу; пассажир, в свою очередь, – уплатить установленную плату за проезд, а при сдаче багажа – за провоз багажа (ч. 2 ст. 72 Основ, ст. 374 ГК РСФСР).

Условия перевозки грузов, пассажиров и багажа и ответственность сторон в соответствии с Основами должны были определяться уставами (кодексами) отдельных видов транспорта и издаваемыми в установленном порядке правилами (ч. 3 ст. 72 Основ, ч. 1 ст. 375 ГК РСФСР). Условия перевозки грузов, пассажиров и багажа автомобильным транспортом и ответственность сторон по данным перевозкам должны были определяться в соответствии с ГК РСФСР, Уставом автомобильного транспорта РСФСР, утвержденным Советом Министров РСФСР, и издаваемыми в установленном порядке правилами автомобильных перевозок (ч. 2 ст. 375 ГК РСФСР).

Исходя из законодательного определения договора перевозки груза, можно сделать вывод, что он был сконструирован по модели реального договора. На данное обстоятельство обращали внимание многие исследователи. Например, В. Т. Смирнов отмечал: «Договоры перевозки груза являются реальными. Для их заключения недостаточно соглашения перевозчика и грузоотправителя, необходима еще и передача груза перевозчику, поскольку он обязан

доставить «вверенный» ему груз. Однако в некоторых случаях заключаются консенсуальные договоры перевозки груза. Так, консенсуальными являются договоры морской перевозки груза в форме чартера (ст. 120 КТМ СССР)»¹.

Таким образом, гражданско-правовая доктрина признавала, что договор перевозки груза может быть как реальным, так и консенсуальным. Он признавался возмездным, так как исполнение перевозчиком обязанности по перемещению груза предполагало определенное встречное предоставление со стороны грузоотправителя (провозная плата), а также двусторонним (взаимным), поскольку на стороне обоих контрагентов имелись как права, так и обязанности по отношению друг к другу.

Договор перевозки признавался самостоятельным договором, который мог быть как реальным, так и консенсуальным, но во всех случаях являлся возмездным и взаимным.

Наиболее интересным является современный этап развития института договора перевозки.

Нормы о договоре перевозки, как и об иных видах договорных обязательств, были включены в разд. IV Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ), который в качестве ч. 2 ГК РФ был принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 22 декабря 1995 г. и введен в действие с 1 марта 1996 г.²

Во время принятия и введения в действие части второй ГК РФ на территории РФ применялись ранее принятые транспортные уставы и кодексы: Кодекс торгового мореплавания Союза ССР, утвержденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1968 г.³; Устав автомобильного транспорта РСФСР, утвержденный Постановлением Совета Министров РСФСР от 8 января 1969 г. № 12⁴; Устав внутреннего водного транспорта Союза ССР, утвержденный Постановлением Сове-

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / Под ред. С. Н. Братуся, О. Н. Садикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 444.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 411.

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 39. Ст. 351.

⁴ См.: СП РСФСР. 1969. № 2–3. Ст. 8.

та Министров СССР от 15 октября 1955 г.¹; Устав железных дорог Союза ССР, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 6 апреля 1964 г. № 270²; Воздушный кодекс СССР, утвержденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 мая 1983 г.³

Все вышеперечисленные транспортные уставы и кодексы сохраняли свое действие на территории РФ с учетом правил, предусмотренных ст. 4 Федерального закона «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ, до принятия и введения в действие новых транспортных уставов и кодексов и применялись в части, не противоречащей нормам, содержащимся в гл. 40 ГК РФ.

Известно, что перевозка грузов, пассажиров и багажа осуществляется на основании договора перевозки. ГК РФ расширил сферу свободного волеизъявления сторон договора перевозки, о чем свидетельствует п. 2 ст. 784 ГК РФ: общие условия перевозки грузов, пассажиров и багажа отдельными видами транспорта, а также ответственность сторон по этим перевозкам определяются соглашением сторон, если транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами не установлено иное.

Основной договор, опосредствующий перевозки грузов, является договором перевозки грузов, сконструированным в ГК РФ, как и прежде, по модели реального договора: перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату (п. 1 ст. 785 ГК РФ). Условия такого договора перевозки должны содержаться в соответствующем транспортном документе: на железнодорожном, речном и воздушном транспорте – накладной; морском транспорте – накладной или коносаменте; авто-

мобильном транспорте – товарно-транспортной накладной или акте замера (взвешивания). Составление и выдача грузоотправителю транспортной накладной или иного соответствующего перевозочного документа одновременно служат подтверждением заключения договора перевозки грузов.

Из всех договоров перевозки в ГК РФ выделяются договоры перевозки транспортом общего пользования, когда в качестве перевозчика выступает коммерческая организация, которая в силу закона, иных правовых актов или выданного этой организации разрешения (лицензии) обязана осуществлять перевозки по обращению любого лица. Согласно ст. 789 ГК РФ перечень таких организаций, относящихся к транспорту общего пользования, должен публиковаться в установленном порядке. Договор перевозки транспортом общего пользования является публичным договором, поэтому к нему применяются правила, предусмотренные ст. 426 ГК РФ.

Как отмечалось ранее, в ГК РФ были включены лишь основные, принципиальные положения, регулирующие договор перевозки, которые представляют собой правила, применимые в равной степени к отношениям, связанным с перевозкой грузов, пассажиров и багажа различными видами транспорта. Следовательно, положения о договоре перевозки, сосредоточенные в гл. 40 ГК РФ, представляют собой некий свод правил, подлежащих применению ко всем видам перевозок. Тем самым обеспечивается единообразное регулирование сходных по существу отношений, складывающихся при перевозках грузов, пассажиров и багажа, осуществляемых всеми видами транспорта. Остальная часть правоотношений, связанных с перевозками, подлежит регулированию иными федеральными законами, в первую очередь – транспортными уставами и кодексами⁴.

К сожалению, новый Воздушный кодекс (далее: ВК РФ) не может служить образцом урегулирования отношений, связанных с воздушными перевозками, в условиях ры-

¹ См.: Устав внутреннего водного транспорта Союза ССР. М., 1956.

² См.: СП СССР. 1964. № 5. Ст. 36.

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. № 20. Ст. 303.

⁴ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Изд. 3-е. М., 2003. Кн. 1.

ночных отношений на основе принципиальных положений, содержащихся в ГК РФ. Скорее можно говорить о примере противоположного свойства, негативном нормотворчестве, в процессе которого изменяются цели отдельных транспортных уставов и кодексов (применительно к урегулированию договора перевозки), вытекающие из ГК РФ.

Необходимо отметить, что ВК РФ не только не расширил сферу регулирования деятельности гражданской авиации и договора воздушной перевозки непосредственно федеральными законами, а напротив, сузил ее и открыл неограниченный простор для ведомственного нормотворчества в данной области. Во-первых, сократился объем самого ВК РФ по сравнению с ранее действовавшим (со 153 до 137 статей), причем указанное сокращение произошло в основном за счет норм, регламентирующих коммерческую деятельность гражданской авиации (гл. XV–XVII ВК РФ), в частности, за счет правил о договоре перевозки. Во-вторых, еще в большей степени умаление роли федеральных законов (в том числе и самого ВК РФ) проявляется в том, что большое число норм, содержащихся в ВК РФ, не являются нормами прямого действия, а включают в себя отсылки к иным актам и правилам, принимаемым так называемыми специально уполномоченными органами. При этом согласно ст. 6 ВК РФ под специально уполномоченными органами понимаются федеральные органы исполнительной власти, а также органы, которым федеральным законом, указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ предоставлены полномочия федерального органа исполнительной власти в соответствующей области деятельности и на которые возложена ответственность этого органа. Из данного определения следует, что основные отношения в сфере воздушных перевозок подлежат регулированию даже не указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ, а ведомственными нормативными актами. Причем ведомственному регулированию подлежат не только отношения, связанные с коммерческими перевозками, но и в значительной степени публично-правовые от-

ношения. Так, в порядке, определяемом Правительством РФ, т. е., по существу, одним или несколькими ведомствами утверждается структура воздушного пространства (ст. 15 ВК РФ), которая предопределяет ограничения использования воздушного пространства России; осуществляется организация использования воздушного пространства (ст. 14 ВК РФ), включающая обеспечение разрешительного порядка использования воздушного пространства и контроль за его использованием; вводятся запрещения или ограничения использования воздушного пространства.

В ВК РФ имеются многочисленные проблемы в правовом регулировании воздушных перевозок, в том числе и по тем вопросам, регламентация которых в силу прямых указаний ГК РФ должна обеспечиваться транспортными уставами и кодексами. Например, в ВК РФ всего одна статья посвящена фрахтованию воздушных судов (ст. 104 ВК РФ). Однако она лишь воспроизводит ч. 1 ст. 787 ГК РФ, хотя в той же статье ГК РФ сказано, что транспортными кодексами должны быть установлены порядок заключения и форма этого договора. Нерешенными остаются вопросы о том, что представляют по своей природе и как регулируются при чартерных перевозках взаимоотношения владельца воздушного судна и чартерного фрахтователя с пассажирами и грузовладельцами.

Однако главная проблема заключается в том, что в тексте ВК РФ имеются в немалом количестве нормы, вступающие в прямое противоречие с положениями ГК РФ. Данное обстоятельство представляет собой реальную опасность деформации всей системы правового регулирования договора перевозки¹.

Согласно ст. 100 ВК РФ по договору воздушной перевозки перевозчиком признается так называемый эксплуатант, который имеет лицензию на осуществление воздушной перевозки пассажиров, багажа, грузов или почты на основании договоров воздушной перевозки. В соответствии с ч. 3

¹ Недостатки ВК РФ будут рассмотрены подробно применительно к правовому регулированию отдельных условий договора перевозки.

ст. 61 ВК РФ под эксплуатантом понимаются гражданин или юридическое лицо, имеющие воздушное судно на праве собственности, условиях аренды или ином законном основании, использующие указанное воздушное судно для полетов и имеющие сертификат (свидетельство) эксплуатанта. Из этого определения видно, что понятие «эксплуатант» введено в ВК РФ без достаточных на то оснований. В действительности под эксплуатантом имеется в виду лицо, владеющее воздушным судном на законном основании. С точки зрения русского языка и права это лицо так и следовало бы назвать «владелец воздушного судна» или «судовладелец».

Устав железных дорог РФ (далее: УЖД РФ) разрабатывался вместе с иными федеральными законами, обеспечивающими реформу железнодорожного транспорта, был принят и введен в действие одновременно с новым Федеральным законом «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ, который действительно включает в себя ряд положений, направленных на реформирование отношений собственности в сфере железнодорожного транспорта¹. Однако для введения в действие указанных положений было бы достаточно внести незначительные изменения в действующий УЖД. В связи с этим возникает вопрос о необходимости принятия нового Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации (далее: УЖТ РФ).

Ответ на данный вопрос можно найти при внимательном ознакомлении с текстом УЖТ РФ, который содержит новые положения, направленные не только на обеспечение проведения реформы железнодорожного транспорта, но и установление дополнительных преимуществ для транспортных организаций и так называемых владельцев инфраструктуры железнодорожного транспорта, в качестве которых на рынке транспортных услуг, видимо, будут действовать различные организации, образованные железнодорожным начальством. При этом ухудшается положение грузоотправителей

и грузополучателей, которые понесут дополнительные расходы на оплату услуг указанных владельцев инфраструктуры.

В УЖТ РФ включен целый ряд новых положений, значительно усложняющих структуру договорных связей, опосредующих перевозки пассажиров, грузов и багажа. В частности, заявки грузоотправителей на подачу вагонов и контейнеров должны согласовываться перевозчиками с владельцами инфраструктуры, которым следует строить свои отношения с перевозчиками на основе договоров об оказании услуг, выражающихся в предоставлении последней возможности пользоваться соответствующей инфраструктурой. В результате значительно расширится круг оснований отказа в удовлетворении заявок грузоотправителей на подачу транспортных средств (за счет возможных отказов в их согласовании со стороны «владельцев инфраструктуры»), неминуемо увеличатся тарифы за перевозки (для покрытия расходов перевозчиков на оплату услуг тех же владельцев инфраструктуры). Таким образом, новый УЖТ РФ не внес позитивных изменений в правовое регулирование перевозок грузов железнодорожным транспортом.

Следует отметить, что появились новые участники перевозочного процесса, правовой статус которых не определен. Например, так называемый оператор железнодорожного подвижного состава, в качестве которого признается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющий вагоны, контейнеры на праве собственности или ином праве, участвующий на основе договора с перевозчиком в осуществлении перевозочного процесса с использованием указанных вагонов, контейнеров.

Согласно ст. 12 Федерального закона «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ современные требования к перевозчику состоят в том, что он обязан: иметь лицензии на осуществление всех подлежащих лицензированию видов деятельности при осуществлении перевозок пассажиров, грузов, багажа или грузобагажа; владеть железнодорожным подвижным составом для осуществления перевозок на праве соб-

¹ См.: О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: Федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 17-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 169.

ственности или ином праве; иметь квалифицированных работников; заключить договор об оказании услуг локомотивной тяги, если перевозчик не имеет локомотива; заключить соответствующие договоры об оказании услуг по использованию инфраструктуры, существенными условиями которых являются организация вагонопотоков, регулирование обращения вагонов и локомотивов, установление порядка технического обслуживания и эксплуатации железнодорожного подвижного состава, ответственность сторон по обязательствам, вытекающим из договора перевозок железнодорожным транспортом.

В случае перевозки пассажиров, грузов, багажа и грузобагажа в железнодорожном сообщении (с участием нескольких владельцев инфраструктур) перевозчик до заключения договора перевозки обязан иметь договоры об оказании услуг по использованию инфраструктуры и согласовать такую перевозку со всеми владельцами инфраструктур, которые участвуют в осуществлении перевозки, а при отсутствии собственных локомотивов у этого перевозчика должны быть договоры об оказании услуг локомотивной тяги на всем пути следования пассажиров, грузов, багажа и грузобагажа.

Необходимо отметить, что перевозчиком признается организация (предприниматель), не имеющая локомотива и вынужденная по этой причине заключать с собственниками локомотивов договоры об оказании услуг локомотивной тяги, так как суть обязательства перевозчика состоит в доставке пассажира, багажа или груза в пункт назначения. Открытым остается вопрос о том, как организация может выступать в роли перевозчика и брать на себя та-

кое обязательство, не располагая собственным локомотивом.

Из анализа норм о договоре перевозки, содержащихся в гл. 40 ГК РФ, следует, что само понятие «договор перевозки» носит абстрактный характер и проявляет себя в целом ряде договоров, призванных регулировать различные отношения, связанные с перевозками грузов, пассажиров и багажа.

Таким образом, речь должна идти о системе договоров, опосредующих перевозки грузов, пассажиров и багажа, в которую наряду с договором перевозки конкретного груза входят и другие: договоры перевозки пассажира; фрахтования (чартер); соглашения между транспортными организациями об организации перевозок грузов, пассажиров и багажа; об организации перевозки грузов; об организации работы по обеспечению перевозок грузов (узловые соглашения, договоры на централизованный завоз (вывоз) грузов и др.).

Указанные договоры имеют прямое отношение к перевозкам грузов, поскольку призваны регулировать правоотношения, складывающиеся между участниками перевозочного процесса: грузоотправителем, перевозчиком, иными транспортными организациями, грузополучателем. Данные правоотношения по своей правовой природе являются гражданско-правовыми (обязательственными), вытекающими из соответствующих договоров¹.

Библиографический список

1. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Изд. 3-е. – М., 2003. – Кн. 1.
2. Комментарий к гражданскому кодексу РСФСР / под ред. С. Н. Братуся, О. Н. Садикова. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1982.

Д. В. Долотова,
*адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Рассматривая средства, приемы и способы юридической техники, применяемые в

конституционном праве, необходимо сразу сделать оговорку: в принципе они мало чем отличаются от того арсенала средств, которые используются и в других правовых дисциплинах. Имеющиеся различия обусловлены преимущественно спецификой подлежащего обработке нормативного массива, а также необходимостью более ин-

¹ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч.

тенсивного применения того или иного юридического приема.

В конституционном праве субстрат знаний – это возможно полное обладание понятийным аппаратом соответствующих правовых отраслей. Одним из главных условий этого является наличие отработанных определений. Создание «продуманной» системы определений – одно из действенных средств юридической техники¹. Значимость определений не стоит недооценивать, чем нередко грешат отдельные авторы, стремясь во что бы то ни стало сконструировать, может, не очень оригинальное, но все-таки собственное определение того или иного понятия. При этом «дать надлежащую формулу, – пишет Н. Н. Полянский, – определяющую юридический термин, это иногда может иметь значение не меньше, чем иное даже серьезное техническое открытие»².

Определение конституционно-правового явления должно представлять собой краткую формулировку, в которой концентрированно отражены наиболее существенные черты определяемого понятия – его содержания и формы.

Основные требования к любому определению таковы: оно должно быть кратким, лаконичным и, по возможности, афористичным. Многие определения выдающихся юристов прошлого, отвечающие данным требованиям, – бесценное достояние и нашего времени.

По большей части определения – плод научных изысканий. Подобные определения, исходящие от ученых, называют «доктринальными». Другие определения, содержащиеся в законах, различного рода нормативных правовых актах, постановлениях Конституционного суда РФ, а также в разъяснениях Верховного или Высшего арбитражного судов, именуются «легальными». Имея правовой характер, они обладают обязательной силой.

В основном закон если и включает в себя определения, то краткие, выражающие самую суть того или иного понятия. Авторские же определения, как правило, более подробны и поэтому нередко чересчур сложны и объемны, поскольку их создатели, стремясь к полноте, включают в их формулировку наряду с существенными признаками того или иного определяемого понятия и второстепенные. Подобное желание отразить, по возможности, все стороны понятия вполне понятно, однако это может осложнить восприятие чрезмерно развернутого текста и сделать недоступным его запоминание.

«Определение – видимое выражение другого более важного технико-правового построения, т. е. юридической конструкции соответствующего назначения. Она носит либо правовой, либо организационно-правовой характер. Это некая модель, способная оптимально выразить государственную волю и предусмотреть механизм ее осуществления. Официальные чертежи такой модели воспроизводятся в конституции, в законе, в иных нормативно-правовых актах. В силу их обязательного характера данная конструкция становится действующим правовым механизмом»³.

В конституционном праве организационно-правовые конструкции могут принимать самые разнообразные формы: от правового государства до низового органа местного самоуправления. Одной из оптимальных конструкций является формирование правового статуса. Этот термин может быть использован в конституционном праве для обозначения самых различных правовых образований: конституционного статуса Российской Федерации, ее субъектов, Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ и др.

С помощью разработанных юридической техникой приемов и способов правовой массив структурируется. В нем, в частности, выделяются правовые отрасли (подотрасли). Далее составляющие их нормы распределяются по юридическим институтам. В основу последних кладется общность предмета правового регулирования.

¹ См.: Воеводин Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1997. № 3. С. 22.

² Полянский Н. Н. О терминологии советского закона // Проблемы социалистического права: Сб. М., 1938. Вып. 5. С. 132.

³ Воеводин Л. Д. Указ. соч. С. 23–24.

Таким образом, институт – это совокупность правовых норм, которая закрепляет и регулирует однородные или достаточно близкие по содержанию отношения. Институализация правовых норм является одной из центральных юридико-технических операций. От ее качественного проведения во многом зависит юридическая деятельность и на нормотворческой, и на правоприменительной стадиях.

Установление единства и различия между отдельными юридическими феноменами по их содержанию и форме может служить отправной точкой еще для одной операции в сфере обработки конституционно-правового массива – для различных приемов классификации.

Классификация, по мнению Л. Д. Воеводина, в конституционном праве принадлежит к числу наиболее результативных средств обработки правовых норм¹. Научно обоснованная классификация – тот самый прием, который наиболее полно выражает глубину восприятия. Поэтому его широкое использование, особенно в научной и учебной литературе, – настоятельная потребность. Подлинно научная классификация должна отвечать общим требованиям. Во-первых, классифицировать можно не все правовые явления, а только те из них, которые имеют относительно сложную и при этом делимую структуру. Во-вторых, подлежащие классификации явления должны быть близкими, а не разнородными по своему характеру. В-третьих, в основе сколько-нибудь серьезной классификации должно лежать единое основание. Только тогда классифицированный ряд может обрести стройность и научную значимость. В-четвертых, классификация нужна и ценна не сама по себе, а лишь в том случае, если содержит новую информацию, ведет к обоснованию новых выводов.

В конституционном праве юридическая техника ориентирует на дифференцированный подход к служебной роли образующих его норм. В его составе, помимо принципов и доктрин, имеются отсылочные нормы, устанавливающие, делегирующие, предоставляющие полномочия одного органа дру-

гому, и такие редкие для этой отрасли феномены, как презумпции и фикции.

Юридическая техника предусматривает и метод исключения, т. е. предоставление различного рода льгот и преимуществ, а также установление ограничений. Поскольку нормы конституционного права носят весьма обобщенный характер, их регулирующее воздействие распространяется на всех граждан и неграждан, а как известно, население страны неоднородно и различается по многим признакам, то для того чтобы приспособить общую норму к конкретным ситуациям в отношении той или иной категории лиц, необходимо предусмотреть изъятия из общего правила. Часть таких изъятий можно встретить в тексте Конституции РФ, но обычно они предусматриваются текущим законодательством. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 40 Основного закона и вопреки общему правилу «малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами».

Подобно другим отраслям, конституционное право, как уже отмечалось, тоже знает метод установления презумпций.

Ранее в науке конституционного права презумпция и тем более фикция в качестве элементов юридической техники, как правило, не только не рассматривались, но и вообще не упоминались. Видимо, для этого имелись веские основания. Одно из них заключается в том, что конституционное право, будучи в высшей степени обобщенным, в основном строго императивно. Между тем в конституционно-правовом материале эти элементы есть. Однако они выражены не столь ясно, как в других отраслях, но их учет необходим для более четкого представления о конституционном праве.

Презумпция в конституционном праве – это правовая установка, которая имеет такой авторитет, что не нуждается в доказательствах². Иначе говоря, указанная правовая установка приобретает характер аксиомы. К числу презумпций в конституцион-

¹ См.: Воеводин Л. Д. Указ. соч. С. 25–26.

² См.: там же. С. 27.

ном праве можно отнести следующие положения: «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17) или «неопубликованные законы не применяются» (ч. 3 ст. 15); «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом» (ч. 1 ст. 118); «никто не может быть признан виновным в совершении преступления, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1 ст. 49); «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (ч. 1 ст. 50). В один ряд с приведенными положениями могут быть поставлены и конституционные предписания типа «закон, устанавливающий или отягчающий ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением» (ч. 1, 2 ст. 54).

Возможно, если продолжить анализ подобных презумпций, то можно найти и другие варианты.

В конституционном праве используются и такие элементы юридической техники, которые принято называть фикциями. Фикцию нельзя путать с фиктивностью закона или другого нормативного акта. Фиктивность в строгом значении слова означает неспособность того или иного правового акта быть действенным инструментом претворения в жизнь поставленных перед ним целей.

Фикции как юридико-технический прием содержат положения, рекомендуемые оптимальный выход из ситуации, которая психологически, социально, политически не поддается строгому учету. Наиболее известной фикцией является утверждение: «Незнание закона не освобождает от ответственности». Понятно, что оно весьма рискованное. В самом деле, кто возьмет на себя смелость сказать, что знает все законы. Вопреки этому законодатель вынужден допустить, как принято говорить в математике, определенные погрешности. В противном случае может возникнуть весьма затруднительное положение, когда всякий правонарушитель в свое оправдание будет ссылаться на незнание закона.

В конституционном праве подобной фикцией следует признать положение, ко-

гда депутаты, президент объявляются избранными всего народа, даже если за них проголосовало значительное меньшинство избирателей. Еще одной фикцией будет то, что выигравший депутат провозглашается более достойным, чем проигравший. Как видим, без правовой фикции, хотя она в действительности и не отражает в полной мере истинного положения вещей, не обойтись.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Юридическая техника в конституционном праве полезна и необходима, поскольку она содействует упорядочению и систематизации конституционно-правовых норм и знаний, позволяет обстоятельнее освоить процесс познания, создания и применения всех норм и теоретических конструкций, составляющих конституционно-правовой массив.

2. В конституционном праве в силу его специфики наибольшее значение имеют те средства, приемы и способы, которые обладают методологическим и техническим характером.

3. Намеченная в данном случае последовательная смена одних приемов другими условна. В реальной деятельности они используются в различных комбинациях.

4. Подобно тому, как тот или иной инструмент может применяться в различных областях деятельности, средства, приемы и способы, условно объединенные в юридическую технику, не являются лишь ее достоянием. Они, будучи универсальными, употребляются в конституционном праве в соответствии с его спецификой и особенностями. Задача юриста заключается в том, чтобы овладеть ими и приспособить к обработке правового материала, решению собственных задач.

Библиографический список

1. Воеводин, Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве / Л. Д. Воеводин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 1997. – № 3.
2. Полянский, Н. Н. О терминологии советского закона / Н. Н. Полянский // Проблемы социалистического права : сборник. – М., 1938. – Вып. 5.

И. В. Дунаева,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПОНЯТИЕ «ЭЛИТА»: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Под влиянием процесса глобализации интенсивно изменяются идеи, структуры, механизмы человеческой цивилизации. Движущей силой всех этих процессов являются люди, способные осуществлять социальное, экономическое, политическое совершенствование всей человеческой цивилизации. В современной науке их называют элитой. Учитывая ее роль и место в развитии человечества, возникает необходимость четкого определения данного явления, вычленения его признаков и отличительных черт.

Необходимо отметить, что изучать человека и его деятельность необходимо комплексно, исходя из его биологических, психологических и социальных особенностей. Человеческое неравенство является фундаментом теории элит, основой которой является утверждение о наличии правящей группы (элиты) в любом обществе и организации и, следовательно, разделение любого общества на управляющих и не принимающих участия в управлении.

В современной справочной литературе существует несколько значений термина «элита». Так, в Большом российском энциклопедическом словаре под ним понимается «высший слой социальной структуры общества, осуществляющий важные социальные и культурные функции»¹. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова предлагает следующее определение данного понятия: «...лучшие представители какой-нибудь части общества, группировки и т. п.»². Данные определения отражают традиционные подходы к термину «элита».

Следует отметить, что в настоящее время осуществляются дальнейшее углубле-

ние и расширение его смыслового значения. Существуют также другие подходы к определению понятия «элита»: социально-функциональный, нормативно-ценностный и макиавеллиевский³.

При социально-функциональном подходе под элитой понимается определенная группа людей, занимающих такие социально-экономические позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обычных людей и принимать решения, имеющие серьезные последствия. Таким образом, к элите относятся те, кто занимает ключевые позиции в экономике, политике и других сферах общественной жизни. Сторонниками данного подхода являются Х. Лассуэлл, К. Мангейм, С. Куллер и т. д.

Основоположниками нормативно-ценностного подхода являются В. Парето, М. Вебер, А. Тойнби и т. д. Они считают, что принадлежность к элите определяется прежде всего наличием определенных качеств у людей, которые позволяют им быть лучшими в каком-либо виде деятельности.

Третий подход к пониманию элиты – макиавеллиевский – получил свое название от имени известного политического деятеля и мыслителя Италии Н. Макиавелли (1469–1527). Суть данного подхода состоит в признании элитарности любой власти, отрицании идей народного суверенитета, абсолютизации отношений господства и подчинения. За этой теорией кроются концепция вечного, изначального неравенства и стремление правящих группировок удерживать власть всеми имеющимися средствами.

Современная отечественная научная мысль приступила к осмыслению термина «элита» в основном после ослабления идеологического господства марксизма-ленинизма. В советский период его главным образом рассматривали с точки зрения критики буржуазной науки и буржуазного общества.

При таком многоаспектном употреблении термина «элита» существует реальная опасность утраты конкретности содержа-

¹ Большой российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1213.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 907.

³ См.: Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 285–287.

ния данного понятия. По нашему мнению, приведенные выше подходы раскрывают все новые грани многообразия особенностей данного термина, при этом происходит смешивание специальных признаков отдельных видов элит с их общими, родовыми.

Главной системообразующей идеей является постулат о человеческом неравенстве. Неравенство проявляется биологически, психологически и социально. Человек выделился из животного мира своими принципиальными биологическими отличиями, такими как вертикальное положение тела, передвижение на двух ногах, высокая степень развития рук и способность выполнять разнообразные, тонкие и высокоточные операции, большой объем головного мозга, а также речь, которая свойственна только человеку. Говоря о внутривидовом неравенстве, следует отметить, что биологические отличия, выделившие человека из биологического мира, характерны для всех индивидуумов, однако они имеют разный уровень развития. Те, кто обладал и более развитыми моторными качествами, дающими им возможность совершенствоваться в различных сферах деятельности, а также большим объемом головного мозга и развитой речью, как правило, систематически выходили победителями в борьбе за существование и более интенсивно развивались. При этом происходила внутривидовая селекция, при которой более развитые индивидуумы, объединяясь с себе подобными, создавали группы избранных (меньшинство), которые противопоставлялись массе (большинству).

Превосходство и избранность некоторых индивидов (меньшинства) над массой (большинством) являются основой создания и существования элит. Избранность отдельных индивидуумов и их групп определяется также их психологическими особенностями, которые выражаются в наличии особой предрасположенности отдельных индивидуумов к переработке поступающей информации, что дает им возможность быстро и результативно реагировать на складывающиеся обстоятельства и эффективно выбирать оптимальные способы адаптации.

Данное свойство заложено в специфическом способе мышления человека, которое Х. Хекхаузен назвал когнитивной структурированностью¹. Она обуславливает индивидуальные различия способности к переработке информации. Так, люди с низкой когнитивной способностью действуют стереотипно, не могут гибко перестраиваться в новых ситуациях, склонны к широким обобщениям, часто оказываются зависимыми от внешних обстоятельств и т. д. При усложнении ситуации у людей с высокой когнитивной структурированностью возрастает темп переработки информации, что дает им возможность справиться с более сложной обстановкой.

Таким образом, по мнению Л. Н. Васильевой, на содержание и протекание сознательных психических процессов оказывают влияние внесознательные психические процессы, которые предваряют зарождение определенных фактов сознания и предшествуют им, являясь основной изначальной реакцией на воздействие ситуации, в которой субъекту приходится ставить и решать задачи². Данное состояние получило название установки. Основным условием возникновения всякого поведения и установки к нему является наличие какой-либо потребности у субъекта, а также ситуации, в которой она могла бы быть удовлетворена.

Обобщенные установки, при помощи которых индивид приобщается к системе норм и ценностей данной социальной среды, превращаются в черты характера, т. е. совокупность устойчивых индивидуально-психологических особенностей личности. Опыт и образование являются важнейшими предпосылками приобщения индивидуума к элите.

Следует отметить, что одна из важных особенностей человека заключается в его способности к коллективной деятельности. Это привело к созданию больших и малых групп, объединенных общностью языка,

¹ См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1989.

² См.: Васильева Л. Н. Теория элит (синергетический подход) // Обществ. науки и современность. 2005. № 4, С. 77.

исторического опыта, а также способов и методов его передачи. В любом обществе (социуме) неизбежно социальное неравенство, поэтому общество состоит из нескольких социальных пластов, различающихся по уровню благосостояния людей или степени их обеспеченности. Данное разделение общества на слои (страты) получило название социальной стратификации, которая представляет собой совокупность расположенных в вертикальном порядке социальных слоев (страт). Следует заметить, что социальная стратификация рассматривается как историческое явление. Историческими типами стратификации являются: рабство, кастовый строй, сословия, классы. Для определения данных типов стратификации важно понимание основ социального разделения, т. е. причины и методы, которыми пользуются индивиды, закрепляясь в определенном слое общества.

Так, для рабства характерно деление общества на рабовладельцев и рабов. Вторые полностью бесправны, их разрешено убивать, они являются имуществом рабовладельца, т. е. закреплены за ним экономически и юридически. Примером данного типа стратификации является Древняя Греция.

При стратификации общества на касты закрепление осуществляется с помощью религии и традиций, определяется с рождения, является пожизненным. Примером такой страны может быть Индия. Там существуют 4 основные касты: брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшии (купцы), шудры (ремесленники и крестьяне) и «неприкасаемые», а также 5 тыс. неосновных каст.

Необходимо отметить, что понятие сословия принципиально отличается от понятия класса. Каждое сословие имеет свои права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе. Сословные права передаются по наследству. Представители сословия объединяются в сословные организации. Сословия обладают специфическим менталитетом. Существуют внешние признаки сословия – одежда, прически и т. п.

Разделение людей на классы характерно для индустриального общества. Классы складываются стихийно и являются открытыми для входа и выхода. Включение в них индивидов зависит от ряда факторов, таких как образование, личные качества, случай. В соответствии с законодательством в классовом обществе все граждане имеют одинаковые права и обязанности.

Возможно совмещение принципа стратификации общества на элиту и массу с вышеприведенными типами стратификации. Так, мы можем говорить о властвующей элите в рабовладельческом, кастовом, сословном, классовом обществах и определять особенности этих элит в разные исторические эпохи. В рабовладельческом обществе властвующая элита – это рабовладельцы, кастовом – высшая каста, сословном – высшее сословие (дворяне), классовом – буржуазия. Специфика теории элит заключается в том, что в ней делается акцент именно на роли правящей элиты, соответственно исследование проходит среди групп, которые обладают властью и управляют страной. Данный методологический принцип можно рассматривать как ключевой для исследования и детального анализа социальных групп, выделенных на основе общей теории стратификации.

Таким образом, элита – это *особая группа людей, выделяющаяся из социума благодаря биологическим, психологическим и социальным качествам, которые соответствуют исторически обусловленному уровню общественного развития и дающие им возможность быть лидерами социального прогресса в различных сферах человеческой деятельности, при этом обладающие возможностями контролировать и распределять основные социальные ценности.*

Библиографический список

1. *Васильева, Л. Н.* Теория элит (синергетический подход) / Л. Н. Васильева // Обществ. науки и современность. – 2005. – № 4.
2. *Тощенко, Ж. Т.* Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – М., 2001.
3. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – М., 1989.

А. Р. Ермакова,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В соответствии со ст. 8 Конституции РФ в России признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Это же положение дублируется в ст. 212 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ).

Отсюда следует, что равенство всех указанных форм собственности должно означать и равное их содержание, т. е. закрепление за всеми собственниками права владения, пользования и распоряжения принадлежащим им имуществом. Однако это правило не всегда выполняется. В частности, существует значительное количество объектов, которые в соответствии со ст. 212 ГК РФ могут находиться только в государственной собственности, что автоматически лишает собственника самого главного принадлежащего ему правомочия – распоряжения имуществом. Сразу возникают вопросы: правомерно ли в данном случае говорить о праве собственности государства на указанные объекты и если да, то может ли в зависимости от объекта меняться содержание самого субъективного права собственности?

Следует отметить, что дореволюционная российская цивилистика различала казенные вещи, принадлежащие государству «на праве частной собственности», в отношении которых «государство предстает таким же неограниченным собственником, как и частное лицо», и вещи, предоставленные в общее пользование, которые не признавались законодательством государственной собственностью, хотя и относились к государственному имуществу¹.

Таким образом, необходимо ответить на вопрос: там, где существует только один собственник, правомерно ли говорить о собственности?

¹ См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 110.

Для этого целесообразно проанализировать, какое имущество может находиться в исключительной собственности государства.

Данное имущество следует разделить на две группы.

К первой из них относятся некоторые виды природных ресурсов. Например, в соответствии со ст. 8 Лесного кодекса РФ лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности.

Однако, по нашему мнению, в этом контексте термин «собственность» использован законодателем некорректно, поскольку собственником указанного объекта может быть только одно лицо – Российская Федерация. Данный вывод подтверждает анализ положений постановления Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П, в котором отмечено, что лесной фонд «представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим»². Признание лесного фонда объектом «собственности особого рода» как нельзя лучше доказывает, что категория собственности в данном случае не соответствует аналогичной гражданско-правовой категории. Речь идет не о праве собственности государства, а о суверенном праве государства разрешать использование участков лесного фонда в хозяйственных целях, с тем чтобы подобное использование не наносило ущерба общественным интересам.

Во вторую группу объектов исключительной государственной собственности можно объединить объекты, изымаемые из гражданского оборота по соображениям общественной безопасности. Так, в соответствии с Федеральным законом «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ³ (ст. 5) в федеральной собственности могут находиться некоторые ядерные материалы.

Указанные объекты создаются трудом человека и им присущи признаки товара. Однако отсутствие у собственника воз-

² По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 янв. 1998 № 1-П // СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 429.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.

возможности распорядиться ими, пока не изменится само их назначение, мешает согласиться с применением к указанным объектам категории собственности. Последняя невозможна вне оборота. Оборот же предполагает, что право собственности на какой-либо объект могут иметь в разный момент времени различные субъекты, и, следовательно, имущество, находящееся в собственности одного субъекта, может переходить в собственность другого субъекта. Если допустить правомерность использования в данном случае термина «собственность», мы должны признать, что, например, если ядерные материалы, которые могут принадлежать только Российской Федерации, оказываются каким-либо образом во владении гражданина, то государство, чтобы отобрать их, должно воспользоваться виндикационным иском, а это противоречит природе рассматриваемых отношений. В подобных обстоятельствах ядерные материалы должны изыматься у гражданина в порядке, регулируемом публичными отраслями права, поскольку они не могут ему принадлежать в силу закона.

Таким образом, употребление термина «собственность» относительно всех объектов, которые изъяты из гражданского оборота и могут принадлежать только определенным его участникам, неправомерно. Несовершенство законодательства в этой сфере порождает неопределенность в понимании содержания права собственности. По-

А. Р. Ермакова,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
С. В. Матюшов,
курсант ВЮИ ФСИН России

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА
ВИНЫ ЛИЦ В ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА
ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ
ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ
ПРОИСШЕСТВИИ**

В настоящее время динамично развиваются отрасли и технологии, позволяющие улучшать работу предприятий, увеличивать

этому следует отказаться от категории исключительной публичной собственности, возможность существования которой предусмотрена абз. 2 п. 3 ст. 212 ГК РФ. Соответственно следует внести изменения в федеральные законы, устанавливающие исключительную принадлежность определенных объектов государству на праве собственности. В законодательстве о природных ресурсах, например, следует использовать категорию монопольного права государства разрешать вовлечение указанных объектов в гражданский оборот, а в отношении объектов, изымаемых из гражданского оборота по соображениям общественной безопасности, достаточно указания на то, что они изымаются из гражданского оборота и отношения, связанные с их использованием, не являются предметом гражданского законодательства.

Библиографический список

1. Государственная собственность в Российской Федерации: правовое регулирование, правоприменительная и прокурорская практика : науч.-практ. коммент. / И. С. Викторов [и др.] – М., 2004.
2. Кулешов, Е. Критерии формирования круга объектов государственной собственности / Е. Кулешов // Современное право. – 2005. – № 12.
3. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1995.

показатель рентабельности, а также получать признание и авторитет. Развитие техники позволяет сделать жизнь людей более комфортной, облегчает решение бытовых проблем, способствует передвижению на большие расстояния. Вместе с тем отмечается рост катастроф техногенного характера и авиакатастроф, увеличение количества дорожно-транспортных происшествий (ДТП), случаев производственного травматизма. По имеющимся данным в 2006 г. потерпели крушение 35 самолетов (гражданские, испытательные и военные)¹. В России за 2005 г. зафиксировано 12 происшествий в воздуш-

¹ См.: <http://www.latgaleonline.lv/modules.php?name=News&file=print&sid=391>: Latgale Online.

ном пространстве¹. Рост ДТП обусловлен прежде всего увеличением автомобильного транспорта, а также связан с климатическими условиями (например наступлением зимы). Следствием этого является увеличение числа гражданских дел, связанных с причинением вреда источниками повышенной опасности.

Российское гражданское законодательство поддерживает лиц, которым был причинен вред, независимо от виновности причинителя вреда.

Согласно ст. 1083 ГК РФ, несмотря на наличие вины лица, которому был причинен вред, и невиновности причинителя в случае смерти потерпевшего причинитель обязан в любом случае возместить вред, предоставлять содержание. Однако нерешенным остается вопрос о ситуации, когда грубая неосторожность или умышленное нарушение правил дорожного движения, содействовавшие возникновению или увеличению вреда при ДТП, имели место со стороны самого потерпевшего или даже третьего лица, являющегося участником дорожного движения.

Открытым остается также вопрос о справедливости того, что законодатель, как правило, возлагает все бремя по возмещению вреда на владельцев источников повышенной опасности, даже в тех случаях, когда налицо их невиновность (в независимости от того, что гражданское право предусматривает ответственность за невиновное причинение вреда).

По данным статистики, почти каждое второе ДТП создают сами пешеходы². В качестве показательного примера можно привести следующее Постановление Пре-

¹ См.: http://www.gks.ru/free_doc/2006/b06_11/17-10.htm : ФСГС РФ.

² Например, в г. Кирове почти каждое 3-е происшествие происходит по вине пешеходов (См.: <http://net.kirov.ru/auto/news/?nid=2982&nmonth=1&nyear=2004> : Вятка-на-Сети); в г. Перьми каждое 2-е ДТП связано с несоблюдением требований безопасности дорожного движения пешеходами (См.: http://www.oxpaha.ru/safenews_19_19381 : Охрана.RU); за 3 месяца 2006 г. в Архангельской области из-за нарушений правил дорожного движения пешеходами произошло 148 ДТП, в них погибли 11 человек и 141 был ранен, удельный вес таких происшествий составил 31,4 % (См.: <http://www.regnum.ru/news/627154.html> : REGNUM).

зидиума Верховного Суда РФ от 1 ноября 2000 г.

«Как установлено по делу, 9 декабря 1996 г. в 18 час. 20 мин. на ул. Сквозной в п. Сургут Сергиевского района Самарской области произошло столкновение автомобиля КамАЗ-5320 под управлением Ладонина Ю. А. и автомобиля ВАЗ-2108 под управлением Левина А. П. В результате столкновения погиб пассажир автомобиля ВАЗ-2108 Гриценко А. А., водителю Левинову А. П. и другому пассажиру Баркалову В. Е. были причинены соответственно тяжкие телесные повреждения и телесные повреждения средней тяжести.

Столкновение произошло из-за того, что около автобусной остановки «14-й склад» с правой стороны по ходу движения автомобиля КамАЗ в нарушение правил дорожного движения на проезжую часть выбежала пешеход Кюркчан И. С., создав помеху для движения КамАЗа. Водитель Ладонин Ю. А. во избежание наезда на пешехода Кюркчан И. С. выехал на полосу встречного движения, где и произошло столкновение с автомобилем ВАЗ-2108 Левина А. П.

Ладонин Ю. А. не располагал технической возможностью избежать наезда на Кюркчан И. С. путем экстренного торможения. Состав преступления в действиях Ладонина отсутствует. В отношении Кюркчан И. С. уголовное дело прекращено вследствие акта амнистии, хотя она нарушила требования пп. 4.3, 4.5 ПДД, и в ее действиях установлен состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 268 УК РФ (л.д. 14)»³.

Действия водителя Ю. А. Ладонина можно расценить как совершенные в состоянии крайней необходимости, так как он, устраняя опасность причинения вреда самому себе и пешеходу И. С. Кюркчан, выехал на полосу встречного движения, где и произошло ДТП. В данном случае нам представляется наиболее интересной ст. 1067 ГК РФ, где сказано, что «учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда

³ См.: <http://www.gai.ru/law/?id=273>: ГАИ ГИБДД МВД РФ.

полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред»¹. Основываясь на специфике причинения вреда источником повышенной опасности и ст. 1067 ГК РФ, в данном случае целесообразно говорить о солидарной ответственности И. С. Кюркчан и Ю. А. Ладонина, так как он действовал именно в ее интересах.

Вопрос о возможности применения нормы о крайней необходимости при причинении вреда источником повышенной опасности в науке вызывает много споров. В свою очередь, судебная практика свидетельствует о различных судебных решениях. Таким образом, необходимо установить соразмерность действий при крайней необходимости и причиненного вреда (например, индивид, уходя от столкновения с автомобилем, сбивает пешехода); предполагаемую степень вреда; виновность причинителя вреда и третьего лица, в интересах которого причиняется вред, и т. д. В связи с этим, по нашему мнению, подобные ситуации следует рассматривать иначе. Данный пример показал, что причиной аварии послужило нарушение правил дорожного движения со стороны пешехода. Несмотря на то, что автомобиль создает повышенную опасность для окружающих, справедливо будет также привлекать пешеходов к ответственности при их виновности в ДТП, при этом не учитывая, установлен ли состав преступления в действиях пешехода или нет, так как для привлечения к уголовной ответственности необходимо причинение тяжкого вреда здоровью (таковых последствий может и не произойти). Вместе с тем пешеход не стремился создать ДТП, однако у водителей также не было такого умысла. Следует заметить, что пешеход осознавал, что он нарушает правила дорожного движения и предвидел возможность совершения ДТП. Таким образом, нерешенным остается вопрос об ответственности пешехода, создавшего ДТП.

На основании вышеизложенного, мы предлагаем дополнить ст. 1079 действующего ГК РФ п. 4 следующего содержания:

«4. Лица, деятельность которых на момент причинения вреда третьим лицам не

была связана с повышенной опасностью для окружающих, а их виновные действия повлекли причинение вреда источником повышенной опасности, несут ответственность солидарно с владельцем данного источника».

Следует отметить, что в науке существуют и другие варианты решения данной проблемы. Так, А. Д. Власова считает, что изменения необходимо внести не в ст. 1079, а в ст. 1067 ГК РФ, дополнив ее следующим содержанием: «Вред, причиненный жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности вследствие виновного поведения третьего лица, подлежит возмещению владельцем источника повышенной опасности солидарно с таким третьим лицом»². По нашему мнению, данный подход также заслуживает внимания.

Таким образом, мы не отрицаем основную позицию гражданского законодательства в отношении деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, которая основывается на понимании, что таким объектом человек не может полностью «овладеть» (что представляет повышенную опасность для окружающих) и поэтому оно наделяет владельца источника повышенной опасности ответственностью за невиновное причинение вреда. Данные тезисы основаны на принципе гуманности и справедливости, который имеет важное значение.

Библиографический список

1. *Антимонов, Б. С.* Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности / Б. С. Антимонов. – М., 1952.
2. *Власова, А. Д.* Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004.
3. *Тархов, В. А.* Обязательства, возникающие из причинения вреда : учеб. пособие / В. А. Тархов. – Саратов, 1957.

² См.: Власова А. Д. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 4.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 2006.

С. В. Жидких,
аспирант Российского
нового университета

СИНОНИМИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Синонимы существуют во всех языках, особенно богаты ими развитые литературные языки, и чем выше степень развития литературного языка, тем сложнее, тоньше и богаче его синонимика. Словарь русского языка С. И. Ожегова предлагает следующее определение данного понятия: «Синоним – слово (или выражение, конструкция), совпадающее или близкое по значению с другим словом (выражением, конструкцией)»¹.

Слова-синонимы служат выражению тонких смысловых оттенков понятия, его экспрессии, эмоциональной и стилистической окраски.

Развитие и обогащение лексики языка происходит за счет пополнения ее новыми словами, обозначающими новые понятия. Однако изменяются также и сами понятия: они углубляются, дифференцируются, в них выдвигаются те признаки и стороны, которые оставались ранее не замеченными. Это также находит выражение в языке: появляются новые слова для их обозначения, новые значения у слов, уже имеющих в языке.

Необходимо отметить, что законодательная речь имеет свою специфику. По мнению Э. Натансона, «термин не должен иметь синонимов»².

Однако в языке законов в весьма ограниченном количестве синонимия все же используется. Это объясняется, во-первых, тем, что новая отрасль права применяет синонимические ряды традиционных отраслей. Например, экологическое право употребляло синонимы земельного, водного права («земельный участок» – «участок земли» – «уголдь»; «установление границ в натуре» – «установление границ на местности»).

Во-вторых, изменения, вносимые в традиционные отрасли законодательства, ино-

гда связаны с появлением новых терминов, однако совпадающих с теми, которые давно применяются в законе («преступление» и «деяние, содержащее признаки преступления»). В-третьих, использование синонимов позволит избежать в тексте нормативного акта повторов. Употребление синонимов в законах должно быть продуманным, осторожным и взвешенным, чтобы их наличие не исказило смысла текста самого закона.

В настоящее время предпринимаются попытки урегулировать использование синонимов. В одном из вариантов проекта Правил разработки законопроектов предусматривается: слова и термины, употребляемые в нормативных актах, должны иметь одинаковое смысловое значение, полностью исключаящее полисемию, недопустимо обозначать одно и то же понятие неодинаковыми по звучанию терминами, а также применение одного и того же термина для обозначения разных понятий; для обозначения идентичных понятий должны употребляться идентичные выражения и формулировки³.

Н. А. Власенко выдвигал следующие требования к использованию синонимов:

1) недопустимость использования квазисинонимов, т. е. слов или сочетаний, не состоящих в так называемом синонимическом родстве. Употребление квазисинонимов может повлиять на смысл норм права и способно изменить волю законодателя (например, «письменное заключение» и «экспертиза»; «согласование документа» и «получение визы» – квазисинонимы, встречающиеся в региональной нормотворческой практике);

2) недопустимость использования неточного оттеночного синонима («запрос» – «иск», «отчуждение имущества» – «распоряжение имуществом»);

3) недопустимость синонимического излишества. Обилие синонимов, их бессистемное употребление снижают эффект понимания законодательного текста. Природа

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М., 1984. С. 639.

² Натансон Э. Требования, предъявляемые к научным и техническим терминам // Науч.-техн. информ. 1966. № 1. С. 4.

³ См.: Свиридова Е. Н. За точность и единство терминологии в уголовном судопроизводстве // Тр. ВНИИСЗ. М., 1977. С. 227–228; Вып. 9. Сырых В. М. Критерии и способы выявления смысловых отношений между правовыми понятиями // Тр. ВНИИСЗ. М., 1976. Вып. 5. С. 40–52.

законодательного текста предполагает строго определенное количество синонимов¹.

С. А. Боголюбов предлагал двоякий подход к синонимии в языке правовых актов:

1) в случае составления, толкования, применения правовых актов содержание синонимов должно совпадать полностью и не иметь смысловых или каких-либо других оттенков;

2) при составлении тезауруса, нормативных предписаний, базы ЭВМ, объединении слов в «гнезда» в целях улучшения поиска информации допустимо временное отступление от категорических требований эквивалентности синонимов².

Неполное совпадение значения синонимов в тезаурусе принято называть условной синонимией. Например, признаны синонимами слова: «топливо», «горючее», «горючий материал», «топливный материал». Анализ количественных показателей использования терминов позволяет применить одно из них, добиваясь унификации языка правовых актов.

С проблемами синонимии тесно связана проблема омонимов, также имеющая своеобразное юридическое звучание и преломление. Омоним – слово, однозвучное с другим по звучанию, но отличное от него по значению³.

Наглядным примером может быть слово «долг» как обязанность (умышленное убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга) и как взятое взаймы (ответственность наследника по долгам наследодателя). Выраженные внешне одинаковой формой омонимы означают не различие в оттенках и нюансах одного и того же слова, а разные понятия: «отвод участника» – не «отвод следователя, прокурора, судьи»; «дача показаний» – не «дача за городом».

Особого смыслового вреда омонимы законодательных актов не причиняют, так

как они находятся в разных отраслях права и контекстуальное окружение точно указывает на их значение. Однако многие ученые-юристы отмечают, что при современном состоянии законодательства, которое насчитывает десятки тысяч нормативных актов, не только синонимичные, но даже те же самые слова могут использоваться законодателем в разных значениях, иметь разное содержание. Поэтому необходимо включение в ряд нормативных актов определений содержания понятий, которое для другой группы актов может оказаться иным.

Антонимия также является одним из средств законодательной техники. Антонимы – слова противоположного значения («право» – «обязанность»; «правонарушение» – «правомерное поведение»).

Применение антонимии в тексте требует соблюдения следующих положений: во-первых, принципа симметричности при использовании антонимической пары; во-вторых, по возможности необходимо избегать противопоставления многозначных слов.

По нашему мнению, следует отметить применение в законотворческой деятельности просторечной и жаргонной лексики.

Употребление жаргонной лексики в языке закона вызывает недоумение у некоторых юристов-практиков. Так, А. Бондарев, начальник юридического управления, в одной из газетных статей приводит в качестве примера ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», так как слово «отмывание» перешло в закон из языка уголовного мира⁴.

Мнение ученых по данному вопросу также неоднозначно. А. С. Пиголкин категорично утверждает: «... Хотелось бы решительно возразить против так называемого «правового жаргона», который иногда все же применяется в нормативных актах, судебных решениях, в нашей учебной и монографической литературе»⁵.

¹ См.: Власенко Н. А. Языковые и графические средства законодательной техники // Законодательная техника: Науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 153.

² См.: Боголюбов С. А. Юридическая терминология: вопросы синонимии // Тр. ВНИИСЗ. 1987. Вып. 40. С. 31.

³ Ожегов С. И. Указ. соч.

⁴ См.: Бондарев А. Язык закона – дело нешуточное // Рос. газ. 1998. 16 дек.

⁵ Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968. С. 151.

Однако в законодательных документах отмечается наличие ненормативной лексики. Это объясняется тем, что современные реалии негативно действуют на интегративную природу права. Право регулирует фактические отношения, поэтому закономерен процесс проникновения неофициальной лексики в официальный лексикон и соответственно правовые тексты¹. Кроме того, просторечная лексика и жаргонизмы всегда использовались в праве и полностью избежать этого вряд ли удастся.

По мнению Н. А. Власенко, использование неофициальной лексики в нормативных правовых текстах – явление исключительное. «Решившись на это, нормодатель должен подбирать такие языковые формы аргументированно, взвешенно, строго руководствуясь правилами юридической (нормоустановительной) техники»². Он предлагает выработать правила употребления соответствующего лексикона. Использование жаргонов допустимо:

- 1) при адаптации в общеупотребительном языке («увязка», «взаимувязка»);
- 2) в так называемых пограничных ситуациях, при которых жаргонное слово еще не назовешь общеупотребительным, но и к жаргонной лексике в полной мере его отнести тоже нельзя («разбивка», «вербовка»);
- 3) в случаях коммуникативной правовой целесообразности, т. е. когда необходимо

М. С. Каковкин,
*соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАБОТЕ СО СВИДЕТЕЛЯМИ

Как известно, в процессе расследования практически любого преступления важнейшую роль играют показания лиц, вла-

достигнуть быстрого правового эффекта, а жаргон более привычен в общеупотребительном лексиконе. Именно к данной цели стремились авторы ст. 174 УК РФ³.

Таким образом, терминология – «основа любой профессиональной информации»⁴. В языке закона термины занимают весьма малый объем, однако они являются основой применения других языковых единиц, делают законодательство более емким, избавляют его от пространных описаний и определений.

Каждой отрасли законодательства присуща своя система терминов. Задача законодателя заключается в том, чтобы при обозначении в нормативном тексте определенного понятия употреблялся один и тот же термин во избежание нечеткости, путаницы, многозначного толкования и ошибок в правовой деятельности.

Библиографический список

1. Боголюбов, С. А. Юридическая терминология: вопросы синонимии / С. А. Боголюбов // Тр. ВНИИСЗ. – 1987. – № 40.
2. Власенко, Н. А. Языковые и графические средства законодательной техники / Н. А. Власенко // Законодательная техника : науч.-практ. пособие. – М., 2000.
3. Канделаки, П. Л. Семантика и мотивированность термина / П. Л. Канделаки. – М., 1977.

деющих криминалистически значимой информацией о совершенном противоправном деянии. При этом для достижения целей уголовного судопроизводства правоприменителю необходимо тщательно исследовать сведения, полученные как от свидетелей обвинения, так и со стороны защиты. Поэтому вполне закономерно, на наш взгляд, что работа с осведомленными лицами требует от различных субъектов доказывания координации и согласованности усилий. Безусловно, формы и степень взаимодействия определяются общими и частными целями того или иного субъекта доказывания, однако их объединяет стрем-

¹ См.: Поспелова Г. Свои среди своих. Как говорит наша политическая элита // Независимая газ. 2000. 26 февр.

² Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) // Государство и право. 2000. № 11.

³ См.: там же. С. 98.

⁴ Канделаки П. Л. Семантика и мотивированность термина. М., 1977. С. 3.

ление к установлению истины в процессе расследования уголовных дел.

В криминалистической науке является традиционным определение сущности взаимодействия, главным образом, применительно к задачам, решаемым обязательными субъектами доказывания. Так, в одной из своих работ профессор С. В. Бажанов толкует взаимодействие как основанную на законе, согласованную по цели, месту и времени деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов, которая выражается в наиболее целесообразном сочетании присущих им средств и методов и направлена при организующей роли следователя на предупреждение, пресечение, раскрытие и всестороннее, полное и объективное расследование преступлений¹.

В числе наиболее общих задач взаимодействия, решаемых различными субъектами доказывания, можно выделить следующие:

- обеспечение неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий при раскрытии и расследовании преступлений;

- всестороннее и объективное расследование преступлений, своевременное изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, а также розыск скрывшихся преступников;

- осуществление мероприятий, направленных на возмещение материального ущерба, причиненного гражданам и организациям вне зависимости от форм собственности преступными действиями виновных лиц².

По нашему мнению, выделенные задачи могут быть конкретизированы применительно к согласованной деятельности субъек-

ектов доказывания (как обязательных, так и необязательных) при работе со свидетелями в процессе производства по уголовному делу. Учитывая объективные различия частных целей деятельности названных субъектов, отметим задачи, решение которых нередко предполагает объединение их усилий:

- организация и осуществление деятельности, направленной на выявление лиц, обладающих информацией, которая, по обоснованному мнению любого из субъектов доказывания, может иметь криминалистическое значение при установлении истины по уголовному делу;

- создание необходимых условий для получения информации от осведомленных лиц и использования ее в процессе доказывания;

- выявление обстоятельств, негативно влияющих на процесс формирования, получения и исследования свидетельских показаний, и принятие соответствующих мер, направленных на их преодоление;

- принятие мер по выявлению и пресечению лжесвидетельства, выяснению его истинных мотивов, а также установлению лиц, причастных к данному противоправному деянию.

Условия и специфика взаимодействия следователя с иными субъектами доказывания в целом определяются как процессуальным статусом последних (в основном адвокатов), так и позицией, занимаемой их доверителями.

Например, если лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет внутреннюю, а в последующем – выраженную готовность к конструктивному сотрудничеству со следствием, то это в значительной мере облегчает работу его адвоката-защитника по приобщению к материалам дела доказательственной информации, способствующей улучшению положения доверителя.

На наш взгляд, не вызывает сомнения, что в рассматриваемом контексте наиболее плодотворной является совместная деятельность следователя и адвоката-представителя потерпевшего. Это обусловлено содержанием целей последнего, определенных его принадлежностью к стороне обвинения.

¹ См.: Бажанов С. В. Основные направления совершенствования взаимодействия органов предварительного расследования в условиях следственно-оперативных групп: Учеб. пособие. Владимир, 1998. С. 9.

² См.: Инструкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в раскрытии и расследовании преступлений. Утв. приказом МВД России от 20 июня 1996 г. № 334 // Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел: Сб. нормат.-правовых актов: В 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 558.

Наиболее распространенными формами взаимодействия названных субъектов доказывания при работе со свидетелями являются следующие:

- совместное обсуждение вопросов, связанных с выявлением и установлением местонахождения осведомленных лиц, и координация усилий в этом направлении;

- согласование вопросов, касающихся выбора наиболее оптимальных тактических приемов, которые могут быть использованы при работе с установленным лицом, могущим обладать криминалистически важной информацией, а именно: изучение его личности, окружения, способа вызова на допрос, варианты установления необходимого психологического контакта, важнейшие аргументы для выработки устойчивой позиции свидетеля в процессе производства по уголовному делу и др.;

- выяснение целесообразности и определение примерного перечня мер по обеспечению безопасности свидетеля и членов его семьи (близких) и предотвращению фактов возможного противоправного воздействия на свидетеля со стороны заинтересованных лиц;

- выработка мер по обеспечению конфиденциальности хода и результатов следственных действий (и их комплексов¹),

А. Н. Кислицын,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРИВАТИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНКУРСНОГО ПРАВА

Формирование современного российского законодательства о несостоятельности началось в 1990 г., когда закладывались основы нормативной базы будущего Российского государства и действовал Верховный Совет РСФСР. Именно тогда были провозглашены равенство форм собственности на

¹ Подробнее об этом см.: Асташкина Е. Н., Марочкин Н. А., Михальчук А. Е. и др. Расследование преступлений. Криминалистические комплексы: Учеб.-практ. пособие. М., 2003.

проводимых со свидетелями: допросов, очных ставок, предъявления для опознания и др.

Отметим, что приведенные выше формы сотрудничества в зависимости от ситуации по делу могут иметь определенное применение и развитие, в том числе и в отношениях между следователем и адвокатом – защитником обвиняемого.

Полагаем, что подобное взаимодействие имеет положительные перспективы, учитывая значительный потенциал представителей адвокатского сообщества, использующих возможности частных детективных предприятий, правозащитных организаций, сотрудничество с которыми в значительной степени обусловлено спецификой данной правоприменительной деятельности.

Библиографический список

1. Асташкина, Е. Н. Расследование преступлений. Криминалистические комплексы : учеб.-практ. пособие / Е. Н. Асташкина [и др.]. – М., 2003.

2. Бажанов, С. В. Основные направления совершенствования взаимодействия органов предварительного расследования в условиях следственно-оперативных групп : учеб. пособие / С. В. Бажанов. – Владимир, 1998.

средства производства, свобода предпринимательства, примат международно признанных прав человека, на доктринальном уровне восстановлено деление права на частное и публичное.

Распад СССР в 1991 г., прекращение его деятельности как единого союзного государства и субъекта международного права поставили перед Россией проблему обеспечения самостоятельного государственного существования и задачу становления новой российской государственности.

На тот момент правовые основы функционирования механизма Российского государства были разнообразны и противоречивы. Они сочетали законы, унаследованные от СССР и РСФСР как его составной части, а также правовые акты, приня-

тые новым демократическим правительством и парламентом.

С принятием в 1993 г. Конституции РФ начинается период демократической республики, особенность которого заключается в обращении законодателя не только к зарубежному, но и отечественному историческому опыту республиканского строительства.

Девяностые годы XX в. характеризуются имеющимися в системе законодательства России противоречиями, возникшими исторически и юридико-технически¹. Исторически – в результате резкой смены социально-экономических условий и перехода к принципам частного права; юридико-технически – ввиду отмены лишь части ранее действовавших правовых норм; резкого отставания данного процесса и внесения изменений в ранее принятые правовые акты в соответствии с новыми правовыми установками.

Именно в такой нестабильный период в России началось осуществление приватизации. Этот термин впервые был введен в оборот в 1976 г. американским исследователем Р. Пулом в одной из публикаций, подготовленной им для периодического бюллетеня «Reason Foundation». Однако семантические истоки этого понятия восходят к 1969 г., когда П. Друкер в своей книге «Век пребывания традиций» использовал слово «реприватизация» для обозначения процесса возвращения национальных предприятий их бывшим владельцам. В словаре Уэбстера понятие «приватизация» впервые встречается в издании 1983 г. и трактуется как «преобразование общественной формы правления или собственности отдельного предприятия или отрасли в частную».

В отечественном законодательстве подобный процесс был предусмотрен Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 г. В частности, согласно ст. 10 арендаторам государственного имущества было

предоставлено право его выкупа². Термин же «приватизация» появляется только в Законе РФ «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» от 31 октября 1990 г. № 293-1³.

Содержание данного понятия было раскрыто в Законе РСФСР «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 г., ст. 25 которого устанавливала, что предприятия, имущественные комплексы, здания, сооружения и иное имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, могут быть отчуждены в частную собственность граждан и юридических лиц в порядке и на условиях, установленных законодательными актами РСФСР и республик, входящих в Российскую Федерацию, актами местных Советов народных депутатов, изданными в пределах их полномочий. Затем легальное понятие приватизации было сформулировано в ст. 1 Закона РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» от 3 июля 1991 г.⁴

Важным средством приватизации является перераспределение доходов и имущества.

Приватизация является тем звеном экономической реформы, которое одновременно создает предпосылки для реализации других направлений реформы. Она развивается в условиях изменения политической обстановки при переходе от «дирижистской» модели регулирования экономики к «неолиберальной». Обратный переход может сопровождаться процессом деприватизации. Это подтверждает постоянный характер приватизационного процесса как инструмента государственного регулирования.

На основании изучения отечественной и зарубежной истории приватизационного процесса можно сделать вывод, что каждый его шаг должен быть обоснованным, публичным и доступным народному контролю. Эффективное и поэтапное прове-

¹ См.: Литовкин В. Н., Рахмилович В. А., Садиков О. Н. Концепция развития гражданского законодательства // Правовая реформа: концепции развития российского законодательства. М., 1995. С. 74.

² См.: Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 25. Ст. 481.

³ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 22. Ст. 260.

⁴ См.: Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.

дение крупномасштабных операций по приватизации возможно при наличии и соблюдении особо важных условий, в частности, обеспечение широкого круга инвесторов, политический и социальный консенсус, постоянный и многопрофильный контроль со стороны государства. Как свидетельствует практика разных стран, отсутствие хотя бы одного из названных условий снижает результаты приватизационного процесса.

В России приватизация явилась предпосылкой формирования законодательства о несостоятельности (банкротстве). Конкурсное право – относительно самостоятельная отрасль российского законодательства, которое включает нормы (или институты) различных правовых отраслей и подвержено наиболее резким изменениям. Как известно, одни юридические понятия в процессе развития исчезают, другие появляются. Свидетельством тому служат три закона о банкротстве, принимавшиеся в постсоветское время. Первый из них – Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 был почти классическим примером «продолжниковского» закона¹. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ большинство специалистов оценивали как явно «прокредиторский», с тем лишь добавлением, что прав кредитора фактически лишилось государство в лице соответствующих органов, причем эта дискриминация касалась прав требования, вытекающих как из публично-правовых обязанностей должника, так и из его гражданско-правовых отношений с государством и его органами².

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, вступивший в силу 3 декабря 2002 г., во многом обновил правовую идеологию неизбежного в условиях рыночных отношений экономического действия – банкротства³. Данный Закон предельно расши-

рил круг лиц (субъектов экономических отношений), которые могут быть признаны банкротами. Кроме того, в нем продекларирована попытка уравнивать в правах конкурсных кредиторов и уполномоченные органы. Последние получили право участвовать в голосовании по поводу заключения мирового соглашения.

Считается, что новизна Закона обусловлена наличием в нем институтов, ранее не известных отечественному законодательству: саморегулируемые организации арбитражных управляющих; процедуры финансового оздоровления; проверки в судебном заседании обоснованности заявленных требований в целях введения процедуры наблюдения; переход из конкурсного производства во внешнее управление; установление особенностей банкротства стратегических предприятий.

По новому Закону банкротами могут быть признаны (арбитражным судом) любые коммерческие и некоммерческие юридические и физические лица, за исключением учреждений, политических партий и религиозных организаций.

Исходя из анализа указанных выше нормативных актов можно сделать вывод, что идет постепенная эволюция механизма банкротства в России и появляются новые документы, отвечающие современным реалиям. Кроме того, наблюдаются постоянное углубление, детализация правовых и организационных аспектов антикризисного управления. Однако институт банкротства в Российской Федерации еще окончательно не сформирован, поэтому в дальнейшем специалистам предстоит решить значительное количество различных проблем.

Практика применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» выявила недостатки защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в процедуре банкротства.

В настоящее время наиболее актуальными являются следующие проблемы в сфере несостоятельности (банкротства):

– содержание некоторых положений не соответствует ГК РФ и лишены правового основания;

¹ См.: Ведомости ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

² См.: СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222.

³ См.: там же. 2002. № 43. Ст. 4190.

– гражданская дееспособность (гражданина и юридического лица) является частью правоспособности, хотя понятие «правоспособность» из Закона не вытекает. Следовательно, в ГК РФ целесообразно включить статью, посвященную правоспособности юридических лиц;

– не определена правовая основа саморегулируемых организаций арбитражных управляющих;

– процедуры банкротства «непрозрачны», недостаточно урегулированы и позволяют арбитражным управляющим, а также иным участникам процесса банкротства злоупотреблять своими правами.

Приведенный перечень проблем не является исчерпывающим, поэтому существующая ситуация в сфере несостоятельности диктует необходимость внесения изменений и дополнений в действующий Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

И. В. Малышева,
адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ

При рассмотрении ответственности за любые действия, связанные с правом, возникает вопрос о принципах, признаках, стадиях и мерах юридической ответственности. Теория права подробно изучает данную ответственность, ее особенности, связь с такими правовыми категориями, как правонарушение, санкция, норма права. Существует несколько видов социальной ответственности: моральная, политическая, профессиональная и др. Изучая деятельность представителей власти и определяя меры ответственности, необходимо помнить о том, что юридическая ответственность является одним из видов социальной.

По нашему мнению, ответственность представителей законодательной власти обладает своими особенностями. Определение ее мер довольно проблематично в

В настоящее время на рассмотрение Совета Государственной думы Правительством Российской Федерации внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 145263-4, который был принят в первом чтении.

Библиографический список

1. *Литовкин, В. Н.* Концепция развития гражданского законодательства / В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович, О. Н. Садиков // Правовая реформа: концепции развития российского законодательства. – М., 1995.

2. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

3. О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации : закон РФ от 3 июня 1991 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 27. – Ст. 927.

силу различных причин объективного и субъективного порядка.

Долгое время были основания утверждать, что представители властных структур не могут совершать какие-либо неподобающие действия или правонарушения. Во-первых, это образованные, избранные народом люди, занимающие определенное положение в обществе. Во-вторых, это люди «публичной» профессии, каждое действие которых не может остаться незамеченным. Кроме того, долгие годы «социалистическая цензура» не допускала даже возможности выражения недовольства властью, анализа деятельности представителей властных структур не только в официальных источниках, но даже в обыденной жизни граждан.

Однако в настоящее время демократизация общества, свобода слова, формирование гражданского общества и построение правового государства определили приоритетными ценностями человека, его права и свободы¹. Согласно п. 1 ст. 3 Конституции

¹ См.: Конституция (Основной закон) Российской Федерации. М., 2002. 64 с. Ст. 2.

РФ единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Это кардинально меняет отношение к власти и ее представителям. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы об ответственности и правилах поведения представителей государственной власти.

Так, за последние несколько лет были лишены своих полномочий несколько десятков сенаторов Совета Федерации. Некоторые из них покинули верхнюю палату по причинам, прямо или косвенно связанным с криминальными делами. Наиболее громкими увольнениями «Российская газета» называет следующие: дело экс-сенатора от Парламента Башкирии Игоря Измestьева, арестованного в конце прошлого года; уголовное дело о хищении в отношении экс-сенатора Андрея Вавилова; осуждение сенатора от Парламента Эвенкии Василия Шахновского, получившего условный срок; уголовное дело по факту фальсификации документов о награждении жителей региона, одним из фигурантов которого является экс-сенатор Владислав Жигунов, так же подозреваемый в убийстве; обвинение сенатора из Новосибирска Алексея Мананникова, который обвиняется в мошенничестве при усыновлении детей. Одно из самых последних – подозрение бывшего представителя от Калмыкии в Совете Федерации Левона Чахмахчяна в получении взятки¹.

Следует заметить, что привлекаются к уголовной ответственности люди за хищение, мошенничество, взяточничество и иные преступления. По нашему мнению, совершение таких серьезных преступлений ассоциируется с неприкосновенностью представителей властных органов и широкими должностными полномочиями. Вместе с тем эта ответственность не связана с непосредственным исполнением предусмотренных должностных обязанностей.

Вопрос качества существующего законодательства, эффективности (неэффективности) ряда действующих законов связан с вопросом о качестве законодательно-

го процесса, что, в свою очередь, затрагивает проблему ответственности за принятые законы: кто должен нести ответственность; какова эта ответственность и какие меры этой ответственности возможны.

Рассматривая процесс создания законов, не следует говорить о привлечении к юридической ответственности, так как «юридической ответственностью называется применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в установленном процессуальном порядке»². Правовым основанием юридической ответственности являются нормы права, определяющие правовые обязанности и санкции за нарушение, а фактическим основанием юридической ответственности является правонарушение³.

Таким образом, для определения мер юридической ответственности необходимо наличие норм права, закрепляющих обязанности, однако законотворческий процесс направлен на создание норм права и определяется выделением стадий, формированием субъектного состава и др. Поэтому, по нашему мнению, следует исключить привлечение к юридической ответственности за «некачественные» законы.

Сущность ответственности заключается в обязанности индивида выполнять соответствующие политические, моральные, юридические требования, предъявляемые обществом, государством, коллективом. Поступая ответственно, с одной стороны, необходимо выбрать социальные ориентиры, с другой – использовать все имеющиеся возможности (знания, опыт), а также учитывать последствия своих действий. Возникновение ответственности возможно при условии предварительного предъявления к поведению людей определенных требований, сформулированных устно или письменно в соответствующих правилах.

² Общая теория государства и права: акад. курс: В 2 т. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2000. Т. 2. Теория права. С. 592.

³ См.: Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 101.

¹ См.: Козлова Н., Федосенко В. Экс-сенатор на допросе // Рос. газ. 2007. № 22 (4285). С. 7.

Создание законов является процессом политическим. Своеобразие политической ответственности состоит в том, что она наступает не только за виновные действия, но и за неумелость, приспособленчество, конъюнктурность, опрометчивость в вопросах политики и т. д. Ее сущность – отрицательная оценка политического поступка субъекта со стороны определенного класса, группы или общества в целом. С исполнением профессиональных обязанностей по созданию законов связана профессиональная ответственность¹. Однако недостаточно определить политическую и профессиональную виды ответственности. Необходимо их детальное изучение: условия возникновения, санкции, определяющие негативные последствия нарушения политических норм и требований, предъявляемых при осуществлении деятельности по созданию законов. Однако данные нормы и требования также формально не определены.

Ответственность за принятие законотворческих решений носит «профессиональный» характер, так как непосредственно связана с исполнением должностных обязанностей. Санкционирование, в свою очередь, ассоциируется с лишением определенных полномочий, материальных средств или льгот, предоставляемых должностью. Следует отметить существование таких предложений. Например, одним из самых строгих проступков депутатов Государственной Думы, по мнению Г. Райкова, являются прогулы. Поэтому законодателя, пропустившего по неуважительным причинам 70 % пленарных заседаний, предложено лишать месячного заработка; депутата, отсутствовавшего на работе половину положенного времени – 1/2 месячного заработка, не явившегося на 1/3 заседаний – на 1/3 соответственно. Однако по карточкам отсутствующих депутатов активно голосуют его коллеги, а следить за посещаемостью депутатов достаточно сложно².

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2004. С. 595–596.

² См.: Дульман П. С девятой попытки // Рос. газ. 2007. № 16 (4279). С. 3.

Процедура создания законов четко прописана. Однако сложность вопроса, по нашему мнению, заключается в том, что не существует ни одного количественного показателя, определяющего максимальное число законопроектов и законов.

Количественный показатель представляет собой оптимальное количество норм, необходимых для регулирования в каждой конкретной сфере общественных отношений. Вместе с тем количество норм (правил поведения) для исполнения и соблюдения ограничено. Отсутствие таких количественных показателей оказывает непосредственное влияние на качество в данном случае правового регулирования, что, в свою очередь, определяет уровень законности в государстве.

В рассмотрении определенного числа законопроектов тоже существует количественный показатель. По нашему мнению, чем меньше законопроектов будет представлено для рассмотрения, тем более качественные законы будут приниматься. По данным статистики в январе 2007 г. депутатами Государственной Думы было рассмотрено 98 законопроектов, из которых отклонено 67. На февраль запланировано 157 законопроектов, из которых к началу месяца были готовы к рассмотрению только 88³. Следует заметить, что в январе среднее количество рассмотренных за день законопроектов составляет 5,44. Кроме того, данная цифра включает и законопроекты о внесении изменений и дополнений в уже действующие законы, а также законопроекты второго и третьего чтения. Однако возможность качественного рассмотрения такого количества законопроектов по-прежнему вызывает сомнение.

Необходимо отметить также проблему некачественных законопроектов. Нередко депутаты, не являясь специалистами в области юриспруденции, самостоятельно создают законы, тогда как они должны работать уже с законопроектами, подготовленными высококвалифицированными юристами. Правотворческий дилетантизм приводит к некорректному обращению с

³ См.: Думская хроника // Рос. газ. 2007. № 21 (4284). С. 4.

законодательством и оборачивается неуважением к самому законодателю¹. В связи с этим Н. Я. Соколов указал на необходимость увеличения представительства юристов в органах законодательной власти на всех уровнях. Юристы в полном смысле должны быть творцами законопроектов. Он также предложил установление авторства законопроектов, что, по его мнению, будет способствовать не только правильной оценке вклада юристов в правотворческую деятельность, но и повышению их ответственности за состояние действующего законодательства².

Таким образом, такие разновидности социальной ответственности, как политиче-

ская, профессиональная и другие, не имеют четкого определения и требуют детального изучения, являясь немаловажными в профессиональной деятельности представителей власти.

Библиографический список

1. *Лейст, О. Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О. Э. Лейст. – М., 1981.
2. Общая теория государства и права : акад. курс. В 2 т. Т. 2. Теория права / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2000.
3. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М., 2004.

Т. В. Мартынова,

*преподаватель кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин
Краснодарского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Межнациональные отношения – сфера особо деликатного регулирования. Любое полинациональное государство станет социально более прочным, если больше внимания будет уделено регулированию отношений сосуществования представителей различных национальностей. Причем существование полинационального общества – это вопрос реальности, а только затем – права. Как верно заметил О. И. Аршба, главной целью власти являются преодоление конфронтации и угрозы непредсказуемых явлений, достижение стабильности, которая снижает или устраняет неопределенность. Если система обладает неэффективной структурой, или полна дисфункций, или имеет сомнительные (с точки зрения общественных интересов) цели, или управ-

ляется недемократическими способами, нестабильность будет возрастать³.

Межнациональные конфликты в разнообразных формах свойственны человечеству в самые различные периоды развития. По П. Сорокину, на протяжении более 24 веков истории в среднем приходилось лишь 4 мирных года на каждый год, сопровождающийся различными насильственными конфликтами серьезных масштабов (войнами, революциями, восстаниями и т. д.)⁴.

Норвежские исследователи подсчитали, что с 3600 г. до н. э. человечество лишь около 300 лет жило в условиях мира, а все остальное время воевало, проведя 14,5 тыс. войн общей продолжительностью более 26 тыс. лет и заплатив за это в качестве прямых и косвенных потерь свыше 3,5 млрд человеческих жизней⁵.

Конфликты на национальной почве в современной России оказались лишь началом того широкого спектра социальных конфликтов, которые развернулись затем во всех основных сферах нашей общественной жизни и приобрели весьма острые

³ См.: *Аршба О. И.* Этническое измерение социальной стабильности в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2001. № 2. С. 53.

⁴ Цит. по: *Кибизов А. М., Эминов В. Е.* Понятие и криминологические предпосылки изучения преступности на почве межнациональных конфликтов // Рос. следователь. 2002. № 10. С. 34.

⁵ См.: *Кибизов А. М., Эминов В. Е.* Указ. соч. С. 35

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций. С. 29.

² См.: *Соколов Н. Я.* Юридическая профессия: понятие, сущность, содержание // Государство и право. 2004. № 9. С. 29.

формы. В настоящее время специалисты насчитывают свыше 200 зон межнационального напряжения¹. Межнациональные конфликты то и дело перерастают в процессе своей эскалации в военные столкновения, чреватые большими человеческими и материальными потерями. Поэтому они не только продолжают притягивать к себе пристальное внимание, но и требуют все более организованных и целенаправленных усилий, способных обеспечить выработку и реализацию эффективных мер по их урегулированию или предотвращению.

Сейчас большое количество исследователей специально заняты анализом межнациональных конфликтов, однако процесс концептуализации последних, теоретического осмысления и практического овладения находится еще в самом начале и требует дальнейшего расширения и углубления.

Мы солидарны с мнением специалистов Проблемного центра по конфликтологии Института социологии РАН о том, что конфликтологический мониторинг и менеджмент позволили бы отслеживать зарождение конфликтных ситуаций, уровень напряженности, динамику, характер действий конфликтующих сторон и на этой основе разрабатывать и реализовывать меры по предупреждению и урегулированию конфликтов, стабилизации социальных отношений.

Конфликтологический анализ в виде соответствующей экспертизы межэтнических конфликтных ситуаций позволил бы использовать его для регулирования и разрешения реальных конфликтных столкновений.

Что касается межэтнических конфликтов, то их напряженность и размах обусловлены прежде всего как полиэтническим составом населения страны, так и значительной долей в федеративной структуре национально-государственных образований. Реальность такова, что особую остроту межэтнические отношения приобретают в автономных республиках и других территориальных субъектах Российской Федерации, поскольку именно там

ширится представление о том, что только укрепление суверенитета способно обеспечить национальные интересы. Данные интересы нередко понимаются при этом только как интересы титульной нации, а суверенитет – как перевод федеративных отношений, по существу, в конфедеративные. Вследствие этого, а также других социальных факторов создается опасность для втягивания этих национально-государственных субъектов в крупномасштабное вооруженное насилие – межэтнические войны, а также в столкновение с федеративными властями. В этой ситуации усиливается опасность превращения вооруженного столкновения в многосторонний широкомасштабный конфликт, выходящий за региональные рамки. В такой ситуации этноконфликтологическая экспертиза позволила бы выявлять конфликтогенные факторы (политические, экономические, социальные, этнические, культурные, религиозные и т. п.), вызывающие и обостряющие конфликтные ситуации, в особенности те, которые ведут к дестабилизации, вооруженному насилию, а также разрабатывать возможные меры по их нейтрализации.

Этноконфликтологическая экспертиза и составляющие ее основу мониторинг и менеджмент призваны в конечном итоге показать, что при правильной и принципиальной национальной политике центральная власть может сохранить необходимую стабильность Российского государства на почве интегративных, объединительных, партнерских усилий.

В законодательстве Российской Федерации нашла отражение сложная система гарантий, направленных на обеспечение реализации конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, а также иных обстоятельств. Достичь этого возможно путем проведения комплексных мероприятий, направленных на устранение или снижение остроты экономических, социальных, политических факторов, питающих националистические, расистские и иные экстремистские идеи.

С учетом того, что сфера этнических отношений является сегодня наиболее взры-

¹ См.: Степанов Е. И. Социальные и межнациональные конфликты: проблемы экспертного мониторинга. М., 2004. С. 4. (Национ. электрон. б-ка.)

воопасной и наименее прогнозируемой, следует особо обозначить необходимость создания в регионах общественно-государственной системы оперативного информирования об этнополитической ситуации и применения эффективных мер, предупреждающих ее нарастание.

Главной задачей такой службы стали бы защита людей, недопущение эскалации конфликтов, расширения их зоны, перерастания в вооруженные столкновения, а также обучение населения способам правильного реагирования на конфликтную ситуацию и поведения в ней.

Н. Н. Невский,
начальник кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ОПЬАНИЯ И НАРУШЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН

При рассмотрении дел об административных правонарушениях часто возникает необходимость установления факта алкогольного или наркотического опьянения. Соответствующая экспертиза имеет особое значение для административной практики, поскольку нахождение лица в состоянии опьянения является элементом ряда административных правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ): потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача (ст. 6.9); управление судном судоводителем или иным лицом, находящимся в состоянии опьянения (ст. 11.9); управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения (ст. 12.8); появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21); появление в состоянии опьянения несовершеннолетних (ст. 20.22).

КоАП РФ также содержит ряд положений, гарантирующих защиту прав лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Например, ст. 1.5 КоАП РФ, устанавливающая презумпцию невиновности, и

Библиографический список

1. *Аршба, О. И.* Этническое измерение социальной стабильности в России / О. И. Аршба // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2001. – № 2.
2. *Кибизов, А. М.* Понятие и криминологические предпосылки изучения преступности на почве межнациональных конфликтов / А. М. Кибизов, В. Е. Эминов // Рос. следователь. – 2002. – № 10.
3. *Степанов, Е. И.* Социальные и межнациональные конфликты: проблемы экспертного мониторинга / Е. И. Степанов. – М., 2004. – (Национ. электрон. б-ка).

ст. 24.1 КоАП РФ, определяющая задачи производства по делам об административных правонарушениях: всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела и т. д. Анализ КоАП РФ и постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов» от 26 декабря 2002 г. № 930¹ показал, что существующий порядок медицинского освидетельствования состояния опьянения не позволяет в полной мере реализовать задачи административного производства в части объективного и полного выяснения обстоятельств дела.

По нашему мнению, главная причина заключается в отсутствии в КоАП РФ регламентации производства медицинского освидетельствования на состояние опьянения (МОСО). Согласно ч. 6 ст. 27.12 КоАП РФ порядок производства МОСО и оформления его результатов устанавливается Правительством РФ. Это противоречит логике построения гл. 27 КоАП РФ, в которой четко определяется порядок применения всех мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, кроме МОСО, хотя оно, несомненно, относится к подобным мерам.

¹ См.: Об утверждении Правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов: [Постановление Правительства РФ от 26 дек. 2002 г. № 930] // СЗ РФ. 2002. № 52 (2 ч.). Ст. 33.

С использованным законодателем подходом можно было бы согласиться в случае рассмотрения МОСО в качестве экспертизы. Тогда в ст. 27.12 КоАП РФ достаточно было бы определить только порядок отстранения лица от управления транспортным средством. Порядок назначения и проведения экспертизы в процессе административного производства четко регламентируется соответствующими статьями КоАП РФ.

Сложность правовой регламентации МОСО связана с рядом проблем юридического и медицинского характера. Согласно ч. 1 ст. 26.4 КоАП РФ основанием для назначения экспертизы является необходимость в использовании специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. В связи с этим возникает вопрос о необходимости специальных познаний для диагностики опьянения. Анализ действующего законодательства позволяет выделить три варианта его решения.

1. Статья 27.12 КоАП РФ относит установление порядка производства МОСО к компетенции Правительства РФ. В утвержденных Правительством РФ Правилах медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов (далее: Правила) установлено, что медицинское освидетельствование проводится врачом, имеющим соответствующую специальную подготовку. В сельской местности при невозможности проведения медицинского освидетельствования врачом разрешается осуществлять его фельдшеру фельдшерско-акушерского пункта, имеющему соответствующую специальную подготовку. Таким образом, проводить МОСО могут только лица, обладающие специальными познаниями в медицине и прошедшие специальную подготовку. Следует отметить, что в Правилах нет указания на специальность врача и характер специальной подготовки. Кроме того, совершенно очевидно, что объем познаний в области медицины у врача и фельдшера существенно различается.

2. Согласно ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) для выявления состояния опьянения, если не требуется производства судебной экспертизы следователем или (при

необходимости) врачом, проводится медицинское освидетельствование. Таким образом, УПК РФ относит решение вопроса о необходимости использования специальных познаний для проведения МОСО к усмотрению правоприменителя. Следовательно вправе самостоятельно констатировать состояние опьянения и привлекать для этого любого врача, обладающего познаниями в медицине, но у которого нет специальной подготовки, а также назначить экспертизу и поручить ее производство психиатру-наркологу – врачу, имеющему специальные познания, необходимые для диагностики опьянения.

3. Согласно п. 1 ст. 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2 июля 1992 г. № 3185-1¹ диагноз психического расстройства ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами. Международная классификация болезней 10-го пересмотра относит интоксикацию психоактивными веществами (алкоголь, наркотические и одурманивающие средства, психотропные вещества) к психическим расстройствам. Пункт 1 ст. 1 данного Закона относит обследование психического здоровья граждан к оказанию психиатрической помощи. Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что диагностика опьянения (проведение МОСО) является одним из видов психиатрической помощи. В соответствии с п. 1 ст. 19 указанного Закона право на врачебную деятельность по оказанию психиатрической помощи имеет врач-психиатр, получивший высшее медицинское образование и подтвердивший свою квалификацию в порядке, установленном законодательством РФ. Таким образом, проводить МОСО имеет право только врач-психиатр.

В связи с этим открытым остается вопрос о специальности врача, привлекаемого для производства МОСО. На практике данный вопрос решается без учета действующего законодательства. Приказом Минздрава России от 27 августа 1999 г. № 337 утверждена «Номенклатура (классификатор) специальностей специалистов с выс-

¹ См.: О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

шим медицинским и фармацевтическим образованием в учреждениях здравоохранения РФ»¹, в которой в качестве самостоятельных врачебных специальностей выделены «Психиатрия» (040115) и «Психиатрия-наркология» (040116). В рамках специальности «Психиатрия» выделены две субспециальности, требующие углубленной подготовки, – «Психотерапия» (040115.01) и «Сексология» (040115.02). Согласно Перечню соответствия врачебных и провизорских специальностей должностям специалистов занимать должность психиатра-нарколога может только лицо, имеющее врачебную специальность «Психиатрия-наркология». Таким образом, только психиатр-нарколог обладает необходимыми специальными познаниями (подтвержденными соответствующим сертификатом) для проведения МОСО. Врач-психиатр, не имеющий подготовки в области наркологии и соответственно квалификации психиатра-нарколога, не может проводить МОСО.

Данный вывод подтверждается установленным порядком лицензирования медицинской деятельности. Приказом Минздрава РФ «Об организации лицензирования медицинской деятельности» от 26 июля 2002 г. № 238 утверждена Номенклатура работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи (далее: Номенклатура). В качестве самостоятельных видов медицинской деятельности, для осуществления которых необходимо получение отдельных лицензий, в Номенклатуре наряду с работами и услугами по медицинскому (наркологическому) освидетельствованию выделяются: работы и услуги по специальности «Психиатрия-наркология» (в рамках оказания амбулаторно-поликлинической помощи); наркологической экспертизе; судебно-психиатрической экспертизе; предрейсовым медицинским осмотрам водителей транспортных средств.

Таким образом, в соответствии с п. 4 Правил государственные судебно-экспертные учреждения, наркологические диспансеры и больницы, врачебные комиссии, осуществляющие предрейсовые осмотры водителей транспортных средств, не могут без соответствующей лицензии проводить МОСО.

¹ О номенклатуре специальностей в учреждениях здравоохранения Российской Федерации: Приказ Минздрава РФ от 27 авг. 1999 г. № 337.

В связи с этим представляется неправомерным положение п. 7 Правил, согласно которому в сельской местности при невозможности проведения медицинского освидетельствования врачом разрешается осуществлять его фельдшером фельдшерско-акушерского пункта, имеющим соответствующую специальную подготовку. Фельдшерско-акушерские пункты оказывают доврачебную, а также скорую и неотложную медицинскую помощь. В рамках данных видов медицинской деятельности Номенклатурой не предусмотрены работы и услуги по проведению МОСО, вследствие чего фельдшерско-акушерский пункт не может получить лицензию на работы и услуги по медицинскому (наркологическому) освидетельствованию.

Допустимость установления факта алкогольного или наркотического опьянения фельдшером вызывает сомнения и по другим основаниям. Во-первых, установление диагноза психического расстройства согласно действующему в Российской Федерации законодательству в сфере здравоохранения относится к исключительной компетенции врача, имеющего сертификат специалиста в соответствующей области. Это положение наиболее строго должно соблюдаться в тех случаях, когда установление диагноза влечет неблагоприятные правовые последствия (в данном случае – административное наказание). Во-вторых, диагностика опьянения может быть связана со значительными трудностями, например, при необходимости проведения дифференциального диагноза с другими психическими расстройствами, динамическим нарушением мозгового кровообращения, а также в случаях оценки состояния, возникшего после приема малых доз алкоголя в сочетании с приемом назначенных врачом лекарственных средств.

Единственной возможностью избежать проблем, связанных с лицензированием наркологических учреждений и отсутствием квалифицированных врачей-наркологов, прошедших необходимую для проведения МОСО подготовку, является организация химико-токсикологического исследования мочи (определение содержания в моче алкоголя, наркотических или одурманивающих веществ). Следует отметить, что в на-

стоящее время порядок этой подготовки Минздравом России не определен, отсутствуют также нормативные правовые акты Минздрава России, регламентирующие проведение МОСО. В этом случае должностное лицо, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения, в порядке, установленном ст. 26.5 КоАП РФ, решает вопрос о получении образца мочи у лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно находится в состоянии опьянения. Затем должностное лицо, осуществляющее производство по делу, выносит постановление о назначении химико-токсикологической экспертизы.

Неразвитость материально-технической базы наркологической службы исключает возможность обязательного производства химико-токсикологической экспертизы во всех случаях МОСО. Приказ Минздрава России «О мерах по совершенствованию наркологической помощи населению Российской Федерации» от 29 сентября 1997 г. № 287 предусматривает создание химико-токсикологических лабораторий только в областных (республиканских, краевых) наркологических учреждениях, одном из наркологических учреждений г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, наркологических учреждениях городов с населением свыше 500 тыс. человек. Данным обстоятельством объясняется то, что согласно п. 12 Правил химико-токсикологического исследования биологических жидкостей для установления факта опьянения проводится только в том случае, если водитель транспортного средства находится в беспомощном состоянии (тяжелая травма, бессознательное состояние и др.). Устанавливая закрытый перечень оснований для производства химико-токсикологической экспертизы, Правила существенно ограничивают права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, закрепленные в ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ, например, ходатайствовать о производстве химико-токсикологической экспертизы.

Пункт 10 Правил также следует признать противоречащим действующему законодательству и ограничивающим права граждан. Согласно указанному пункту акт медицинского освидетельствования составляется в двух экземплярах: один выда-

ется должностному лицу, доставившему водителя транспортного средства в организацию здравоохранения, второй хранится в соответствующей организации здравоохранения. Таким образом, освидетельствуемый лишается возможности своевременно ознакомиться с заключением, хотя лицо, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми материалами дела.

По нашему мнению, принципиально ошибочным решением законодателя при регламентации порядка проведения МОСО является создание нового, отличного от экспертизы института использования специальных познаний при производстве по делам об административных правонарушениях, и как следствие – нарушение прав граждан и неопределенность правового регулирования. Кроме того, лицо, проводящее МОСО, не являясь экспертом, не несет никакой ответственности за дачу заведомо ложного заключения или недобросовестное исполнение своих обязанностей. Неопределенность правового регулирования проявляется в том, что ст. 27.12 КоАП РФ и Правилами регламентируется порядок МОСО только водителей автотранспортных средств. Открытыми остаются вопросы о том, каким образом должно констатироваться состояние опьянения судоводителя или иного лица, управляющего судном, незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ; устанавливаться состояние опьянения несовершеннолетнего до 16 лет и состояние опьянения, оскорбляющее человеческое достоинство. Вероятно, во всех этих случаях должна назначаться экспертиза. Однако законодатель, создав упрощенный порядок МОСО водителей автотранспортных средств, ставит под сомнение данный вывод.

Библиографический список

1. *Бережнов, А. Г.* Права личности. Некоторые вопросы теории / А. Г. Бережнов. – М., 1991.
2. *Невский, Н. Н.* К вопросу об административной ответственности за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. / Н. Н. Невский. – Владимир, 2006. – Вып. 6.

Н. Л. Ненастьева,
*инспектор отдела по работе
с личным составом
ВЮИ ФСИН России*

ГОСУДАРСТВО КАК РЕГУЛЯТОР РОССИЙСКОЙ МЕДИА-СИСТЕМЫ

История законодательного регулирования средств массовой информации (СМИ) начинается с принятия 12 июня 1990 г. Закона СССР «О печати». Просуществовав до 27 декабря 1991 г. (до вступления в силу Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1), он оказал большое влияние на развитие законодательства о СМИ. Новый закон вобрал в себя многие характерные черты предыдущего, и по свидетельству М. Прайса¹, участвовавшего в его разработке, был практически первой попыткой законодательно установить современную структуру коммуникационной политики. Статья 3 данного Закона прямо указывает на недопустимость цензуры СМИ; ст. 4 содержит перечень допустимых запретов на содержание, и таким образом определяется зона национального интереса в формировании общественного сознания. Например, СМИ запрещено призывать к насильственному изменению существующего конституционного строя, возбуждать религиозную вражду, разжигать социальную, классовую или национальную нетерпимость либо распространять пропаганду войны. Интерес вызывает также ст. 7, в которой представлен круг лиц, имеющих право быть учредителями СМИ. Большинство исследователей отмечают, что в целом данный Закон является образцом одного из самых либеральных законов о СМИ в современном мире.

Во всех странах мира законодательство предусматривает наличие органов регулирования вещания, целью которых является выдача лицензий и (или) контроль за соблюдением законодательства о вещании.

Такие органы были созданы и в России: Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств

массовых коммуникаций², Государственный комитет по антимонопольной политике.

Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций являлось федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим разработку и реализацию государственной политики в области СМИ и массовых коммуникаций, телерадиовещания, информационного обмена, печати, издательской, полиграфической деятельности, распространения периодических изданий, книжной и иной печатной продукции, регулирования производства и распространения аудио- и видеопроductии, включая регистрацию и лицензирование в этих областях деятельности, а также координирующим деятельность иных федеральных органов.

Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации осуществляет: разработку и ведение единых общероссийских реестров СМИ и массовых коммуникаций; регистрацию СМИ и массовых коммуникаций, информационных и рекламных агентств; лицензирование телевизионного вещания, радиовещания, вещания дополнительной информации; контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации, условий регистрации и лицензий, наложение взысканий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, вынесение предупреждений; приостановление и аннулирование регистраций и лицензий в установленном порядке.

Государственный комитет по антимонопольной политике обязан осуществлять контроль за рекламой в соответствии с Федеральным законом «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ. Федеральный антимонопольный орган предупреждает и пресекает факты ненадлежащей рекламы, допущенные юридическими и физическими лицами; направляет материалы о нарушениях законодательства Российской Федерации о рекламе в органы, выдавшие лицензию для решения вопроса о приостановлении или досрочном аннулировании лицензии на осуществление соответствующего вида деятельности; направляет в органы проку-

¹ См.: Прайс М. Телевидение, телекоммуникации в переходный период. М., 2000. С. 122–124.

² Данный орган был реорганизован в Министерство культуры и массовых коммуникаций.

ратуры, другие правоохранительные органы по подведомственности материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений в области рекламы.

Рынок рекламы действительно нуждается в государственном регулировании, так как реклама является одним из главных источников доходов СМИ. Деятельность Государственного комитета по антимонопольной политике призвана останавливать монополизацию рынка рекламы. Данная проблема касается общероссийских СМИ. После образования союза Всероссийской государственной телерадиокомпании и «Видео-Интернешнл» на рынке рекламы появилась монополия на установление рекламных расценок, так как они сконцентрировали практически до 75 % всего рекламного рынка на телевидении в России.

Другим направлением деятельности Государственного комитета по антимонопольной политике является контроль за правомерным распространением рекламы, т. е. соблюдением норм, установленных Федеральным законом «О рекламе».

В 1995 г. был принят Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ, который регулирует отношения, возникающие в связи с распространением государственными СМИ материалов или сообщений о деятельности органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В том же году был принят Федеральный закон «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания в Российской Федерации» от 1 декабря 1995 г. № 191-ФЗ, который прекратил свое действие в 2005 г. В нем регулировались основные отношения СМИ, выступающих в качестве носителей экономических прав.

Помимо вышеупомянутых методов регулирования существует бюджетное финансирование СМИ. Оно прописывается ежегодно в российском законодательстве о Федеральном бюджете.

Дальнейшее развитие законодательства о СМИ связано с именем действующего Президента РФ В. В. Путина, который

9 сентября 2000 г. подписал «Доктрину информационной безопасности РФ», открывшую путь для изменения российского законодательства о СМИ. Закрепленные в первой главе национальные интересы РФ в информационной сфере получили законодательное оформление в 2002 г. в связи принятием поправок к Закону РФ «О средствах массовой информации»¹.

Следует отметить, что изменения в социальной структуре общества объективно ведут к формированию новых классов и социальных групп и создают основу для демократического переустройства общества. Новая социальная структура потребовала принципиально новых подходов к развитию демократических устоев общества в решении социальных, экономических и социально-психологических проблем.

К настоящему времени на рынке СМИ по-прежнему существуют основные собственники – группы влияния, занимающие довольно прочные позиции. Новичков в этой сфере уже практически не бывает, все действующие лица хорошо известны и пришли на рынок СМИ давно. Ключевые позиции на российском медиа-рынке занимают государственные структуры. Кроме того, в течение последних двух лет увеличилось влияние государства на формирование информационного пространства России. Получение государством контроля над двумя ключевыми для России телеканалами стало значимым моментом в формировании единого информационного пространства.

На сегодняшний день контролируемые государством телеканалы пользуются большой популярностью у зрительской аудитории. Это, в свою очередь, предоставляет новые возможности для влияния на аудиторию в рамках информационного вещания канала. Сосредоточенный в настоящее время под контролем государства медийный потенциал составляет прочную базу для реализации на практике единой информационной политики, удовлетворяющей интересы государственной власти.

¹ См.: Актуальные проблемы права СМИ: Материалы Первой рос.-амер. конф. / Под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. М., 1997. Вып. 7; Рихтер А. Г. Правовые основы свободы печати. СМИ постсоветской России / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2002. С. 156–195.

Укрепить позиции помогает и то, что государству как собственнику принадлежат печатные издания: «Российская газета», «Парламентская газета», журналы «Родина» и «Российская Федерация».

Легитимные границы использования административного ресурса при взаимодействии органов исполнительной власти федерального уровня и субъектов Федерации со СМИ регламентируются действующим общедоказательным законодательством, прежде всего, Конституцией Российской Федерации, а также рядом общедоказательных законов, в частности, «О средствах массовой информации», «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ, «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации», «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. № 2-ФЗ и др.

Федеральный закон «О средствах массовой информации» в ст. 3 гл. 1 определяет, что «Цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей не допускается». В ст. 4 той же главы: «Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости». Однако при этом в данном Законе четко не прописано, какие материалы можно определить как пропагандирующие культ насилия, а также не учитывается полная зависимость

средства массовой информации от источника его финансирования, т. е. не учитывается ситуация «добровольной цензуры», когда СМИ добровольно позволяют определять содержание своих материалов из-за боязни потерять средства к существованию.

Помимо этого в каждом субъекте Федерации взаимоотношения органов исполнительной власти и СМИ регулируются уставами субъектов Федерации, а также местным законодательством и другими нормативными правовыми актами.

Общепризнано, что российское законодательство о СМИ либерально и в целом адекватно сегодняшнему уровню развития отечественного медиа-бизнеса. Однако развитие законодательства о СМИ, как и любого другого, – процесс непрерывный, на него влияет множество объективных и субъективных факторов, которые либо ускоряют, либо тормозят этот процесс. Сегодня отечественное законодательство о СМИ претерпевает лишь отдельные трансформации, связанные с новыми экономическими и социальными реалиями.

Например, в 2006 г. в законодательство о СМИ была внесена поправка, в частности, в ст. 68 «Межмуниципальные организации» Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», согласно ч. 3 которой органы местного самоуправления могут выступать соучредителями межмуниципального печатного средства массовой информации; и в ст. 13 «Руководство контртеррористической операцией» Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, предусматривающую, что руководитель контртеррористической операции определяет представителя оперативного штаба, ответственного за поддержание связи с представителями СМИ и общественности.

Например, 19 апреля 2006 г. Государственная дума Федерального собрания РФ фактически одобрила новую концепцию борьбы с терроризмом и внесла в первом чтении ряд поправок в законодательные акты страны. Среди них – поправка в Закон РФ «О средствах массовой информации», согласно которой устанавливается запрет на распространение в СМИ сведений, раскрывающих тактику проведения контртеррористической операции либо создающих угрозу жизни и здоровью людей.

Относительно последних изменений в правовом регулировании данной сферы необходимо отметить следующее. Согласно приказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Об организации работы по предоставлению государственной поддержки в сфере периодической печати» от 4 апреля 2006 г. № 43 на получение государственной субсидии в 2006 г. могут претендовать печатные СМИ с любой организационно-правовой формой и любой тематической направленности, за исключением бюджетных учреждений, в том числе региональные и районные (городские) газеты, но только под публикацию в них социально значимых проектов, ориентированных на реализацию насущных государственных задач и приоритетов: популяризация приоритетных национальных проектов, формирование культа семьи и здорового образа жизни, борьба с коррупцией, преступностью, наркоманией, расовой и межконфессиональной рознью, обеспечение безопасности на дорогах, развитие межнационального общения и творчества народов Российской Федерации, разъяснение принимаемых законов и т. д.

По каждому тематическому направлению устанавливается минимально необходимый объем и количество публикаций. Редакциям печатных СМИ, претендующим на получение государственной субсидии, возмещаются следующие расходы, связанные с подготовкой и опубликованием со-

циально значимых материалов: авторский гонорар журналиста, подготовившего публикацию, оплата труда редактора и корректора, а также часть производственных затрат (в процентном отношении ко всем затратам, понесенным редакцией газеты, журнала или альманаха при выпуске отдельного номера издания). Данный приказ, регулирующий одну из важных сторон жизни СМИ – финансирование, существенно влияет на взаимоотношения государства и СМИ.

Таким образом, несмотря на заявления некоторых политиков о тенденциях развития свободы слова и печати, в современной России государство, умело используя правовое регулирование, ищет возможности влияния на СМИ помимо прямого владения ими. Причем данная ситуация характерна не только для национального уровня, но и проявляется в регионах.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы права СМИ : материалы Первой рос.-амер. конф. / под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. – М., 1997. – Вып. 7.
2. Прайс, М. Телевидение, телекоммуникации в переходный период / М. Прайс. – М., 2000.
3. Рихтер, А. Г. Правовые основы свободы печати. СМИ постсоветской России / А. Г. Рихтер ; под. ред. Я. Н. Засурского. – М., 2002.

А. С. Тимошук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук

Е. А. Тимошук,
лаборант кафедры
художественного образования
Владимирского государственного
педагогического университета

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРАВА – ДА ИЛИ НЕТ?

Существует позиция, согласно которой право обязательно должно выполнять воспи-

тательную функцию¹, а следовательно, кодифицировать не только запрет минимального зла, но и регулировать иные общественные отношения. Например, прелюбодеяние не преследуется в современных европейских правовых системах. Только традиционные системы права, отмеченные высокой степенью интеграции права и морали, преследуют прелюбодеяние как противоправное деяние (законодательство Израиля, законы шариата). Российская Федерация в своем правовом выборе ориентиру-

¹ См.: Тер-Акопов А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Рос. юстиция. 2003. № 9, 10, 11.

ется на концепцию либертарного европейского права, которое также имеет отдаленные корни в авраамической смысловой системе, как еврейское и исламское право, однако либертарное европейское право – это протестантская конкретизация христианской антропологии с ее характерным индивидуализмом, разделением морали и права, свободой выбора. Возникает вопрос о противоестественной для нашей страны реализации протестантской правовой антропологии. Ответ на него был бы положительным в XVIII, XIX и даже XX в., однако в современный период более контрастным становится отсутствие почвеннической правовой концепции. История абсолютистского позитивного права России (имеющая рецидивы и в актуальной политической конфигурации) обнаруживает свою тотальную неконкурентоспособность в условиях пролиферирующей индивидуации. Индивидуация – это процесс ценностно-смыслового расслоения, эксфолиации плана возможностей, доминанты полифуркации над бифуркацией. Индивидуация – это нелинейная антропология. Она означает становление номадического коллективного субъекта, который обнаруживает себя в молниеносных ситуациях одномоментного выбора одинаковых габитусов, рассыпающихся в следующее мгновение. Индивидуация считается продуктом из «европейского супермаркета», однако ее объективные причины располагаются в системогенетике глобальной культурной неоднородности.

Основной вопрос заключается в следующем: в условиях культурной неоднородности следует ли реализовывать правовую неоднородность для того, чтобы удовлетворить этноконфессиональное множество? Например, местное мусульманское право на Кавказе предписывает кровную месть, похищение невесты.

Кровная месть – это тяжкое противоправное деяние, которое преследуется уголовным законом РФ (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Однако она преследует важную цель, заключающуюся в установлении справедливости, которой, порой, не может достичь уголовно-исполнительное право. Таким образом, возникает вопрос о декриминализации кровной мести.

Похищение женщины с целью принуждения вступления в брак сейчас вызывает осуждение на Кавказе (здесь тоже наблюдается некоторая нравственно-правовая эволюция). Так, Народное собрание Республики Ингушетия в 2004 г. внесло предложение криминализировать похищение женщины с целью принуждения вступления в брак¹, однако оно не было поддержано другими субъектами Федерации, где данная проблема не актуальна. Поэтому возникает вопрос: следует ли в Российской Федерации реализовать систему правовой неоднородности?

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к теории конкретизации Р. Ингардена, польского феноменолога, ученика Э. Гуссерля, исследовавшего вопросы превращения абстрактного в конкретное². Правовая кодификация является примером реализации абстрактного с последующей конкретизацией в правоприменительной практике. Прецедентное право – это попытка отказаться от правовых абстракций в пользу конкретики бытия. Несомненно, эта система права имеет свои положительные характеристики, однако мы исходим из того, что необходимо пользоваться генерализующей функцией разума для компактности, экономичности правовых кодексов и поэтому отдаем предпочтение балансу абстрактных законов и компетентных правовых конкретизаций.

Р. Ингарден раскрыл технологию субъективной конкретизации как индивидуального «развертывания» семиотического объекта, открытия новых горизонтов смысла. Он исследовал феномен конкретизации на примере эстетических объектов (литературный текст, произведения музыки, архитектуры). Конкретизация осуществляется за счет точек неопределенности, или совокупности несказанного автором.

Р. Ингарден различает два типа точек неопределенности: точки неопределенно-

¹ О проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: [Постановление Народного собрания Республики Ингушетия от 21 окт. 2004 г. № 244]. Магас, 2004.

² См.: Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962.

сти, которые могут быть сняты, так как текст предлагает некоторую детализацию, и которые устранить нельзя, поскольку текст не содержит по ним никаких разъяснений¹. Проводя аналогию с правовой реальностью, можно также выделить два типа точек неопределенности: одни связаны с особенностями индивидуальной правовой интерпретации, другие – с потенциалами социодинамики. Соответственно точки неопределенности, связанные с правовой интерпретацией, могут быть устранены через коллективных субъектов права, в то время как векторы социодинамики сами представляют особое неоднородное, слабо прогнозируемое множество.

В процессе обращения к семиотическому объекту на стыках точек неопределенности происходит конкретизация (Гуссерль называет это переживанием аспектов интенциональных актов). Конкретизация объекта права – это способ установления связей между ценностно-смысловыми полифуркациями.

Э. Гуссерль выдвинул лозунг «назад, к вещам», полагая, что это выведет философию из патовой позиции позитивизма и идеализма: одни утверждали независимое положение объекта, а вторые – субъекта. Вместо постановки глобальных проблем бытия мира философия должна обратиться к тому, как происходит апперцепция, «схватывание» вещи в актах сознания, а также наслоение прошлого опыта, предрасудков, предположений. Конкретизация Р. Ингардена – это феноменологическая процедура, но уже не самоисследования, а функционирования сознания в поливариантных условиях.

Р. Ингарден задал важнейшую парадигму исследования траектории конкретизации, выяснения причин ее векторов. Коррелятом конкретного выступают абстрактное, универсальное. Последнее символизирует интеллектуальную борьбу с множественностью. Философы первыми пришли к выводу о том, что в мире слишком велико

разнообразие всего и предложили программу упрощения бытия через сведение его к общему, отвлеченному. Единичные вещи события теряют свою значимость по сравнению с профетическими универсализациями человека, общества, природы. Однако это рациональная изоляция таит угрозу пренебрежения осязаемым, историческим. Некоторые абстракции могут даже вредить объективности. Такова, например, идеализация природных и общественных процессов, представление их как однозначных и линейных. Трудовая и прибавочная стоимости К. Маркса являются абстракциями, не соответствующими рыночным отношениям, где цены товаров определяются издержками производства и прибылью². Естественно, что недобросовестные абстракции грозят катастрофическими конкретизациями. Царство разума – абстракция эпохи Просвещения – нашло свою конкретизацию в обезглавливающей машине, предложенной врачом Ж. Гийотеном (для реализации разумных идей равенства, братства, свободы нужно обезглавить всех неразумных)³.

Абстракция выполняет несомненные положительные функции. Она помогает находить общее, симметричное, транзитивное, выделять множества, фиксировать свойства предметов. Справедливость, равенство, свобода являются необходимыми абстракциями в либерально-демократическом праве. Прекрасное, безобразное, возвышенное, низменное – важные эстетические универсалии, без которых нельзя выразить специфику искусства. Абстракция, чтобы быть воплощенной в культуре, вынуждена постоянно конкретизироваться в неоднородных условиях. Например, абстрактный радикальный либерализм для того чтобы превратиться в реальное культурное основание массовой деятельности людей, в условиях господства массовых долиберальных ценностей неизбежно переходит в консервативный либерализм⁴.

² См.: Самарская Е. А. Социал-демократия в начале века. М., 1994. С. 46.

³ См.: Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. С. 274.

⁴ См.: Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993. С. 315.

¹ См.: Strelka J. P. Roman Ingarden's 'Points of Indeterminateness': A Consideration of Their Practical Application to Literary Criticism // Ingardeniana II. Dodrecht, 1990. P. 157–69.

И. Кант обратил внимание на антиномии абстрактного и конкретного: «Что возможно в универсальном и абстрактном познании, не всегда возможно в конкретном, потому что универсальное определение не учитывает многих предикатов, которые даются *in concreto*; поэтому то, что не противоречит *universali*, может противоречить *individuo* или *speciei*»¹.

Моральное суждение И. Канта выступает продолжением универсалистской нравственной теологии христианства, он лишь концептуализирует нравственное суждение как априорное и синтетическое. Во Франции моральный универсализм нашел воплощение в Декларации прав человека и гражданина, принятый Учредительным собранием 26 августа 1789 г. Известно, какими жертвами обернулась конкретизация универсальных нравственных идеалов «братства, равенства, свободы». И. Кант был в ужасе от результатов такой конкретизации, однако сам он так и не разрешил проблемы перехода от гомогенетики общего к гетерогенетике конкретного. Он пишет о том, что трудности перехода от абстрактного к конкретному еще более значимы для практического разума².

Возникает противоречие в том, почему же чистый теоретический разум способен лучше перейти к конкретному, чем практический разум. Чистый разум не совсем оторван от практики, естественные науки, математика могут опираться и на аналитические, постериорные суждения. Только чистая метафизика, математика и естествознание основаны на синтетических суждениях *a priori*, и по отношению к ним И. Кант справедливо задает вопрос: как они возможны?³

Ж. Лиотар, П. Бурдьё раскрыли механизмы принудительной легитимации, сим-

волического насилия⁴. Различные макронарративы удерживали тотальность социальных групп вплоть до XX в., когда произошел кризис всеобщности. Задача дискурса состоит не в насильственной унификации множества, а в установлении диалога между неоднородными культурными локальностями. Различные агенты участвуют в борьбе за конституирование и легитимацию своей номинации.

Конкретизация как никогда ранее востребована в культурной динамике вследствие усилившейся социальной атомизации. Индивид вопиет о своей уникальной потребности в самоактуализации. Экономика направлена на диверсификацию товаров потребления, политика – на работу с малыми группами, юриспруденция – на индивидуализацию наказания, образование – на выбор индивидуальной программы обучения, наука – на *case studies*, религия – на дробление, почкование и сектанство, сфера услуг – на создание собственного профиля, персонализацию имиджа. Общее состояние культуры можно охарактеризовать как ценностно-смысловое расслоение. При этом эксфолиация индивидуальности не закончена, она продолжает расти по мере того, как все новые и новые ценностно-смысловые локальности становятся доступными на «мировой ярмарке культуры».

В связи с этим в настоящее время, как никогда ранее, необходимо поднять престиж преподавания философии как наиболее генерализующей дисциплины, чтобы уравновесить крен в единичное. Конкретизация в новых культурных условиях выступает посредником, коммуникатором между разными смысловыми средами. В этом же русле мы хотели бы выступить в защиту абстрактных светских законов, являющихся буфером между этноконфессиональным множеством. Каким бы безвкусным ни казалось наднациональное, внеконфессиональное единство, оно является бессознательной необходимостью

¹ Цит. по: Ридель М. Универсализм прав человека и патриотизм (Кантовское политическое завещание нашему времени) // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996 // <http://www.philosophy.ru/iphras/library/ruspaper/riedel1.htm>.

² См.: там же.

³ См.: Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // <http://www.philosophy.ru/library/kant/metaf.html>.

⁴ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб., 1998; Бурдьё Пьер. Социология социального пространства / Пер. с фр.; Отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2005.

выживания в России. Для поддержания этого единства этноконфессиональных множеств необходимо отчуждение части своего своеобразия в пользу всеобщего правового компромисса. Многомерность и неоднородность общества требует хотя бы одного поля солидарности, так пусть это будет поле моноюридизма. Однородное секулярное право не является некоторым абстрактным внеисторическим феноменом, это лишь конкретизация христианской свободы и до сих пор является наи-

Е. В. Юдина,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ РОЛИ РЕШЕНИЙ Конституционного Суда РФ в ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В связи с реформированием политического и экономического строя России, проведением судебной реформы в российской юридической науке возник вопрос о месте и роли судебного прецедента в системе источников российского права. Актуальность изучения возможностей судебной практики выступать источником права в рамках российской правовой системы обусловлена прежде всего сменой приоритетов государственной политики, ее целевой направленности.

Значимость рассмотрения проблемы, касающейся применения в России такого источника права, как прецедент, невозможно без рассмотрения практики Конституционного Суда РФ.

Ученые-правоведы и практикующие юристы проводят исследования различных аспектов организации и деятельности Конституционного Суда РФ¹. Практика Консти-

¹ См.: Байтин М. И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С. 5–11; Кажлаев С. А. О нормотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации // Журн. рос. права. 2004. № 9. С. 26–33; Лукашевич В. З., Комарова Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации не может и не должен подменять законодателя // Правоведение. 2001. № 2. С. 53–63; Романова О. В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 84–87.

более гуманной формой унификации социальных неоднородностей.

Библиографический список

1. Зюков, А. М. Взаимосвязь уголовной и этнической политик / А. М. Зюков // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 1.
2. Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден. – М., 1962.
3. Кант, И. Критика практического разума // Сочинения. В 6 т. Т. 4. – М., 1965.

туционного Суда РФ породила ряд сложных вопросов, вызывающих интерес у российского юридического сообщества: о правовой природе и юридической силе решений, проблеме правового значения мотивировочной части решения и феномена правовой позиции, взаимоотношениях с законодателем, а также комплекс вопросов, связанных с исполнением решений Конституционного Суда РФ.

Вопрос о правовой природе решений Конституционного Суда РФ является одним из основных в отечественной теории и практике конституционного правосудия. По мнению А. А. Петрова, без четких представлений о правовой природе решений Конституционного Суда РФ невозможно правильное понимание и адекватное практическое применение данных решений, так как механизм их воздействия на законодательство и правоприменительную практику, порядок их исполнения и применения ответственности за неисполнение определяются их особой правовой природой. Кроме того, само конституционное правосудие иногда воспринимается как новое для нашего права явление, несмотря на то, что история Конституционного Суда РФ насчитывает уже более десяти лет².

Б. С. Эбзеев отмечал: «Все решения Конституционного Суда РФ являются источниками права, и им присуща материально-правовая сила закона. Прецеденты, создаваемые Судом, как и акты, собственно толкования, имеют нормативно-регулирующее значение, и в этом смысле они также

² См.: Петров А. А. К дискуссии о правовой природе решений Конституционного Суда РФ // Акад. журн. 2002. № 3.

являются высшими по своей юридической силе правовыми нормами, распространяющимися на неопределенный круг случаев и субъектов конституционных отношений... Вполне оправданным представляется включение в содержащийся в проекте ФЗ «О нормативных правовых актах Российской Федерации» перечень нормативных правовых актов нормативных постановлений Конституционного Суда РФ»¹.

Конституционный Суд РФ в качестве итоговых решений по рассмотренным делам выносит постановления, определения и заключения.

Нормативные правовые положения содержатся в резолютивных и мотивировочных частях постановлений Конституционного Суда РФ, однако их значение различно в зависимости от того, в какой части постановления они находятся. Правовые позиции, сформулированные в резолютивной части, представляют собой нормы, подлежащие беспрекословному исполнению компетентными правоприменителями. Резолютивные части не во всех постановлениях Конституционного Суда РФ содержат правовые позиции, приобретающие форму правовых предписаний (норм). В мотивировочной части постановления необходимо наличие правовых позиций, однако они часто имеют вид рассуждений.

В качестве примера можно привести определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» от 20 ноября 1995 г. и запрос Верховного суда РФ о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ. Резолютивная часть по существу запросов устанавливает лишь то, что Конституционный Суд РФ определил в рассмотрении запросов отказать. Однако в мотивировочной части указано, что регламентация оспариваемых заявителями избирательных

процедур является вопросом политической целесообразности и осуществляется законодательно.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ не разрешает пересмотр Конституционным Судом РФ его решений, однако допускает возможность изменения им его правовой позиции при разрешении последующих дел. Согласно ст. 73 указанного Закона, когда одна из палат Конституционного Суда РФ считает необходимым придерживаться иной правовой позиции, чем та, которая была сформулирована другой палатой, вопрос подлежит передаче на рассмотрение пленума Конституционного Суда. Можно предположить, что палата не вправе формулировать правовые позиции, отклоняющиеся от тех, которые содержатся в решениях Конституционного Суда, вынесенных его пленумом².

Особое место правовым позициям отводит Н. В. Витрук: «Правовые позиции Конституционного Суда есть правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации (толкования) Судом духа и буквы Конституции РФ и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции, которые снимают неопределенность в конкретных конституционно-правовых ситуациях и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда»³.

Формирование правовых позиций Конституционного Суда РФ осуществляется в процессе конституционного судопроизводства на основе рассмотрения конкретных дел, при абстрактном и конкретном нормоконтроле, разрешении споров о компетенции и т. д. Правовые позиции Конституционного Суда РФ являются результатом логико-содержательных операций, итогом

¹ Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 12.

² См.: Кондратов П. Е. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Комментарий. М., 1996. С. 228–229.

³ Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 95.

конституционного судопроизводства, лежащего в основе аргументации, обоснования итогового правового решения. Изложение правовых позиций Конституционного Суда РФ в его решениях придает им официальный характер. Согласно ст. 6. Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» они имеют такую же юридическую силу, как и сами решения, и обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Правовые позиции Конституционного Суда РФ приравниваются по юридической силе к самой Конституции РФ.

Суды, осуществляя судопроизводство, обеспечивают реальную связь между существующими социальными отношениями и юридическими нормами. Субъекты правоприменительной деятельности на основе логических законов проводят процесс квалификации, выстраивая для этого силлогизм, где роль большей посылки играет норма, а меньшей – фактические обстоятельства, исследуемые в связи с рассматриваемым делом. Они конкретизируют и детализируют общие нормы, раскрывают содержание оценочных правовых понятий и вырабатывают правовоположение¹ – прообраз полноценной нормы. Кроме того, в условиях демократической государственности невозможен отказ в правосудии (например ввиду отсутствия или неполноты закона). Поэтому суды, обнаруживая нормативные установления, консолидирующиеся с истолкованной нормой, вынуждены создавать для данного случая временные правила, которые потом часто используются практикой и законодателем. По мнению Э. Дженикса, в основе подобных судебных решений лежит специальный принцип (прием) –

¹ См., напр.: *Безина А., Лазарев В.* Конкретизация прав в судебной практике // Сов. юстиция. 1968. № 2. С. 6–7; *Судебная практика в советской правовой системе* / Под ред. С. Н. Братуся. М., 1975. С. 3–68; *Ершов В. В.* Статус суда в правовом государстве. М., 1992. С. 161–173.

аргументы в пользу вынесенного решения².

Осуществляя контроль за соответствием Конституции РФ правовым актам, издаваемым другими ветвями власти, Конституционный Суд РФ вносит значительный вклад в развитие нормотворческого процесса. Признание конкретных положений нормативных актов не соответствующими Конституции РФ является особым видом судебной деятельности. При этом акты конституционного нормоконтроля обладают общенормативным значением.

Анализ литературы и публикаций в юридической периодике показал, что среди основных проблем конституционного правосудия практически нет таких, по которым сформировалось бы полное единство взглядов у теоретиков права.

По мнению П. Е. Кондратова, «Конституционный Суд, признавая утратившими силу некоторые законы, выступает в роли как бы «негативного законодателя. Но в любом случае он не создает положительных норм. Поэтому и фактическим, и юридическим регулятором общественных отношений, в конечном счете, выступают не его решения, а Конституция и нормативные акты, принятые законодателем, Президентом, Правительством»³.

С. В. Поленина отмечала, что Конституционный Суд РФ не должен подменять законодателя, связывать его в процессе конституционного толкования обязательными установками о путях решения той или иной проблемы⁴.

Таким образом, указанные авторы принципиально не признают наличия у Конституционного Суда РФ каких-либо правотворческих возможностей именно потому, что он является органом судебной власти.

Вместе с тем существует ряд других мнений. Например, В. М. Жуйков связывает необходимость непосредственного применения норм Конституции РФ на всей территории Российской Федерации с наличием многочисленных пробелов в законо-

² См.: *Дженикс Э.* Английское право. М., 1947. С. 44.

³ *Кондратов П. Е.* Указ. соч. С. 320.

⁴ См.: *Поленина С. В.* Законодательство в Российской Федерации. М., 1996.

дательстве, исправление которых возможно в случае признания за судебной практикой функций источника права. По его мнению, правовой основой для признания судебной практики источником права является новая конституционная функция правосудия, возникшая после принятия Конституции РФ, – функция оценки федеральных законов и других нормативных актов. Таким образом, суд должен не только истолковывать закон, но и оценивать его на предмет соответствия Конституции РФ общепризнанным нормам и принципам международного права, чтобы в тех случаях, когда законодатель принял закон с нарушением данных актов, воспрепятствовать реализации его воли, отказав в применении такого закона. Эта новая функция уже сама по себе некоторым образом связана с созданием судом права¹.

Н. Л. Гранад и В. В. Лазарев полагают, что Конституционный Суд РФ официально и законно создает судебный прецедент, т. е. является субъектом правотворчества².

По мнению Л. В. Лазарева, «прецедентный характер акта конституционной юрисдикции означает, что выраженная в нем правовая позиция относительно конституционности конкретного акта или нормы является образцом (правилом), которым должны руководствоваться законодательные, судебные и иные органы, должностные лица при решении вопросов в рамках своей компетенции применительно к аналогичным по содержанию актам, нормам»³.

Необходимо отметить, что признание правотворческой функции судов в качестве источника российского права отвечает существенным тенденциям его развития, будет способствовать обеспечению основных прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, следует выделить следующие моменты, позволяющие охарактеризовать специфику положений прецедентов Конституционного Суда РФ. Прецеденты,

создаваемые Конституционным Судом РФ, по своей юридической силе стоят на уровне выше законов. Данная особенность обусловлена выполняемой им функцией контроля за конституционностью нормативных актов, предполагающей подчинение Конституционного Суда РФ Конституции РФ и Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также общепризнанным принципам и нормам международного права. Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ не является вышестоящей инстанцией для каких-либо иных судов и не выполняет функцию судебного надзора, создаваемые им прецеденты оказывают регулирующее воздействие на деятельность судов, входящих в систему судов общей юрисдикции и систему арбитражных судов.

Вместе с тем судебная власть в лице Конституционного Суда РФ уже фактически осуществляет правотворческие функции. Однако это относится не ко всем актам Конституционного Суда РФ, а только к его решениям в форме постановлений. Они принимаются по вопросам о соответствии Конституции РФ, законов и других правовых актов, разграничении компетенции между органами государственной власти, по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и др.⁴

Библиографический список

1. Жуйков, В. М. К вопросу о судебной практике как источнику права / В. М. Жуйков // Судебная практика как источник права. – М., 1997.
2. Петров, А. А. К дискуссии о правовой природе решений Конституционного Суда РФ / А. А. Петров // Государство и право. – 2001. – № 7.
3. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. – М., 1975.

¹ См.: Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнику права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 19.

² См.: Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 131.

³ Лазарев Л. В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журн. рос. права. 1997. № 11. С. 8.

⁴ См.: Марченко М. Н. Источники российского права: вопросы теории и истории. М., 2005. С. 336.

